

Рыльский авиационный технический колледж гражданской авиации –
филиал федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего профессионального
образования «Московский государственный технический
университет гражданской авиации» (МГТУ ГА)

РЫЛЬСК И РЫЛЯНЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ

Сборник материалов межрегиональной научной конференции
(г. Рыльск, 3 июня 2011 г.)

РЫЛЬСК

2012

УДК 94(470.323)
ББК 63.3(2Рос-4Кус)
Р 95

Редактор-составитель

А. И. Раздорский

Редакционная коллегия:

Ю. А. Будыкин, В. В. Енуков, А. И. Раздорский, В. А. Хороших, О. Н. Щёголев

Рыльск и рыляне в отечественной и зарубежной истории и культуре:
Сборник материалов межрегиональной научной конференции (г. Рыльск, 3 июня 2011 г.) / Ред.-сост. А. И. Раздорский. - Рыльск: РАТКГА — филиал МГТУГА, 2012. — 336 с.: ил., карты, портр.

В сборнике представлены статьи и тезисы докладов, посвященные различным аспектам истории и культуры города Рыльска и его округа с древнейших времен до наших дней. Рассматриваются вопросы местной археологии, источниковедения, военно-политической, социально-экономической и церковной истории, геральдики, топонимики, исторической географии, биографики, генеалогии и просопографии. Авторами сборника являются ученые и краеведы из Рыльска, Курска, Москвы, Санкт-Петербурга, Сум.

Рецензент

Ю. В. Кривошеев,
заведующий кафедрой исторического регионоведения
С.-Петербургского государственного университета,
доктор исторических наук, профессор

*На титульном листе — герб города Рыльска, выполненный
геральдическим художником М. О. Черниковым (2011 г.)*

© Авторы статей, 2012
© РАТК – филиал МГТУГА, 2012
© А. И. Раздорский, составление 2012

СОДЕРЖАНИЕ

<i>О. Н. Щёголев.</i> Имя города Рыльска: значение и его сложение	5
<i>А. В. Кашкин.</i> Краткий очерк рыльской археологии	10
<i>В. В. Приймак.</i> Элементы салтовского погребального обряда в волынцевских древностях ...	15
<i>В. В. Енуков, О. Н. Енукова.</i> «Курганы» в Боровском: к вопросу о поисках некрополя средневекового Рыльска	24
<i>Г. Ю. Стародубцев, И. Н. Бобин.</i> Нумизматические находки конца XII–XV вв. на городище Пригородняя слободка (Слободка 1)	29
<i>С. Г. Стародубцева.</i> Монетные клады XVIII в. из Рыльского уезда (района)	33
<i>А. С. Ракин.</i> Роспись полоняников, взятых рылянами во время Северского похода 1632–1634 гг.	37
<i>А. И. Раздорский.</i> Торговля Рыльска по данным таможенной книги 1671/72 г.	53
<i>Г. В. Калашников.</i> Материалы к истории рыльской символики	77
<i>Н. С. Чернышёва.</i> Административно-территориальная принадлежность Рыльска в 1708–1917 гг.	85
<i>Н. Д. Борщик.</i> Население Рыльска в конце XVIII в.	88
<i>А. В. Зорин.</i> Рыляне в Русской Америке	91
<i>Д. Н. Шилов.</i> Сергей Кузьмич Вязмитинов — дважды министр из рылян	96
<i>С. П. Щавелёв.</i> Алексей Иванович Дмитриуков (1795–1870): начало рыльской историографии, археологии, этнографии	100
<i>Л. М. Рянский.</i> Положение крепостных крестьян Рыльского уезда в первой половине XIX в. (по данным первичных массовых источников)	114
<i>Т. А. Резникова.</i> Государственные крестьяне Рыльского уезда накануне государственной реформы 1837–1841 гг.	120
<i>Р. Л. Рянский.</i> Крупное помещичье хозяйство Рыльского уезда во второй четверти XIX в.	124
<i>А. Ю. Чистяков.</i> Традиционные промыслы и ремесла Рыльского уезда во второй половине XIX — начале XX в.	132
<i>И. М. Плаксин.</i> Развитие торговли Рыльского уезда во второй половине XIX в.	138
<i>А. А. Терещенко.</i> Рыльск в структуре региональной торговли во второй половине XIX в. ...	146
<i>Н. Н. Булгакова.</i> Рыльские купцы	152
<i>Е. С. Кравцова.</i> Особенности прямого государственного налогообложения в конце XIX — начале XX в. (на примере Рыльского уезда)	160
<i>О. С. Жирнова.</i> Наследование имущества рылянами в середине XIX столетия — 1917 г.	163
<i>М. В. Дьяконов.</i> Рекрутские наборы в Рыльском уезде в пореформенный период	168
<i>Е. Н. Самойлова.</i> Рыльское общество охотников конского бега	173
<i>Т. С. Зайцева.</i> Обучение дочерей рыльского духовенства в Курском епархиальном училище в 1869–1917 гг.	178
<i>Р. И. Сюрин.</i> Храмы Рыльска	181
<i>А. А. Харин, В. А. Хороших.</i> Рыльский Успенский кафедральный собор и его 200-летняя история	185
<i>Р. В. Губанов.</i> Часы-куранты рыльского Успенского собора — уникальное творение тульских мастеров	187

<i>Т. Н. Арцыбашева.</i> Загадка Рыльского монастыря	191
<i>И. В. Пинаева.</i> Рыльский Николаевский мужской монастырь в середине XVIII в. ...	195
<i>Е. В. Холодова.</i> Церковная летопись церкви Рождества Пресвятой Богородицы в селе Коренском Рыльского уезда Курской губернии (Рыльского района Курской области)	198
<i>А. Г. Данильченко.</i> Проявления революции 1905 г. в Рыльске и его округе	202
<i>А. Н. Курцев.</i> Историческое многообразие миграций населения города Рыльска и его сельской округи за 1861–1917 гг.	205
<i>А. И. Чубаров.</i> Предоставление помощи семьям военнослужащих из Рыльска и его округи в период Первой мировой войны	213
<i>В. В. Раков.</i> Источники по истории Рыльска и Рыльского уезда периода революций и Гражданской войны	216
<i>Н. В. Раков.</i> Рыльск в период германо-украинской оккупации 1918 г.	224
<i>Е. О. Алексапольская.</i> Сельское хозяйство Рыльского района накануне Великой Отечественной войны	233
<i>А. Р. Бормотова.</i> Роль и место районной печати Рыльска в пропаганде и агитации в период Великой Отечественной войны	239
<i>Г. Д. Пилишвили.</i> Создание и боевая деятельность рыльского истребительного батальона в 1941 г.	248
<i>В. В. Коровин.</i> Из истории Рыльского партизанского отряда	252
<i>Г. А. Салтык.</i> К биографии Пимена Карпова	258
<i>А. Ю. Дворниченко.</i> Город Рыльск в судьбе В. В. Мавродина	265
<i>Л. А. Шуклина.</i> Современный подвижник благочестия: жизнь и чудеса батюшки Ипполита	268
<i>М. М. Фрянцев.</i> Сын России: рыльский иконописец М. И. Сафронов	272
<i>И. А. Федосенко.</i> Знаменитые выпускники и преподаватели рыльской школы № 1 им. Г. И. Шелихова	283
<i>Е. К. Хомякова.</i> Рыльск и рыляне в литературе, истории и искусстве	290
<i>К. В. Куракса.</i> Из истории музыкальной жизни Рыльска и Курского края	294
<i>И. П. Цуканов.</i> Молодежное поисковое движение в Рыльском районе	297
<i>Е. С. Кравцова.</i> Специфика нравственного воспитания студентов (на примере исторического наследия Рыльского района)	301
<i>В. А. Хороших, А. В. Хороших.</i> Зарождение авиации в Рыльске и ее переход на гражданские цели	304
<i>В. А. Хороших, П. В. Скребнев, И. А. Шелковнёва.</i> Влияние историко-культурного наследия Г. И. Шелихова на воспитание курсантов Рыльской школы гражданского воздушного флота	308
<i>О. А. Харина.</i> Роль Успенского кафедрального собора в духовном воспитании персонала Рыльского авиаколледжа	310
<i>М. А. Чепурных.</i> Наши против терроризма	311
Приложение	
<i>А. И. Раздорский.</i> Рыльские князья, наместники и воеводы XII–XVII вв.	316
Сведения об авторах	331
Список сокращений	334

ИМЯ ГОРОДА РЫЛЬСКА: ЗНАЧЕНИЕ И ЕГО СЛОЖЕНИЕ

Начальная инфильтрация славян в регион

Сопоставление источников, прежде всего, археологических, позволяет сегодня наметить процесс сложения ойконима (названия населенного места) Рыльск. Приведу сведения М. В. Фролова по археологическим работам 1982–1992 гг. в Рыльске и окрестностях, располагая их в порядке, диктуемом рассматриваемой темой.

«...в окрестностях Рыльска известны восемь поселений роменского периода, причем некоторые из них (так же, как и само городище) существуют на субстрате V–VI вв.»¹. Таким образом, констатируется *непрерывность* заселения горы Ивана Рыльского (старейшая часть города), сложившаяся еще до появления здесь славянского (роменского) населения.

«Более уверенно выделяется колочинская керамика V–VII вв. и синхронные вещи...»². В момент написания основного текста «Хрестоматии» я еще не имел информации о колочинских древностях в Рыльске и потому писал, что они *пока* не выявлены³, но при этом привел достаточные сведения о них и об их этническом определении как балтийских по языку.

«Появление на городище *бесспорно* славянского населения должно быть отнесено к рубежу VII–VIII веков, к *начальному* этапу существования *роменской* культуры» (курсив мой — О. Щ.)⁴.

Опираясь на *непрерывность* заселения (что поддерживается и археологическими данными по другим памятникам региона), можно утверждать, что топонимический контекст передавался *изустно*.

Рыла — перевод на славянский

Полвека назад в нашем регионе лингвисты констатировали важный факт: существование параллельных славянских и иранских гидронимов равного смысла. Свапа — правый приток Семи, имеет приток Доброводка — прямой перевод с иранского «хорошая вода» (*su-ap*); правые притоки Свапы, стекающие с более высокого и менее размываемого берега, имеют названия Амонь, Осмонь (Амонька и Осмонька в славянской адаптации), что восходит к иранскому *astep* — *камень*; правый приток Рылы именуется Каменка, текущий примерно в тех же условиях рельефа в начале Рыльской луки⁵.

Подобный прямой *перевод* на славянский поддерживает и топонимический контекст окрестностей города, связывая с конкретным расселением этнических групп. Южнее города писцовая книга Рыльского уезда 1627–1629 гг. и отказная книга отмечают *Язское* гнездо, что соотносимо с этническими группами алан — языгами, ясами и т. п. Там же, посредине луки, имеется гидроним Мордок, также иранского происхождения. По правому берегу Семи располага-

ется *Огрицкая* волость, как и ручей Шельга — балтизмы. Расселение северян по Рыле и уплотнение их здесь ведет к переводу былых иранских гидронимов на славянский язык. Однако мы пока не можем сказать, как именно звучал иранский гидроним, переведенный как Рыла. Зато относительно понятно, что процесс переименования во всех отмеченных случаях (добавим к этому параллели с реками Сев, Ропша) означает именно инфильтрацию, а не захват территорий. При этом надо иметь в виду, что контактность разноязыких племен была весьма глубокой, включившей понимание их речи. Процесс сложения славянского гидронима занял, возможно, 2–3 поколения, т. е. весь VIII в. Ранее, в VII в., на городище была захоронена совсем *не рядовая* аланка, т. е. городище и для алан не былой *чужой* территорией.

Рис. 1. Фрагмент карты Рыльского уезда 1785 г.

Наш ойконим не уникален

На востоке Лодзинского воеводства в Польше есть три имени — Rylsk, Duży Rylsk, Mały Rylsk, т. е., помимо Рыльска, еще Большой и Малый. Речь идет скорее о деревнях. Но обозначает это важнейший факт, что данный топоним уцелел во всех обширных регионах современного славянства — западном, восточном и южном (ср. болгарская Рила, фонетически равная нашей Рыле). В Мазовии есть и речка Rylka с очевидным славянским уменьшительным суффиксом *-к-*, без него равная остальным Рылам.

Более того, польские справочники уже с 1866 г. отмечают *речку* (!) с названием Рыльск в том же повете Равском в Мазовии, что и три помянутые деревни. Среди многочисленных ойконимов с топоосновой *ры-* на территории Польши выделю Złotoryja (на западе, горнодобывающий район, этимология прозрачна), Ryjewo (в Поморье), Vogoryja, Czartoryja, для последнего напрашивается сравнение с московским микротопонимом урочища Черторье и ручьем Черторый (по линии Пречистенского бульвара). В Польше также обозначения вод может звучать как Ryjak (оно же — Струг; ср. озерко Струга ниже Рыльска по левому берегу Семи) — potok с горы Гвозницы и еще два с тем же именем, последний — Малый; озеро Ryle, potok Ryje, деревни Ryle, Ryliszki, Rylki,

Ryłowa, Ryłówka, Ryłowce, Ryłowice, Ryłowicze ⁶. К этому следует добавить (уже на территории Белоруссии) реку Рыта, приток Муховца, правого притока Западного Буга, с поселениями на ней Маларыта и Вяликорыта. Да и белорусские Рылёнки и Рылаўшчына уместны, не забывая про их владельческое происхождение.

В. П. Нерознак выборочно приводит *верх Рыльской* ⁷ из описания гидронимики в работе Г. П. Смолицкой ⁸. Анализ всех гидронимов Верхнеочья, выявленных Смолицкой (6 случаев: река Рыловка — по д. Рыловка, озеро Рылково, овраг и верхи Рыловские), показывает их владельческое происхождение. Но *верх Рыльской*, не исключено, связан с Рыльском — как обозначение места службы рылян на стороже.

Развитие значений

Супрасльская рукопись XI в. ⁹ дает не просто перевод греческих понятий словом *рыла*, а ставит его в пару со словом *мотыга*, в ином тексте рукописи слово попадает в ряд из четырех понятий.

Первое (л. 219, строка 7) упоминание — в мартовской минее, касающейся преподобномученика «Дометиа [ум. в 363 г.] и ученикъ его», где в стандартном фрагменте темы «обретение мощей святого» при переводе греческой пары слов ὀρύγια καὶ скаλίδια (мотыга и «рыхлитель») невольно возникает перевод на привычные славянские реалии. Строки 6–8 в рукописи «они же мотыкы и рылы въземъше, копашя и обретьше мошти, изнесошя съ песньми и хвалами» позволяют видеть предметность пары «мотыкы и рылы» на фоне глагольного ряда. В рабочем переводе описываемое событие надо понимать примерно так: (ученики) взяли инструмент (простая подготовка к действию), копали (начали *ритуальное* вскрытие), наступило торжество *обретения мощей*, и это сопровождается песнями и хвалами — как и в Богослужении.

Второй случай (429, 26) из «Слова Иоанна Златоуста в святую пятницу» поднимает смысл конкретного инструмента до содержания перечисления, обозначающего тяжести трудов земных. В целом фрагмент звучит так (24–27): «безъ зємьнааго троуждания живяшта. безъ дъжда крѣмяшта ся, никакоже потовъ или рыла или троудовъ или течения на житие трѣбоуяшта». Здесь следует уточнить, что старославянская форма «крѣмяшта» для нас сегодня звучит с перестановкой букв *р/ѣ*, т. е. «кормяшта», образовано от понятия «корм». Если также мы отметим, что словом «течение», используемом в переносном смысле, переведено греческое μόθος, по сей день означающее тяжкий труд, то станет ясно, что пот, труд и тяжкий труд (течение) не слишком соотносимы со слышимой нами предметностью *рыла*. Для славянина-переводчика слово *рыла* обладало живой, реальной возможностью обобщения для передачи достаточно абстрактного, высокого понятия религиозного содержания «зємьнааго троуждания». А базовым образом, рождающимся из жизненной реальности, был тяжелый труд земледельца, передаваемый в данном тексте значительным уровнем

абстрагирования слова *рыла*, по тексту означая предмет, ключевой инструмент в земледелии. Благодаря этому *рыла* в сложном духовном контексте становится *образом* вспашки земли, образом труда на пашне, пахоты.

Инструмент рыло

Рассмотренные тексты, синонимические ряды слов, содержащиеся в них, позволяют не только семантически, а и предметно представить, о каком конкретном типе орудия идет речь.

Необходимое применение учениками Дометия двух инструментов для копания при обретении мощей святого позволяет видеть в паре слов «мотыга — рыло» конструктивное противопоставление двух *разных* инструментов, используемых для земляных работ. Глагол *рыти* имеет значение «рвать»¹⁰.

Мотыга как инструмент сохранилась, что позволяет понимать рыло как ее техническую противоположность. В отличие от мотыги, где режущая часть установлена перпендикулярно ручке инструмента, рыла (рыло) имеет насадку, продолжающую ручку, т. е. технически представляет собой плоскорез, предназначенный для процесса *срезания* уровня. В этом отношении речь идет о типе инструмента, что мы сегодня именуем лопатой. Но, как и само исходное значение слова *лопата*, восходящее в *лапе*, так и специализированный характер орудия не позволяют связывать его с пахотой. Таким образом, можно констатировать, что *рыло* имеет несколько более архаичный характер и как слово выступает в описании средства (орудия) вспашки в целом, так и в более узком значении для описания рабочей части орудия. Здесь имеет место обычное логическое замещение «часть вместо целого», типичное для более раннего уровня мышления. Это, в свою очередь, также указывает на древний характер рождения слова. Оба вида этих инструментов широко представлены в археологических материалах.

Качество воды

Жизненную необходимость всегда представляет гидронимия (названия вод, обычно — рек) как указание на источник *питьевой* воды. Этот материал отличается хотя и разнообразным, но достаточно ограниченным набором названий рек. Именно эти названия (в отличие от системно утрачиваемых названий ключей и колодцев) должны были осваиваться пришельцами в первую очередь.

Как определение *текущей* воды (в отличие от названий озер) данное название легко раскрывается наблюдением: мелкая река Рыла в ее устье при впадении в Семь выносит значительный объем черного грунта. Геофизически процесс очевиден: река течет через почвенный покров черноземья, который и размывает. Тем самым название реки предупреждает пользователя о необходимости употребления семской воды только при достаточном удалении от устья Рылы.

Сравнивая с другими частями славянского мира, легко понять, что столь заметное вымывание почвенного покрова — *особая черта данной реки*. Процесс в *дальнейшем* стимулирует создание легенд о копающей свинье.

Вепрь на гербе

Н. А. Соболевой установлены «эмблемы городов, появляющиеся впервые» в 1729–1730 гг. Эмблема Рыльска: «на желтом поле черная кабанья голова» и примечание автора: «Не отмечен как “старый” герб»¹¹. На планах, составленных в период перед созданием новых губерний Екатериной II, голова повернута вверх. Но утвержден этот герб крайне поздно — в 1893 г. «Свинское» изображение явно не импонировало официальным властям и, вероятно, церкви. Только обнаружение в РГИА и ГАКО документов по истории утверждения герба (если они есть) позволит объяснить настойчивость рылян в страсти этому знаку. Вероятно, в данном случае мы имеем дело со специфической местной настоящей архаикой, восходящей ко временам северяно-аланских контактов.

К истории гидронимации

Отмечу, что, как и Курск, Рыльск назван по *притоку* основной реки, что позволяло указать *конкретное* место. Но городище стоит на берегу Дублянки, и только выше по течению на километр в Семь впадает Рыла. Севернее расположено городище, ныне известное как Синайка, которое понимается как сторожевое, но скорее как раз к нему применимо название Рыльск: Рыла здесь ближе, хотя и тут добрый километр.

П р и м е ч а н и я

¹ Хрестоматия для провинциального юношества по истории города Рыльска / Сост. и комм. О. Н. Щёголев. Курск, 1994. Ч. 1. С. 307.

² Там же. С. 304.

³ Там же. С. 134.

⁴ Там же. С. 305.

⁵ Топоров В. Н., Трубачёв О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962. С. 224, 226.

⁶ Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1889. Т. 10. S. 88–94.

⁷ Нерозник В. П. Названия древнерусских городов. М., 1983. С. 151.

⁸ Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976.

⁹ Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М., 1999. С. 22–24, 586.

¹⁰ Там же. С. 586.

¹¹ Соболева Н. А. Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981. С. 88, 215.

КРАТКИЙ ОЧЕРК РЫЛЬСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Нельзя сказать, чтобы рыльскому региону особенно везло с археологическими исследованиями. Но вместе с тем именно рыльские и суджанские древности легли в основу всей курской археологии. И положил начало изучению этих древностей замечательный курский краевед А. Н. Дмитриуков. Именно с описания Рыльска и его округа в середине XIX в. и началась рыльская археология. А дальше исследования продолжались с определенными, а иногда и значительными, перерывами. В начале XX в. ряд городищ и курганов в рыльском течении р. Сейм описал А. Н. Александров. Затем, уже в 1930 г., археолог С. Н. Замятнин приступил к раскопкам палеолитической стоянки Сучкино (ныне Октябрьское). И вновь перерыв до 1947 г., когда разведки в Курской области, в том числе и в Рыльском районе, провел И. И. Ляпушкин. В 1955 г. были продолжены раскопки Октябрьской стоянки (А. Н. Рогачев). Разведочные работы велись в 1960-е гг. А. Е. Алиховой, а в основном Ю. А. Липкингом, который обследовал большую часть городищ Посеймья. И затем разведки продолжались в 1979–1980 гг. (П. Г. Гайдуков), в 1990 г. (А. В. Кашкин), в 1992–1993 гг. (М. И. Фролов). Отдельно надо отметить не столь масштабные по площади, но уникальные по своей значимости раскопочные работы на детинце древнерусского Рыльска М. И. Фролова, о чем будет подробно сказано ниже. Последние по хронологии раскопки в Рыльске провела в 1999 г. экспедиция Курского государственного педагогического института (ныне Курского государственного университета) под руководством В. В. Енукова. В 2000 г. автор настоящей статьи издал вторую часть Археологической карты России по Курской области, куда вошли сведения обо всех памятниках археологии Рыльского района¹.

На сегодняшний день мы располагаем сведениями о 75 памятниках археологии, расположенных в Рыльском районе, из них: местонахождений — 1, стоянок — 5, поселений — 12, городищ — 19, селищ — 29, исторических городов — 1, курганов и курганных могильников — 8.

Уникальность памятников археологии Рыльского района заключается в том, что они принадлежат ко всем доисторическим и историческим эпохам, а именно: палеолиту — 4, мезолиту — 1, неолиту — 10, эпохе бронзы — 10, раннему железному веку — 20, раннему средневековью (III–IV, V–VII вв.) — 8, развитому средневековью — 17, позднему средневековью — 22. Обратим внимание, что большая часть памятников — это многослойные поселения.

Остановимся на наиболее значимых археологических объектах, на которых проводились раскопки. Таких памятников сравнительно немного, но их материалы существенно обогатили отечественную археологическую науку.

Начнем с палеолита. Этой эпохой датируется стоянка 1 у с. Октябрьское. Она расположена на восточной окраине села, на первой надпойменной террасе левого берега р. Сейм. Стоянку обследовал А. П. Андреев в 1925 г., исследовали А. П. Андреев, С. Н. Замятнин, Б. М. Даньшин в 1930 г., А. Н. Рогачев в 1955 г., Г. В. Григорьева в 1964 г., С. Н. Алексеев в 1987–1988 гг. Площадь памятника ок. 500 кв. м. Культурный слой — гумусированный суглинок толщиной 0,4 м залегает на глубине 0,8–1,2 м. При раскопках были найдены кости мамонта, кремневые и кварцитовые резцы, ножевидные пластины, отщепы и сколы. По С. Н. Замятнину, стоянка представляет собой кратковременный охотничий лагерь на месте добычи мамонта, по С. Н. Алексееву — место первичной обработки кремня у места его добычи. Возраст стоянки 13–15 тыс. лет².

Не меньший интерес представляет стоянка 2, обнаруженная и исследованная С. Н. Алексеевым в 1985–1988 гг. Она расположена в 1 км к северо-западу от стоянки 1 на мысу первой надпойменной террасы левого берега р. Сейм. Площадь памятника ок. 15 000 кв. м. Раскопками исследовано 200 кв. м. Верхний культурный слой толщиной 0,15–0,2 м залегает на глубине от 1 до 3 м. Найдены фрагменты костей, зубов и бивней мамонтов, кремневые нуклеусы, ножевидные пластины, скребки, проколки, резцы, наконечники, рубящие и нуклеидные орудия, поделка из песчаника. Всего обнаружено 450 орудий и 90 нуклеусов. Второй культурный слой толщиной 0,3 м залегает на 1 м ниже верхнего. Он представлен отдельными костями и небольшими скоплениями костей мамонта, бизона и грызуна, очагом и кремневыми изделиями. Обнаружен открытый очаг площадью более 3 кв. м, обложенный крупными костями мамонта. Стоянка отнесена к верхнему палеолиту, ее радиоуглеродная дата $23 \pm 0,15$ тыс. лет³.

Однако самым известным памятником археологии региона является древнерусский летописный город Рыльск с его детинцем и двумя посадами, равно как и все культурные напластования, предшествующие средневековому городу.

Городище 1 (Рыльск 1, Гора Ивана Рыльского) расположено на восточной окраине города, на мысу правобережной террасы р. Сейм в устье р. Дублянка (правый приток р. Сейм). Впервые оно упоминается в работе А. Н. Дмитриюкова, его обследовали А. Н. Александров в 1910 г., К. Я. Виноградов в 1928 г., И. И. Ляпушкин в 1947 г., Ю. А. Липкинг в 1960-х гг., П. Г. Гайдуков в 1979 г., М. В. Фролов в 1984–1986, 1989–1994 гг. Площадка грушевидной формы размерами 260×120–170 м, высота от реки до 30 м. С южной стороны городище ограничено рвом, иные укрепления не сохранились. Вскрыто 168 кв. м у южного края площадки. Культурный слой толщиной до 4,5 м. Он содержит напластования скифоидной, волынцевской, роменской культур, древнерусского времени, позднего средневековья и нового времени. В нижнем слое (скифоидная культура, 2-я пол. 1 тыс. до н. э.) обнаружены остатки наземного жилища раз-

мерами 4,3×3,8 м с двумя каменными очагами. Находки этого времени представлены железными булавкой с петлеобразным навершием, теслом, бронзовым наконечником стрелы, глиняными грузиком и пряслицем, костяной иглой и керамикой. В слое волынцевской культуры (VIII–IX вв.) обнаружены остатки погребения по обряду кремации (кальцинированные кости и угли в скоплении, мелкий белый и желтый бисер, фрагменты керамики), а также остатки разрушенного погребения, предположительно салтовской культуры (отдельные кости человека, часть черепа коня и череп собаки). Среди находок этого периода бронзовые бубенчик, цепочка, железные топор, наконечники копий, удила и псалии (возможно, связанные с кочевническим погребением), стеклянная пронизка, каменное пряслице и др. В слое роменской культуры IX–X вв. вскрыты остатки трех полуземляночных построек каркасно-столбовой конструкции размерами с глинобитными печами и стенами, обшитыми досками. В одной из построек выявлен двухкамерный гончарный горн. Находки этого периода: стеклянные бусина, пронизка, бисер, бронзовые пронизка, пряжка, фрагмент украшения, глиняные и шиферные пряслица, костяные трубочка и проколки, каменные зернотерка и заготовка литейной формы, астрагалы с отверстиями и нарезками, керамика и др. Выше залегали слои, связанные с детинцем древнерусского Рыльска и позднесредневековой крепостью.

Впервые г. Рыльск упоминается в летописи под 1152 г. в составе Новгород-Северского княжества. К началу XII в. он становится центром Рыльского удельного княжества. Здесь начал княжить Святослав Ольгович, который в походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. возглавил рыльскую дружину. Рыльск неоднократно подвергался штурмам и осадам во время междоусобных столкновений с соседними княжествами, был взят во время татаро-монгольского нашествия в 1240 г. В середине XIV в. он отошел к Литве, в 1454 г. был отдан польским королем в удел русскому князю Ивану Шемяке, бежавшему в Литву. В результате русско-литовской войны 1500–1503 гг. Рыльск вошел в состав Московского государства. В XVI–XVII вв. это пограничный город на южной окраине Руси, входящий в Засечную черту. В 1604 г. Рыльск был взят поляками, после чего подчинился Лжедмитрию I. После разгрома под Добрыничами в ночь на 21 января 1605 г. самозванец укрывался в Путивле и Рыльске. В XVII–XVIII вв. город являлся одним из важнейших пунктов обороны от крымских татар, значительным торговым центром. С 1779 г. Рыльск — уездный город Курского наместничества, а с 1796 г. — Курской губернии.

Исторический культурный слой древнерусского Рыльска зафиксирован в черте современного города. Он состоит из детинца и двух посадов.

Детинец расположен на уже описанном выше городище Рыльск 1 (Гора Ивана Рыльского). К древнерусскому времени (XI – 1-я пол. XIII в.) относятся основания печей и фундамент некоего каменного сооружения. Значительное количество плитины и керамических плиток пола указывают на вероятную бли-

зость руин церкви домонгольского времени. Находки этого времени многочисленны и разнообразны: бронзовые подвеска, нательные кресты, фрагмент браслета, стеклянные браслеты, пронизки, бусины, булавки, сердоликовая вставка для перстня, железные замки, ключи, ножи, струг, пряжка, кресало, наконечники стрел, глиняные и шиферные пряслица, керамика и др. К позднему средневековью относятся две углубленные в грунт постройки каркасно-столбовой конструкции (1-я пол. XIV в.), легкая наземная постройка, отнесенная к рубежу XIV–XV вв., и наземная постройка, датированная XVI–XVII вв. Среди находок этого периода железные ножи, замки, ключи, подковы и подковки, наконечники стрел, ледоходный шип, коса, блесна, ножницы, пинцет, бронзовые нательные кресты, стеклянные браслеты, серебряные серьги с агатом и горным хрусталем, костяные игральные шашки и шахматная фигура, янтарная бусина и многое др. К самому позднему периоду (XVII – начало XVIII в.) относятся формочки для отливки пуль, ружейные кремни, железное ядро, ручка от ларца, составной многопластинчатый браслет⁴.

Верхний посад располагался к югу через ров от городища на территории, ограниченной ул. М. Горького, ул. Комсомольская и краем береговой террасы в урочище Воскресенская гора. Обследован М. В. Фроловым в 1989 и 1992 гг. Размеры посада ок. 400×130–170 м. Возможно продолжение культурного слоя и далее к югу. Площадка занята усадьбами и огородами. До начала XVII в. на Воскресенской горе находился острог, впоследствии сгоревший, а в XVIII в. здесь были выстроены церкви Воскресения и Афанасия и Кирилла (не сохранились). Культурный слой толщиной от 0,8 до 1,6 м. Найдены железный нож и керамика роменской культуры, древнерусская (XI–XIII вв.) и позднесредневековая (XIV–XVII вв.)⁵.

Нижний посад располагался в центральной части города в 0,7–1,0 км к северо-западу, западу и юго-западу от городища на территории, ограниченной Советской пл., ул. Луначарского и Р. Люксембург. Обследован М. В. Фроловым в 1989 и 1992 гг., исследован В. В. Енуковым в 1999 г. Вскрыто ок. 130 кв. м. Размеры памятника роменского времени ок. 4 га, древнерусского периода — до 8 га. Территория занята городской застройкой, на свободной от застройки площади располагаются скверы. Культурный слой толщиной от 1,5 до 2,2 м, мощность древнерусского домонгольского слоя 0,8–1,0 м. Обнаружены остатки трех наземных жилых построек с углубленными в грунт подклетами. Найдены фрагменты стеклянных браслетов, шиферное пряслице, железный серп, ножи, ножницы, дверные пробойники, бронзовые украшения, керамика роменской культуры, древнерусская и позднесредневековая⁶.

Городовые росписи XVII в. сообщают, что в 1638 г. рыльский посад был обнесен дубовыми надолбами, а в 1668–1676 гг. — земляным валом с пятью башнями (из них две — с проездными воротами) и рвом. Судя по описаниям и планам, вал начинался у р. Рыло (на севере), защищал посад с западной стороны (примерно по линии ул. Урицкого), затем поворачивал к востоку, подходил к р. Дублянке и далее к Воскресенской горе.

Единственным раскопанным погребальным памятником на территории Рыльского района является курганный могильник у с. Пригородняя Слободка. Он расположен на северо-восточной окраине села, занимает часть территории Николаевского монастыря. Могильник исследовали А. И. Дмитриуков в 1849 г., К. Я. Виноградов в 1928 г., М. В. Фролов в 1983 и 1989 гг. В середине XIX в. могильник насчитывал 67 курганов, в настоящее время сохранилось восемь (еще пять рекультивированы после раскопок М. В. Фролова). Сохранившиеся курганы круглые или овальные в плане диаметром 6–10 м и высотой ок. 0,5 м. Курганы содержали захоронения по обряду трупосожжения и трупоположения. Остатки кремации были помещены в урны. Остатки парного захоронения по обряду ингумации с юго-западной ориентировкой в кургане 1 располагались у основания кургана на подсыпке и сопровождалось височными кольцами, подвесками, стеклянными бусами. Общая датировка могильника IX — 2-я пол. XI в.⁷

Значительный интерес представляют многочисленные городища, расположенные, главным образом, на р. Сейм (Артюшково, Ивановское 1, Ивановское 2, Иштутино, Капыстичи 1, Капыстичи 2, Лавочное, Октябрьское, Поповка 1, Поповка 2, Пригородняя Слободка, Рыльск (Лавочное), Сухая, Тимохино), а также на р. Амонька (Асмолово, Городище), на р. Обеста (Городище), на р. Рыло (Коренское). К большинству городищ примыкают селища. В отдельных случаях число таких селищ достигает трех (Коренское) или даже пяти (Пригородняя Слободка). Эти памятники, главным образом, относятся к роменско-древнерусскому времени, но нередко их ранние слои датируются ранним железным веком. К сожалению, по большинству памятников на сегодняшний день мы располагаем только данными археологических разведок. Ни одно городище, кроме упомянутого выше детинца древнерусского Рыльска, не было исследовано раскопками.

Примечания

¹ Археологическая карта России: Курская область / Сост. А. В. Кашкин. М., 2000. Ч. 2. С. 83–112. — В книге приведена библиография по всем памятникам археологии Рыльского района.

² Там же. С. 102–103.

³ Там же. С. 103–104.

⁴ Там же. С. 88–90; *Фролов М. В.* Стратиграфия и хронология древнего Рыльска // Средневековый город Юго-Восточной Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. Курск, 2009. С. 96–100.

⁵ Археологическая карта России. С. 90.

⁶ Там же. С. 90; *Енуков В. В., Енукова О. Н.* Исследования городов Посеймья // Археологические открытия 1999 года. М., 2001. С. 83–84.

⁷ Археологическая карта России. С. 110.

ЭЛЕМЕНТЫ САЛТОВСКОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА В ВОЛЫНЦЕВСКИХ ДРЕВНОСТЯХ

Этнокультурный процесс VII–VIII вв. в Рыльском и Путивльском течениях Сейма имел значительное сходство, судя по материалам поселений и наличию Артюшковского курганного могильника колочинской культуры и, вероятно, однотипного с ним могильника у хутора Богданов вблизи Глухова. Материалы предволынцевского и волынцевского периодов из бассейна р. Клевень и их место среди древностей Днепровского лесостепного Левобережья и Восточного Полесья уже анализировались¹. Аланский компонент салтовской культуры в древностях роменской культуры и ранних левобережных комплексах древнерусского времени (Каменное) выделялся по антропологическим материалам (В. В. Седов, О. В. Сухобоков, П. М. Покас). Для памятников волынцевского типа он вырисовывается по материалам ключевого комплекса — рыльского погребения. Погребение на детинце Рыльска из раскопок М. В. Фролова было разрушенным, сопровождалось захоронениями коня и собаки, найденными вблизи двумя втульчатыми копьями с ромбовидными наконечниками, железным топором и двухсоставными удилами с гвоздевидными псалями².

Удила с гвоздевидными псалями относятся к типу I — по А. Н. Кирпичникову. Этот тип удил был распространен в Восточной Европе с середины I тыс. н. э., на Руси он был заимствован у кочевников. Удила этого типа имеют прямые стержневидные псалии, продетые в одну из петель восьмерковидного окончания грызел (со взаимно перпендикулярным расположением петель). Боковой щиток псалиев с двумя отверстиями. Грызла двухсоставные³. Аналогичные или отличающиеся незначительными признаками (оформлением окончаний псалиев или наличием украшений на них) удила происходят из погребений № 214 и № 175⁴ вещевого комплекса VI Сухогомольшанского могильника, других памятников, в том числе с трупосожжениями (Пятницкое)⁵. Подобные удила происходят также из Битицкого городища. Топор с горы Ивана Рыльского имеет аналогии на Битицком городище⁶, а также в салтовской культуре⁷. Что касается копий, то подобные имеются как в салтовской культуре⁸, так и на славянских памятниках. Однако их трудно использовать как хронологические реперы. Погребение из Рыльска обоснованно связывают с памятниками волынцевского типа⁹.

В волынцевских древностях бассейна Сейма имеются и другие материалы, не укладывающиеся в привычные представления о славянском погребальном обряде, известном по кремациям грунтовых могильников в урочище Стан у

с. Волынцево¹⁰ и Лебяжьего, на которых производились стационарные работы Ю. А. Липкингом¹¹ и Н. А. Тихомировым¹².

У одной из стенок жилища № 23 с поселения Стан обнаружено погребение недоношенного младенца в возрасте 7 месяцев. Оно было совершено в ямке размерами 0,3 на 0,4 м, глубиной 0,2 м; скорченный скелет, лежащий на левом боку, был покрыт волынцевским лепным горшком, а в печи жилища найден гончарный волынцевский сосуд с высоким вертикальным венчиком, орнаментированный пролощенными линиями. На городище Новотроицком в жилище № 42 (единственном на памятнике, имеющем вход в виде тамбура в углу жилища)¹³, достаточно широко распространенном в салтовском домостроительстве¹⁴, также найдено подбойное младенческое погребение. Такие погребения отличались от традиционных кремаций, характерных для грунтового могильника в составе комплекса в урочище Стан у с. Волынцево и для городища Новотроицкого (жилище № 35).

Погребения в яме в жилище № 25, известные из работ Д. Т. Березовца, на поселении Стан у с. Волынцево могут еще увереннее интерпретироваться как неславянские. Постройка находилась в центре поселения Стан, имела размеры 4 на 4 м, глубину 1 м от современной поверхности, печь или очаг отсутствовали, но имелся центральный столб — черта, более характерная для древностей предшествующего времени. Ориентирована стенами по странам света. В полу постройки прослежены пять хозяйственных ям, частично выходящих за пределы квадратного котлована полуземлянки. В яме, расположенной по центру восточной стенки, обнаружен скорченный костяк восточной ориентации. В подростковом погребении у виска было обнаружено маленькое бронзовое височное кольцо. В другой яме обнаружены два костяка, располагавшиеся под прямым друг к другу, впрытык головами (юго-западной и юго-восточной ориентации). У одного из костяков в области шеи найдены стеклянные бусы. И бусы, и височное кольцо, по определению Д. Т. Березовца, имеют аналогии в Волынцевском могильнике (урочище Стан). Все погребения находились в заполнении ям, как и кости быка, обнаруженные в яме в северо-западном углу постройки. Ориентация погребений с ориентацией постройки не совпадает¹⁵. Скорченные женские, реже мужские погребения встречаются в катакомбах, круглых ямах, подбоях жилищ салтовской культуры¹⁶. Подобным является помещение размерами 4,3 и 4,44×2,74 и 2,4 м с поперечной перегородкой Маяцкого селища из раскопок А. И. Милютин, в котором выявлено три овальных катакомбных погребения, одно из них парное. В стенках постройки зафиксированы арочные входы в катакомбы. Как и в Волынцевском, погребения были выпрямленными на спине и скорченными. Ориентация — северо-западная (1 скелет) и юго-западная (3 костяка), совпадающая с ориентацией стен постройки¹⁷. Другие постройки с подбойными погребениями — № 12 из Саркела, из раскопа на селище 2 Дмитриевского археологического комплекса — не столь сходны с погребениями из постройки № 25 поселения Стан. В Дмитриевском могильнике скор-

ченными были погребения девочек, а погребения мальчиков, как и мужчин, совершены на спине¹⁸. Вообще же в салтовской культуре распространены погребения самой разной ориентировки: север, юг, восток, запад, с сезонными отклонениями¹⁹. С. А. Плетнева, анализируя болгарские погребения салтовской культуры, такие черты, как скорченность скелетов, перемешанность костей, нарушения ориентировки, относит к аланским влияниям²⁰. Сходная с погребениями из урочища Стан ситуация прослежена в яме № 53, расположенной на входе в помещение 5 караван-сарая № 1 Саркела. Рядом расположенные черепа находились в яме размерами 0,9×0,6 м, глубиной 1 м. На полу ямы стоял теменем вверх детский череп, над ним — женский, рядом — шейные позвонки, нижняя челюсть женщины 35–40 лет, на дне ямы — кости рук, сломанная берцовая кость, поясничные позвонки, ребра этого же скелета. Исследовательница считала эту яму ритуальной, по хронологии она относится к начальному периоду существования крепости, т. е. к середине — второй половине IX в.²¹

С территории Рыльского течения Сейма известна серьга²², имеющая аналогии в Фативижском кладе (верховья р. Клевень в Посеймье), на Битицком городище (Псел) и Опошне (Ворскла)²³. Фативижский клад, неоднократно анализируемый в работах О. А. Щегловой и других специалистов, найден недалеко от Рыльска и Глухова. Помимо серег, там встречались детали поясного убора, он может относиться к одному кругу древностей с погребением из Рыльска. Наличие двух комплексов, находящихся в устье и истоках двух соседних речек — значительных притоков Сейма, наводит на предположение о военных столкновениях в Посемье.

Характерная для Северного Кавказа форма цилиндрической кружки, имеющей аналогии в могильниках Чми и Чир-Юрт²⁴, известна в жилище № 6 поселения Стан у с. Волынцево (раскопки Д. Т. Березовца)²⁵.

На Битицком городище также исследовано несколько погребений, среди которых одно кремационное, два выявлены в условиях насильственной гибели (жилища № 30 и № 39), два совершены по обряду ингумации (разрез укреплений V, жилище № 53). По крайней мере, одно из них является разрушенным, как и рыльское. Погребение из жилища № 53 сопровождалось набором подобных харьевским серебряных привесок, имеющих желудевидную форму. Погребение из разреза укреплений имело северную ориентацию, в нем встречен набор бус, характерных для волынцевских и салтовских памятников, а также серьга, аналогичная происходящей из раскопок И. И. Ляпушкина²⁶, т. е. близкая к набору из Фативижского клада.

Таким образом, по материалам волынцевских древностей имеются основания выделить, помимо болгарского, тюркского²⁷, еще один компонент — северокавказский, аланский. Именно рыльское погребение позволяет ставить вопрос именно таким образом. Численность последнего компонента, судя по археологическим материалам, была меньше, чем степного тюркского. Практика совместного заселения представителями обоих этносов образываемых укрепленных населенных пунктов в Хазарском каганате способствовала нивелирова-

нию отличий между двумя этническими группами, по крайней мере, в материальной культуре. Поэтому неудивительно появление салтовского погребального обряда в глубине Днепровского Левобережья, в лесостепи и на южной границе Полесья, с чертами двух из трех выделенных на сегодня компонентов салтовской культуры, со следами взаимовлияний (кроме группы салтовского населения, совершающего трупосожжения).

Впрочем, есть и другой путь решения вопроса об аланском компоненте в волынцевских древностях. Имеются надежные свидетельства появления аланской гончарной посуды на пеньковских и синхронных памятниках, связываемых обычно с Великой Болгарией (Канцерка, Мачухи, Будище, Вознесенка), т. е. еще в эпоху до сложения салтовской культуры. Поэтому не исключено, что этот компонент в древностях волынцевского типа связан именно с аланским населением, а не с кругом именковских и (или) новинковских памятников Поволжья. В таком случае можно предположить сложение волынцевской формы горшка с высоким вертикальным венчиком в среде носителей волынцевских древностей. Технология изготовления этих гончарных изделий, как свидетельствует качество посуды и орнаментация, была аланской. Однако это отдельный вопрос, являющийся предметом дискуссий, в ходе которых даже одни и те же исследователи меняли свой взгляд, поэтому требующий, в первую очередь, сравнительного изучения технологии гончарного производства северокавказских, приднепровских и подонских древностей.

Проблема взаимоотношений оседлого населения и кочевников решается для многих регионов и эпох на основе археологических и этнографических материалов. Для памятников раннескифского времени Днепровского Правобережья это сделано С. А. Скорым по материалам погребального обряда с довольно представительной подборкой степных по происхождению комплексов на фоне многочисленных автохтонных. В других регионах Скифии первые или вовсе отсутствуют, или буквально единичны.

Согласно его наблюдениям, единичные погребения номадов в лесостепи представляют собой «...материальные следы далеких рейдов, совершаемых относительно небольшими подразделениями кочевников...». Вторжения кочевников в пределы лесостепи были фактором, стимулирующим сооружение городищ местным населением. Для первой волны кочевниковскифов были характерны исключительно мужские погребения. Это указывает на то, что пришельцы первой волны представляли собой воинские отряды. Со временем, спустя примерно половину столетия, появляются и женские погребения со степными чертами, указывающие на межэтнические контакты. Кочевники второй волны переселялись в пределы лесостепи вместе с женщинами и детьми. На первом этапе отношения с местным населением зиждились на внешнеэкономическом принуждении со стороны кочевников. На втором этапе отчуждение прибавочного продукта осуществлялось без совершения далеких и рискованных походов, к тому же это позволяло получать металлические ремесленные изделия.

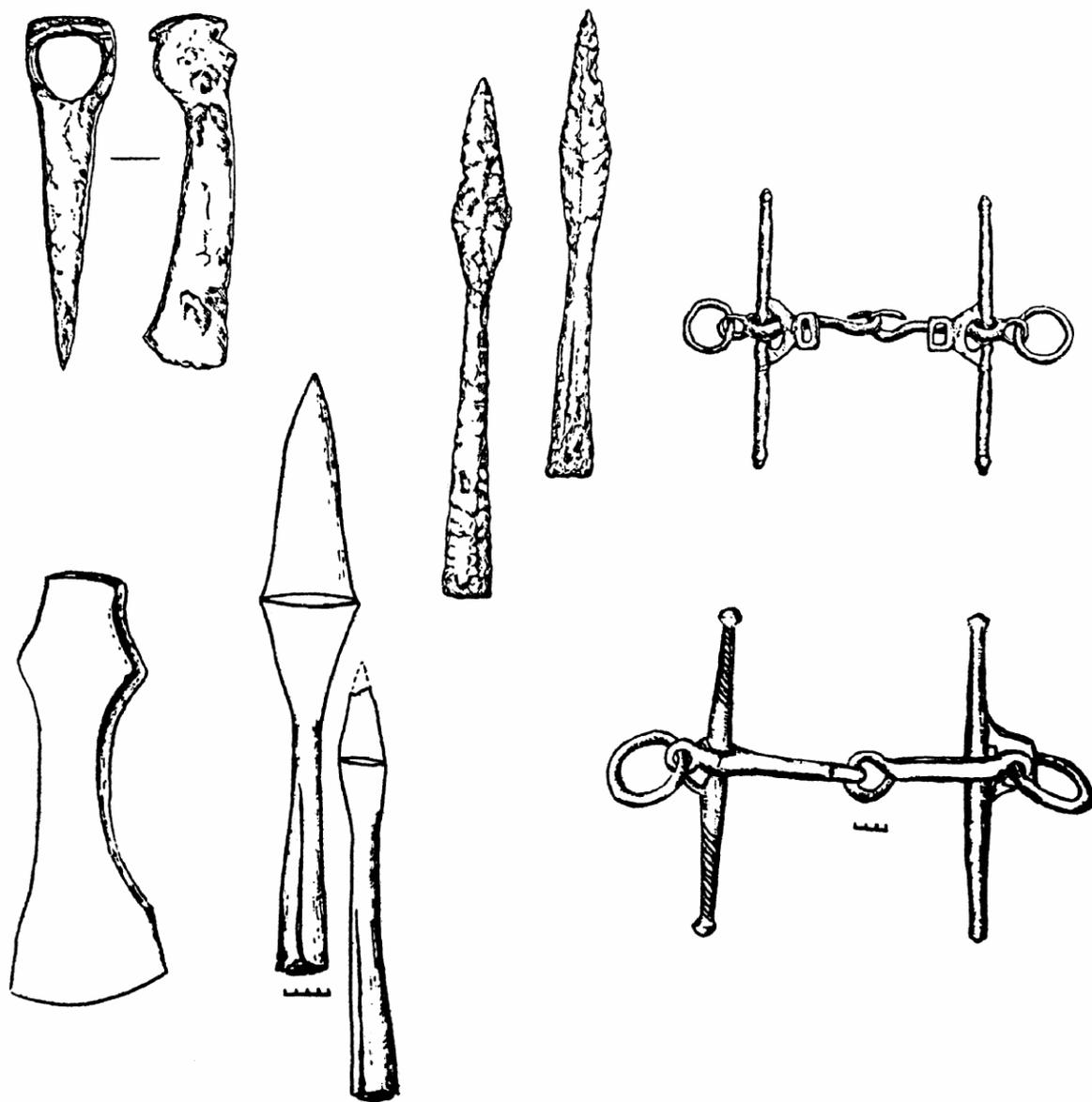

Рис. 1. Топор, наконечники копий, удила с горы Ивана Рыльского (раскопки М. В. Фролова) — верхний ряд; топор, наконечники копий, удила с Битицкого городища (раскопки О. В. Сухобокова и С. П. Юренко) — нижний ряд.

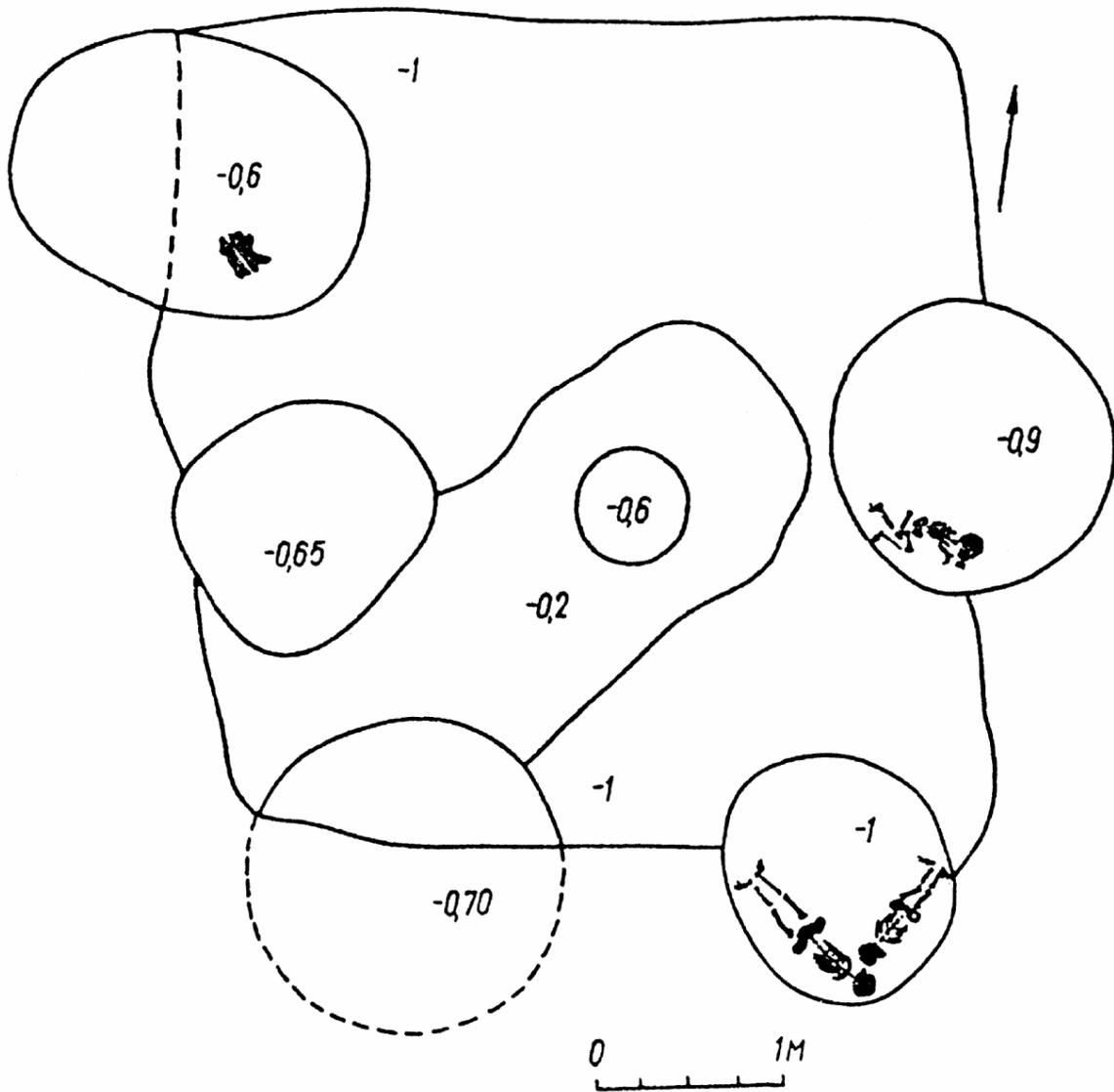

Рис. 2. Волынцево. Поселение в урочище Стан. Жилище № 25 (раскопки Д. Т. Березовца).

В итоге завоевания лесостепи степными кочевниками оформилось политическое объединение номадов и оседлых автохтонов при лидирующей роли первых. Захват очагов оседлости с целью эксплуатации их экономического потенциала был характерным для кочевников различных эпох. Исследователем подчеркивается наличие многочисленных исторических параллелей относительно взаимоотношений кочевников с завоеванным ими местным оседлым населением²⁸. Пожалуй, для волынцевского времени, судя по значительному количеству земледельческих находок на Битицком городище, данные С. А. Скорого можно дополнить лишь объяснением салтовского проникновения в лесостепь необходимостью значительного количества зерна. Не исключено, что эта потребность была временной в период перемещения значительных масс населения с Северного Кавказа. Позже огромное количество находок сельскохозяйственных орудий встречается уже в ареале салтовской культуры на памятниках, исследуемых в последнее время В. В. Колодой. То есть «житница» лесостепного ареала салтовской культуры территориально стала ближе, а степень салтовского влияния в роменской культуре в сравнении с предшествующим временем уменьшилась. Динамика процесса, выявленного С. А. Скорым, происходящего в VIII–X вв. на Левобережье Днепра, была различной.

Тем не менее, наблюдения и выводы С. А. Скорого находят и многие соответствия в средневековых древностях второй половины VII–VIII — начала IX в. Для данного времени это погребение по обряду ингумации с фибулами, совершенном в зольнике на скифском поселении у с. Березовка, а также кочевнический могильник на славянском поселении у с. Рябовка²⁹. Специалистами учтены и другие погребальные комплексы такого круга с территории Левобережья³⁰. Пожалуй, этот перечень следует дополнить только погребением из Дуванки (междуречье р. Уды и Мерлы) по обряду кремации в яме с бревенчатой обкладкой стен и накатником, с ориентацией запад-восток. Керамика (два горшка) стала основанием для датировки данного погребения гуннским временем³¹. Однако такая посуда известна и в более позднее время в пеньковских древностях, а случаи метисации погребального обряда хорошо иллюстрируются мохначским катакомбным комплексом. Погребения в долине р. Ворсклицы грунтовые. Как было установлено И. И. Ляпушкиным и Г. Т. Ковпаненко³², автор исследований В. Е. Данилевич определил их как курганы насыпи зольников на скифских поселениях у хутора Березовки и с. Буды. Это наблюдение касается и исследованного В. Е. Данилевичем ингумационного погребения с фибулами (т. е. также метисного) у хутора Березовка. Поскольку захоронения из обоих пунктов — могильника у с. Рябовка и погребение у хутора Березовка (расстояние между ними около 10 км), — женские и детские, можно уверенно говорить о втором этапе взаимоотношений славян с кочевниками на протяжении всего периода этнокультурного сдвига (вторая половина VII — середина VIII в.) и существования волынцевских памятников (до рубежа VIII–IX вв.).

Погребение по аланскому обряду с горы Ивана Рыльского относится к единичным и может быть определено как захоронение воина. Синхронными

рыльскому являются подростковые погребения из жилища № 25 и младенческое из жилища № 23 селища Стан у с. Волынцево. На Битицком городище отчетливо прослеживается совместное проживание славян и кочевников. Этнический состав салтовской по происхождению (битицкой) фации определить сложно, ибо там встречаются разные типы жилищ: подпрямоугольной формы и округлые юрты. Именно рыльское погребение позволяет более или менее уверенно говорить о наличии алан среди неславянского населения Битицкого городища.

Финалом этнокультурного сдвига следует считать сложение волынцевских древностей, предпосылкой и одной из основных причин появления которых и было отмеченное явление. Культурная неоднородность названных древностей в значительной степени была следствием этнокультурного сдвига, что несколько затрудняет установление точной даты завершения этого процесса. Территориально этнокультурный сдвиг охватывал всю территорию Днепровского лесостепного Левобережья и южного Полесья. Но проявления его на этих территориях отличались: если в ареале пеньковской культуры, от бассейна Орели и Надпорожья на юге до средних течений Сулы, Псла, Ворсклы, помимо антских кладов группы I, появились кочевнические или метисные комплексы, то в колочинском ареале, севернее Сейма, инновациями были элементы пеньковской культуры и клады группы I. Если территория пеньковской культуры стала зоной колонизации³³, то ареал колочинской — территорией военных набегов, что фиксируется, по крайней мере, Трубчевским кладом, и, возможно, погребениями с городища Случевск.

«Это далеко не та основа, на которой можно что-то бесповоротно решить», — так высказался Е. А. Горюнов треть века назад о нескольких жилищах из Подесенья с сахновской лепной и гончарной волынцевской керамикой и чертами домостроительства (Целиков Бугор, Стрелица)³⁴. С тех пор ситуация в Подесенье изменилась, как и в бассейнах Сейма, Псла и Ворсклы. Только в бассейне Сулы исследованных комплексов меньше. И если раньше реконструкции этнокультурного процесса строились на базе Левобережного региона в целом или по бассейнам рек, то в настоящее время источниковая база позволяет осуществлять такие построения по отдельным микрорегионам.

Бассейн притока Ворсклы — р. Ворсклицы, южных окрестностей Полтавы³⁵, район Бельского городища³⁶ в этом плане уже подвергались анализу. Они отражают стадию этнокультурного сдвига (памятники типа Белокопи-Лаврики-Чередники, мачухский комплекс, жилище № 9 Вовков, Блажковский клад, Бельск, Рябовка, Глинское-4, Полузорье — постройка № 2, Верхняя Пожня), сложившиеся сахновско-волынцевские (Вовки, Солдатское) и имеющие черты волынцевских и роменских древностей (Опошня). В совокупности это около 40 жилищ, более 10 вещевых комплексов (погребений, кладов и др.), что позволяет реконструировать этнокультурный процесс в бассейне Ворсклы, сравнить данные комплексы с синхронными и более поздними материалами других, бо-

лее изученных, в основном усилиями исследователей из Санкт-Петербурга, Москвы и Киева, микрорегионов Днепровского лесостепного Левобережья и Восточного Полесья — бассейнами Псла и Сейма.

Примечания

¹ *Куриленко В. М., Приймак В. В.* Східне Полісся (лінгвістичний та історико-археологічний аспекти). Полтава; Глухів, 2007. С. 52–75.

² *Зорин А. В., Стародубцев Г. Ю., Шпилев А. Г., Щеглова О. А.* Очерки истории Курского края с древнейших времен до XVII в. Курск, 2008. С. 200–201. Рис. 41, № 4–6.

³ *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л., 1973. С. 12–15. Рис. 4.

⁴ *Крыганов А. В.* Вооружение и войско салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1989. С. 106. Рис. 4, 7, 10.

⁵ *Михеев В. К.* Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985. С. 117. Рис. 8, № 35.

⁶ *Сухобоков О. В.* Дніпровське лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. Київ, 1992. С. 26–27. Рис. 6.

⁷ *Михеев В. К.* Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985. С. 133. Рис. 24, № 13–19.

⁸ *Крыганов А. В.* Вооружение и войско... С. 102. Рис. 3, 5.

⁹ *Зорин А. В., Стародубцев Г. Ю., Шпилев А. Г., Щеглова О. А.* Очерки истории Курского края. С. 200–203.

¹⁰ *Сухобоков О. В.* Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники). Киев, 1975. С. 42, 53–55. Рис. 17, № 2.

¹¹ *Липкин Ю. А.* Могильники третьей четверти I тыс. н. э. в Курском Посемье // Ранне-средневековые восточнославянские древности. Л., 1974. С. 141–151.

¹² *Тихомиров Н. А.* Могильник Лебяжье 3 под Курском // Славяно-русские древности Днепровского Левобережья. Курск, 2008. С. 164–175.

¹³ *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое: О культуре вост. славян в период сложения Киев. государства // МИА. 1958. № 74. С. 123, 289; Табл. LV.

¹⁴ *Афанасьев Г. Е.* Исследования южного угла Маяцкой крепости // Маяцкое городище: Тр. советско-болгаро-венгер. экспедиции. М., 1984. С. 43.

¹⁵ *Березовец Д. Т.* Новые раскопки в с. Волинцево // Археологические исследования на Украине в 1965–1966 гг. Киев, 1967. С. 166–169.

¹⁶ *Приймак В. В.* Путивльське удільне князівство Чернігово-Сіверщини. Полтава, 2007. С. 49–50.

¹⁷ *Винников А. З., Плетнева С. А.* На северных рубежах Хазарского каганата: Маяцкое поселение. Воронеж, 1998. С. 105–109. Рис. 40.

¹⁸ *Плетнева С. А.* От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура). М., 1967. С. 93–97. Рис. 24, № 6.

¹⁹ *Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989. С. 66, 199. Рис. 31.

²⁰ *Плетнева С. А.* Древние болгары в бассейне Дона и Приазовье // Плиска — Преслав: Праболгарская культура: Материалы советско-болгар. встречи. Шумен, 1981. С. 11–12.

²¹ *Плетнева С. А.* Саркел и «шелковый» путь. Воронеж, 1996. С. 35–37. Рис. 14, а.

²² Зорин А. В., Стародубцев Г. Ю., Шпилев А. Г., Щеглова О. А. Очерки истории Курского края. С. 200–201. Рис. 41, № 8.

²³ Сухобоков О. В., Юренко С. П. Опошнянское городище (по материалам археологических исследований 1975 г.). Полтава, 1995. С. 57. Рис. 24, № 13.

²⁴ Ковалевская В. Б. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 93–97, 180, 187. Рис. 63, № 23; рис. 69, № 6.

²⁵ Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996. С. 282. Рис. 97, № 19.

²⁶ Юренко С. П., Сухобоков О. В. О погребальной обрядности носителей памятников волинцевской культуры (по материалам Битицкого городища) // Археология и история Юго-Востока Руси. Воронеж, 1993. С. 40–43.

²⁷ Сухобоков О. В., Юренко С. П. До вивчення волинцевських пам'яток // Археологія та історія північно-східного Лівобережжя (I — початку II тис.). Суми, 2003. С. 45.

²⁸ Скорый С. А. Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). Киев, 2003. С. 72–80.

²⁹ Обломский А. М. Структура населения Лесостепного Поднепровья в VII в. н. э. // Археологічний літопис Лівобережної України. 2007. № 1/2. С. 3–12.

³⁰ Синиця Є. В. Ранньосередньовічні інгумації в ареалі пенківської культури // Vita Antigua. 1999. № 2. С. 98–110.

³¹ Шрамко Б. А. Биритуальный курган у с. Дуванка // Древности. 1995. С. 172–173. Рис. 1, № 8–11.

³² Ковпаненко Г. Т. Племена скифського часу на Ворсклі. Київ, 1967. С. 14–15, 76–77. Рис. 1, 17.

³³ Обломский А. М. Структура населения Лесостепного Поднепровья... С. 3–12.

³⁴ Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л., 1981. С. 90.

³⁵ Приймак В. В. Идеи Е. А. Горюнова в свете изучения систем расселения Днепровского Левобережья I тыс. н.э. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб., 2004. С. 282–287.

³⁶ Приймак В. В. Проблеми вивчення старожитностей I тис. н. е. Більського мікрорегіону (до 70-річчя Є. О. Горюнова) // Пам'ятки археології північно-західного і західного секторів округи Більського городища (I тис. до н. е. — I тис. н. е.). Полтава, 2010. С. 74–93.

В. В. Енуков, О. Н. Енукова

«КУРГАНЫ» В БОРОВСКОМ: К ВОПРОСУ О ПОИСКАХ НЕКРОПОЛЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО РЫЛЬСКА

Для многих древнерусских городов, тем более тех из них, которые дожили до современности, характерна ситуация, когда археологические комментарии к их истории ограничиваются информацией, добытой при изучении только культурного слоя. Выявление сопутствующих им кладбищ сопряжено с большими сложностями, что зачастую объясняется последующей, вплоть до наших

дней, хозяйственной деятельностью. Не является в данном случае исключением и Рыльск, славяно-русские напластования которого начинают формироваться еще в последней четверти I тысячелетия¹.

Из числа известных ближайшая к Рыльску курганная группа располагается в Пригородной Слободке, которая отделена от города низкой поймой речки Рыло. Памятник исследовался начиная с середины XIX в., когда в нем насчитывалось 67 насыпей, и вплоть до 1980-х гг. Погребения представлены главным образом кремациями роменского времени, а также древнерусскими ингумациями². Теоретически можно предположить, что какая-то часть захоронений здесь была совершена рылянами, однако, вероятнее всего, кладбище входило в состав археологического комплекса в Пригородной Слободке, который включал в себя роменско-древнерусское городище «Синайка» и несколько синхронных селищ.

Еще одним «претендентом на звание» кладбища Рыльска являлся комплекс из курганообразных насыпей, расположенных в урочище Боровские Сосны, между пос. Боровское и с. Малогнеушево, на участке 1-й надпойменной террасы левого берега р. Сейм. Большая часть насыпей имеет полусферическую форму, диаметром от 6 до 40 м, высотой от 0,6 до 3,8 м. Встречаются насыпи удлиненной формы. В 1992–1993 гг. в ходе разведывательных работ М. В. Фроловым насыпи были зафиксированы как курганный могильник Боровское-4. На инструментальный план было посажено около 220 насыпей, которые предположительно были соотнесены с кладбищем IX–XII вв. древнего Рыльска³.

В 1999 г. с целью проверки этой гипотезы были проведены раскопки скопления насыпей, расположенных в непосредственной близости к автотрассе Курск — Рыльск и железной дороге Рыльск — Коренево (рис. 1). Три насыпи (№ 3, 5, 9) были раскопаны на снос, а после того как стало ясно, что они представляют собой дюнные образования естественного происхождения, еще целый их ряд был исследован траншеями (№ 6–8). Так как исследования были сконцентрированы в одной, сравнительно небольшой части урочища Боровские Сосны, то для исключения ошибки разведочными траншеями были прорезаны еще 20 насыпей, но уже в разных частях урочища и без присвоения номеров. Все они также представляли собой дюнные всхлопления.

На общем фоне выделялась только насыпь 3, которая перекрывала сооружение, не имеющего, правда, отношения к погребальным обрядностям. В связи с тем, что полученные материалы позволяют предположительно интерпретировать изученный участок, а насыпь представляет собой классический пример дюн, остановимся на ней подробнее.

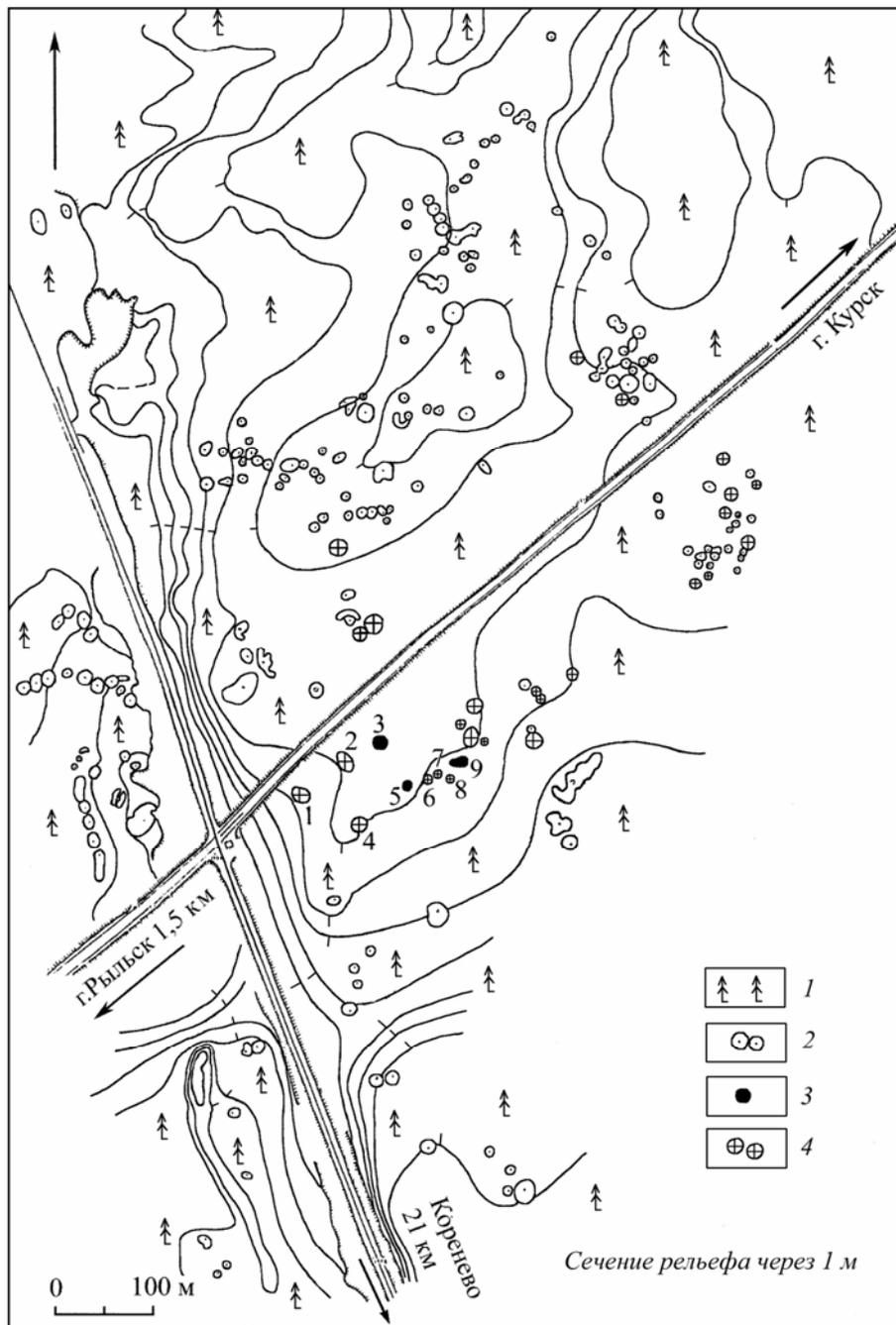

Рис. 1. Боровское. План насыпей.

Условные обозначения: 1 - лесопосадки; 2 - насыпь; 3 - полностью раскопанная насыпь; 4 - насыпь, прорезанная траншеей.

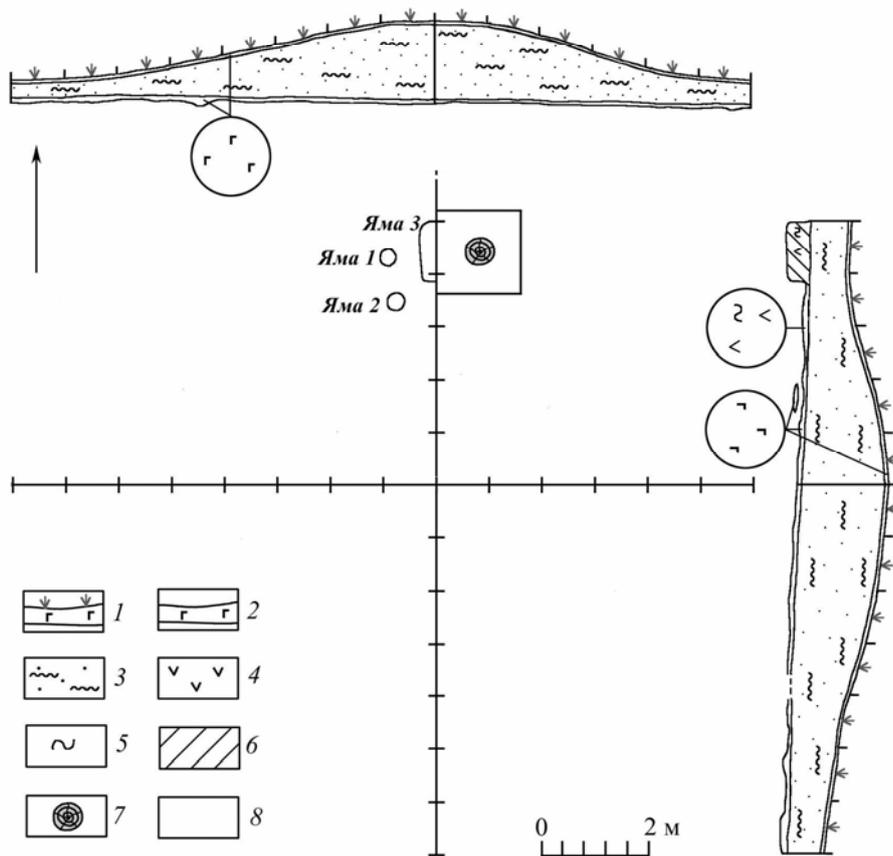

Рис. 2. Боровское. Насыпь 3.
 Условные обозначения: 1 - дерн; 2 - погребенный дерн;
 3 - слоистый песок; 4 - угли; 5 - зола; 6 - темно-серый
 грунт; 7 - лесопосадки; 8 - материк.

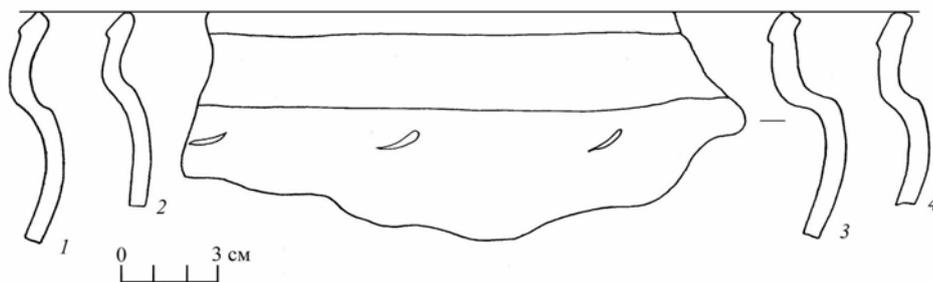

Рис. 3. Круговая керамика из насыпи 3.

Насыпь 3 в виде шарового сегмента имела диаметр 12 м при высоте 1,4 м (рис. 2). Ее поверхность была покрыта хвойным набросом, дерн, как таковой, отсутствовал. Насыпь, как и материк, состояла из зыбучего песка. При подсыхании бровки осыпались независимо от их толщины, что зафиксировано во всех случаях. Отметим, что песок в насыпи залегал своеобразными слоистыми напластованиями, едва различимыми по цветовым оттенкам. Это объясняется не единовременным, а постепенным образованием дюны. Показательна и еще одна стратиграфическая особенность: «насыпь» как бы продолжалась и за своими пределами, что лишний раз доказывает природный характер образования возвышенности. Погребенный дерн, залегающий под песком, представлял собой песчаную прослойку светло-серого цвета, иногда с золистыми включениями, толщиной 10–15 см.

Под северной частью дюны в погребенной почве имелись вкрапления золы и мелких угольков на площади с максимальным размером с севера на юг в 2,5 м. В ней было найдено небольшое количество мелких фрагментов круговой керамики (34 стенки, 2 донца). Под вкраплениями располагалась прямоугольная яма 3, в песчаном заполнении которой также присутствовало небольшое количество включений золы и углей. Объект был исследован только частично, так как рядом с ним росло дерево. Сторона ямы, ориентированная по линии север-юг, имела длину 1,2 м, Стенки ямы были отвесными, на глубине около 0,5 м резко переходили в практически горизонтальное дно. Правильная форма ямы с учетом зыбучего материкового песка могла получиться только в случае ее обшивки деревом, следов которой, однако, зафиксировано не было, что, скорее всего, являлось следствием специфики грунта.

Рядом с ямой 3 располагались столбовые ямы 1 и 2 диаметром, соответственно, 0,32 м и 0,27 м при глубине 0,1 и 0,27 м, имевшие аналогичное заполнение. При разборке ямы 3 было встречено 84 фрагмента круговой керамики, ямы 2 — 11 фрагментов. В подавляющем большинстве они были мелкими обломками стенок. Профильные части немногочисленны, а керамика позднего средневековья для юго-востока Руси не разработана, поэтому о времени использования постройки можно судить условно. По аналогиям с материалами раскопок в Рыльске суммарно ее можно отнести к XIV–XVI вв.

Таким образом, в результате раскопок был получен отрицательный ответ на вопрос о возможной принадлежности насыпей в урочище Боровские Сосны к кладбищу древнего Рыльска. Подобная картина была отмечена в урочище Моква, где, по предположению Ю.А. Липкинга, располагалось кладбище древнего Курска. После работ Посемьской экспедиции в 1994 г. было установлено, что насыпи имеют естественное происхождение⁴.

Исследованная территория в позднем средневековье использовалась как хозяйственная зона, свидетельство чему остатки сооружения под насыпью кургана 3. Впервые на курских землях археологическая фиксация хозяйственной

зоны была проведена на территории Липинского археологического комплекса, где она, правда, сформировалась не позднее XII в. и непосредственно примыкала к селищу. По косвенным признакам есть основания полагать, что эти земли использовались под пашню. В ее пределах было открыто сооружение, которое было интерпретировано как денник⁵.

«Рыльский» вариант отличается тем, что сельскохозяйственные угодья располагались на противоположном от города берегу реки, за широкой поймой. Его «роднит» с Липино наличие хозяйственного объекта, однако он был связан с хранением каких-то припасов, вероятнее всего, временным. Как следует из сохранившихся планов, в XVIII в. эти земли использовались под покосы и выпас скота. Возможно, таким же было назначение территории в урочище Боровские Сосны и ранее, хотя складское помещение позволяет считать, что, по крайней мере, какая-то часть угодий была занята под пашню или огороды. Последнее выглядит более реальным из-за характера почвы в виде рыхлого песка.

Примечания

¹ Фролов М. В. Заключение по результатам археологических исследований 1982–1992 годов города Рыльска и его округа // Хрестоматия для провинциального юношества по истории города Рыльска / Сост. и комм. О. Н. Щёголев. Курск, 1994. Ч. 1. С. 301–309.

² Археологическая карта России: Курская область / Сост. А. В. Кашкин. М., 2000. Ч. 2. С. 110. Рис. 74.

³ Фролов М. В. Отчет об археологических разведках на территории Рыльского р-на Курской обл. в 1992 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 17857. Л. 6–7. Рис. 5.

⁴ Енуков В. В. Отчет о раскопках на территории Курской области в 1994 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 1822.

⁵ Енукова О. Н. К вопросу о сельскохозяйственных зонах южнорусского города (по материалам Липинского археологического комплекса) // Дивногорский сборник: Тр. Музея-заповедника «Дивногорье». Вып. 1: Археология. Воронеж, 2009. С. 153–163.

Г. Ю. Стародубцев, И. Н. Бобин

НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ КОНЦА XII–XV вв. НА ГОРОДИЩЕ ПРИГОРОДНЯЯ СЛОБОДКА (СЛОБОДКА 1)

Фонд нумизматических находок с археологических памятников Рыльского района пополняется практически ежегодно. В окрестностях города только в 2008–2009 гг. было обнаружено два клада джучидских монет с литовскими надчеканками в виде «колюмн»¹. При этом нельзя не отметить, что сами городища и поселения окрестностей Рыльска исследованы в недостаточной степени. В связи с этим введение в научный оборот нумизматических находок с этих

памятников весьма актуально и представляет значительный интерес для исследователей.

В данной работе представлены серебряные и медные монеты, обнаруженные на одном из памятников ближайшей округи Рыльска — городище Пригородняя Слободка (Слободка 1) в течение 2000-х гг.

Всего на его территории было обнаружено 38 медных и серебряных монет, относящихся к различным историческим периодам и находящихся в настоящее время в частных коллекциях. К сожалению, для ознакомления и публикации авторам оказались доступны только 36 находок. Однако достоверно известно, что, кроме монет, описание которых дается ниже, были найдены джучидский данг, а также сильно потертый пражский грош².

Самой ранней монетой является медный фельс сельджуков Рума с пробитым отверстием и весом 3,8 г. На лицевой стороне монеты изображен всадник с поднятой саблей в правой руке, скачущий вправо. По сторонам всадника и под конем три восьмилучевые звезды. На оборотной стороне, в ободке из точек, арабская надпись в четыре строки. Подобные монеты чеканил Кай Хосров I ибн Кылыч Арслан в 588–607 гг. х. (1192/93–1210/11 гг.)³.

Следующие по времени нумизматические находки — XIV — начала XV вв. — чеканились разными ханами Золотой Орды. Среди тринадцати монет лишь одна достоверно относится к первой половине XIV в. и была отчеканена при хане Узбеке⁴, остальные — в конце XIV — первом десятилетии XV вв.⁵ Все монеты имеют следы продолжительного хождения. Надписи на четырех из них прочесть не удалось из-за их сильной потертости. Одна из таких монет частично обломана. На одной имеется надчеканка «колюмн», позволяющая датировать находку не позднее конца 1420-х гг.⁶ Кроме того, необходимо отметить, что монеты Тимура Кутлу и Шадибека — крымского чекана.

Помимо джучидских монет, на городище найдены три пражских гроша Вацлава IV (1378–1419). На их аверсе изображена корона, имя во внутренней круговой легенде, WENCEZLAVS TERCIUS и титул чешского короля во внешней легенде DEI GRATIA REX BOEMIE. На реверсе — идущий влево коронованный чешский лев и название монеты во множественном числе — GROSSI PRAGENSES. Вес монет — 2,30, 2,49 и 2,51 г.

Известно, что в первой половине XIV в. пражские гроши выполняли функции международного платежного средства. Начиная со второй половины XIV в., их роль возрастает во множестве европейских государств: Австрии, Польше, южной и восточной частях Германии, а также в Великом княжестве Литовском⁷. В Галицко-Волынском княжестве во второй половине XIV — первой половине XV в. пражские гроши были официальным платежным средством.

На рассматриваемой территории подобные монеты появляются лишь с конца второго десятилетия XV в. и имеют обращение до конца столетия. Учитывая этот факт, а также сильную потертость грошей в результате продолжи-

тельного хождения, можно предположить, что эти находки попадают на памятник в третьем десятилетии — второй половине XV в.

Скорее всего, во второй половине XV в. на городище выпадает шиллинг Тевтонского ордена, вес которого составляет 0,15 г. На его аверсе гербовый щит великого магистра Ордена, под крестом иерусалимский крест, удлиненные плечи которого разделяют круговую легенду с именем гроссмейстера; на реверсе — гербовый щит Ордена с крестом, удлиненные плечи которого также разделяют круговую легенду. Вследствие плохой сохранности находки прочесть круговые легенды как на аверсе, так и на реверсе не представляется возможным. Однако по типу монеты ее можно датировать серединой — второй половиной XV в.

Ко второй половине XV в. относится группа монет, состоящая из пяти московских денег Ивана III. Аверс трех монет имеет следующее изображение: две звездочки и розетка в ободке из точек, круговая надпись *KNZЬВЕЛИКИИВАНЪ, реверс — цветок с пятью лепестками в ободке из точек, круговая надпись *ДЕНГАМОСКОВСКАА. Аверс одной из денег аналогичный предыдущим, реверс, в отличие от них, имеет круговую надпись среди двух ободков из точек. На аверсе пятой изображен «всадник с высоко поднятой саблей, скачущий вправо, под рукой буква *o*, под конем — *B*»; на реверсе — «поясное изображение воина в панцире..., на голове шапка с загнутыми полями, в правой руке меч, в левой — непонятный предмет...»⁸. Вес монет колеблется от 0,33 до 0,37 г. Наиболее ранние из них — с «розеткой» — чеканились в 1460-х гг., денга с всадником с саблей — в 1470-х гг. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что среди находок нет ни одной поздней монеты Ивана III, в том числе и наиболее распространенных типов. Исходя из вышеизложенного, а также учитывая относительно неплохую сохранность монет, можно предположить, что их появление на памятнике происходит не позднее 80-х гг. XV в.

По предположению В. В. Зайцева, русские монеты в районе Рыльска распространяются после 1500 г. после перехода этих территорий к Великому княжеству Московскому. В данном случае мы имеем дело с одной из самых ранних находок русских денег второй половины XIV в. на территории Курского Посеймья.

К этому же времени относится группа из тринадцати акче, отчеканенных из низкопробного серебра крымской династией Гиреев во второй половине 1460 — первой половине 1480-х гг.⁹ Монеты имеют следы продолжительного хождения, надписи на трех из них прочесть не удалось из-за их сильной потертости. Одна из таких монет погнута в результате удара, нанесенного по одной из ее сторон тяжелым предметом с гладкой выпуклой поверхностью, одна, возможно, является подражанием. Как у всех монет Крымского ханства этого времени, вес их значительно колеблется — от 0,44 до 0,66 г.

Подводя итоги данного обзора нумизматических находок, необходимо обратить внимание на политическую ситуацию, сложившуюся на данной тер-

ритории во второй половине XIV — XV вв. Вторая половина XIV — начало XV в. — период перехода значительных русских территорий под юрисдикцию Великого княжества Литовского. На протяжении 1360–1370-х гг. войска Ольгерда отвоевали у Золотой Орды Курское Посеймье, отодвинув границу далеко на восток. Этот процесс не мог произойти быстро и безболезненно. Однако и русские, и литовские летописи обошли вниманием обстоятельства присоединения Курской земли к Литве.

Особый интерес в этом отношении представляет западная часть Курской области, некогда находившаяся в составе Рыльского княжества. В третьем десятилетии XV в. оно входило в удел Свидригайлы Ольгердовича и располагалось в непосредственной близости от северо-восточного форпоста Киевской земли Путивля. Именно с передачей Витовтом в 1420 г. северских земель с городами Трубчевск, Чернигов, Новгород-Северский во владение младшему сыну Ольгерда Свидригайло, по мнению В. В. Зайцева, связано появление джучидских монет с литовскими надчеканками в виде «колюмн»¹⁰. Топографически монеты с литовскими контрамарками привязаны к Киевско-Северскому пограничью¹¹.

На вторую четверть XV в. приходится борьба северского князя Свидригайло за власть в Великом княжестве Литовском, осложненная соперничеством татарских ханов Улу-Мухаммеда и Сейид-Ахмеда (1432–1437 гг.). В частности, известно, что в 1433 г. татары, которых привел на помощь Свидригайлу воевода Ивашко Монивидович, разорили Киевщину и Северскую землю, а в весной 1436 г. военные действия между войсками Свидригайло и Сигизмунда I велись в районе верхней Оки и на северо-востоке Северской земли¹². Другая вспышка военной активности в регионе относится к событиям мятежа князя Михаила Сигизмундовича, который летом 1449 г. при помощи союзных татар захватил Стародуб, Новгород-Северский, Брянск и «ряд других замков» на Северской земле¹³.

Вероятно, с событиями, обусловленными началом борьбы в 1500 г. Великого княжества Московского за присоединение этих территорий, связано прекращение существования некогда небольшой, но мощной крепости на ближних подступах к Рыльску.

Примечания

¹ *Борейша Ю., Казаров А.* О надчеканках «Колюмн» Витовта Кейстутовича и Свидригайлы Ольгердовича. Минск, 2009. С. 19–22; *Зайцев В. В.* О находке трех кладов джучидских монет с литовскими надчеканками // Средневековая нумизматика Восточной Европы. М., 2009. Вып. 3. С. 190–201.

² Пользуясь случаем, авторы выражают признательность А. В. Сотникову, оказавшему содействие в сборе информации о монетных находках, а также В. П. Лебедеву, В. В. Зайцеву, Вяч. С. Кулешову и Т. М. Фурасевой за неоценимую помощь в определении монет.

³ *Mitchiner M.* The World of Islam. Oriental Coins and Their Values. London, 1977. № 957; *Настич В. Н.* Художественное оформление мусульманских монет: нарушение запрета? // Городская художественная культура Востока. М., 1990. С. 129–149.

⁴ *Френ Х. М.* Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами разных иных мухамедданских династий. СПб, 1832. № 63.

⁵ *Лебедев В. П.* Каталог монет Крыма в составе Золотой Орды (середина XIII — начало XV вв.) // Вестник Одесского музея нумизматики. № 2. Одесса, 2000. № с50а; с54–с57.

⁶ *Зайцев В. В.* Новые находки ранних монет Великого княжества Литовского в России // Средневековая нумизматика Восточной Европы. М., 2007. Вып. 2. С. 128.

⁷ *Зварич В. В.* Нумизматический словарь. Львов, 1975. С. 102. Табл. 14, 86; *Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В.* Словарь нумизмата. М., 1982. С. 222–223.

⁸ *Орешиников А. В.* Русские монеты до 1547 года. М., 1896. С. 127. Табл. XIV.

⁹ *Ретовский О. Ф.* Die Munzen der Girei // Труды Московского нумизматического общества. Т. 2, вып. 3. М., 1901. Taf. III, № 5; Taf. IV, № 4–8, 23–27; Taf. V, № 35–43, 45, 63.

¹⁰ *Зайцев В. В.* О находке трех кладов... С. 193.

¹¹ *Борейша Ю., Казаров А.* О надчеканках «Колюмн»... С. 21.

¹² *Гудаевичус Э.* История Литвы. С древнейших времен до 1569 года. М., 2005. Т. 1. С. 280–290; *Флоря Б. Н.* Орда и государства Восточной Европы в середине XV в. (1430–1460) // Славяне и их соседи. Вып. 10: Славяне и кочевой мир. М., 2001. С. 180.

¹³ *Гудаевичус Э.* История Литвы. Т. 1. С. 310; *Флоря Б. Н.* Орда и государства Восточной Европы... С. 187.

С. Г. Стародубцева

МОНЕТНЫЕ КЛАДЫ XVIII в. ИЗ РЫЛЬСКОГО УЕЗДА

Первые достоверные сведения о монетных кладах на территории Курского края относятся к первой половине XVII в. Самая ранняя известная на настоящий момент находка датируется 31 мая 1632 г.¹ Первая по времени находка на территории Рыльского уезда обнаружена весной 1876 г. в трех верстах от Рыльска при пахоте. Этот клад содержал около 50 серебряных римских денариев II в. н. э. (самая старшая монета датируется 140–144 гг., а самые младшие — 186–187 гг.)².

За прошедшее время фонд нумизматических находок из Рыльского уезда (а затем района) регулярно пополнялся. В окрестностях города только в 2008–2009 гг. было обнаружено два клада: один содержал русские монеты XVII–XVIII вв. (как копейки, так и рубли и полтины)³, в состав другого входили джучидские монеты, в том числе с литовскими надчеканками в виде «колюмн»⁴.

Данная статья посвящена кладам, содержащим русские монеты XVIII в. и обнаруженным с начала XX в. по начало XXI в. на территории Рыльского уезда (района).

Прежде всего, необходимо отметить, что при обнаружении кладов первыми представителями власти на местах, в руки которых он попадал, были нижние полицейские чины, от служебного усердия которых зависела полнота

информации об обстоятельствах находки и степень сохранности клада. Согласно статье 792 «Свода губернских учреждений», «...в случае, когда где-либо в стане будут найдены ...старые монеты и другие древности, или особенно замечательные произведения природы, становой пристав, узнав о том и получив сии древности..., представляет оные в полицейское управление, для отсылки к губернскому начальству, и для объявления о забытых или потерянных вещах через Губернские ведомости. Становой пристав с тем вместе объявляет представившим ...найденные древности, что они непременно получают следующее им за то вознаграждение, по мере ценности представленной ими вещи, а именно: ...за древности всю настоящую цену золота, серебра или иного вещества, из коего они сделаны»⁵.

Сложившуюся к началу XX в. практику хорошо иллюстрирует хранящееся в фондах ГАКО дело о находке в д. Дугиной Рыльского уезда клада русских серебряных монет XVI–XVII вв. В составленном 30 сентября 1907 г. протоколе приставом 3 стана Рыльского уезда зафиксировано, что «сего числа явился ко мне крестьянин деревни Дугиной, Бобравской волости Василий Алексеев Киктев и представил небольшого размера старую глиняную кубышку, наполненную мелкими старинными серебряными монетами, неправильной формы овала, и объяснил, что эту кубышку с деньгами он вчерашний день выпал на своем огороде, в то время, когда выпалывал из земли картофель. Вследствие чего деньги эти мною, приставом, были приняты от Киктева и взвешены в присутствии... двух понятых и денег этих оказалось без одной осмой два фунта. При осмотре мною места, где был выпалан этот клад, оказалось, что он был зарыт приблизительно на глубине шести вершков и на расстоянии тринадцати сажений от дома Киктева, в этом месте усматривается небольшое углубление, очевидно, была когда-то ямка, которая засыпана землею с примесью диких камней, глиняных черепков, угля, дровяной золы и разного мусора. При розыске, как на этом месте, так и около него другого клада не оказалось. Постановил: взвешенный клад запечатать в той же кубышке и представить на распоряжение в Рыльское уездное полицейское управление»⁶. Отправленные в Императорскую археологическую комиссию (ИАК) монеты были определены как русские серебряные копейки «времени Михаила Федоровича с небольшой примесью экземпляров предыдущих царствований с Ивана IV». ИАК за рубль приобрела кубышку, в которой находился клад, отправив ее в Императорский Русский Исторический музей, и одну монету для Императорского Эрмитажа. Остальное было возвращено находчику как не «представляющее никакого нумизматического интереса»⁷.

Кроме того, в конце XIX — начале XX в. после передачи больших земельных массивов в собственность крестьянским обществам большой размах в Европейской части России приобрело кладоискательство. В поисках сокровищ

жители сносили на своей земле курганы, уничтожали городища, разрывали древние могилы.

Только в XX в. столетии стало складываться отношение к монетным кладам как к единому целому артефакту, в котором отражаются социально-экономические, политические, культурные и бытовые аспекты. Монеты и монетные клады свидетельствуют об общественной жизни, а также о развитии торговых связей как внутри страны, так и с внешним миром. Монеты несут значительный объем информации, необходимой для научных исследований.

В течение рассматриваемого периода в округе Рыльска было обнаружено семь кладов, содержащих русские монеты XVIII в. В дореволюционное время зафиксировано две находки. В 1910 г. в окрестностях с. Низовцево крестьянином найдено 15 медных пятаков Елизаветы Петровны и Екатерины II. После изучения клада ИАК монеты были возвращены находчику⁸. 10 апреля 1914 г. крестьяне Игнат и Мартын Павловы Лагутины при вспашке огорода в с. Козино Крупецкой волости Путивльского уезда (современный Рыльский район) нашли глиняный кувшин, в котором оказалось 3663 серебряные монеты XVII–XVIII вв., из них 2378 русских серебряных копеек 1698–1711 гг., 4 алтына 1704 г., $\frac{1}{4}$ испанского талера 1663 г., 1256 польских монет разного достоинства 1620–1627 гг.⁹

Следующие две находки относятся к 1950-м гг. В 1951 г. член сельхозартели им. М. И. Калинина Н. Р. Новиков в борозде около с. Асмолово на небольшой глубине нашел тяжелую глиняную посудину. В ней оказалось 47 кг медных монет конца XVII — начала XVIII в.¹⁰ В июле 1954 г. в Рыльске на бывшей усадьбе купца Сыромятникова ученик 10 класса средней школы № 4 А. Воробьев при рытье ямы для гашения извести на глубине 0,7 м обнаружил 10-литровый медный кувшин с бумажными ассигнациями, а также с 312 серебряными монетами. Ассигнации относились к началу XX в. и времени гражданской войны. Среди монет были копейки времени царствования Василия Шуйского, Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Петра I. Семнадцать монет пробиты. Вероятно, отверстия служили для нанизывания на нитку в целях удобства хранения или в качестве украшения. Многие монеты были в плохом состоянии¹¹. Оба клада были переданы в Рыльский краеведческий музей.

Еще два клада были обнаружены в конце 1990-х гг. В 1998 г. в Рыльском районе найден клад серебряных рублей XVIII в. Точное место находки и ее размер неизвестны¹². Летом 1999 г. в д. Дурово при вспашке огорода было обнаружено два глиняных горшка. В первом 400 пятаков 1758–1778 гг., во втором — 30 рублей, 2 полтины и 100 пятаков 1733–1787 гг.¹³ Дальнейшая судьба обоих кладов, к сожалению, неизвестна.

В апреле 2008 г. при разборке ограды Свято-Николаевского монастыря в Рыльске в стеклянной бутылке, запечатанной сургучом, обнаружен еще один клад. Находчики разбили бутылку и забрали монеты. Позднее их задержали со-

трудники отдела милиции курского железнодорожного вокзала. Монеты были изъяты и переданы вначале в епархиальное управление, а затем в Курский областной краеведческий музей.

Всего в кладе оказалось 1811 монет. Из них 1788 копеек XVII–XVIII вв., относящихся к периодам царствования Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича. Примечательно, что в кладе обнаружили даже фальшивые копейки с именем Петра. Кроме копеек, в состав клада входят 23 монеты регулярного чекана (рубли и полтины Петра I, Екатерины I, Петра II и Анны Иоанновны)¹⁴.

Анализируя составы перечисленных кладов, можно предположить время их выпадения. Судя по всему, клады 1914 и 1951 гг. относятся ко времени реформ Петра I, находка 2008 г. — ко второй четверти XVIII в., клады 1910 и 1999 гг. — ко времени Екатерины II. Находка же 1954 г., скорее всего, является кладом, который создавался дважды (первоначально в период царствования Петра I и вторично в годы гражданской войны). К сожалению, не представляется возможным определить время закладки клада 1998 г., так как не известен точный его состав.

Примечания

¹ *Новомбергский Н. Я.* Клады и кладоискательство в Московской Руси XVII столетия // ЖМНП. Н. С. Ч. 67. 1917. Февр. С. 157–203; *Зорин А. В., Стародубцев Г. Ю., Шпилев А. Г.* История изучения курских древностей. Курск, 2000. С. 275. (Курский край; Т. 5).

² *Голенко К. В.* Находки римских денариев в Курской и Воронежской областях // СА. 1959. № 1. С. 265–267.

³ В Рыльском монастыре найден клад (по материалам сайта <http://www.regions.moe-online.ru>).

⁴ *Зайцев В. В.* О находке трех кладов джучидских монет с литовскими надчеканками // Средневековая нумизматика Восточной Европы. М., 2009. Вып. 3. С. 190–201.

⁵ СЗРИ. Т. 2: Свод губернских учреждений. СПб., 1892. С. 164.

⁶ Протокол пристава 3 стана Рыльского уезда от 30 сентября 1907 г. // ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 125.

⁷ Отчет ИАК за 1907 г. СПб., 1910. С. 113.

⁸ Отчет ИАК за 1909 и 1910 годы. СПб., 1913.

⁹ О нахождении в Курской губернии старинных монет и разных предметов // ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 635; Отчет ИАК за 1913–1915 годы. Пг., 1918.

¹⁰ Интересная находка // Курская правда. 1951. 15 июня.

¹¹ Переписка Курского областного краеведческого музея с районными музеями по вопросам определения ценности археологических находок. 1.07.1954–10.08.1955 // ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 270; *Ланцев Г.* Новые экспонаты музея // Курская правда. 1954. 17 авг.

¹² *Зорин А. В., Стародубцев Г. Ю., Шпилев А. Г.* История изучения курских древностей. С. 338. № 186.

¹³ Там же. С. 339. № 191.

¹⁴ Курским краеведам вернули древние монеты, еще один клад предстоит оценить (по материалам сайта <http://vkurske.com/events/z15208320>).

РОСПИСЬ ПОЛОНЯНИКОВ, ВЗЯТЫХ РЫЛЯНАМИ ВО ВРЕМЯ СЕВЕРСКОГО ПОХОДА 1632–1634 гг.

На роль полона (полоняника, пленника) у русских служилых людей в Московском государстве XVII века годились преимущественно представители тягловых «черных миров» — посадские люди и пашенные крестьяне неправославной веры (католики «ляцкой веры», униаты «белорусской веры»). На этот счет существовали следующие предписания: «велети пашенных мужиков и всякой литовской полон служилым людям держати у себя в поместьях и в вотчинах»¹. Положение пленников было самое незавидное: их могли продавать и менять. Следуя этому, полон для служилого человека был достаточно выгоден. Возможностью привести в свои пенаты и поселить во дворах пленников во время Северского похода, о котором и пойдет речь далее, на литовские и черкасские города воспользовались даже охочие люди из крестьян Северской земли — комаричане (дворцовые крестьяне Комарицкой волости) и карачевцы².

Деулинское мирное соглашение, подписанное 4 декабря 1618 г. между Московским государством и Речью Посполитой сроком на 14,5 лет, предусматривало отторжение в пользу последней ряда городов Северской земли, как-то: Новгорода-Северского, Стародуба, Почепа и Чернигова. Из «отдаточных» Речи Посполитой городов была выведена бóльшая часть как «служилого города», так и мелких ратных людей. Так, после 1618 г. происходила следующая «мобильность» «служилых городов» из Польши в Россию: с 1618 г. стародубцы были сведены в Брянск, новгород-северцы — в Рыльск, черниговцы до 1618 г. служили в Новгороде-Северском, а с 1618 г. — в Путивле, почепцы и рославльцы — в Брянске. В 1623 г. численность этих «выходцев» в северских городах, если верить Разрядным книгам, составляла: в Брянске с воеводой Александром Нагим «стародубцев выборных 4 человека, да дворовых и городовых две трети 17 человек; почепцев выборных 3 человека да дворовых и городовых 46 человек; рословцев выборных 4 человека, да дворовых и городовых 46 человек». С воеводой Семеном Яковлевым: «стародубцев 8 человек, почепцев 13 человек, рославцев 25 человек». В Рыльске 125 человек новгород-северских детей боярских конных, «да городовую службу служат 20 человек»; черниговцев конных 58 человек, городской службы 33 человека. В Путивле: черниговских детей боярских конных 81 человек, пеших 71³.

В начале 1630-х гг. обе стороны, как польская, так и московская, начали активную подготовку к предстоящей войне. В планах Московии было возвращение «искони русского» Смоленска, северских земель, а также некоторых бывших псковских пригородов, также после 1618 г. отданных Польше. В первые месяцы войны за Смоленск русским служилым людям Северской Украины

— рылянам, путивльцам и комаричанам — надлежало «с боем» посещать «бывшие» уезды Московии, где следовало «чинить» неприятелю «задоры», «промышляти, смотря по вестем и тамошнему делу».

Осенью 1632 г. московским правительством было принято решение о подготовке т. н. «Северского похода» за возвращение в лоно русского государства прежних «московских» городов и уездов. Центральным плацдармом для наступления московской рати на «литовскую» Северу был Севск, жилой острог в Брянском уезде. Сюда стали стекаться служилые люди из Карачева, Брянска, Рыльска, Путивля в лице дворян, детей боярских, стрельцов, казаков всех мастей (верстанных, полковых и пр.). В 20-х числах ноября 1632 г. рать севского воеводы Баима Болтина выдвинулась в сторону литовского рубежа. 27 ноября в Севск на место умершего воеводы Федора Плещеева в качестве воеводского товарища Баима Болтина был назначен Иван Еропкин, в распоряжении которого находились 1168 ратников, незамедлительно присоединившихся к Болтину. Общая численность этого ратного формирования составила 1556 человек⁴. Здесь же эта разношерстная рать пополнилась местными севскими стрельцами (100 человек) и некоторым количеством комарицких «охочих» казаков из числа местных дворцовых крестьян.

Первым брянским воеводой Никитой Оладьиным 17 ноября 1632 г. был взят острожек Почеп. Синхронно отряду Баима Болтина и Ивана Еропкина из Брянска под Трубчевск выступила рать головы Андрея Зиновьева, к 5 декабря двухнедельной осадой вынудившая город сдаться. 20 декабря 1632 г. Новгород-Северский был взят в осаду, городские укрепления (в частности Иерусалимская башня) были подожжены путивльскими охочими людьми селитрянника Дмитрия Горбунова. Осажденный гарнизон из шляхты, гайдуков и черкас вынужден был сдаться москвитам.

Одновременно с боевыми действиями под Новгород-Северским ратные люди прочих северских городов пытались нанести удар противнику в селениях, лежащих неподалеку от русских пограничных уездов, в т. н. демаркационной зоне. Наибольшую активность в этих действиях проявили жители Рыльска и Путивля. Так, 25 декабря отряды голов Леонтия Литвинова и Семена Воцинина с рылянами и путивльцами вернулись в Путивль, где рассказали, что ходили они под Роменский острожек⁵, где имели бой с людьми урядника Криштофа Сеножацкого. Разорение его не случайно: Роменский острог находился всего в 80 верстах от Путивля и потенциально являлся отличным плацдармом для наступления польских войск. Поэтому путивльцы решили разорительным набегом обезопасить себя от средоточия тут вражеских контингентов. В ходе боя путивльцам достались девять знамен, три из которых привезли в Путивль, два знамени и затинную пищаль отвезли в Рыльск⁶. Ромны были взяты, его посад выжжен. Однако несмотря на это «Рамонский острог» был вскоре вновь отстроен, но 23 июля 1633 г. путивльцы опять его сожгли⁷. «Отыгратья» на мос-

ковитах за Роменский острожек Криштофу Сеножатскому удалось позже. В августе 1633 г. этим же урядником, а также черкасами полковников Пырского, Ловерко и Яцко (Якова) Острянина был атакован Курск. Бой продлился с четырех часов дня до вечера, была сожжена Стрелецкая слобода⁸.

8 января 1633 г. отряд брянского воеводы Никиты Оладьина осадой взял Стародуб. Ободренные успехами под Новгород-Северским, Трубчевском и Стародубом, ратные и охочие люди, невзирая на отсутствие указаний свыше, поспешили за языками и полоном в Гомельский повет Речи Посполитой, а также под Кричев, Чечерск и Пропойск, т. е. на территорию нынешней Белоруссии, где некоторые из них примкнули к отряду «крестьянского атамана» Ивана Балаша. Так, 22 января из Стародуба под Гомель за языками вышел отряд голов Богдана Булгакова и Ивана Ермолина. 30 января ратные люди вернулись в Стародуб. Судя по их словам, они выжгли посад Гомеля и «повоевали» его уезд, «села и деревни выжгли ж, и уездных людей многих побили и в полон поимали»⁹. Сюда, под Гомель, а также Пропойск и Чичерск, ходили и комарицкие охочие люди: «под Стародубом гоняли в загон, воевали литовскую землю, села и деревни повоевали и пожгли, и у городов посады и слободы пожгли». Кроме этого, крестьяне взяли себе полон, который по возвращению домой планировали поселить в своих дворах, а также частично распродать. Как только комаричане вернулись под Стародуб из Гомельского уезда с полоном «и с лошадьми, и з животиною, и со всякою полонною рухледью», то были ограблены дворянами и детьми боярскими: «полон, и лошади, и платья, и всякою добычу поотнимали». Жалобы воеводам Ивану Еропкину и Никите Оладьину на ратных людей, а также упование комаричан на хоть какую-нибудь управу результата не дали. Охочие люди просили государя дать добро, дабы им «вольным людишкам... Комарицкой волости крестьянишком» ходить в Литовскую землю войною¹⁰.

В декабре 1633 г. воевода Ф. Т. Пушкин направил из Севска охочих людей с головами под Борзну «для промыслу над городом». В с. Полошкове Новгород-Северского уезда «на Спаском поли» сошлись они с путивльскими и рыльскими ратными людьми. Этим объединенным отрядом Борзна была взята, московитам достался артиллерийский наряд и знамена, а также языки. Большой и малый остроги Борзны, села и деревни ее округи были сожжены. Отсюда северский отряд выступил в сторону Севска. Близ Спасского поля, «за десять верст», путивльские дворяне, дети боярские и верстанные казаки «боем» стали отнимать у комарицких охочих людей полуторную пушку и прочие трофеи «и ис пищалей... почели стрелять». Было убито несколько охочих людей. Как утверждали комаричане, путивльцы ограбили их «завидоючи». Однако на этом злоклучения охочих людей не закончились. Как выяснилось, подходя к Борзне верст за 50, комаричане оставили («пометали») свои запасы, сани и коней на Спасском поле «на станех». И тут «поработали» путивльцы: запасы и кони были увезены, охочих людей, стороживших все это добро, переранили, «а иных до

смерти побили». Комаричане возвращались в Севск пешими. Крестьяне всех четырех станов волости, участники этого похода, «Ивашка Тешинцов, Томилка Рогач, Озарка Яковлев со товарищи» били челом, однако просьбы о возврате им коней, платья, денег и прочих запасов да трофеев остались без ответа¹¹. Языков в лице поляков и черкас привели в Рыльск (17 человек) и Путивль (20 человек)¹². По примерным данным, количество дворов в слободах близ Борзны в тот год составляло приблизительно 300–400, отсюда следует, что урон черкасам был нанесен весьма внушительный¹³.

Зимой 1634 г. Смоленск был оставлен русскими войсками и сдан полякам, война была проиграна. 4 июня 1634 г. состоялось подписание мирного соглашения, вошедшего в историю под названием «Поляновского перемирия». Московским государем по разным украинным городам были разсланы грамоты о прекращении боевых действий, «чтоб на обе стороны кровь христианская унять». Согласно условиям Поляновского перемирия, состоялся обмен пленными: «а которые русские люди в полону в Польше и в Литве, и тех, по посольскому договору, всех из Польши и из Литвы отпустить в Московское государство тотчас; а которые польские и литовские люди в полону в нашем в Московском государстве, и тех полоняников отпустить в Польшу и в Литву»¹⁴. Походы «для промыслу» в литовские и черкасские города русских ратных людей однозначно пресекались: «и... по мирному договору в литовскую сторону, за рубеж, в войну... ратных людей не посылали; ... и... мимо... указа самовольством за рубеж не ходили и с порубежными людьми задоров никаких не делали». Всякому, кто ослушался бы этих предписаний, грозила смертная казнь. Тогда же решил вопрос и о полоняниках, в массовом количестве находящихся у русских ратных людей порубежных городов: «тех всех полоняников... переписать, кто именем и которых городов, где кто взят и кто какой веры, и в нашем в Московском государстве кто крещен в нашу, в православную, в крестьянскую веру». Списки полоняников надлежало отправлять в столичный Разряд¹⁵.

В 1634 г. в съезжих избах разных северских городов были составлены росписи «литовского полону», набранного черниговскими, рыльскими, росславльскими, брянскими и почепскими дворянами и детьми боярскими, рыльскими и путивльскими беломестными и полковыми казаками, пушкарями того же города, брянскими стрельцами и людьми «пушкарского чину». Характерно, что, судя по росписям, в походах принимали участие и местные соборные попы. Росписи представляли также донские казаки и «вотоманы», бывшие в походах в составе московского рати под Новгород-Северским, Трубчевском и прочих «городах»¹⁶. Ратные люди обстоятельно рассказали, кого из пленников, где и при каких обстоятельствах взяли: «а взял тово мальчика с товарищи... как приходили литовские люди под Рыльск из-под Севска» и пр. Примечательно, что некоторые «полоняники» были куплены у комарицких крестьян и казаков т. н. «Балашовой станицы» (отряда крестьянского атамана Ивана Балаша). В то

время за пленника в среднем давали по 2,5–3 «рубли» и «больши», до 8 руб. включительно.

Главным контингентом пленников были представительницы женского пола — «девки», «жонки», взятые во время походов под Борзну, Ромны, Новгород-Северский, Стародуб и Трубчевск. Следует заметить, что едва ли настоящие списки были полными, так как многие ратные люди и комарицкие крестьяне могли просто-напросто утаить в своих дворах полоняников¹⁷.

В сентября 1634 г. в противовес удержанию в Путивле 100 человек казаков и крестьян из Речи Посполитой роменский урядник К. Сеножацкий приказал заковать в железо русских пленников — уроженцев Путивльского уезда¹⁸. Путивляне находились в Ромнах до следующего 1635 г., пока польское правительство не разрешило русским украинным людям искать своих родственников на территории Речи Посполитой и требовать от местных урядников отпуска их восвояси¹⁹.

Вниманию читателя предлагается одна из «рописей полоняников», представленных по окончании Смоленской войны в съезжей избе служилыми людьми города Рыльска — дворянами, детьми боярскими, беломестными и полковыми казаками, пушкарями, а также двумя подьячими. Росписи наглядно иллюстрируют эпизод происхождения локального сообщества — крестьянско-холопской страты «задворных людей» первой половины XVII в.

Приложение

Роспись полона, набранного рылянами во время Северского похода 1632-1634 гг.

[л. 136] Розпись дворян и детей боярских рыленом, которые литовской полон приводили в съезжую избу к роспросу в нынешнем во 142 году и которые што у себя литовского полону сказали.

Булат Иванов сын Зеленин литовского полону у себя сказал жонку Просковьицу Семенову дочь стародубского взятья, мещанка белорусские веры. А купил де сын ево Гордей в Стародубе Северском у козаков Белошовой [так в ркп., читать «Балашовой»] станице, дал за нее четырея рубли.

Юрьий Донилов сын Зеленин литовского полону у себя сказал жонку Оленку борзеньсково взятья белоруской веры. А купил де он Юрьий тое жонку у рыленина жилецкова человека у Васька Карпова с товарищи, дал за нее десять рублей с полтиною. И ныне де та ево жонка пошла замуж за крестьянина ево Юрьева за Горасимка Мотвеева, а венчал де ево Юрьева крестьянина Горасимка с тою жонкою и той ево жонки молитву говорил с ним з Горасимкам села Копыстич Пречистенской поп Федор.

Да он же Юрьий привел литовского полону в съезжею избу к роспросу девку Марушку ромонского взять лятцкие веры, и та де девка в православную крестьянскую веру крещена в Рыльску и имя де дано ей Марфа. А тое де девку купил он, Юрьи, у рыленина у Петра Ширкова, дал за нее восемь рублей с полтиною. И та девка в роспросе сказала: родом она города Ромна, а отца де своево и матери не помню, потому што де осталось мала. А после отца и матери волочилось [*так в ркп.*] по двором и роду де и племяни у нее в Литве нет и в Литву ити не хочет.

[л. 137] Федор Степанов сын да Петр Федоров сын Ширковы литовского полону у себя сказали жонку новгородского взятья Дарьица Иванова дочь, была лятцкие веры. А куплена де она у рыленина у Устина Муратова с товарищи, дана четыре рубли с полтиною. И та жонка в православную крестьянскую веру крещена в Рыльску и име де дано ей Вера.

Да оне же у себя литовского полону сказали: девка Марушка Борисова дочь была де лятцкие веры, а в православную крестьянскую веру крещена в Рыльску и име де дано ей Овдотьею. А куплена де она у комарицких крестьян, дана три рубли с полтиною.

Да оне ж у себя литовского полону сказал детину Сенка Савостьянов, крестьянской сын ноугородского уезда, а взял де тово детину он, Петр Ширков, сам. И жонка де, и девка, и детина в литовскую землю итить не хотят, а хотят де жить у них, у Федара, да у Петра.

Гордей Донилов сын Зеленин литовского полону у себя сказал девку. Была де она лятцкие веры ноугородского взятья, а в православную крестьянскую веру крещена в Рыльску и имя де дано ей Агафья, речичского ляха дочь.

Да он же Гордей литовского полону у себя сказал: малой лятцкие веры, а звали де ево Ондроскою Нозарьев сын, лет з десять, стародубского взятья. А в православно [*так в ркп.*] христианскую веру крещен в Рыльску, а име де ему дано крещенье Семен. А купил де он, Гордей, тово малова у козака Белошовой станице у Ильи Иванова, дал три рубли с полтиною.

Да у нево ж Гордея литовского полону малой Ондрюшка Миколаев, лятцкие веры. А в православно крестьян[л. 138]скую веру крещен в Рыльску, и имя де ему дано Афонасей. А купил де тово малова он, Гордей, у рыленина у Петра Тотаринова, дал три рубли.

Григорей Костентинов сын Бойкочкаров литовского полону у себя сказал жонку Акилинку Федорову дочь ромонского взятья, белорусской веры. А купил де он, Григорей, тое жонку у рылен у Петра Федорова сына Ширкова с товарищи, дал за нее шесть рублей.

Федор Ловрентьев сын Бойкочкаров литовского полону у себя сказал жонку Полажку [так в ркп.] Семенову дочь ноугородского взятъя белорусские веры. А купил де он Федор тое жонку у рыленина у Ондreja Осмолова, дал два рубли.

Федор Михайлов сын Деменков литовского полону у себя сказал жонку Ульянку Иванову дочь, а была де она рускоя Смоленского уезда и была в полону в Литве. А взята она в Новгородском уезде в деревни в Пушкорех, и тое де жонку он, Федор, выменил на мужика у Восилья Люшина, а за мужика де дал два рубли у черниговца у Михайла Коженовского с товарищи.

Да у нево ж Федора литовского полону жонка Полажка Иванова дочь крестьянская, замужим за ево Федоровым человеком за Ромашком Ивановым, а взята де она в Новьгородке девкою, а венчал де ее в Рыльску и купил ее у товарищей своих у Михайла Коженовского с товарищи, дал два рубли с полтиною.

Захарей Иванов сын Копачов литовского полону у себя сказал жонку Водка [так в ркп.] Иванова дочь ноугородского взятъя, родом де она смолянка крестьянская, а купил де он, Захарей, тое жонку у товарищей своих, дал пять рублей.

Василей Костентинов сын Ширков литовского полону у себя сказал жонку Марьицу Олексееву дочь ноугородского взятъя [л. 139] крестьянские веры. А купил де он, Василей, тое жонку у путивльских козаков, дал пять рублей.

У Петровой жены Суковнина з детьми литовского полону женка Афимка Еремеева дочь з дочерью Феклою ромонского взятъя белорусские веры, мещанка, Прокофьева жена. А куплена де та жонка у беломесных козаков у Ивашка Орлова с товарищи, дали пять рублей.

Да у нее ж Петровой жены литовского полону жонка Иринка Микитина дочь борзенского взятъя белорусской веры, мещанка. А куплена де та жонка у стрелецкого и козачьего головы у Онисима Мокеева с товарищи, дана четыре рубли.

Да у нее ж детина Васька ноугородского взятъя белорусские веры, а куплен де тот детина у рыльских стрельцов, дал два рубли с полтиною.

Микифор Васильев сын Молеев литовского полону у себя сказал жонку Полажку Иванову дочь ноугородского взятъя белорусские веры, а родом де она кричевка. А купил де он, Микифор, тое жонку Новагородка Северского у Тошлыка Орсеньева, дал два рубли с полтиною.

Да он же Микифор литовского полону у себя сказал жонку Варварка Говрилова дочь с сынам з Говрилком, родом де она Старова Быхова белорусские веры. А взята де она в Гомейском уезде. А купил де он, Микифор, тое жонку в Стародубе у козаков Белошовой станицы у Гришка Киселя с товарищи, дал пять рублей.

Иван Порфеньев сын Гольянькин литовского полону у себя сказал девку Ганку борзенского взятца, белорусской веры. А купил де он, Иван, тое девку у комарицких крестьян, дал три рубли.

Петр Григорьев сын Воропонов литовского полону у себя сказал жонку Анютку Яковлева дочь с сынам ромонсково [л. 140] взятца белорусские веры. А купил де он, Петр, у рыленина у Григорья Екимова, дал три рубли.

Дружина Жданов сын Лодыгин литовского полону у себя сказал Ивашка Офонасов з женою и з детьми. И тот де Ивашка сидит ныне в тюрьме, а жена де и дети ево померли. А купил де он у Степана Бырдина, дал за нево деветь рублев.

Да у нево ж у Дружины литовского полону жонка Олгинка новгородского взятца. А купил де он тое жонку у путивльского сына боярского у Федора Труфонова, дал четыре рубли. И та де жонка ныне за приставы.

Олексей Михайлов сын Молеев литовского полону у себя сказал жонку Полажку Корнееву дочь Стародубского уезда села Дрокова крестьянская жена. А купил де он, Олексей, тое жонку у рыленина у Ивана Соболева, дал пол пета [так в ркп.] рубли.

Гаврила Семенов сын Молеев литовского полону у себя сказал жонка Полажка Афонасова дочь Кричевского уезда белорусской веры. А купил де сын ево в Стародубе у козаков Белошовой станицы, дал три рубли.

Богдан Григорьев сын Воропонов литовского полону у себя сказал жонку Анютка Кричевского уезда белорусской веры. А купил де он, Богдан, тое жонку у рыленина у Дмитрея Петряева, дал три рубли. И та де жонка пошла замуж за крестьянна ево за Илейку Логвинова, а молитву де им говорил Вогрицкой волости Пречистенской поп Василей.

Юрьий Жданов сын Лодыгин литовского полону у себя сказал мальчика Ваську борзенского взятца белорусские веры.

Иван Карпов сын Клеменов литовского полону у себя сказал жонку, была жидовка, а в православную крестьянскую веру крещена в Рыльску, а имя де ей дано Меланья [л. 141] борзенского взятца. А купил де он, Иван, тое жонку у товарищей своих, дал три рубли с полтиною опричь своего жеребья.

Василей Несмелов сын Зеленин литовского полону у себя сказал жонку Настасьицу з дочерью ромонского взятца белорусские веры. А купил де он, Василей, тое жонку у рыленина у Михайла Постригичева, дал три рубли.

У Михайловой жены Вихторова да у сына ее у Кузьмы Вихторова литовского полону мужик Гришка Павлов з женою Овдотьицею новгородского взятъя белорусские веры. А куплен де он, Гришка, у рыленина у Григорья Сучкина, дал полтора рубли.

Мотвей Романов сын Киев литовского полону у себя сказал жонку Котеринку Юрьева дочь новгородского взятъя белорусской веры. А купил де он, Мотвей, у рыленина у Петра Воропонова, дал три рубли.

Дмитрей Ондреев сын Бырдин литовского полону у себя сказал детину Федька борзенского взятъя белорусской веры, а купил он, Дмитрей, тово детину в своем десятку, дал два рубли.

Игнатей Денисьев сын Толмочев литовского полону у себя сказал детину Мишка Екимова, а взял де он, Игнатей, тово детину в Борзне сам, а родом де тот детина почепец крестьянской сын.

Иван Михайлов сын литовского полону у себя сказал жонку Овдотьицу борзенского взятъя, а та де жонка руская, взята была в полон в Литву в старою войну изо Москвы, а жила она в Борзне замужом за резником.

Степан Федоров сын Бырдин литовского полону у себя сказал жонку Софьицу борзенского взятъя белорусские веры. А купил де он, Степан, тое жонку в своем десятку у Кузьмы Бырдина с товарищи, дал за нее два рубли.

[л. 142] Сергей Федоров сын Бырдин литовского полону у себя сказал малово лет в двенатцать Филька, борзенского взятъя белорусские веры. А купил де он, Сергей, тово малова у путивльца сына боярсково у Игнатья Воронина, дал два рубли.

Кирей Михайлов сын Осмоллов литовского полону у себя сказал мальчика Кондрашка Иванов сын, Черниговского уезду белорусской веры. А купил де он, Кирей, у рыленина у Кузьмы Вихторова, дал два рубли.

Ондрей Федоров сын Бырдин литовского полону у себя сказал детина Офонка Фомин сын ноугородского взятъя белорусские веры. А купил де он, Григорей, тово детину у Петра Петряева, дал три рубли.

Григорей Осипов сын Висковатой литовского полону у себя сказал малова Еремьку Черниговсково уезда. А купил де он, Ондрей, тово малова у товарищей своих, дал два рубли.

Григорей Микитин сын Петряев литовского полону у себя сказал девочку года два ромонского взятъя, а крещена в провославною христианскою веру в Рыльску. А купил де он, Григорей, ее в войску у голову у Петра Суковнина с товарищи, дал за нее рубль.

Да у нево ж у Григорья литовского полону малой Тимошка ромонского взятья. А купил де он у нево ж, Петра, дал два рубли.

Иван Микитин сын Петряев литовского полону у себя сказал мальчика года два, ромонского взятья, а крещен де он в Рыльску, а имя де ему дано Иван.

Федор Семенов сын Шапочников литовского полону у себя сказал детину Ларка Федорова да жонка Анница [л. 143] Мокарова дочь, новгородцкого взятья. И тое де жонку Анницу он, Федор, взял сам, а детину де Ларка, мужа ее, к ней выкупил у черниговца сына боярсково у Григорья Рубченского, дал два рубли.

Да у нево ж Федора литовского полону девка Феклица Созонова дочь, а взята де она в Гомейском уезде. А купил де он, Федор, тое девку в Стародубе у путивльцов, дал полтора рубли.

Ортемей Васильев сын Осмолон литовского полону у себя сказал жонку Водка [так в ркп.] Иванова дочь, борзенского взятья белоруской веры. А купил де он, Ортемей, тое жонку у Кирея Осмолова с товарищи, дал три рубли.

Захарей Михайлов сын Сныткин литовского полоу у себя сказал девку лет в семь, Полажка. А взял де он, Захарей, тое девку в Черниговском уезде в деревне от города восминатцати верстах.

Иван Григорьев сын Ширков литовского полону у себя сказал девку Анютка, борзенского взятья ляцкие веры. А купил де он, Иван, тое девку у черниговца у Восилья Бормыкова, дал два рубли с полтиною.

Да у нево ж Ивана литовского полону мальчик лет в пять, новгородцкого взятья белоруской веры. А как тово мальчика заут [так в ркп.] — и тово Иван забыл. А купил де он тово малова у комарицких крестьян, дал полтора рубли.

Михайла Иванов сын Ортюшков литовского полону у себя сказал мальчика года в четыре, Ивашка. А взял де он, Михайла, тово мальчика под Стародубом.

Савин Олексеев сын Тураев литовского полону у себя сказал жонку Василиску Васильеву дочь, борзенского [л. 144] взятья белорусские веры. А купил де он, Савин, тое жонку у комарицких крестьян села Обжи у Офремка Романова, дал за нее два рубли с полтиною.

Да у нево ж, Савина, литовского полону малой лет в восемь, Васька Павлов сын Пропольсково [так в ркп., читать «Пропойского»] уезда белорусские веры. А купил де он тово малова у рыленина у Никифора Сныткина, дал за ново [так в ркп.] полтора рубли.

Иван Иванов сын Меньшой Микольников литовского полону у себя сказал девочку трех лет, Марьица новгородского взятъя, крестьянская дочь. А купил де была он, Иван, тое девочку з дедам да з бабкою у рыленина у Федора Бояринцова, дал четыре рубли. И деда де да бабку взяли литовские люди в нынешнем во 142 году.

Тимофей Мокарьев литовского полону у себя сказал девку Акилинку Лоевского уезда белорусские веры. А купил де он, Тимофей, девку у козаков Белошовой станицы в Стародубе.

Михайла Федоров сын Посивкин литовского полону у себя сказал жонку Иринка Григорьева дочь стародубского взятъя белорусские веры, а купил де он, Михайла, тое жонку у рыленина у Григорья Висковатова с товарищи, дал три рубли.

Да он же Михайла литовского полону у себя сказал детину лет з десять, Офонка, борзенского взятъя белорусские веры. А купил он, Михайла, тово малова у рыленина у Устина Муратова, дал за нево рубль.

Яков Иванов сын Подпратов литовского полону у себя сказал две девки: девка Мотренка Кузьмина дочь да девка Полажка Кузьмина ж дочь стародубского взятъя [л. 145] белорусские веры. А купил де он, Яков, тех девок у рылен у Федора Висковатова с товарищи, дал два рубли две гривны.

Олексей Кононов сын Титов литовского полону у себя сказал малова лет в двенадцать, Елизарка шинкаркин сын, борзенского взятъя.

Иван Микилин сын Пешков литовского полону у себя сказал малова лет в девять Федька Федоров, ноугородцкого взятъя крестьянской сын.

Степан Михайлов сын Молеев литовского полону у себя сказал жонку Котеринку Мокарьеву дочь, ноугородцкого взятъя белорусской веры. А купил де он, Степан, у рыленина у Микифора Молеева, дал за нее три рубли с полтиною.

Иван Григорьев сын Отроков литовского полону у себя сказал жонку Овдотьицу Осипову дочь ноугородцкого взятъя белорусские веры. А купил де он, Иван, у рыленина у Федора Бойкочкарова, дал за нее четыре рубли.

Олексей Иванов сын Меньшой Молеев литовского полону у себя сказал девочку Ганку года в три, борзенского взятъя.

Иван Федоров сын Толмочов литовского полону у себя сказал девочку лет в восемь, Настаська Михайлова дочь белорусские веры.

Иван Слепушкин литовского полону у себя сказал мальчика лет в шесть Ивашка Осипов, ноугородцкого взятъя, белорусской веры.

Григорей Михайлов сын Видков литовского полону у себя сказал малова лет в двенадцать Ивашка, ноугородцкого взятыя деревни Гремячевой крестьянской сын. А купил де он, Григорей, тово малова у рыленина у Федора Микольникова, дал три рубли.

[л. 146] Яков Иванов сын Бобров литовского полону у себя сказал двоя робят: малой лет в семь Мишка ромонского взятыя. А купил де он, Яков, тово малова в Путивле, дал три рубли; девка Устинка, борзенского взятыя, а купил де он Яков тое девку у комарицких крестьян, дал три рубли.

Федор Позняков сын Микольников литовского полону у себя сказал девку Огренку, борзенского взятыя. А купил де он, Федор, у черниговца у Петра Щербинина, дал два рубли.

Миленя Некипелого литовского полону у себя сказал жонку Просковьицу, а взята де она под Магилевом, белоруской веры. А купил де он, Миленя, тое жонку у путивльца у Карпа Шулежкина, дал пять рублев.

Илья Романов сын Дерюгин литовского полону у себя сказал детину Тихонка, ноугородцкого взятыя, крестьянской сын. А купил де он, Илья, тово детину у болховитина, дал три рубли.

Сергей Лютой литовского полону у себя сказал двоя робят: малой лет в восемь, Васька, ромонского взятыя, девка Машка лет в десять борзенского взятыя. А купил де он, Сергей, тех рабят у товарищей своих в войску, дал пять рублев.

Ондрей Фастов литовского полону у себя сказал жонку Настасьицу Акулову дочь, стародубского взятыя, белоруской веры. А купил де он, Сергей [*так в ркп., читать «Андрей»*] тое жонку у путивльских козаков, дал два рубли с полтиною.

Да он же Ондрей литовского полону у себя сказал Малова, новгородского взятыя, крестьянской сын. А купил де он, Сергей [*так в ркп., читать «Андрей»*], тово малова у комарицких крестьян, дал за нево два рубли с четвертью.

Корней Бырдин литовского полону у себя сказал малова лет в двенадцать Гаврик Гаврилов борзенского взятыя белорусские веры. А купил де он, Корней, тово малова у рылен у Ондрея Бырдина с товарищи, дал три рубли.

[л. 147] Да он же Корней литовского полону у себя сказал жонку Тотьянька Степанова дочь, новгородского взятыя, крестьянка. А купил де тое жонку брат ево Прокофей Бырдин у Дмитрия Бырдина с товарищи, дал три рубли.

[л. 148] Степан Залупин литовского полону у себя сказал женку Меланка Дементьева дочь Кричевского уезда белоруской веры. А купил де он, Степан, у товарищей своих, дал два рубли с полтиною.

Да он же Степан литовского полону у себя сказал малова Исайка лет в десять, стародубского взятыя, хрестьянской сын деревни Дохнович. А купил де он у товарищей своих, дал за него полтину.

Иван Мотовилин литовского полону у себя сказал жонку Ганку Иванову дочь, ноугородцкого взятыя, белоруской веры. А купил де он тое женку у рыльских стрельцов у Титка Бибикова с товарищи, дал за нее два рубли.

Михайла Постригичев литовского полону у себя сказал жонку Мотренку Лукьянова дочь Пропольсково [*так в ркп., читать «Пропойского»*] уезда. А купил де он, Михайла, тое жонку у рыленина у Олексея Ворвонина с товарищи, дал за нее три рубли.

Да он же, Михайла, литовского полону у себя сказал малова Офонку Кузьмин сын. А взят де тот малой в Нежинском уезде, а купил де он, Михайла, тово малова у путивльца у Офонася Черепова, дал три рубли с полтиною.

Борис Чюрсин литовского полону у себя сказал жонку Ульянка Иванова дочь, ноугородцкого взятыя, белорусские веры. А купил де тое жонку отец ево Борисов Любим Чюрсин в Новьгородке, дал за нее три рубли.

Павел Постригичев литовского полону у себя сказал малова лет в семь Карпик черниговского посаду хрестьянской сын. А купил де он, Павел, в Стародубе у севского козака у Ивашка Правдина, дал за нее три рубли.

Торх Щасного литовского полону у себя сказал жонку Марьицу Тимофеева дочь, борзенского взятыя, белорусские веры. А купил де он, Торх, у товарищей своих, дал три рубли.

[л. 149] Иван Коношин литовского полону у себя сказал девку Марфицу, ноугородского взятыя, белорусские веры. А купил де он, Иван, тое девку у комарицких крестьян дал два рубли.

Иван Орлов литовского полону у себя сказал малова лет в восемь Ивашка Осипов сын стародубец. А купил де он Иван тово малова у козаков Белошова станице, дал рубль.

Григорей Моршнев литовского полону у себя сказал девочку Иринку ноугородсково взятыя.

Семен Бобанин литовского полону у себя сказал детину Ивашка Григорьев крестьянской сын ноугородцкого взятца. А тот де малой Ивашка ево, Семенов, племянник, а выкупил де тово малова он, Семен, у болховитина, дал два рубли. А взят де тот малой в полон в Литву из Перееславля [*так в ркп.*].

Роман Зорин литовского полону у себя сказал малова Микитку стародубского взятца белорусские веры. А купил де он, Роман, тово малова у немчина, дал два рубли с полтиною.

Беломесных [казаков]:

Сергей Онтонов сын Мотохин литовского полону у себя сказал девку Акилинку. А купил де он, Сергей, тое девку у путивльского козака.

Михайла Салыковцов литовского полону у себя сказал девку Ульянку Созонову дочь ноугородцкого взятца белорусские веры и понел [*так в ркп.*] тое девку сын ево, Михайлов, Петрушка.

Иван Кротов литовского полону у себя сказал девку Ганку Семенова дочь ромонсково взятца белорусские веры. А купил де он, Иван, у товарищей своих дал за нее сорок алтын.

[л. 150] Василей Шестоков литовского полону у себя сказал детину Васька Дементьев сын новгородского взятца белорусские веры. Родом де тот детина кричевец.

Да он же, Василей, литовского полону у себя сказал девочку Ганку ромонского взятца белорусские веры. А купил де он, Михайла, у товарищей своих, дал за нее тридцать алтын.

Иван Шамордин литовского полону у себя сказал малова лет в шесть Васька ромонского взятца белорусские веры. А купил де он, Иван, у беломесного козака у Неустроя Рыловникова, дал два рубли.

Кирей Кротов литовского полону у себя сказал малова лет в шесть Пронка Чичерсково уезда. А купил он, Кирей, тово малова в Стародубе у стородубца дал сорок алтын.

Васька Роздобарин литовского полону у себя сказал жонку Овдотьицу Омельянову дочь з дочерью Акилинкою борзенского взятца и та де ево да [*так в ркп.*] руская, орлянка, взята была в полон в Литву в старою войну, а в Борзне де была замужем за путивльцом и дочь де ее Акилинку понел он, Васька, за себя.

Исай Вязьмитин литовского полону у себя сказал малова Донилка ромонского взятъя. А купил де он, Исай, тово мальчика в ортели у беломесных козаков, дал полтора рубли.

Полковых козаков:

Костентин Екимов литовского полону у себя сказал девку Иринку Дмитриева дочь новгородцкого взятъя.

Микита Трубченинов литовского полону у себя сказал Евланка Грицков ромонского взятъя.

Стрелец Мотвей Терехов литовского полону у себя сказал девку Настъку Тимофеева дочь новгородцкого взятъя.

[л. 151] Пушкари:

Нечай Зудов литовского полону у себя сказал мальчика года в четыря Ивашка ромонского взятъя. А тово де мальчика он, Нечай, купил, дал де за него осмнатцать алтын.

Гаврила Замятнин литовского полону у себя сказал жоньку лет в семьдесят, Марьица. Родом де она города Кричева, белоруские веры.

Мурза Логутин литовского полону у себя сказал жонку Овдотьицу новгородцкого взятъя белоруской веры, родом де кричевка ж. И тое де жонку он, Мурза, купил, дал за нее пять рублев.

Гришка Шелехов литовского полону у себя сказал девочку лет в шесть, ноугородцкого взятъя, а купил де он, Гришка, тое девочку у Мурзы Логутина, дал полтора рубли.

Новагородка Северского сведенца у Ивашка Можайтина литовского полону девка лет в десять новгородсково взятъя крестьянская дочь. А купил де он тое девку у беломесных козаков дал за нее рубль. И та де девка сиротина, отца и матери и роду у нее де нет.

Посадской человек Гришка Конаев литовского полону у себя сказал мальчика лет в пять, Мишка, стародубского взятъя. А купил де он, Гришка, тово мальчика у курчен, дал сорок алтын.

[л. 152] Рыльские съезжие избы подьячей Федор Вислеев сказал у себя литовского полону борзенского взятыя двоя робят лятцкие веры: малово Порфенка да девку Оксинку Ондрюшковых детей. А купил тово малово Новагородка Северского у кормового казака у Васька Кузьмина, а дал за него ему два рубли с полтиною. А девку Оксинку купил в Севске Комарицкие волости Глодневского стану у крестьян у Карпика Семенова с товарищи. А которые деревни крестьяне — тово неведома. А дал за тое девку тем комарицкие волости крестьяном три рубли с четью и крестил в Рыльску в православною хрестьянскою веру, а малому дано имя во крещении Прокофей, а девки Елена. А крестил их Коренской священник Потап.

[л. 153] Рыльские съезжие избы подьячей Ивашка Олтуфьев сказал у себя литовского полону борзенского взятыя белорусские веры девочку лет в шесть, а зовут Марфицею. А куплена у комарицкого крестьянина у Ивашка, а прозше [так в ркп, читать «прозвище»] его не ведаю. А дал за нее два рубли с полтиною.

РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 72. Л. 136–153.

Примечания

¹ Книги разрядные по официальным оных спискам, изданные с высочайшего соизволения II-м отделением собственной его императорского величества канцелярией. СПб., 1855. Т. 2. Стб. 474.

² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. Д. 58. Л. 569–570.

³ Книги разрядные по официальным оных спискам, изданные с высочайшего соизволения II-м отделением собственной его императорского величества канцелярией. СПб., 1853. Т. 1. Стб. 1123–1126.

⁴ Книги разрядные... Т. 2. Стб. 390–391.

⁵ Иначе Рамонский острожек, Ромно. Ныне — г. Ромны Сумской области Украины.

⁶ АМГ. СПб., 1890. Т. 1. С. 444.

⁷ Папков А. И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой: Конец XVI — первая половина XVII в. Белгород, 2004. С. 164.

⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 53. Л. 13–20.

⁹ АМГ. Т. 1. С. 552.

¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. Д. 58. Л. 569, 570.

¹¹ Там же. Л. 255–257.

¹² Там же. Столбцы Белгородского стола. Д. 53. Л. 333; Столбцы Приказного стола. Д. 73. Л. 1–2.

¹³ Ткаченко Н. М. Очерки по истории крестьян Левобережной Украины XVII в. Автореферат дис. ... докт. ист. наук. Киев, 1963. С. 10.

¹⁴ АМГ. Т. 1. С. 623.

¹⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 101. Л. 605–609.

¹⁶ Там же. Столбцы Приказного стола. Д. 72. Л. 127–214.

¹⁷ Там же. Л. 136–153.

¹⁸ Там же. Столбцы Белгородского стола. Д. 54. Л. 94–96.

¹⁹ Кулаковський П. Чернігово-Сіверщина у складі Речі Посполитої (1618–1648). Київ, 2006. С. 137.

ТОРГОВЛЯ РЫЛЬСКА ПО ДАННЫМ ТАМОЖЕННОЙ КНИГИ 1671/72 г.

Основным источником по истории торговли, купечества и таможенного дела России XVII — первой половины XVIII в. являются таможенные книги, составлявшиеся в местных таможнях, располагавшихся до таможенной реформы 1753 г. по всей территории страны. В этих документах содержатся сведения о географии торговых связей городов, ассортименте, ценах и объемах поставок товаров, привозившихся на региональные рынки, номенклатуре, правилах взимания и размерах таможенных пошлин, действовавших в том или ином населенном пункте, системе мерных и тарных единиц, бытовавших на данной территории. Имеющиеся в таможенных книгах данные о социальном и персональном составе участников торговых операций придают этим памятникам значение важного источника информации для биографических, генеалогических и просопографических разысканий¹.

Всего по самым приблизительным подсчетам сохранилось порядка трех тысяч таможенных книг XVII — первой половины XVIII в. По многим русским городам подобных источников не имеется. Не выявлены (и, видимо, вряд ли будут обнаружены когда-либо) таможенные книги по таким крупным торговым центрам России, как, например, Казань, Калуга, Кострома. Рыльск, к счастью, избежал подобной участи, хотя по этому городу до наших дней дошли всего две таможенные книги: за 1671/72 и 1731 г. Оба этих документа, как и подавляющее большинство других таможенных книг, хранятся в Москве в РГАДА. В данной статье проанализирована рыльская таможенная книга XVII в.

Рассматриваемый памятник в 1960-е гг., наряду с таможенными книгами других южнорусских городов, был исследован В. М. Важинским². В обобщающей статье о торговле городов юга России один абзац посвящен Рыльску. Исследователь привел некоторые статистические показатели, полученные в ходе обработки рыльской таможенной книги (количество городов, откуда приезжали торговцы, число торговых сделок и торговые обороты рылян и калужан, совокупная стоимость скупленного хлеба и проданной соли). К сожалению, не все эти показатели точны³.

Рыльская таможенная книга 1671/72 г. находится в составе книг Денежного стола Разрядного приказа⁴. Она переплетена в конвюлот вместе с синхронными таможенными, кабацкими и мельничными книгами Севска, Великих Лук, Белева, Путивля и Брянска⁵. Интересующий нас источник насчитывает 45 листов. По листам проставлена скрепа проверяющего дьяка Ивана Давыдова, т. е. перед нами, надо полагать, белой приходо-расходный документ, представленный в Разрядный приказ в качестве отчета.

Таможенная книга Рыльска 1671/72 г. охватывает полный сентябрьский год с 1 сентября 1671 г. по 31 августа 1672 г. Примечательно, что начата она была при одном таможенном голове, а закончена при другом. В преамбуле книги сказано: «Лета 7180-го году сентебря в 1 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича Всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца указу и по грамотам рыльския томожни верная голова Борис Вощекин да целовальники Афонасей Коробьев, Михайло Можайтинов збирали на великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича Всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца в Рыльску с рылен со всяких чынов людей с промыслов государевы таможенные пошлыны по государеву указу с продажи товаров с рубля по десяти денег»⁶. С 1 ноября сбор пошлын осуществлял присланный из Орла голова Ермол Титов сын Апалков «с рыльскими цоловальники». Причины возникновения данной «нештатной» ситуации не вполне ясны. Можно было бы предположить, что Вощекин являлся рыльским головой предыдущего срока, т. е. 1670/71 г. В случае, если новый голова по тем или иным причинам не был избран своевременно, его обязанности исполнял предшественник, «пересиживавший» срок своей службы⁷. Однако известно, что рыльским кабацким головой в 1670/71 г. был не Вощекин, а Алексей Локтев⁸. Должности же кабацкого и таможенного головы, как известно, обычно совмещались. Пролить свет на эту историю, возможно, позволит изучение приходо-расходных книг Разрядного приказа. В связи с вышесказанным интересно отметить, что в Великих Луках в сентябре и октябре 1671 г. таможенные пошлыны, как и в Рыльске, собирал один голова (А. Кичигин), а с ноября 1671 г. по август 1672 г. другой (Б. Селецкой)⁹.

По своей структуре рыльская таможенная книга, как и большинство подобных источников по другим городам, делится на две неравные по объему части: приходную (л. 508–550) и расходную (л. 550 об.–551 об.). Приходная часть состоит из расположенных в календарном порядке поденных записей о поступлении таможенных пошлын с торговцев-оптовиков и внутригородского торгова. Расходная часть включает отчетные записи о денежных суммах, истраченных в течение года таможенной администрацией на различные казенные нужды. Кроме того, две расходные записи имеются в приходной части.

В таможенных книгах, в том числе и в рыльской, как правило, фиксировались только оптовые товарные партии, совокупная стоимость которых превышала 1 руб.¹⁰ Для XVII столетия эта сумма была довольно значительной. Дневной прожиточный минимум на одного человека составлял в это время всего 2–3 коп. Пошлыны с розничных торговых операций, размер которых не превышал 1 руб., собирались на городском торгу целовальниками «в ящик» без записи и в таможенную книгу не заносились.

В рыльскую таможенную книгу внесено 165 отдельных приходных записей о явках оптовых партий товаров. По своему формуляру они делятся на

явочные, платежные и явочно-платежные. В явочных записях зафиксирован только сам факт регистрации товара без указания взятых с него таможенных пошлин. В платежных записях указан ранее зарегистрированный товар и приведена сумма пошлин, уплаченных торговцем после распродажи данной товарной партии. Явочные и платежные записи отделены друг от друга определенным временным интервалом (как правило, в несколько месяцев). В явочно-платежных записях зарегистрирована и явка товара в таможене, и уплаченные с него таможенные пошлины.

С большинства товарных партий (30 из 35), зарегистрированных в таможене при голове Воцекине, т. е. в сентябре и октябре 1671 г., таможенные пошлины не были взяты. Положенные сборы торговцы заплатили после того, как распродали свой товар. Соответственно записи об этих товарных партиях внесены в таможенную книгу дважды: первый раз при явке (явочные записи), а второй раз при уплате пошлин (платежные записи). Например: «Сентября в 1 день явил колуженин Архип Кирилов пятьсот дватцать семь пуд соли, ... и тое соль продает в Рыльску тритцать четыре [меха], а с той соли государевых пошлин не взято»; «Того ж числа [2 июня] с колуженина посадского человека с Архипа Кирилова, что явил он сентября в 1 числе соли тритцать четыре меха, весу в них пятьсот дватцать семь пуд, и тое он, Архип, в Рыльску продал, взял сто десять рублей дватцать два алтына две деньги, взято с него, Архипа, с соленой продажи пошлин адиннотцать рублей два алтына адна деньга с рубля по гривне»¹¹. В пяти таможенных записях, относящихся к сентябрю 1671 г., приведены данные об уплате пошлин, но они (как и сведения о стоимости товара) дописаны позднее. Записи о товарных партиях, явленных в период с ноября 1671 г. по август 1672 г., т. е. при голове Апалкове, приведены только один раз. В них имеются сведения и о регистрации товара, и об уплате пошлин с него, т. е. это явочно-платежные записи. При этом в большинстве записей за ноябрь и декабрь 1671 г. стоимость товара и сумма пошлин вписаны между отдельными записями на заранее оставленном поле. Начиная с январских записей стоимость товара и сумма пошлин внесены в таможенную книгу одновременно.

Количество (объем) отдельных товаров, проданных или скупленных в Рыльске в ходе оптовых торговых операций, показан в таможенных записях далеко не во всех случаях. Данная особенность ведения таможенной документации, препятствующая исчислению точных количественных показателей торговли отдельными товарами, присуща не только рыльским материалам. Аналогичная картина наблюдается, например, в белгородских таможенных книгах, где также не всегда указан социальный статус торговцев.

С 1 сентября 1671 г. по 31 августа 1672 г. через рыльскую таможеню прошло в общей сложности 135 оптовых товарных партий. К продаже было предложено 114 партий совокупной стоимостью 2497 руб. 9,5 коп., скуплена была 21 партия на сумму 1261 руб. 80 коп. Для сравнения: на курском рынке в

1672/73 г. было выставлено на продажу 144 товарные партии на 6405 руб., в Белгороде в том же году — 109 партий на 2780 руб. По торговым оборотам Рыльск, таким образом, в начале 1670-х гг. в 2,5 раза уступал Курску и находился примерно на одном уровне с Белгородом.

В стоимостном выражении среди товарных партий, прошедших в 1671/72 г. через рыльскую таможню, преобладали мелкие — до 10 руб., которых насчитывается 46 (40,4 %), и средние — от 10 до 100 руб., которых насчитывается 64 (56,1 %), причем 57 из них приходятся на интервал от 10 до 50 руб. Товарных партий, совокупная стоимость которых превышала 100 руб., отмечено всего четыре. Наибольшая совокупная стоимость одной товарной партии зафиксирована на уровне 141 руб. 96 коп. (591,5 пуда соли, привезенной калужанином Иваном Сурниным). Несколько иная картина наблюдается в отношении денег, явленных на покупку. Как и в других городах, денежные явки в Рыльске были в целом крупнее товарных. Из 21 партии товаров, скупленных на явленные деньги, 11 стоили менее 10 руб., 4 — от 10 до 100 руб. и 6 — свыше 100 руб. Крупнейшая денежная явка «потянула» на 500 руб. На такую сумму в Рыльске калужским торговцем Архипом Коробовым сыном Кирилловым была куплена партия ржи и пшеницы. Средний размер товарных партий в стоимостном выражении составил в 1671/72 г. в Рыльске 21 руб. 90 коп., денежных — 60 руб. 8 коп. (для сравнения, в Курске в 1672/73 г. — 44 руб. 48 коп. и 7 руб. 70 коп.).

Табл. 1. Количество явок продавцов и покупателей и совокупная стоимость проданных и скупленных товаров по отдельным городам в Рыльске в 1671/72 г.

Город	Продавцы		Покупатели	
	явки	сумма (руб.)	явки	сумма (руб.)
Белев	1	15	1	12
Болхов	1	5,5	—	—
Брянск	1	5	—	—
Калуга	14	815,33	1	500
Карачев	1	80	—	—
Коломна (с уездом)	2	172,5	7	680
Курск	6	97,9	—	—
Москва	1	34,45	—	—
Мценск	1	36,9	—	—
Орел	—	—	1	30
Путивль	1	7	—	—
Рыльск	79	1105,64	—	—
Севск	1	10	11	39,8
Тула	2	38	—	—
Не указан	3	73,875	—	—
Итого	114	2497,095	21	1261,8

В Рыльске, помимо местных жителей, в 1671/72 г. торговали оптом представители 14 русских городов. В их число входят города северские (Брянск, Путивль, Севск), украинные (Белев, Болхов, Карачев, Мценск, Орел, Тула), заоцкие (Калуга), польские (Курск), замосковные (Коломна, Москва), а также села Коломенского уезда Бобышево и Дединово. Сравнительно регулярными были торговые связи только с Калугой и, в меньшей степени, с Коломной, Курском и Севском. Более половины таможенных явок пришлось на самих рылян. Данные о количестве явок продавцов и покупателей и совокупной стоимости проданных и скупленных товаров по отдельным городам приведены выше в табл. 1.

В Рыльск привозились товары разнообразного ассортимента: соль; продукты питания (свежая, соленая и вяленая рыба [в том числе сом, плотва, сельдь], солонина, мед, икра, яблоки, орехи, сливы, чеснок); железо, уклад (сырцовая сталь), сковороды; воск; крупный и мелкий рогатый скот (быки, волы, коровы, бараны); сырые и выделанные кожи (в том числе «красный товар», шедший на головки и голенища сапог и «подошвенный товар»); ткани (хлопчатобумажные, кисея, сукно, шелк); одежда и обувь (шубы, кафтаны, варежки, голицы¹², сапоги); циновки; писчая бумага; краска; порох и селитра; стекло; «москательный товар»¹³.

Анализируемый источник позволяет проследить черты региональной торговой специализации в поставках отдельных видов товаров. Так, основными поставщиками соли в Рыльск выступали калужане. Они привозили вываренную на соликамских варницах соль-пермянку, которая транспортировалась в центр страны по Каме, Волге и Оке. Пермскую соль доставляли в Рыльск также коломенцы, москвичи, торговцы из Карачева и Мценска. Рыляне же поставляли на местный рынок торскую соль, добытую на Торских озерах (в окрестностях нынешнего города Славянска Донецкой области). Всего в течение года в Рыльск было привезено свыше 5300 пудов соли. Черный металл в Рыльск привозили главным образом курыне (по всей видимости это было перекупленное тульское железо), а также туляки. Хозяева местного рынка — рыляне — торговали самыми разнообразными товарами, но преимущественно «москателью», медом и рыбой.

Таможенные записи позволяют проследить цены на ряд товаров, поступавших на рыльский рынок. Так, средняя стоимость пуда соли-пермянки зафиксирована на уровне 22 коп. (такой же была средняя стоимость соли и в Курске в 1672/73 г.). Стоимость пуда соли в разных товарных партиях колебалась от 14 до 27 коп. Пуд торской соли поступал в продажу по 20 коп.¹⁴ Средняя стоимость меда в рыльской оптовой торговле составила в 1671/72 г. 90,5 коп. за пуд (в Курске в 1672/73 г. — 80 коп., в Белгороде в том же году — 84 коп.). Воз яблок стоил в Рыльске от 66 до 80 коп., четверик орехов — 75 коп., бочка сельди — от 5 руб. до 5 руб. 30 коп., бочка прасольной рыбы — от 2 руб. до 2 руб. 50 коп., пуд икры — 70 коп., бык — 3 руб., корова — 2 руб. 50 коп., воз

плотвы — 1 руб., вяленый сом — 5,5 коп., 100 головок чеснока — около 2,5 коп., связка железа — 72 коп., пара варежек — 6 коп.

Среди товаров, скупленных в Рыльске, ведущее место занимал хлеб (в основном рожь и пшеница, в меньшей степени гречиха и другие крупы), а также рыба, ветчина и яйца. В течение года хлеба было скуплено на 1192 руб. (95 % от общей стоимости произведенных закупок). Примечательно, что хлеб ни разу не отмечен среди оптовых товарных поставок. Надо полагать, что он поставлялся в город мелкими партиями или скупался в уезде. Хлеб в Рыльске закупали торговцы из северных уездов (в основном коломенцы, а также калужане и белевцы). Рыбу, ветчину и яйца скупали севчане. К сожалению, объемы хлебных закупок, а следовательно, и цены на хлеб, неизвестны.

Среди торговцев, регистрировавших партии товаров в рыльской таможне, отмечены посадские люди, приказчики и работники торговых людей, гулящие люди, а также различные категории служилых людей по отечеству (воротники, казаки, пушкари, стрельцы) и солдаты полков иноземного строя (драгунских, рейтарских и солдатских). При этом из 135 таможенных явок на посадских людей приходится только 27, тогда как на служилых — 83. В Курске, например, в 1670-е гг. наблюдается совершенно иная картина: там в крупной торговле полностью преобладали посадские люди. Особенностью южнорусской оптовой товарной торговли, отмечаемой в Рыльске, а также в Курске и Белгороде, была слабая вовлеченность в нее крестьян. Так, в Рыльске среди торговцев-оптовиков не встретилось ни одного крестьянина. Незрелость крестьянской оптовой торговли составляет существенное отличие юга России от центра и севера страны.

В рыльской таможенной книге среди торговцев-оптовиков упоминается в общей сложности 60 рылян, подавляющее большинство из которых принадлежало к служилым людям. Среди них значатся, в частности, четыре представителя ставшей впоследствии знаменитой на всю Россию фамилии Шелеховых: стрелец Артемий, пушкари Богдан, Герасим и Иван. Упомянут также торговец рыбой рылянин Ларион Фолимонов. Нельзя исключать, что он мог быть одним из предков знаменитого рыльского торговца австрийскими косами И. Ф. фон Филимонова.

Сумма таможенных пошлин с внутригородской розничной торговли, собиравшихся «в ящик с рылен со всяких людей с мелких товаров, и с ядомых хорчей, и с хлеба», составила за 1671/72 г. 44 руб. 12,5 коп., т. е. торговый оборот определяется в 882 руб. 50 коп. (с торгующих в розницу взималось по 10 денег с рубля от стоимости товара, т. е. 5 % цены, о чем в рыльской таможенной книге имеется соответствующая запись¹⁵). Для сравнения: в Курске в 1672/73 г. с внутригородского торгового сбора было собрано 210 руб. 72 коп., в Белгороде в том же году — 242 руб. 11 коп.

В заключение рассмотрим, на что расходовались таможенные пошлины, собранные с торгующих в Рыльске. Прежде всего, небольшая сумма была ист-

рачена на обеспечение деятельности таможни. На 1 руб. 62 коп. были куплены сальные свечи для освещения таможенной избы и на 2 руб. дрова для ее отопления. На 1 руб. 20 коп. был приобретен дор для ремонта кровель казенных таможенных построек. Кроме того, 1 руб. 50 коп. были уплачены приказчику коломенского посадского человека Ивана Алексея сына Безносова Якову Денисьеву за рыльские таможенные месячные печати, изготовленные на заказ в Коломне. 12 февраля 1672 г. по царскому указу, по подорожной из Курска от боярина и воеводы Г. Г. Ромодановского «со товарищи» и памяти рыльского воеводы Семена Дмитриевича Карпова, из таможенных доходов было выдано батуриным черкасам Ивану Бутовичу и Роману Борисову на корм «чем им сытым быть» — хлеба, калачей и рыбы — на 10 коп. Спустя восемь дней по царскому указу, по грамоте из Разрядного приказа за приписью дьяка Василия Семенова и по отписке из Курска от Г. Г. Ромодановского воевода Карпов взял из таможенных доходов 118 руб. 80 коп. «в додachu» на казенное жалованье игуменьи Рыльского Новодевичьего Пречистенского монастыря Вере «с сестрами, попами, дьяконами и причетниками» за 1670/71 г. 3 сентября 1672 г. на основании тех же казенных документов новый рыльский воевода Иван Афанасьевич Кучин взял из таможенных доходов 134 руб. на жалованье тому же монастырю за 1671/72 г.

С оптовой торговли в 1671/72 г. было собрано 216 руб. 61,5 коп.¹⁶ Всего же с учетом поступлений с розничного торгова суммарный годовой таможенный доход в Рыльске составил 260 руб. 74 коп. Почти весь он (97 %) был передан Рыльскому Пречистенскому монастырю в качестве жалованья.

В перспективе планируется выполнить исследование рыльской таможенной книги 1731 г.¹⁷ и провести сравнительный анализ ее показаний с книгой 1671/72 г., что позволит выявить изменения, произошедшие в торговле Рыльска за полувековой отрезок времени.

В приложении к статье приведены регесты приходных и расходных записей рыльской таможенной книги 1671/72 г. Метод регестирования массовых источников различных типов, изобретенный еще в XVIII в. в Германии, давно известен и в нашей исторической науке. Использование данного метода позволяет значительно рационализировать, упростить и ускорить обработку данных, имеющих, в частности, в таможенных книгах, которым присущ сравнительно единообразный и стандартизированный характер. При этом следует отметить, что к регестам не следует подходить с требованиями, предъявляемыми к традиционным текстуальным публикациям документов. Регесты не заменяют текст источников, а составляются прежде всего в целях формализации и систематизации основных сведений, имеющих в таможенных книгах, для их последующей обработки и анализа. В то же время регесты могут использоваться и как источник первичной документальной информации, и как аннотированный

указатель к рукописям, поэтому их издание имеет самостоятельное значение для исследователей¹⁸.

Регесты записей о сборе пошлин с оптовых товарных партий сформированы в виде таблиц, строки которых соответствуют отдельным записям (явкам), а столбцы — их структурным элементам. Строки располагаются в таблице в той же последовательности, в которой записи приведены в источнике. Порядок расположения столбцов таков: порядковый номер записи; номер листа документа; дата явки; местожительство торговца; его социальный статус; фамилия (прозвище), имя и отчество; название товара; его количество (вес); единица измерения; таможенная оценка всей товарной партии; сумма уплаченных пошлин.

Фамилии (прозвища), имена, отчества, социальный статус торговцев, названия городов и товаров отражены в регестах, как правило, в соответствии с нормами современного русского языка. Имена и фамилии торговцев инвертированы. Все количественные показатели и даты приведены посредством арабских цифр. Денежные суммы переведены в единый рублевый счет. Слова, введенные в регесты составителем, взяты в квадратные скобки (например, местожительство торговца, не указанное в конкретной таможенной записи, но приведенное в другом месте документа). При отсутствии каких-либо данных в соответствующей графе поставлен прочерк.

В регестах записей о сборе пошлин с розничной торговли приведены: период, за который собраны пошлины, их сумма и номер листа. Регесты расходных записей включают: номер листа, дата платежа, статья расхода, израсходованная сумма.

Регесты рыльской таможенной книги 1671/72 г. могут быть сопоставлены с опубликованными в такой же форме материалами аналогичных источников по другим городам¹⁹.

П р и м е ч а н и я

¹ Об этих источниках см., например: *Базилевич К. В.* 1) Таможенные книги как источник экономической истории России // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1933. Сб. 1. С. 110–129; 2) К вопросу об изучении таможенных книг XVII в.: (Проблема внутренней критики источника) // Там же. М.; Л., 1936. Сб. 2. С. 71–90; *Мерзон А. Ц.* Таможенные книги XVII века: Учеб. пособие по источниковедению истории СССР. М., 1957; *Кафенгауз Б. Б.* Таможенные книги XVIII века // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 127–137.

² *Важинский В. М.* Торговые связи южных городов России в третьей четверти XVII в. // Города феодальной России: Сб. ст. памяти Н. В. Устюгова. М., 1966. С. 301–302.

³ В Рыльске в 1671/72 г. торговали жители 14, а не 12 городов, общее количество товарных партий, зарегистрированных в рыльской таможне, составило 135, а не 138, рыляне выставили на продажу 79, а не 83 товарные партии и др.

⁴ РГАДА. Ф. 210. Денежный стол. Кн. 349. Л. 507–551 об.

⁵ Подробнее см.: Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. М., 1896. Кн. 10. С. 116. № 349.

⁶ РГАДА. Ф. 210. Денежный стол. Кн. 349. Л. 507.

⁷ См.: *Раздорский А. И.* Из истории таможенного и кабацкого дела в Белгороде и Курске в первой половине XVII в. (по материалам приходо-расходных книг Разрядного приказа) // Сборник научных трудов VI международной научной конференции «Юг России и Украина в прошлом и настоящем: история, экономика, культура». Белгород, 2011. С. 159.

⁸ РГАДА. Ф. 210. Денежный стол. Кн. 337. Л. 723–768 об. См. также: *Раздорский А. И.* Питейная торговля в Рыльске в 1669–1671 гг. // Материалы международной научно-практической конференции «Юг России в прошлом и настоящем: История, экономика, культура». Белгород, 2005. Ч. 2. С. 112–117

⁹ См.: Таможенные книги города Великие Луки 1669–1676 гг. / Подгот. к печ. А. В. Юрасов. М., 1999. С. 10, 99, 103.

¹⁰ В рыльской таможенной книге зафиксированы две товарные партии (меда и чеснока), стоимость которых была менее 1 руб. (соответственно 90 и 40 коп.) Обе они были явлены в сентябре–октябре, а распроданы только в июле. Вероятно, в процессе затянувшейся распродажи их стоимость снизилась и оказалась ниже 1 руб. (при явке стоимость указанных товарных партий не была указана).

¹¹ РГАДА. Ф. 210. Денежный стол. Кн. 349. Л. 508, 535 об.

¹² Кожаная рукавица без подкладки и меха (Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 61).

¹³ Понятие «москательный товар», как показал анализ курских таможенных книг, в XVII в. было значительно шире традиционного. Оно включало не только галантерею и химические вещества, но и разнообразные предметы одежды, ткани, металлические изделия, пряности. «Москательный» («москотинный») товар для торговцев и таможенников в рассматриваемый период — это прежде всего «московский», «москальский» товар, закупленный на столичных рынках для последующей перепродажи в провинции (см. об этом подробнее: *Раздорский А. И.* Торговля Курска в XVII веке (по материалам таможенных и оброчных книг города). СПб., 2001. С. 158–161).

¹⁴ Соль-пермянка привозилась в мехах (один раз отмечена доставка товара в кулях), а торская соль — в бочках. На мех приходилось в среднем по 18,2 пуда соли, на бочку — по 10 пудов.

¹⁵ РГАДА. Ф. 210. Денежный стол. Кн. 349. Л. 518.

¹⁶ Подсчет сделан нами на основании суммирования показателей отдельных таможенных записей.

¹⁷ РГАДА. Ф. 273. Оп. 1, ч. 8. Кн. 32 874.

¹⁸ Подробнее см.: *Раздорский А. И.* О составлении и публикации регестов таможенных книг XVII–XVIII вв. // ОА. 2007. № 1. С. 31–40.

¹⁹ В настоящее время нами опубликованы регесты 47 таможенных книг пяти городов: 18 таможенных книг Курска 1619–1677/78 гг. (приходные записи о явках оптовых товарных партий товаров, денег на покупку и лошадей и расходные записи), 8 таможенных книг Можайска 1640/41–1673/74 гг. (приходные записи о явках оптовых товарных партий и денег на покупку), отрывка можайской конской таможенной книги 1629/30 г., елецкой таможенной соляной книги 1646/47 г., 17 таможенных книг Вязьмы 1649/50–1679/80 гг. (приходные и расходные записи) и 2 конских таможенных книг Москвы за август 1629 г. и май 1630 г. См.: *Раздорский А. И.* 1) Торговля Курска в XVII веке. С. 409–634 (указатели: с. 637–744); 2) Можайские таможенные книги XVII века // ВИД. СПб., 2002. Т. 28. С. 324–347; 3) Малоизвестный источник по истории реформы косвенного обложения 1646 года: (Елецкая кн. соляной привозки 1646/47 г.) // Клио. 2003. № 1. С. 29–33; 4) Торговля Вязьмы в XVII веке (по материалам таможенных и кабацких книг города). СПб.; М., 2010. С. 177–507 (указатели: с. 677–774); 5) Конская торговля Москвы в XVII веке (по материалам таможенных книг 1629 и 1630 гг.). М., 2011. С. 36–222 (указатели: с. 225–280).

Регесты таможенной книги Рыльска 1671/72 г.

Приходные записи о сборе пошлин с оптовой торговли

Номер записи	Лист	Дата	Место жительства торговца	Социальный статус торговца	Фамилия (прозвище), имя и отчество торговца	Товар	Количество	Единица измерения	Общ. стоимость (руб.)	Пошлины (руб.)
1	508	1.09	Калуга	—	Кирилов Архип	соль ¹	527	пуд	— ²	не взяты
2	508	1.09	Рыльск	полковой казак	Синельников Левон	москательный товар ³	—	—	30	не взяты
3	508–508 об.	1.09	Рыльск	стрелец	Зомятнин Григорий	кожи подошвенные ⁴	10	шт.	9	не взяты
4	508 об.	1.09	Рыльск	стрелец	Обрамов Павел	москательный товар ⁵	—	—	20	не взяты
5	508 об.	2.09	Рыльск	пушкарь	Кричевцов Иван	москательный товар ⁶	—	—	20	не взяты
6	509	2.09	Рыльск	посадский человек	Жыжин Павел	шубы москательный товар ⁷	— —	— —	21	не взяты
7	509	3.09	Рыльск	беломестный казак	Чаплин Тимофей	москательный товар ⁸	—	—	40	не взяты
8	509–509 об.	10.09	Рыльск	пушкарь	Зомятнин Гаврила	москательный товар ⁹	—	—	19	не взяты
9	509 об.	12.09	Рыльск	пушкарь	Иконников Иван	москательный товар ¹⁰	—	—	10	не взяты
10	509 об.	15.09	Рыльск	стрелец	Гробов Петр	железо	10	связка	7,2	0,36 ¹¹
11	509 об.–510	15.09	Рыльск	пушкарь	Шелехов Богдан	соль, 1000 черенков рыба вялая ¹²	— —	— —	5	не взяты
12	510	15.09	Рыльск	пушкарь	Хорланов Михаил	селитра голицы воск ¹³	6 400 2,5	бочка шт. пуд	—	«товар не продан, и пошлин не имона»
13	510–510 об.	16.09	Рыльск	стрелец	Шайков Никифор	голицы сапоги рыба ¹⁴	— — —	— — —	7	не взяты
14	510 об.	17.09	Рыльск	пушкарь	Мальцов Федор	москательный товар ¹⁵	—	—	13 ¹⁶	не взяты
15	510 об.	18.09	Рыльск	посадский человек	Луньковской Сергей	москательный товар ¹⁷	—	—	10	не взяты

Номер записи	Лист	Дата	Место жительства торговца	Социальный статус торговца	Фамилия (прозвище), имя и отчество торговца	Товар	Количество	Единица измерения	Общ. стоимость (руб.)	Пошлины (руб.)
16	511	23.09	Рыльск	стрелец	Пирожков Ворхлам ¹⁸	икра осетровая ¹⁹	1 (5)	«бочурочка» (пуд)	—	— ²⁰
17	511	23.09	Рыльск	стрелец	Гробов Петр	яблоки	11	воз	8,8	0,44 ²¹
18	511 об.	26.09	Рыльск	стрелец	Гробов Петр	яблоки	9	воз	7,2	0,36 ²²
19	511 об.	29.09	Рыльск	стрелец	Гробов Петр	яблоки	6	воз	4	0,2 ²³
20	511 об.	29.09	Рыльск	пушкарь	Коласов Иван	чеснок ²⁴	1500	шт.	—	— ²⁵
21	511 об.	29.09	Карачев	—	Сергеев Федор	соль	18 (300)	мех (пуд)	80	8 ²⁶
22	512	29.09	Рыльск	посадский человек	Жыжин Павел	мед ²⁷	1	кадь	—	— ²⁸
23	512	30.09	Рыльск	посадский человек	Силин Петр	москательный товар ²⁹	—	—	5	—
24	512	30.09	Рыльск	пушкарь	Бочеров Федор	москательный товар ³⁰	—	—	30	—
25	512 об.	30.09	Рыльск	пушкарь	Колосов Иван	москательный товар ³¹	—	—	15	—
26	512 об.–513	9.10	Рыльск	пушкарь	Хорланов Михаил	шубы одеваемые бумага писчая красный товар шиптуха ³²	7 2 3,5 2	шт. стопа юфть половинка	—	—
27	513	9.10	—	полковой казак	Соколов Степан	вареги ³³	20	шт.	—	—
28	513	9.10	—	—	Фомин Алексей	соль торская ³⁴	2 (20)	бочка (пуд)	—	—
29	513	9.10	—	—	Бочеров Федор	мед ³⁵	1 (30)	кадка (фунт)	—	—
30	513 об.	9.10	—	—	Алферов Иван	мед ³⁶	1 (3,5)	кадь (пуд)	—	—
31	513 об.	9.10	—	—	Кричевцов Матвей	голицы вареги москательный товар ³⁷	— — —	— — —	10	—

Номер записи	Лист	Дата	Место жительства торговца	Социальный статус торговца	Фамилия (прозвище), имя и отчество торговца	Товар	Количество	Единица измерения	Общ. стоимость (руб.)	Пошлины (руб.)
32	513 об.	15.10	Калуга	—	Кириллов Архип	соль ³⁸	21 (383)	мех (пуд)	—	—
33	514	20.10	—	полковой казак	Иконников Борис	шубы одеваемые кафтаны шубные ³⁹	10 2	шт. шт.	—	—
34	514	25.10	[Рыльск]	[пушкарь]	Харланов Михаил	бумага хлопчатая краска-каль кисея тузинка-сукно ⁴⁰	7 5 1 7	фунт фунт штука аршин	—	—
35	514	26.10	—	—	Логутин Герасим	мед ⁴¹	1 (2)	кадь (пуд)	—	—
36	514 об.	4.11	Калуга	—	Коробов Архип	соль	13 (224,5)	мех (пуд)	46,12	4,64 ⁴²
37	514 об.–515	14.11	Орел —	драгун гулящий человек	Сизиков Иван Зорин Степан	рожь (покупка)	—	—	30	0,75
38	515	18.11	Калуга	—	Коробов Архип	рожь и пшеница (покупка)	—	—	500	12,5
39	515–515 об.	21.11	Москва	работник «московитина садовника» Федора Рохваслева	Тимофеев Григорий	соль	8 (158,5)	мех (пуд)	34,45	3,445 ⁴³
40	515 об.	24.11	Рыльск	пушкарский недоросль	Кричевцов Иван	орехи	3	четверик	2,25	0,1125 ⁴⁴
41	515 об.	24.11	Рыльск	стрелец	Гробов Ларион	орехи	3	четверик	2,24	0,1125 ⁴⁵
42	516	24.11	—	—	Сыромятников Евсей	орехи	3	четверик	2,25	0,1125
43	516	28.11	Рыльск	пушкарь	Прошин Иван	сом вялый	28	шт.	1,5	0,075
44	516	30.11	Рыльск	стрелец	Гробов Петр	рыба прасольная	3	бочка	6	0,3 ⁴⁶

Номер записи	Лист	Дата	Место жительства торговца	Социальный статус торговца	Фамилия (прозвище), имя и отчество торговца	Товар	Количество	Единица измерения	Общ. стоимость (руб.)	Пошлины (руб.)
45	516–516 об.	30.11	Рыльск	—	Фолимонов Ларион	сом вялый рыба прасольная	100 1	шт. бочка	7	0,35 ⁴⁷
46	516 об.	4.12	Рыльск	пушкарь	Шелехов Иван	рыба прасольная	6	бочка	15	0,75 ⁴⁸
47	517	10.12	Рыльск	пушкарский недоросль	Медведев Мартин	рыба соленая	3	бочка	4	0,2 ⁴⁹
48	517	12.12	Рыльск	пушкарь	Драгобуженинов Григорий	рыба вялая крошня «всякая»	—	—	10	0,5
49	517–517 об.	14.12	Рыльск	—	Сыромятников Иван	мед сукно сермяжное белое	30 30	пуд аршин	31,8	1,59 ⁵⁰
50	517 об.	20.12	Рыльск	полковой казак	Самойлов Андрей	сукно шиптуха разное кисея	6 2	половинка шт.	50,4	2,52
51	518	27.12	Калуга	—	Неклюдов Иван сын Гаврилов	соль	8 (173,5)	куль (пуд)	36,43 5	3,645 ⁵¹
52	518 об.	1.01	Калуга	посадский человек	Сурнин Иван сын Петров	соль	14 (236,5)	мех (пуд)	62	6,2 ⁵²
53	519	11.01	Севск	стрелец	Ивашкин Микита	красный товар подошвенный товар	4,5 3	юфть юфть	10	0,5
54	519	12.01	с. Бобышево ⁵³ Коломенского уезда	—	Мякишев Михаил сын Максимов с товарищем Гаврилой	рожь и пшеница (покупка в Рыльске и уезде) ⁵⁴	—	—	120	6
55	519 об.	12.01	Коломна (?)	работник коломенского посадского человека Ивана Алексева сына Безносова	Гуторов Яков	рожь и пшеница (покупка в уезде)	—	—	100	5
56	519 об.	12.01	с. Бобышево ⁵⁵ Коломенского уезда	—	Боровков Андрей	рожь и пшеница (покупка в уезде)	—	—	60	3

Номер записи	Лист	Дата	Место жительства торговца	Социальный статус торговца	Фамилия (прозвище), имя и отчество торговца	Товар	Количество	Единица измерения	Общ. стоимость (руб.)	Пошлины (руб.)
57	520	16.01	Рыльск	стрелец	Гробов Петр	рыба разная	9	воз	10,8	0,54
58	520	23.01	Рыльск	пушкарь	Жижин Григорий	мед	8	пуд	8	0,4
59	520 об.	1.02	Рыльск	пушкарь	Харин Борис	рыба (продана с воза)			1	0,05
60	520 об.–521	2.02	Калуга (?)	работник калужского посадского человека Никифора Пегарева	Иванов Игнатий	соль	14 (266,5)	мех (пуд)	64	6,4
61	521	4.02	Коломна	посадский человек	Ярцов Клемен	соль	9 (171)	мех (пуд)	41,3	4,13
62	521–521 об.	5.02	Коломна с. Бобышево ⁵⁶ Коломенского уезда	посадский человек —	Безносос Иван сын Алексеев Мякишев Михаил сын Максимов	рожь и пшеница (покупка в Рыльске)	—	—	120	3
63	521 об.–522	12.02	Рыльск	воротник	Бекренев Иван	рыба	—	—	1,5	0,075
64	522	15.02	с. Бобышево Коломенского уезда (?) ⁵⁷	работник Емельяна Михайлова сына Михайлова	Власов Василий	рожь и пшеница (покупка в уезде)	—	—	100	5
65	522–522 об.	17.02	Рыльск	полковой казак	Петров Савелий	плотва	6	воз	6	0,3
66	522 об. –523	20.02	Рыльск	стрелец	Пирожков ⁵⁸ Ворхлам	икра осетровая ⁵⁹	1 (5)	«бочу- рочка» (пуд)	3,5	0,175
67	523	20.02	Рыльск	пушкарь	Логутин Григорий	сельдь порох	1 4	бочка пуд	23,5	1,175

Номер записи	Лист	Дата	Место жительства торговца	Социальный статус торговца	Фамилия (прозвище), имя и отчество торговца	Товар	Количество	Единица измерения	Общ. стоимость (руб.)	Пошлины (руб.)
68	523–523 об.	21.02	Коломна (?)	приказчик коломенского посадского человека Ивана Алексеева сына Безносова	Гуторов Яков	соль	31 (596,5)	мех (пуд)	131,2	13,4
69	523 об.	21.02	Рыльск	пушкарь	Кричевцов Иван	москательный товар	—	—	27	0,675
70	523 об.	21.02	Рыльск	пушкарь	Бочеров Федор	москательный товар сельдь	— 1	— бочка	35	0,875
71	526	1.03	—	работник гостя Аверкия Степанова сына Кириллова	Кузьмин Карп	соль	17 (305)	мех (пуд)	68,62 5	6,8625
72	526	1.03	Рыльск	посадский человек	Жижин Павел	москательный товар	—	—	26,5	0,6625
73	526 об.	1.03	Рыльск	полковой казак	Синельников Лев	москательный товар	—	—	40	1
74	526 об.	4.03	Курск	посадский человек	Аксентьев Гаврила	уклад	—	—	4	0,1
75	526 об.–527	4.03	Калуга	посадский человек	Плотников Прокофий	сельдь	5	бочка	26,5	1,325
76	527	6.03	Курск	посадский человек	Ковелин Петр	железо уклад	— —	— —	30	0,75
77	527	6.03	Путивль	—	Горшков Федор	подошвенный товар	—	—	7	0,35
78	527 об.	17.03	Курск	посадский человек	Кожевников Яков	подошвенный товар	—	—	4	0,2
79	527 об.	23.03	Рыльск	стрелец	Андреев Василий	красный товар	—	—	5	0,25
80	527 об.	23.03	Севск	солдат	Семенов Микита	покупка рыбы (в Рыльске)	—	—	4	0,1
81	528	29.03	Севск	пушкарь	Чвырчин Андрей	покупка рыбы и ветчины (в Рыльске)	—	—	4,5	0,115

Номер записи	Лист	Дата	Место жительства торговца	Социальный статус торговца	Фамилия (прозвище), имя и отчество торговца	Товар	Количество	Единица измерения	Общ. стоимость (руб.)	Пошлины (руб.)
82	528	29.03	Болхов	посадский человек	Бабков Евтропей	красный товар	—	—	5,5	0,275
83	528 об.	5.04	Рыльск	воротник	Кричевцов Богдан	сельдь	1	бочка	5	0,25
84	528 об.	5.04	Рыльск	пушкарь	Куляшов Степан	сукно «всякое»	—	—	30	1,5
85	529	5.04	Рыльск	пушкарь	Харланов Михаил	сукно «всякое» кисеи	—	—	20	1
86	529	9.04	Рыльск	стрелец	Шелехов Артемий	солонина (продана «с полку»)	—	—	2	0,1
87	529	9.04	Севск	пушкарь	Чвырчин Андрей	покупка рыбы (в Рыльске)	—	—	2,5	0,0325
88	529 об.	13.04	Рыльск	пушкарь	Харин Иван	рыба (продана «с полку»)	—	—	1,5	0,075
89	529 об.	13.04	Севск	пушкарь	Ломакин Василий	покупка рыбы (в Рыльске)	—	—	2,5	0,0325
90	529 об.	13.04	Рыльск	стрелец	Новиков Афанасий	солонина (продана «с полку»)	—	—	1,5	0,075
91	530	15.04	Рыльск	полковой казак	Молахов Иван	рыба (продана «с полку»)	—	—	1,2	0,06
92	530	15.04	Севск	солдат Севского полка	Остафьев Нестер	покупка рыбы (в Рыльске)	—	—	2	0,05
93	530 об.	24.04	Рыльск	беломестный казак	Рыловников Тимофей	стекло	—	—	2	0,1
94	530 об.	28.04	Севск	стрелец	Ермолаев Никита с тов.	покупка яиц, рыбы, ветчины (в Рыльске)	—	—	6	0,15
95	531	2.05	Рыльск	пушкарь	Залотарев Борис	мед	—	—	15	0,75
96	531	2.05	Севск	стрелец	Перевощиков Федор	покупка ветчины (в Рыльске)	—	—	4	0,1
97	531 об.	7.05	Рыльск	пушкарь	Харин Тимофей	мед	—	—	8	0,4
98	531 об.	8.05	Севск	гулящий человек	Вязмитинов Андрей	покупка рыбы (в Рыльске)	—	—	2	0,05

Номер записи	Лист	Дата	Место жительства торговца	Социальный статус торговца	Фамилия (прозвище), имя и отчество торговца	Товар	Количество	Единица измерения	Общ. стоимость (руб.)	Пошлины (руб.)
99	531 об.–532	8.05	Рыльск	пушкарь	Бобеев Семен	мед	—	—	11,5	0,575
100	532	13.05	Курск	посадский человек	Ковелин Петр	железо циновки ⁶⁰	—	—	42,9	1,0725
101	532 об.	15.05	Севск	стрелец	Канин Леонтий	покупка рыбы и яиц (в Рыльске)	—	—	3,2	0,08
102	532 об.–533	3.03 ⁶¹	Калуга	посадский человек	Сурнин Иван	соль	30 (591,5)	мех (пуд)	141,9 6	14,195
103	533	19.05 ⁶²	Калуга	посадский человек	Сурнин Иван	сельдь	—	—	10	0,5
104	533–533 об.	20.05	Севск	солдат	Костянтинов Сергей	покупка ветчины и рогож (в Рыльске)	—	—	4,3	0,1075 ⁶³
105	533 об.	20.05	Севск	солдат	Максим ⁶⁴	покупка ветчины и быка (в Рыльске)	—	—	4,8	0,12
106	533 об.	24.05	Рыльск	полковой казак	Трунов Иван	мед	—	—	20	1
107	534	24.05	Тула	посадский человек	Иванов Никита	уклад	—	—	8	0,4
108	534	25.05	Калуга	посадский человек	Алферов Дмитрий	соль	30 (515,5)	мех (пуд)	113,4	11,435 ⁶⁵
109	534 об.	25.05	Курск	посадский человек	Ковелин Петр	железо орехи	—	—	14	0,35
110	534 об.	28.05	Рыльск	пушкарь	Кричевцов Иван	москательный товар ⁶⁶	—	—	20	0,5
111	534 об.–535	28.05	[Рыльск]	посадский человек	Жижин Павел	шубы москательный товар ⁶⁷	— —	— —	21	0,525
112	535	2.06	Мценск ⁶⁸	пушкарь	Ягорнов Семен сын Яковлев	соль	10 (205)	мех (пуд)	36,9	3,69
113	535 об.	2.06	Калуга	посадский человек	Кирилов Архип	соль ⁶⁹	34 (527)	мех (пуд)	110,6 7	11,065
114	535 об.–536	4.06	Рыльск	полковой казак	Синельников Левонтий	москательный товар ⁷⁰	—	—	30	0,75

Номер записи	Лист	Дата	Место жительства торговца	Социальный статус торговца	Фамилия (прозвище), имя и отчество торговца	Товар	Количество	Единица измерения	Общ. стоимость (руб.)	Пошлины (руб.)
115	536	8.06	Калуга	посадский человек	Алферов Дмитрий	соль	11 (217,5)	мех (пуд)	36,98	3,095
116	536–536 об.	8.06	Рыльск	стрелец	Замятнин Григорий	подошвенный товар ⁷¹	—	—	9	0,45
117	536 об.	8.06	Рыльск	стрелец	Обрамов Павел	москательный товар ⁷²	—	—	20	0,5
118	536 об.	17.06	Тула	—	Дружин Василий	шелк железо уклад	— — —	— — —	30	1,5
119	536 об.–537	17.06	Рыльск	пушкарь	Замятнин Гаврила	москательный товар ⁷³	—	—	19	0,475
120	537	19.06	Калуга	посадский человек	Абакумов Козьма	соль-пермянка	—	—	20	2
121	537 об.	22.06	Белев	стрелец	Филатов Осип	шкуры сырые	—	—	15	0,75
122	537 об.	22.06	Рыльск	пушкарь	Иконников Иван	москательный товар ⁷⁴	—	—	10	0,25
123	537 об.–538	19.06 ⁷ ₅	с. Дединово ⁷⁶ Коломенского уезда	—	Брехов Федот сын Федотов	покупка пшеницы (в Рыльском уезде)	—	—	80	4 ⁷⁷
124	538	19.06	Рыльск	пушкарь	Шелехов Богдан	соль, 1000 черенков рыба вялая ⁷⁸	— —	— —	5	0,1 (с соли), 0,2 (с ры- бы) ⁷⁹
125	538–538 об.	30.06	Белев	посадский человек	Разумов Иван	покупка ржи, гречихи, круп (в Рыльске)	—	—	12	0,3
126	538 об.	30.06	Рыльск	пушкарь	Харланов Михаил	селитра голицы воск ⁸⁰	6 400 2,5	бочка шт. пуд	22	1,1
127	539	1.07	Курск	посадский человек	Кожевников Яков	красный товар орехи	— —	— —	3	0,15
128	539–539 об.	1.07	Рыльск	стрелец	Шайков Микифор	голицы сапоги рыба ⁸¹	— — —	— — —	7	0,35

Номер записи	Лист	Дата	Место жительства торговца	Социальный статус торговца	Фамилия (прозвище), имя и отчество торговца	Товар	Количество	Единица измерения	Общ. стоимость (руб.)	Пошлины (руб.)
129	539 об.	4.07	Рыльск	пушкарь	Драгобуженинов Григорий	бумага хлопчатая краска-каль кисеи сукно «разное» мед	— — — —	— — — —	55	2,75
130	539 об.–540	4.07	Рыльск	пушкарь	Мальцов Федор	москательный товар ⁸²	—	—	13	0,325
131	540	4.07	Рыльск	стрелец	Дядин Мартин	мед рыба прасольная	— —	— —	10	0,5
132	540–540 об.	5.07	Калуга (?)	работник калужского посадского человека Василия Игнатъева сына Гречишниковова	Иванов Игнатий	соль	15 (290)	мех (пуд)	40,3	4,03
133	540 об.	5.07	Рыльск	посадский человек	Лунковский Сергей	москательный товар ⁸³	—	—	10	0,5
134	540 об.–541	5.07	Рыльск	пушкарь	Колосов Иван	чеснок ⁸⁴	1500	шт.	0,4	0,02
135	541	8.07	Рыльск	пушкарь	Бобеев Семен	бараны	—	—	20	1
136	541	8.07	Рыльск	посадский человек	Жижин Павел	мед ⁸⁵	1	кадь	3	0,15
137	541 об.	8.07	[Рыльск]	посадский человек	Силин Петр	[москательный] товар ⁸⁶	—	—	5	0,25
138	541 об.	8.07	Рыльск	пушкарь	Бочеров Федор	москательный товар ⁸⁷	—	—	30	0,75
139	541 об.–542	11.07	Рыльск	пушкарь	Колосов Иван	москательный товар ⁸⁸	—	—	15	0,75
140	542–542 об.	11.07	Рыльск	пушкарь	Харланов Михаил	шубы одеальные бумага писчая красный товар шиптуха ⁸⁹	7 2 3,5 2	шт. стопа юфть половинка	33,1	1,655

Номер записи	Лист	Дата	Место жительства торговца	Социальный статус торговца	Фамилия (прозвище), имя и отчество торговца	Товар	Количество	Единица измерения	Общ. стоимость (руб.)	Пошлины (руб.)
141	542 об.	15.07	Рыльск	полковой казак	Силин Григорий	бараны	—	—	5	0,25
142	542 об.	15.07	Рыльск	полковой казак	Саколов Степан	вареги ⁹⁰	20	шт	1,2	0,06
143	543	16.07	Рыльск	пушкарь	Фомин Алексей	соль торская ⁹¹	2 (20)	бочка (пуд)	4	0,4
144	543 об.	18.07	Рыльск	пушкарь	Бочеров Федор	мед ⁹²	1 (30)	кадь (фунт)	0,9	0,045
145	543 об.	18.07	—	—	Алферов Иван	мед ⁹³	1 (3,5)	ка- душка (пуд)	3	0,15
146	543 об.—544	25.07	Рыльск	—	Фолимонов Ларион	рыба вялая	—	—	1,2	0,06
147	544	25.07	Рыльск	пушкарь	Кричевцов Матвей	голицы вареги москательный товар ⁹⁴	— — —	— — —	10	0,25
148	544 об.	2.08	Коломна (?)	работник коломенского посадского человека Ивана Алексея сына Безносова	Денисьев Яков	рожь и пшеница (покупка в Рыльске)	—	—	100	2,5
149	544 об.—545	2.08	Калуга	—	[Коробов] Архип [сын] Кириллов	соль ⁹⁵	21 (383)	мех (пуд)	78,51 5	7,85
150	545	5.08	Рыльск	стрелец	Сыромятников Афанасий	скотины (коровы и быки)	—	—	20	1
151	545	7.08	Рыльск	пушкарь	Шелехов Герасим	мед	—	—	30	1,5
152	545 об.	7.08	Рыльск	полковой казак	Иконников Борис	шубы одеваемые кафтаны шубные ⁹⁶	10 2	шт. шт.	15,7	0,785
153	545 об.—546	8.08	Рыльск	рейтар	Сомов Василий	шкуры сырые	—	—	15	0,75

Номер записи	Лист	Дата	Место жительства торговца	Социальный статус торговца	Фамилия (прозвище), имя и отчество торговца	Товар	Количество	Единица измерения	Общ. стоимость (руб.)	Пошлины (руб.)
154	546–546 об.	8.08	Рыльск	пушкарь	Харланов Михаил	бумага хлопчатая краска-каль кисея тузинка-сукно ⁹⁷	7 5 1 7	фунт фунт штука аршин	10,75	0,5375
155	546 об.	8.08	Рыльск	пушкарь	Логутин Герасим	мед ⁹⁸	1 (2)	кадь (пуд)	2	0,1
156	546 об.–547	9.08	Калуга	посадский человек	Коробов Архип сын Кирилов	соль	7 (135,5)	мех (пуд)	28,45	2,815
157	547–547 об.	9.08	Рыльск	посадский человек	Вязьмитинов Матвей	шкуры сырые	—	—	20	1
158	547 об.	11.08	Рыльск	пушкарь	Логутин Иван	сукно кисея шелк порох бумага писчая	— — — — —	— — — — —	25	1,25
159	547 об.–548	11.08	Рыльск	беломестный казак	Федоров Микифор	корова	1	—	2,5	0,125
160	548	14.08	Рыльск	пушкарь	Драгобуженинов Григорий	мед	20	пуд	24	1,2
161	548–548 об.	14.08	Брянск ⁹⁹	—	Григорьев Артемий	сливы (в уезде)	—	—	5	0,25
162	548 об.–549	20.08	Рыльск	беломестный казак	Чаплин Тимофей	москательный товар ¹⁰⁰	—	—	40	2
163	549	24.08	Рыльск	полковой казак	Выдрин Степан	голицы вареги шубы одевальные сковороды	— — — —	— — — —	30	1,5
164	549 об.	27.08	Рыльск	посадский человек	Саромятников Иван	коровы волы	— —	— —	25	1,25
165	549 об.	27.08	Рыльск	полковой казак	Встоев Иван	бык	1	голова	3	0,15

Приходные записи о сборе пошлин с розничной торговли

Период	Сумма (руб.)	Лист
1.09–23.09	3,17	511
23.09–1.10	1,58	512 об.
1.10–1.11	6,16	514
1.11–13.11	2,28	514 об.
13.11–22.11	4,14	515 об.
22.11–1.12	0,82	516 об.
1.12–8.12	1,2	516 об. – 517
8.12–15.12	1,47	517 об.
15.12–24.12	1,5	518
24.12–1.01	5,23	518–518 об.
1.01–1.08	3,4	518 об.
8.01–15.01	2,2	520
15.01–1.02	2,82	520 об.
1.02–19.02	1,2	522 об.
19.02–1.03	0,52	524
1.03–1.04	0,97	528–528 об.
1.04–15.04	0,22	530
15.04–1.05	0,5	530 об. – 531
1.05–15.05	0,25	532
15.05–1.06	0,4	535
1.06–1.07	1,07	539
1.07–15.07	0,855	543
16.07–1.08	0,42	544
1.08–16.08	0,95	548 об.
16.08–1.09	0,8	550

Расходные записи

Лист	Дата платежа	Статья расхода	Сумма (руб.)
524 об.	12.02	батуринским черкасам Ивану Бутовичу и Роману Борисову на корм	0,1
525–525 об.	20.02	игуменье Рыльского Новодевичьего Пречистенского монастыря Вере с сестрами, попами, дьяконами и причетниками на жалованье	118,8
551	б/д	свечи сальные	1,62
551	б/д	дрова	2
551	б/д	дор крыть избы, 200 шт.	1,2
551 об.	03.09	игуменье Рыльского Новодевичьего Пречистенского монастыря Вере с сестрами, попами и причетниками на жалованье	134

РГАДА. Ф. 210. Денежный стол. Кн. 349. Л. 507–551 об.

Примечания к регестам

¹ Пошлины уплачены 2 июня (см. регест № 113).

² «...и тое соль продает в Рыльску трицать четыре [меха], а с той соли государевых пошлин не взято».

³ Пошлины уплачены 4 июня (см. регест № 114).

⁴ Пошлины уплачены 8 июня (см. регест № 116).

⁵ Пошлины уплачены 8 июня (см. регест № 117).

⁶ Пошлины уплачены 28 мая (см. регест № 110).

⁷ Пошлины уплачены 28 мая (см. регест № 111).

⁸ Пошлины уплачены 20 августа (см. регест № 162).

⁹ Пошлины уплачены 17 июня (см. регест № 119).

¹⁰ Пошлины уплачены 22 июня (см. регест № 122).

¹¹ «...и с того жалеза пошлин не взято. Цана жалезу семь рублей шесть алтын четыре деньги. И с тово жалеза пошлин взято двенатцать алтын» (два последних предложения дописаны позже основной записи в заранее оставленном поле между записями).

¹² «...тысеча черенков соли да рыбы вялой на четыре рубли» (из июньской записи следует, что стоимость соли составила 1 руб., а рыбы — 4 руб.); пошлины уплачены 19 июня (см. регест № 124).

¹³ Пошлины уплачены 30 июня (см. регест № 126).

¹⁴ Пошлины уплачены 1 июля (см. регест № 128).

¹⁵ Пошлины уплачены 4 июля (см. регест № 130).

¹⁶ «...на деся рублей с тремя рубли».

¹⁷ Пошлины уплачены 5 июля (см. регест № 133).

¹⁸ Так в ркп.

¹⁹ Пошлины уплачены 20 февраля (см. регест № 66).

²⁰ Сведения о стоимости о запись о взимании пошлин отсутствуют.

²¹ Данные о стоимости товара и сумме пошлин дописаны позднее между записями.

²² Данные о стоимости товара и сумме пошлин дописаны позднее между записями.

²³ Данные о стоимости товара и сумме пошлин дописаны позднее между записями.

²⁴ Пошлины уплачены 5 июля (см. регест № 134).

²⁵ Сведения о стоимости и запись о взимании пошлин отсутствуют.

²⁶ Данные о стоимости товара и сумме пошлин дописаны позднее ниже записи.

²⁷ Пошлины уплачены 8 июля (см. регест № 136).

²⁸ Сведения о стоимости и запись о взимании пошлин отсутствуют.

²⁹ Пошлины уплачены 8 июля (см. регест № 137).

³⁰ Пошлины уплачены 8 июля (см. регест № 138).

³¹ Пошлины уплачены 11 июля (см. регест № 139).

³² Пошлины уплачены 11 июля (см. регест № 140).

³³ Пошлины уплачены 15 июля (см. регест № 142).

³⁴ Пошлины уплачены 16 июля (см. регест № 143).

³⁵ Пошлины уплачены 18 июля (см. регест № 144).

³⁶ Пошлины уплачены 18 июля (см. регест № 145).

³⁷ «...и москотиныйица...». Пошлины уплачены 25 июля (см. регест № 147).

³⁸ Пошлины уплачены 2 августа (см. регест № 149).

³⁹ Пошлины уплачены 7 августа (см. регест № 152).

⁴⁰ Пошлины уплачены 8 августа (см. регест № 154).

⁴¹ Пошлины уплачены 8 августа (см. регест № 155).

⁴² Стоимость товара и сумма пошлин вписаны между статей на заранее оставленном поле.

⁴³ Стоимость товара и сумма пошлин вписаны между статей на заранее оставленном поле.

⁴⁴ Стоимость товара и сумма пошлин вписаны между статей на заранее оставленном поле.

⁴⁵ Стоимость товара и сумма пошлин вписаны между статей на заранее оставленном поле.

⁴⁶ Стоимость товара и сумма пошлин вписаны между статей на заранее оставленном поле.

⁴⁷ Стоимость товара и сумма пошлин вписаны между статей на заранее оставленном поле.

⁴⁸ Стоимость товара и сумма пошлин вписаны между статей на заранее оставленном поле.

⁴⁹ Стоимость товара и сумма пошлин вписаны между статей на заранее оставленном поле.

- ⁵⁰ Стоимость товара и сумма пошлин вписаны между статей на заранее оставленном поле.
- ⁵¹ Стоимость товара и сумма пошлин вписаны между статей на заранее оставленном поле.
- ⁵² Здесь стоимость товара и сумма пошлин написаны одновременно с основным текстом записи.
- ⁵³ «Государева дворцового села».
- ⁵⁴ «...купили они в Рыльске в уезде».
- ⁵⁵ «Государева дворцового села».
- ⁵⁶ «Государева дворцового села».
- ⁵⁷ «города Коломны государева дворцового села Бобышева».
- ⁵⁸ В ркп.: Прирожков.
- ⁵⁹ Товар был явлен ранее («...что явил сентебря в 23-м числе») — см. регест № 16.
- ⁶⁰ «а то железа и цыновки купил он на Романове».
- ⁶¹ Товар явлен 3 марта: «Маия в 19 де взяты пошлины колуженин посадцкой человек Иван Сурнин марта в 2 де явил соли тритцать мехов...».
- ⁶² «Да сево ж числа взято с нево ж Ивана Сурнина...».
- ⁶³ «...и по указу великого государя взято с нево з денег пошлин три алтына полчетверты деньги».
- ⁶⁴ Прозвище не указано.
- ⁶⁵ Так в тексте. Должно быть 11,34 руб.
- ⁶⁶ Товар явлен 2 сентября (см. регест № 5).
- ⁶⁷ Товар явлен 2 сентября (см. регест № 6).
- ⁶⁸ В ркп.: «города Омценска».
- ⁶⁹ Товар явлен 1 сентября (см. регест № 1).
- ⁷⁰ Товар явлен 1 сентября (см. регест № 2).
- ⁷¹ Товар явлен 1 сентября (см. регест № 3).
- ⁷² Товар явлен 1 сентября (см. регест № 4).
- ⁷³ Товар явлен 10 сентября (см. регест № 8).
- ⁷⁴ Товар явлен 12 сентября (см. регест № 9).
- ⁷⁵ Так в ркп.
- ⁷⁶ Дворцовое село.
- ⁷⁷ «...по указу великого государя взято...».
- ⁷⁸ Товар явлен 15 сентября (см. регест № 11).
- ⁷⁹ «...тысечю черенков соли да рыбы вялой на четыре рубли и ту соль и рыбу продал, взято с него пошлин с соленой продажи с рубля гривна, а с рыбы с четырех рублей шесть алтын четыре деньги с рубля по 10 де» (т. е. стоимость соли — 1 руб., рыбы — 4 руб.).
- ⁸⁰ Товар явлен 15 сентября (см. регест № 12); «...селитру и воск продал на Москве и Большие таможни положил выпись, а галицы продал на дватцать на два рубли...».
- ⁸¹ Товар явлен 16 сентября (см. регест № 13).
- ⁸² Товар явлен 17 сентября (см. регест № 14).
- ⁸³ Товар явлен 18 сентября (см. регест № 15).
- ⁸⁴ Товар явлен 29 сентября (см. регест № 20).
- ⁸⁵ Товар явлен 29 сентября (см. регест № 22).
- ⁸⁶ Товар явлен 30 сентября (см. регест № 23).
- ⁸⁷ Товар явлен 30 сентября (см. регест № 24).
- ⁸⁸ Товар явлен 30 сентября (см. регест № 25).
- ⁸⁹ Товар явлен 9 октября (см. регест № 26).
- ⁹⁰ Товар явлен 9 октября (см. регест № 27).
- ⁹¹ Товар явлен 9 октября (см. регест № 28).
- ⁹² Товар явлен 9 октября (см. регест № 29).
- ⁹³ Товар явлен 9 октября (см. регест № 30).
- ⁹⁴ Товар явлен 9 октября (см. регест № 31).
- ⁹⁵ Товар явлен 15 октября (см. регест № 32).
- ⁹⁶ Товар явлен 20 октября (см. регест № 33).
- ⁹⁷ Товар явлен 25 октября (см. регест № 34).
- ⁹⁸ Товар явлен 26 октября (см. регест № 35).
- ⁹⁹ «Брянска города дворцовой слободы».
- ¹⁰⁰ Товар явлен 3 сентября (см. регест № 7).

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ РЫЛЬСКОЙ СИМВОЛИКИ

Должен начать эту статью с извинений и объяснений: внимательный читатель встретит в ней немного общего с докладом, прозвучавшим на конференции в июне 2011 г. Причина проста: доклад был составлен несколько наспех. При подготовке его к печати выявилось неожиданно много нового архивного и литературного материала, обработка которого, если не меняет выводы в корне, то заставляет иначе понимать многие проблемы, уточняет, а то и вовсе меняет представления о тех или иных фактах истории рыльского герба.

К сожалению, по ряду, главным образом, субъективных причин работа с новыми источниками до сегодняшнего дня полностью не закончена. И это — главный повод для извинений перед коллегами. Мы считаем, что представляемый теперь материал неполноценен и еще «не созрел» до публикации. Однако уступая настойчивым просьбам составителя сборника мы все-таки решились предложить данную статью, хотя при этом должны покорнейше просить читателей не смотреть на нее как на законченный результат исследования, но видеть в ней не более, чем промежуточную заготовку для дальнейшей работы. В оправдание можем лишь взять на себя обязательство привести исследование к завершению, опубликовать его результаты и обеспечить доступность этих результатов всем заинтересованным читателям. Будем также горячо благодарны всем, кто окажет нам честь критикой или дополнением публикуемых ниже материалов.

* * *

История рыльской символики, с одной стороны, типична, почти заурядна, с другой — полна удивительных загадок, совершенно необычных сюжетов и поворотов. С одной стороны, герб Рыльска — один из старейших российских городских гербов. С другой стороны, он официально утвержден в числе последних, жалованных российскими императорами. С одной стороны, этот герб представляет собой шедевр самой возвышенной классической геральдики. С другой, почти никогда не употреблялся в качественных формах. С одной стороны... Впрочем, лучше рассмотрим все по порядку.

Земельная и городская геральдика в нашей стране берет начало в царствование Петра Великого¹. Формы ее воплощения (то есть те принципы, по которым создавались и применялись знаки) являлись вполне классическими (на основе выработанных многовековой европейской практикой правил геральдики и эмблематики), зато движущие силы появления и развития были сугубо специфическими, исключительно российскими. Отечественная земельная геральдика развивалась «сверху» (то есть создавалась властным центром и насажда-

лась на места)², а первоначальным толчком к ее возникновению явились потребности регулярной армии³. С 1709 г. наиболее значимые полки⁴ этой армии получили названия, образованные от городов и земель. Примерно с этого же времени на знаменах полков, а позже и на иных полковых знаках различия (бляхи гренадерских шапок, офицерские нагрудные знаки, накладки на патронные и гранатные сумы) начинают помещаться эмблемы, сначала рассматривавшиеся как собственные эмблемы полков, но к концу 1710-х гг. переосмысленные как гербы соответствующих городов и земель⁵.

Осмысление знаменных эмблем как гербов (а герб отличается от всех остальных типов различительных знаков тем, что он составляется по определенным правилам) привело к пониманию необходимости составления этих гербов по правилам геральдики. Специалистов же, знающих эти правила и способных применять их на практике, в России не было. Тогда, как и почти во всех иных подобных случаях, обратились к вербовке иностранного специалиста. Таким специалистом стал граф Франческо (Франциск) Санти, занявший в 1722 г. должность товарища (заместителя) герольдмейстера, целиком обязанного посвящать свои труды герботворчеству. Добросовестной и плодотворной службой на этом посту граф Санти по достоинству заслужил прозвище «отца русской геральдики».

Санти получил задание создать гербы для российских городов и земель по списку. Считается, что в этот список были внесены только те земли и города, по имени которых назывались полки. Но мнение это ошибочно, и тут мы впервые должны обратиться к городу Рыльску.

Подойдя к поручению с самой серьезной основательностью, Санти, прежде всего, озаботился сбором как можно более подробных сведений о землях и городах, гербы которых ему предстояло создать. Граф строго придерживался принципа: при создании гербов опираться на старинные местные эмблемы, если же таковых не сыщется — на специфические особенности города (земли), выявляющиеся посредством изучения краеведческих данных. Таковыми данными центральная власть в 1720-х гг. не обладала, и, по инициативе Санти, в 1724 г. Герольдмейстерской конторой по городам, для которых предстояло создавать гербы, были разосланы краеведческие анкеты. Перед местными властями ставились вопросы об особенностях истории, географического положения, хозяйства, природы, топонимики соответствующего города. Среди городов, в которые посылались анкеты, был и Рыльск.

Данное событие и показательно, и загадочно. Крупнейший исследователь структуры петровской армии М. Д. Рабинович собрал сведения о 637 полках, существовавших в 1698–1725 гг.⁶ Ни один из этих полков не носил в петровское время названия «Рыльский». Правда, именно в 1720–1725 гг. на южных границах России многократно формировались, переформировывались, расформировывались полки ландмилиции. Точно известно, что по состоянию на 1727 г. один ландмилицкий полк петровского формирования состоял в Рыльске,

однако неизвестно в Рыльске ли этот полк формировался и если нет, то когда он был в Рыльск переведен⁷. Тем не менее, в список городов, определенных к созданию гербов, Рыльск был внесен... Почему?

Ответ на этот вопрос соблазнительно дать в крайне привлекательном для любого историка российской геральдики ключе: а не потому ли, что власть уже замышляла создание гербов не столько для нужд полков, сколько для нужд городов? Не интересовал ли центральные власти Рыльск в геральдическом отношении не в силу своей увязки с какими-либо полками, а потому, что являлся административно значимым городом, которому замышлялся герб для обыкновенного городского использования (то есть на печатях и в ином обиходе городских властей)?

Для подобного ответа, как бы он ни был соблазнителен, нет оснований. И причина элементарно проста: хотя анкета в Рыльск направлялась в 1724 г., а в 1725 г. на нее был получен ответ⁸, герб для Рыльска (как и для других городов, попавших в список, но не имевших соименных полков) в 1725–1727 гг. составлен не был. Если бы забыт был один только Рыльск, дело еще можно было объяснить какой-то случайностью. Но Рыльск оказался не одинок: Севск, Муром, Свяжск постигла та же судьба, из чего приходится заключить, что случайность в этой истории не имела места: не было полка — не появилось и герба.

В 1727 г. один из полков Украинской ландмилиции, — прежде именовавшийся полком Бунина, по месту своего размещения был переименован в Рыльский ландмилицкий полк⁹. Полку этому требовались знамена, а на знаменах, по заведенному в то время порядку, следовало изобразить герб рыльский. И герб был создан — годом или двумя позднее.

С опалой графа Санти в 1727 г. «строительство» гербов в России приостановилось не более чем на год. С 1728 г. основным производителем «гербовых» дел стала Военная коллегия (что, впрочем, вполне логично: гербы создавались для воинских нужд — кому же, как не военному ведомству, было гербами заниматься?). Вдохновлял работу один из влиятельнейших членов Военной коллегии генерал-аншеф Бухард-Христофор граф фон Миних (впоследствии — президент коллегии и генерал-фельдмаршал). Кипучей и весьма деловой натуре Миниха Россия и особенно русская армия обязаны многими добрыми свершениями (вместе с тем, и многими жертвами). В частности, в области геральдики Миних, в целом, довел до конца (вернее, до этапного пункта) то, что было начато Санти. В 1728–1729 гг. под руководством Миниха был составлен полный перечень гербов, необходимых для войскового обихода; согласно перечню, отрисованы гербы и собраны в один сборник — гербовник. В начале 1730 г. гербовник получил официальное утверждение, открыв, таким образом, историю юридического установления земельных гербов в нашей стране.

В числе гербов, утвержденных в составе гербовника, находился и рыльский герб¹⁰. Он занимает в гербовнике 88-ю позицию. На странице рисунок

герба размещен отдельно, что не вполне типично (как правило, на одной странице помещалось по два герба). Описание герба содержится в начале гербовника и звучит так: «Рыльской — против новоучиненного: На желтом поле черная кабанья голова»¹¹. Рисунок герба выполнен в серебряном картуше. Щит увенчан серебряной же земельной короной о семи видимых зубцах.

Сам рисунок весьма живописен, тонко и со вкусом проработан. По манере исполнения он не слишком геральдичен (художник не пользуется традиционной в геральдике манерой условно-достоверного изображения фигур: когда животные, с одной стороны, изображаются узнаваемо, с другой — в достаточно условной манере, с четкими, резкими контурами), напротив, отличается чертами профессиональной анималистической изобразительной манеры. Кабанья голова изображена с претензией на реалистичность: она черно-коричневого (бурого), а не черного, как предписано описанием герба, цвета, с тщательно проработанным изображением щетины. Вместе с тем, художник, безусловно, знаком с азами геральдического художества, вероятно, более по «насматриванию» материала, чем по его профессиональному преподаванию: в рисунке явно чувствуется стремление следовать канонам геральдического художества без четкого понимания того, зачем эти каноны установлены. Голова поставлена вертикально на шейный срез. Акцентированы и выделены цветом глаза, клык; пасть открыта и также акцентирована цветом, в пасти подчеркнутый «живой» красный (червлёный) язык. Голова намеренно понижена в щите, дабы композиционно акцентировать внимание не собственно на голове, а на важнейшем в данном случае ее геральдическом элементе: рыле. Рыло вытянутое, утолщенное, с подчеркнутым цветом и немного неправильной перспективы пяточком. Композиционно герб решен образцово. Геральдически — небезупречно: из-за натуралистичности рисунка, герб не слишком хорошо читается и воспринимается слишком живо, эмоционально.

Имя автора данного рисунка известно: оно подписано внизу страницы с рисунком (что в целом для гербовника не типично — авторство рисунков в нем констатируется всего для десятка из полутора сотен изображений): «Рисовал сей герб полевой артиллерии сержант Александр Чирков»¹². По ряду показателей, которые еще требуют проверки, мы смеем предположить, что Чирков был не только рисовальщиком, но и автором герба: вероятно, именно он предложил идею построить герб по гласному принципу, получил одобрение Миниха и выполнил разработку. Во всяком случае, не приходится сомневаться, что герб рыльский относится к числу немногих¹³, составленных непосредственно в 1728–1729 гг., и что для его составления не привлекались какие-либо предварительные разработки графа Санти: на это безусловно указывают слова «против новоучиненного» в описании герба.

Герб составлен, как уже было сказано, по так называемому «гласному» принципу, то есть когда композиция герба непосредственно иллюстрирует на-

звание своего владельца (по этому принципу в гербе города Козлов — козел, Стародуба — старый дуб, Гороховца — горох и т. д.). Этот принцип относится к числу старейших в геральдике, рассматривается как один из самых благородных и причисляется к классическим геральдическим приемам. Безусловно, занес и впервые применил этот принцип в России граф Санти. У графа ли или как-то иначе познакомился с ним Чирков, мы сказать не можем. Хотя контакты Чиркова с Санти представляются сомнительными. Зато гласному принципу посвящено немало внимания в классических трудах по геральдике (прежде всего, французских), с которыми Чирков, по всей вероятности, был знаком хотя бы поверхностно.

Можно с уверенностью говорить, что при создании рыльского герба в него не закладывалось никакого толкования, никакого потаенного смысла. Рыльск — рыло — кабанья голова с рылом — вот логическая цепочка, выстроенная авторами герба. Искать за ней каких-то иносказаний и шифров совершенно бессмысленно.

Вместе с тем, невольно авторы заложили в герб основу, допускающую довольно стройную истолковательную легенду. Звериные головы в гербах обычно увязываются с воинской доблестью и богатырскими качествами. С одной стороны, сами звери, чьи головы применяются в гербах (медведи, львы, быки, олени, кабаны, волки), как правило, отличаются силой и свирепостью. С другой стороны, «отвлеченная» (или «отсеченная») голова может пониматься именно как отсеченная (отрубленная) и в этой связи свидетельствовать о хозяине как удалом воине, напоминая о древнем признаке высшего воинского умения: во время охоты на скаку с одного удара мечом отсечь голову удирающего крупного зверя. История Рыльска — города в течении полутора столетий украинного, пограничного, постоянно вынужденного жить в готовности к отражению крымских набегов; полувоенная организация его населения — все это говорит о воинских качествах города и его жителей, с которыми вполне основательно согласуется символика «отвлеченной» кабаньей головы. Добавим к этому, что золотое поле, при желании, можно прочесть как намек на хлебородность рыльских земель — и получим чрезвычайно емкую символическую композицию: город-воин и город-хлебопашец.

Рожденный для нужд Рыльского ландмилицкого полка, герб Рыльска, по всему вероятно, в символике этого полка... так никогда и не использовался. Нам неизвестны данные о заказе знамен с рыльским гербом, офицерских знаков, гренадерских блях или знаков на патронные сумы¹⁴.

Вообще внедрение гербов в обиход ландмилиции в конце 1720–1730-х гг. шло плохо: слишком велики были финансовые затраты на это дело, слишком ощутим недостаток мастеров для выполнения рисунков на знамена, чеканов для медных арматур. Инспекции ландмилицких полков, проводившиеся в начале 1730-х гг., ни в одном полку не обнаружили в обиходе арматур с гербами. Про знамена, правда, материалы инспекций ничего не сообщают, но в 1736 г. вышел указ, повелевающий всем ландмилицким полкам иметь одинаковые знамена, на

которых вместо городских гербов предписывалось использовать вензель императрицы. Знамен такого образца «построено» было тоже немного (и далеко не в полном объеме), но от их существования сохранились вполне определенные следы. Полное отсутствие таковых следов для знамен предыдущего десятилетия позволяет с осторожностью предположить, что знамена с городскими гербами (в том числе и с рыльским гербом) за период 1727–1736 гг. так и не были изготовлены.

И, тем не менее, герб существовал и имел свою практическую сферу применения. Какую — мы пока не можем сказать. Предполагаем, что главным полем жизни герба было то, которого никто не предполагал при его создании: городской официальный обиход, применение на печатях административных институтов Рыльска. Ни одна печать или отпечаток одной из печатей периода 1727–1770-х гг. с рыльским гербом нам не известны. Но, если принять во внимание, что знамен и арматур с гербом для Рыльского ландмилицкого полка так и не изготовили, а сам полк фактически прекратил свое существование в 1762 или 1763 г. (и даже больше — как боевая единица практически не существовал со второй половины 1740-х гг.) и предположить, что к тому же рыльский герб не использовался в обеспечении деятельности городского правления, то мы не сможем решить следующую загадку истории рыльского символа. Заключается она в следующем.

В ходе губернской и городской реформ Екатерины II в 1760–1780-х гг. было законодательно установлено, что каждый город обязательно должен иметь герб. Было проведено массовое пожалование гербов городам, прежде таковых не имевшим. Гербы, созданные до царствования Екатерины II, утверждались ею наравне со вновь создаваемыми: об утверждении гербовника 1730 г. или забыли, или рассматривали его еще как сборник полковых, а не городских эмблем. При этом для гербов, созданных прежде 1760-х гг., в утверждающих документах, как правило, указывалось, что это «старый герб». В рисунках таких гербов еще отсутствовало указание на региональную принадлежность города, которую стали затем обозначать внесением в верхнюю половину щита герба города, являвшегося центром соответствующей губернии. Таким образом, герб Рыльска должен был быть утвержден в том виде, в котором он был внесен в гербовник Миниха, то есть черной кабаньей головы на золотом поле. Но этого не случилось.

Приступая к массовому созданию гербов, центральная власть вновь прибегла к анкетированию городов. Новые анкеты были значительно пространнее опросников 1724 г. Подобную анкету направили и в Рыльск, однако она осталась незаполненной, ибо у города, как отмечалось в ответе, уже имелся герб, пожалованный «прежними государями российскими»¹⁵. Удивленные власти запросили Рыльск, что же это за герб, кем и как он жаловался. Но ответа не получили. Отсутствием такого ответа, вероятно, и объясняется вторая загадка в судьбе рыльского герба: когда 8 января 1780 г. были высочайше утверждены гербы городов Курского наместничества, герб Рыльска среди них упомянут не

был. Впрочем, та же судьба постигла гербы двух других городов Курского наместничества Белгорода и Путивля, которые также как и Рыльск имели гербы 1730 г. Подобное совпадение вряд ли случайно, и причину его следует еще уточнить.

Массовое внедрение городских гербов в 1770–1780-х гг. сопровождалось широким применением их в практике городского управления, прежде всего — на городских печатях. Не подлежит сомнению, что уездное присутствие Рыльска уже с начала 1780-х гг. пользовалось такой печатью, но какой же герб на ней изображался? По идее им должен был быть щит с кабаньей головой. Но нами не найдены оттиски или описания такой печати для конца XVIII — первой половины XIX в., а во второй половине XIX столетия в Рыльске находим в употреблении совершенно непонятно откуда взявшийся герб. Он представляет собой двучастную композицию, построенную по схеме, принятой для гербов, создававшихся впервые в царствование Екатерины II, то есть в одном щите объединены два герба: в верхней половине герб Курска (указание на принадлежность к Курской губернии), в нижней — собственно герб Рыльска (кабанья голова в золоте)¹⁶. Сверх того, герб был увенчан короной, совершенно не отвечавшей статусу и положению Рыльска. Можно бы списать появление такого герба исключительно на самоуправство рыльских чиновников, но мы вновь вынуждены оглядываться на соседей: в Путивле была точно такая же ситуация, а чем пользовался Белгород неизвестно, однако наброски двучастного герба сохранились и для этого города. Каким же образом, два (а то и три) «старых» герба превратились в двучастные (что противоречило принятым принципам геральдической практики)? Кто, когда и как ввел в употребление нелепую и, пожалуй, унижительную для Рыльска версию с верхней курской половиной? К сожалению, мы пока не готовы дать ответ на эти вопросы.

Не затронула герб Рыльска и активная реформаторская деятельность Гербового отделения Департамента герольдии Правительствующего Сената в 1850–1860-х гг. Рыльский герб продолжал свое странное существование: утвержденный в числе первых русских территориальных гербов и считавшийся неутвержденным потому, что утверждение 1730 г. одни забыли, другие не считали полноценным; де-юре установленный в образцовой геральдической форме, де-факто применялся в виде уродливого гибрида. И лишь в 1893 г. на него обратили внимание.

Причиной стало доношение курского губернатора в Министерство внутренних дел о том, что городские управы Рыльска и Белгорода пользуются печатями с официально неутвержденными гербами¹⁷. Доношение запустило бюрократическую машину, и 21 июля 1893 г. состоялось высочайшее утверждение герба уездного города Рыльска¹⁸. Однако судьба вновь преподнесла рыльскому гербу странный курьез. Герб был установлен с обрамлением по правилам 1857 г. ... в вопиющее нарушение таковых правил! Позади гербового щита были положены скрещенные молоты — знак, долженствующий указывать на ин-

дустриальный характер города. Однако Рыльск ни в коей мере индустриальным городом не был. По состоянию на 1880–1890-е гг. это сугубо сельскохозяйственный центр, и если уж в его гербе применять «экономическое» обрамление, то таковым должен был бы стать венок из пшеничных колосьев. Что послужило причиной странной ошибки — еще одна загадка, пока остающаяся без ответа.

Завершить довольно сумбурный и почти во всех отношениях незаконченный обзор истории рыльского герба мы позволим себе без формулирования выводов. Время для них придет, когда будет закончена работа со всеми выявленными материалами.

Заметим, однако, что какие бы странные перипетии не пришлось пережить гербу Рыльска на своем историческом пути, безусловно ясно, каким должен быть этот герб (черная кабанья голова в золоте); не подлежит сомнению, что по своей древности, достоинству и безупречности геральдического решения этот герб — одно из настоящих национальных сокровищ геральдической культуры нашей страны; и не может не вызывать горького сожаления тот факт, что старинное достояние Рыльска — прекрасный герб города — до сих пор не восстановлен в официальном использовании.

Примечания

¹ Корни российской земельной эмблематики, конечно, уходят в более раннее время: частью в XVII, для отдельных территорий — даже в XVI в. Однако число гербов, восходящих к старым эмблемам, ничтожно мало, а бытование земельных символов до Петра Великого вяло и фрагментарно. Говорить о практике применения земельных знаков и сколько-нибудь ощутимом количестве их возможно только начиная с 1720-х гг.

² Обыкновенно земельная и городская геральдика развивается «снизу»: земли и города, самостоятельно осознав потребность в символике, сами же ее создают и используют, и лишь с течением времени (и то не всегда) эта символика в тех или иных формах подтверждается или регулируется государственной властью.

³ Что уже совсем неповторимо, поскольку, хотя и в иных странах территориальная геральдика иногда обслуживала потребности воинских сил, однако причинами возникновения гербов всегда являлись практические и вполне утилитарные нужды соответствующих городов и земель.

⁴ Распространенное мнение, что с 1709 г. (иногда упоминается — с 1712 г.) *все* русские полки получили географические названия, ошибочно: все (даже только все строевые) полки никогда не назывались от городов и территорий (вспомним полки лейб-гвардии Конный, лейб-гвардии Гренадерский, лейб-гвардии Егерский и т. д.), в петровское же время географические названия носило не более четверти от числа существовавших полков.

⁵ Наименование полков по городам и землям, безусловно, заимствовано из опыта шведской армии, отсюда же заимствована и практика размещения гербов соответствующих городов и земель на знаменах.

⁶ Рабинович М. Д. Полки петровской армии, 1698–1725: Крат. справ. М., 1977.

⁷ Там же. С. 73. № 363–367; ПСЗ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 7. С. 871. № 5169. — Данный полк был сформирован в 1723 г. вместе с пятью или шестью другими аналогичными из одноворцов Воронежской и Киевской губерний. Нес службу летом, зимой распускался по домам. В 1727 г. полку было присвоено название «Рыльский ландмилицкий полк», поскольку к этому времени полк квартировал в Рыльске. Ранее полк именовался по фамилии полковника,

в связи с чем не вполне ясно, какой именно из пяти (или шести) данных полков связан с Рыльском и с какого времени.

⁸ РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 377.

⁹ ПСЗ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 7. С. 871. № 5169.

¹⁰ РГИА. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 1. Л. 48. — Электронная публикация гербовника выполнена Президентской библиотекой им. Б. Н. Ельцина; лист с цветным рисунком герба Рыльского размещен по адресу: http://www.prlib.ru/elfapps/pageturner2d/viewer.aspx?orderdate=11.01.2012&DocUNC_ID=2302&Token=6oIWe0nUNUo8TEsYKK0oZQ==&lang=ru-RU (12.01.2012).

¹¹ РГИА. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 об. (пунктуация и орфография наша. — Г. К.).

¹² Там же. Л. 48.

¹³ Исследования Н. А. Соболевой показали, что большая часть гербов в гербовнике 1730 г. разработана Санти или составлена на основе подготовленных Санти проектов, на это, впрочем, указывают откровенные отсылки в описаниях гербов в самом гербовнике (см.: *Соболева Н. А. Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981. С. 57*).

¹⁴ Сообщавшиеся нами во время доклада на конференции в Рыльске сведения о знаменах Рыльского ландмилицкого полка при детальной проверке не подтвердились.

¹⁵ Описание Курского наместничества, вообще, и порознь: всякого города и уезда, с планами городам, и картами уездам. сочиненное в 1785-м году курским губернским землемером, поручником Иваном Башиловым (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18801. Л. 64 об.)

¹⁶ *Соболева Н. А. Российская городская и областная геральдика... С. 132–133.*

¹⁷ РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 126. Л. 8-а, 8-б.

¹⁸ ПСЗ. Собр. 3. СПб., 1897. Т. 13. С. 533. № 9892.

Н. С. Чернышёва

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ РЫЛЬСКА В 1708–1917 гг.

В первой половине XVIII в. Петр I осуществил целый ряд реформ в различных сферах жизни страны. Были проведены и изменения административно-территориального устройства государства. Первой реформой областного деления России стала губернская реформа 1708 г. Согласно указу от 18 декабря 1708 г., вся территория страны была разделена на 8 губерний: Московскую, Ингерманландскую, Киевскую (с 56 уездами), Смоленскую, Архангелогородскую, Казанскую, Азовскую и Сибирскую¹. ***Рыльск в 1708 г. был включен в состав Киевской губернии.*** Она занимала обширную территорию от Днепра до Северского Донца и Оскола. За Днепром к этой губернии принадлежал только Киев с округой. В Киевскую губернию входила вся Приднепровская Малороссия, большая часть Русской Украины, в том числе земли позднейших губерний Курской и Орловской и (частично) Тульской и Екатеринославской².

В течение всего 1709 г. продолжала действовать прежняя уездная система административно-территориального деления. Вновь назначенным губернским правителям был дан год, чтобы войти в курс дела по управлению вверенными им территориями, а также собрать сведения о доходах, подлежащих взиманию в

их губерниях. Новый порядок деления страны на губернии был введен в действие только с 1710 г.³

В ходе проведения реформы 1708 г. был осуществлен переход от уездной администрации к губернскому управлению. Однако вскоре выяснилось, что управление такими огромными регионами, какими являлись губернии 1708 г., было затруднено. Возникла потребность в промежуточной административно-территориальной инстанции между губернией и уездом. Такими инстанциями стали провинции. Кроме того, нужно было разукрупнить некоторые губернии.

Известно, что еще до провинциальной реформы 1719 г. на территории России существовали провинции (иногда их называют «протопровинции»). Так, на территории Курского края в период с 1712 по 1719 г. находились Курская и Обоянская провинции⁴. В Киевской губернии на 1718 г., помимо двух названных, имелись также еще Белгородская, Белевская, Брянская, Карачевская, Ливенская, Орловская, Севская и Старооскольская провинции. О существовании Рыльской провинции документальных данных не имеется. Очевидно, Рыльск оставался только центром уезда. Вероятнее всего, в этот период он находился в составе Севской провинции.

По указу от 29 мая 1719 г. Россия была разделена на 11 губерний: Санкт-Петербургскую, Московскую, Киевскую, Архангелогородскую, Казанскую, Азовскую, Сибирскую, Ревельскую, Рижскую, Нижегородскую и Астраханскую⁵. Все губернии, кроме Астраханской и Ревельской, были разделены на провинции. В составе Киевской губернии были образованы четыре провинции: Белгородская, Севская, Орловская и Киевская. ***Рыльск в 1719 г. вошел в состав Севской провинции Киевской губернии.***

После кончины Петра I административно-территориальное деление Российской империи подверглось новым изменениям. Пассивность областной администрации, произвол и злоупотребления в новых местных учреждениях, а также финансовый кризис явились основными причинами очередных реформ в областном делении государства⁶.

В 1727 г. из состава Киевской губернии была выделена Белгородская губерния, внутри которой чуть позже были образованы три провинции: Белгородская, Севская и Орловская. ***Рыльск в 1727 г. вместе с остальными городами Севской провинции был перемещен в Белгородскую губернию***⁷.

Реформа 1727 г. упразднила дистрикты, частично заменив их уездами. Был продолжен процесс разукрупнения губерний, начавшийся в 1719 г. Помимо Белгородской, была образована Новгородская губерния, изменились границы Санкт-Петербургской, Московской и Сибирской губерний. Всего после реформы 1727 г. в империи насчитывалось 14 губерний и около 250 уездов.

Начало царствования Екатерины I ознаменовалось новыми изменениями административно-территориального деления страны, связанными, в основном, с созданием органов местного управления на вновь присоединенных к империи

землях. На юге была учреждена Новороссийская губерния, а на Левобережной Украине — Малороссийская. В 1765 г. была сформирована Слободско-Украинская губерния с центром в Харькове.

Следующей крупной реформой административно-территориального деления Российской империи стала губернская реформа 1775–1779 гг. Политика Екатерины II была основана на идеях Просвещения, в том числе на идее развития регулярного государства. Главным принципом в административно-территориальной политике стал принцип единообразия.

В результате указа от 7 ноября 1775 г. «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи» и нового акта в дополнение к предыдущему от 4 января 1780 г. «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи, в коих столицы»⁸ было проведено разукрупнение губерний. К 1781 г. было учреждено 40 губерний с распределением их между 19 наместничествами. Позднее число губерний выросло до 51. *По указу от 23 мая 1779 г. Рыльск на правах уездного центра вошел в состав вновь образованной Курской губернии*⁹.

Павел I в 1796–1797 гг. осуществил пересмотр административно-территориального деления страны. Было произведено укрупнение губерний, а наместничества упразднены. Общее число губерний было сокращено до 42. Часть уездов была ликвидирована, а их территория распределена между соседними уездами. По указу от 29 августа 1797 г. Курская губерния была разделена на 10 уездов (оставлены за штатом бывшие уездные города Богатый, Дмитриев-на-Свапе, Льгов, Новый Оскол, Тим)¹⁰. *В ходе реформ 1796–1797 гг. Рыльск сохранил статус центра уезда, территория которого увеличилась, в частности, за счет упраздненного Льговского уезда.*

Александр I провел ревизию реформ своего отца, в том числе и в отношении областного устройства. Многим уездным городам, утратившим этот статус при Павле I, он был вновь возвращен. В Курской губернии, согласно указу от 24 апреля 1802 г., заштатные города Дмитриев-на-Свапе, Льгов, Новый Оскол, Тим, Хотмыжск были восстановлены уездными¹¹. *Территория Рыльского уезда в 1802 г. сократилась и вернулась к пределам, существовавшим до 1796 г.*

С начала XIX в. и вплоть до 1917 г. изменений в статусе и административно-территориальной принадлежности Рыльска не происходило. Таким образом, за время существования Российской империи, этот город последовательно входил в состав трех губерний (Киевской, Белгородской и Курской), сохраняя статус уездного центра.

Примечания

¹ ПСЗ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 4. С. 436–438. № 2218.

² Арсеньев К. И. Статистические очерки России. СПб., 1848. С. 66.

³ *Мрочек-Дроздовский П. Н.* Областное управление России XVIII века до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года. Ч. 1: Обл. управление эпохи первого учреждения губерний (1708–1719 г.) М., 1876. С. 26–27.

⁴ *Раздорский А. И.* Из истории областной реформы Петра Великого: (Адм.-тер. статус Курска и Обояни в 1708–1719 гг.) // Государство и общество в России: XV — начала XX века: Сб. ст. памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007. С. 387–394.

⁵ ПСЗ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 5. С. 701–710. № 3380.

⁶ *Готье Ю. В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1: Реформа 1727 г. Обл. деление и обл. учреждения 1727–1775 гг. М., 1913. С. 19; Административно-территориальное устройство России: История и современность / Под ред. А. В. Пыжикова. М., 2003. С. 76.

⁷ *Арсеньев К. И.* Статистические очерки России. С. 82.

⁸ ПСЗ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 20. С. 229–304. № 14 392.

⁹ Там же. С. 825–826. № 14 880. — 27 декабря 1779 г. открыто Курское наместничество, что зафиксировано в сенатском указе от 4 февраля 1780 г. (Там же. С. 916–917. № 14 984).

¹⁰ Там же. СПб., 1830. Т. 24. С. 705–706. № 18 116; *Ден В. Э.* Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII века. М., 1902. Т. 1. С. 289.

¹¹ ПСЗ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 27. С. 124. № 20 245; *Ден В. Э.* Население России... С. 292.

Н. Д. Борщук

НАСЕЛЕНИЕ РЫЛЬСКА В КОНЦЕ XVIII в. *

Находясь в составе Московского государства, Рыльск долгое время был одним из самых южных городов России. К середине XVI в. он входил в число русских городов первой линии государственной обороны от нападений поляков и литовцев, крымских и ногайских татар. Видимо, именно это обстоятельство послужило причиной появления многочисленных научных и краеведческих работ по истории города периода заселения и освоения Курского края¹. Кроме того, сохранился ряд ценных демографических источников, например, старейшая в регионе писцовая книга Рыльска 1628–1629 гг.² Среди других населенных пунктов современной Курщины история Рыльска конца XVI — XVII в. рассмотрена наиболее полно.

Изучение местной истории XVIII столетия явно недостаточно не только в отношении Рыльска, но и других курских городов, поэтому региональная историография не располагает сколь-нибудь значительными сочинениями по этому периоду. Поэтому данная статья посвящена исследованию одного из малоизученных аспектов конца XVIII в. — численности и составу населения Рыльска.

Самым распространенным демографическим источником XVIII — середины XIX в. служат «ревизские сказки», составлявшиеся в ходе плановых переписей населения Российской империи. Во второй половине XVIII столетия

были проведены 4-я, 5-я и 6-я ревизии населения, состоявшиеся в Рыльске и Рыльском уезде в марте–июне 1762, 1782 г. и 1795–1796 гг. соответственно.

«Сказки» этих «народных переписей» хранятся в ГАКО в фонде Курской казенной палаты. Наиболее полными являются сведения о рылянах в 80-е гг. XVIII в., так как, помимо ревизских сказок этого времени, сохранились интересные источники, также дающие представление о Рыльске и его жителях.

Указ о 4-й ревизии населения «состоялся» 16 ноября 1781 г. Цель ревизии повторяла норматив предыдущего обследования: подсчитать количество «в подушном окладе людех и крестьянех с показанием из того числа разными случаями убылых и после ревизии вновь рожденных и прибылых по самой истине без всякой утайки, а буде нем впредь обличен явлюсь или по свидетельству найдется, что кого-либо утаил, то повинен положенному по указам штрафу без всякого милосердия»³.

В настоящее время сохранились только итоги переписи помещичьих крестьян г. Рыльска и Рыльского уезда⁴. К тому же в ревизских сказках 1782 г. сводные цифровые данные подсчета податного населения отсутствуют. В этом случае уместно обратиться к «Описаниям Курского наместничества», выполненных в 1784–1785 гг. крупными курскими чиновниками — губернатором А. Н. Зубовым, губернским землемером И. Ф. Башиловым и прокурором С. И. Ларионовым. Все авторы отметили, что демографические сведения взяты ими из «сказок» 4-й ревизии. Нами уже сделана попытка представить население Курского наместничества в целом по материалам этих сочинений⁵, сопоставим теперь количественные показатели по Рыльску.

О рылянах у Зубова сказано: «Живущих в городе купцов 268, мещан 851, однодворцев 584, войсковых обывателей 194», т. е. 1897 мужчин⁶. Башилов о Рыльске приводит другие данные: «Какими людьми населен. Город населен частью дворянами, приказными и церковнослужителями, а по большей части купцами, мещанами, однодворцами и малороссиянами, которые все содержат веру кафолическую греческого исповедания. Между купцами и мещанами есть несколько раскольников, которых секта такая ж как и курских жителей ... жителей в городе Рыльске всех мужеска полу 2228 душ, женска 2370 душ, из них мужеска пола душ купцов 412, мещан 860, однодворцов 553, малороссиян 220, помещичьих крестьян 45, церковнослужителей 138»⁷.

Показатели, приведенные Башиловым, несколько выше, чем у Зубова. Можно предположить, что в труде губернатора учтены не все категории населения. Например, для «священно- и церковнослужителей» составлялись самостоятельные ревизские сказки; по отдельным населенным пунктам в общую численность жителей сведения о священнослужителях не включались, а приводились параллельно.

В ГАКО в фонде «Курская казенная палата» хранится обывательская книга города Рыльска за 1786 г. В оригинале она называется «Алфавитная книга жителей города Рыльска по сословным группам»⁸.

Книга была начата в 1786 г. и составлялась несколько лет, среди сведений о «городовой службе» отдельных категорий населения есть данные и за 1787, и за 1788 г. Данный документ подписали «грацкой голова Казма Выхадцев» и «депутат Леон Малцов».

В «части, купцам учиненной», сведения о представителях данного сословия были представлены «с толкованием, а кто оные купцы имяны с семьями, а равно о домах их с местами где они живут, также о торге и производящих ими службах».

Все рыльское купечество было переписано с учетом принадлежности к гильдиям. Купцов первой гильдии в Рыльске в 1786 г. было трое. Около 20 купеческих семей относились ко второй гильдии и около 100 — к третьей гильдии.

Части книги, где представлены данные об «именитых гражданах» и «мещанах», достаточно обширны и включают сведения примерно по 150 семьям. Отдельно даны сведения о священнослужителях и о людях, «которые в Рыльске дома имеют»⁹.

Итогового подсчета жителей в рыльской обывательской книге 1786 г. нет. В принципе и цель ее составления была не в констатации количественных показателей, а в характеристике «обывателей», разделенных на группы: купцов, мещан, священнослужителей и пр.

Таким образом, демографические сведения о жителях Рыльска в 80-е гг. XVIII столетия сохранились в нескольких разнородных по своему содержанию, но достаточно надежных источниках. Более обстоятельное их исследование позволило бы в деталях воссоздать сословно-хозяйственный портрет города, проследить историю отдельных семей горожан. Сохранившийся массив сведений о рылянах различного характера может быть полезным при характеристике как социально-экономического, так и демографического развития города.

Примечания

* Статья написана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 11-11-46006 а/Ц «Развитие учета населения в XVIII–XIX вв.».

¹ Казаки и стрельцы города Рыльска в 1614 году. Раздаточная книга денежного жалования казакам и стрельцам. Октябрь 1614 г. / Введение, комм. О. Н. Щеголева. Курск, 2006. С. 3.

² Список с писцовой книги поместных и вотчинных земель в станах Подгородном, Омонском и Свапском письма и меры писцов Петра Ивановича Мусоргского и подьячего Гаврилы Федорова, 1628–1629 гг. // ГАКО. Ф. 1555. Оп. 1. Д. 155.

³ ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 143. Л. 87.

⁴ ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 143.

⁵ *Борщик Н. Д.* Использование итогов учета населения в описаниях Курского наместничества 1784–1785 гг. // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: Материалы IX Всерос. науч. конф., посвящ. 85-летию д. и. н., профессора А. В. Бакунина, Екатеринбург, 8–9 окт. 2009 г. Екатеринбург, 2009. Т. 1. С. 50–54.

⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18800. Ч. 2. Л. 63.

⁷ Там же. Д. 18801. Л. 66.

⁸ ГАКО. Ф. 184. Оп. 4. Д. 20.

⁹ Подробнее см.: *Борщик Н. Д.* Население уездных городов в конце XVIII столетия (по данным обывательской книги Рыльска 1786 г.) // Юг России и Украина в прошлом и настоящем: история, экономика, культура: Сб. науч. тр. VI Междунар. науч. конф., г. Белгород, 27–28 окт. 2011 г. Белгород, 2011. С. 16–19.

А. В. Зорин

РЫЛЯНЕ В РУССКОЙ АМЕРИКЕ *

Как правило, упоминания о роли уроженцев Курского края и непосредственно Рыльска в освоении Русской Америки ограничиваются именами Г. И. Шелихова и, в лучшем случае, его курских компаньонов, И. Л. и М. С. Голиковых. Между тем, при всей их значимости, эти люди не были одиночками и в своей деятельности опирались в первую очередь на поддержку своих родственников и земляков. Куряне и рыляне занимали далеко не последнее место среди первопроходцев Русской Америки и служащих Российско-Американской компании (РАК)¹.

Уже среди участников знаменитого плавания Г. И. Шелихова на о. Кадьяк в 1783–1786 гг. находились ближайшие родственники самого Григория Ивановича: его жена Наталья Алексеевна и четырехлетний сын Михаил. Участвовали в плавании двоюродный брат главы экспедиции, Сидор Андреевич Шелихов, и представитель другой ветви рода, Василий Потапович Шелихов². Среди работников находился и крепостной человек Г. И. Шелихова, обученный кузнечному ремеслу Филипп Осетров.

Рыльский купец Сидор Андреевич Шелихов (1770–1842) позднее служил приказчиком компании в Охотске, был акционером РАК, а с 1802 г. был правителем Охотской конторы компании. Н. А. Шелихова в наставлении «комиссионеру моему рыльскому купцу Ивану Петровичу Шелихову» от 29 декабря 1797 г. пишет, что придает ему в помощь «вашего брата и моего деверя Сидора Андреича Шелихова с платою с будущаго 1798 года по 1500 р. в год, коего можете употребить в Охоцке». На этом посту он прославился почти легендарной скупостью, имея «достохвальную привычку копить всякими средствами деньги»³. Затем поднялся до положения второго правителя Иркутской конторы

РАК. В 1812 г. он был избран одним из директоров РАК, но отказался переехать из Иркутска в Петербург. В 1825 г. имел 15 акций РАК⁴. Следует отметить, что датой рождения Сидора Андреевича ранее ошибочно указывался 1765 г.⁵

Брат Сидора Андреевича, Семен (р. 1773), также был служащим компании Г. И. Шелихова и долгое время являлся приказчиком его вдовы, Натальи Алексеевны.

Не до конца выяснена личность Василия Потаповича Шелихова. Дело в том, что у рыльского купца Потапа Григорьевича Шелихова, проживавшего в приходе Покровской церкви, было два сына по имени Василий. Рано осиротев, братья воспитывались в доме своего двоюродного брата Ивана Петровича Шелихова. На 1786 г. брата «холосты, детей не имеют, дома и места не имеют. В Рыльске живут у рыльского купца Ивана Шелихова. Торг имеют не собою, а у показанного купца Шелихова разным товаром»⁶. Пока трудно сказать, кто именно, Василий-большой (1761–1801) или Василий-меньшой (р. 1772 г.) был участником Кадьякской экспедиции. Позднее, в середине 1790-х гг., среди служащих шелиховской Северной компании на о. Уналашка упоминается Василий Потапович Шелихов, который в 1798 г. на галиоте «Св. Георгий Победоносец» (мореход Г. М. Коновалов) доставил в Охотск груз пушнины Северной и Предтеченской компаний. После этого он вернулся в колонии, где имел туземную жену и дочь Марию⁷. Скорее всего, в плавании на Кадьяк участвовал Василий-большой, но вполне возможно, что и его младший брат также принимал участие в деятельности РАК.

Компаньоном и активным сотрудником Г. И. Шелихова был его младший брат Василий Иванович Шелихов (1760–1808). В 1780-х гг. он ведал торговыми делами в Охотске и на Камчатке, в 1790-х гг. — в Иркутске, в 1805 г. посетил Кадьяк на бригантине «Св. Елизавета». А. В. Гринев ошибочно утверждает, что В. И. Шелихов в 1825 г. проживал в Иркутске и владел 28 акциями РАК. Это заявление основывается на «Списке акционеров РАК» за июнь 1825 г.⁸ Однако Василий Иванович Шелихов из этого списка является вовсе не братом Г. И. Шелихова, а сыном И. П. Шелихова, директора РАК и представителя другой ветви фамилии Шелиховых. Смерть В. И. Шелихова в 1808 г. четко зафиксирована данными 6-й ревизии по г. Рыльску за сентябрь 1811 г.⁹

Видным деятелем РАК был коммерции советник Иван Петрович Шелихов (1754–1833). В записи «Алфавитной книги жителей Рыльска» под 1802 г. о нем говорится: «В Рыльске жителства не имеет. Торг производит в американской компании, отправляющей торговлю свою на основании высочайше пожалованного ей в 8-е июля 1799-го года правила и привилегии да и грамоты того ж года декабря 27-го. Ползуется правом акционера, а по выбору компании звание директора по высочайшему его императорского величества соизволению коммерции советника и по тем правам состоит он корабля хозяином и оптовую торгов-

лю американских зверных промыслов и других американской компании производств отправляющим»¹⁰.

В 1811 г. купец 2-й гильдии И. П. Шелихов является городским головой Рыльска¹⁰. Имел в Рыльске дом с местом в 1-й части во 2-м квартале под № 7.

Первым браком Иван Петрович был женат на купеческой дочери Наталье Михайловне Воцининой (1764–ок. 1783). В браке имел трех детей: Василия, Ивана и Марью¹².

Вторым браком женат на Елизавете Егоровне (р. 1773), от которой имел десять детей: Дарью, Ивана, Павла, Александра, Петра, Владимира, Елисавету, Александру, Глафиру¹³. Еще один ребенок, сын, умер в младенчестве в первой половине 1799 г.¹⁴

В его же доме проживали невестка Екатерина Афанасьевна — вдова Андрея Петровича со своими детьми, а также дети Потапа Григорьевича.

Умер И. П. Шелихов до июня 1833 г., поскольку еще 26 июня 1833 г. получила вольную находившаяся у него в услужении «девка Авдотья Семенова дочь Шаповалова с незаконно рожденными дочерьми ея Варварою 16-ти и Аксиньею 9-ти лет»¹⁵.

С деятельностью РАК связано имя, по крайней мере, двух сыновей Ивана Петровича. Сын от первого брака Василий, родившийся в 1780 г., в 1825 г. проживал в Иркутске и владел 28 акциями РАК.

Родившийся от второго брака Павел Иванович Шелихов (р. 1800) первоначально являлся служащим московской конторы РАК. В 1821 г. по его вине компания понесла убытки и в искупление вины он подал прошение о переводе его в колонии. Прибыл на Ситку на бриге «Рюрик» 19 января 1823 г. В 1825 г. назначен правителем колонии Росс в Калифорнии. В 1830–1832 гг. являлся чиновником для особых поручений при главном правителе колоний Ф. П. Врангеле. В 1832 г. назначается правителем Новоархангельской конторы РАК. В ноябре 1835 г. по состоянию здоровья покидает колонии. «Ревизские сказки» по городу Рыльску отмечают в 1834 г., что П. И. Шелихов «состоит на гражданской службе». Женат П. И. Шелихов был на уроженке Ревеля вдове Марии Ивановне Фихтнер (1832). В браке с ней имел трех детей: Елизавету, Николая и Александра¹⁶.

Сын П. И. Шелихова, Николай Павлович Шелихов (р. 1836 г.), также связал свою жизнь с РАК. В чине коллежского секретаря в 1850–1860-х гг. он служил помощником бухгалтера при Главном правлении РАК, а в 1863 г. был переведен бухгалтером в Аянскую контору¹⁷.

Родственные связи между двумя данными семействами Шелиховых пока не выяснены, но наличие их представляется несомненным. Как уже отмечалось, Н. А. Шелихова в наставлении И. П. Шелихову пишет, что придает ему в помощь «вашего брата и моего деверя» С. А. Шелихова¹⁸. Ф. И. Шечков в своем письме спрашивает Ивана Петровича, не желает ли Н. А. Шелихова «возобно-

вить деда общего нашего Иванов Воиновича Бырдина опустошенное попелище в память ему и собрать разрушенное его имение»¹⁹. Возможно, они были связаны общим родством с фамилией Выходцевых, но также возможно, что связи эти уходят корнями глубоко в XVII в.

В любом случае семейство Выходцевых также оказалось связано с Русской Америкой. Мещанин Федор Алексеевич Выходцев, происходивший из рыльской купеческой семьи, служил приказчиком Г. И. Шелихова на Камчатке в 1780-1790-х гг., был комиссионером РАК в Петропавловске и на всех постах отличался «склонностью к мошенничеству» из-за чего не раз попадал под суд и был даже лишен купеческого звания. Его сын Петр, рожденный в браке с камчадалкой, также состоял на службе РАК и в 1825 г. был назначен помощником правителя Атхинской конторы. Затем он служил письмоводителем на Уналашке и в Ново-Архангельске, однако «небрежностью своею к исполнению обязанности и нетрезвым поведением допустил весьма многия там беспорядки». В итоге Петр Федорович был в 1847 г. отрешен от должности, а в 1849 г. вообще выслан вместе со своим семейством на Камчатку²⁰.

Другой рыльский мещанин, Петр Иванович Овчинников, прежде чем заключить в 1825 г. контракт с РАК успел записаться в ревельское купечество. В колониях он занимал пост начальника «общественного магазина» в Павловской Гавани на Кадьяке, а с 1831 г. по мая 1832 г. начальствовал в Озерском редуте на Ситке. Следующие два года П. И. Овчинников служил помощником начальника Ново-Александровского редута, в 1834–1836 гг. заведовал Кускоквимской одиночкой, затем снова служил на Ситке и на Кадьяке. Женившись в 1837 г. на креолке Анастасии Ерыкаловой, он стал отцом восьми детей и окончил свои дни в колониях на исходе 1850-х гг.²¹

Среди сотрудников Г. И. Шелихова встречаются не только купцы и мещане, но и крепостные, как, например, некий Максим Борисович Немов, купленный Шелиховым в 1793 г. по просьбе и на деньги своего кума и родственника, путивльского помещика Ф. И. Шечкова. Поскольку «по некоторым обстоятельствам человек тот к нынешнему его господину отправлен быть не мог, то от реченного Шелихова и назначен быть при коммерческих делах его в Охоцке и во всей тамошней области»²². Похоже, что Шечков так никогда и не увидел своего нового дворового, зато компания приобрела еще одного полезного сотрудника.

Таким образом, в разные периоды истории на различных должностях в РАК продолжали служить представители семьи, стоявшей у истоков компании, а также выходцы из рыльского купечества и мещанства. Не все они были людьми выдающимися, но все они, вне зависимости от своей должности, от своего вклада в историю, были первопроходцами, людьми, вольно или невольно, но раздвигавшими не только границы своей страны, но и пределы известного мира. Все они заслуживают памяти потомков.

Примечания

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта: Петров А. Ю. «История США и российско-американских отношений (1765–1917) в отечественных региональных архивах, музеях и библиотеках» (№ 08-01-00001а).

¹ *Гринев А. В.* Кто есть кто в истории Русской Америки. М., 2009; *Зорин А. В.* 1) Курские калмыки (работоторговля на степной границе) // Курские тетради. Курск, 1998. Вып. 2. С. 32–38; 2) К биографии Г. И. Шелихова // ВИ. 1999. № 11–12. С. 131–133; 3) Русская Америка и курыне // Русская Америка. 1799–1867 гг.: Материалы Междунар. конф. «К 200-летию образования Российско-Американской компании, 1799–1999», Москва, 6–10 сент. 1999 г. М., 1999. С. 116–126; 4) Курский купец на Аляске // Бартеневские чтения: Тез. докл. и сообщ. Липецк, 24–25 нояб. 1999 г. Липецк, 2000. С. 107–111; 5) Рождение и смерть Г. И. Шелихова // Генеалогический вестник. 2001. № 2. С. 50–53; 6) «Первый фундатор» Российско-Американской компании: Штрихи к портрету И.Л. Голикова // Американский ежегодник 2002. М., 2004. С. 159–179; Курские купцы Голиковы: от монастырских бобылей до потомственных дворян: Материалы к истории и генеалогии рода / А. В. Зорин и др. СПб., 2003.

² РГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 292. Л. 53, 68, 70. — Жене Г. И. Шелихова Наталье Алексеевне, ее роли в истории Русской Америки и ее окружению посвящено исследование: *Black D. L., Petrov A. Yu. Natalia Shelikhova. Russian Oligarch of Alaska Commerce.* Fairbanks, 2010.

³ АВПРИ. Ф. 341. Оп. 888. Д. 124. Л. 1 об. — 13 сентября 1802 г. судно «Елисавета» на котором направлялся в Америку Г. И. Давыдов едва не погибло по вине С. А. Шелихова: «В 11-м часу утра в камбузе открылся пожар. Дым выходил из под печи, почему велели вырубить бимс под оною; тогда показался огонь, который скоро затушили и увидели, что половина бимса уже выгорела. Чрез час появился опять огонь, почему принуждены были изломать печь для погашения онаго. Кто не удивится, узнав от какой безделицы могли мы погибнуть: Сидор Шелихов, правитель Охотской компанийской конторы, по достохвальной своей привычке копить всякими средствами деньги, не доплатил 1 руб. 70 коп. печнику, за что сей с досады обещался сделать на судне такую печь, в которой более одного разу варить не станут. Промышленники слышали сии угрозы его и не сказали о том ни кому. Печник, злодей, сдержал слово свое и сею глупою местию едва не погубил столько людей ни какого зла ему не причинивших» ([*Давыдов Г. И.*] Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова. СПб., 1810. Ч. 1. С. 164–165).

⁴ ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 324. Л. 2 об.

⁵ *Хлебников К. Т.* Русская Америка в записках Кирилы Хлебникова: Ново-Архангельск. М., 1985. С. 297; *Гринев А. В.* Кто есть кто в истории Русской Америки. С. 605.

⁶ ГАКО. Ф. 184. Оп. 4. Д. 20. Л. 56.

⁷ *Гринев А. В.* Кто есть кто в истории Русской Америки. С. 604.

⁸ Там же; Исследования русских на Тихом океане в XVIII — первой половине XIX вв. Т. 4: Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского севера, 1815–1841 гг. М., 2005. С. 189.

⁹ ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 132. Л. 154–154 об.

¹⁰ Там же. Оп. 4. Д. 20. Л. 62 об.

¹¹ Там же. Оп. 3. Д. 12. Л. 2.

¹² Там же. Оп. 2. Д. 132. Л. 236; Оп. 4. Д. 20. Л. 62 об.

¹³ Там же. Оп. 2. Д. 51. Л. 25–26; Оп. 3. Д. 12. Л. 2; Оп. 4. Д. 20. Л. 62 об.

¹⁴ АВПРИ. Ф. 341. Оп. 888. Д. 845. Л. 1–2.

¹⁵ ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 584. Л. 410.

¹⁶ *Pierce R.* Russian America: A Biographical Dictionary. Kingston; Fairbanks, 1990. P. 453–454; *Гринев А. В.* Кто есть кто в истории Русской Америки. С. 605; ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 51. Л. 25–26; Д. 584. Л. 228 об.–229; Оп. 3. Д. 12. Л. 2. — Документы, относящиеся к периоду управления П. И. Шелиховым фортом Росс опубликованы в сборнике: Россия в Калифорнии: Рус. док. о колонии Росс и рос.-калифорн. связях, 1803–1850. М., 2005. Т. 1. С. 625–695.

¹⁷ *Гринев А. В.* Кто есть кто в истории Русской Америки. С. 605.

¹⁸ АВПРИ. Ф. 341. Оп. 888. Д. 124. Л. 1 об.

¹⁹ Там же. Д. 853. Л. 2 об.

²⁰ *Гринев А. В.* Кто есть кто в истории Русской Америки. С. 111.

²¹ Там же. С. 390.

²² ГАКО. Ф. 26. Оп. 2. Д. 44. Л. 1–1 об.

Д. Н. Шилов

СЕРГЕЙ КУЗЬМИЧ ВЯЗМИТИНОВ — ДВАЖДЫ МИНИСТР ИЗ РЫЛЯН

Российская провинция в XVIII–XIX столетиях дала стране много выдающихся государственных деятелей — министров, законодателей, региональных администраторов. Большинство из них достигли своего высокого положения лишь посредством личных способностей, упорства и трудолюбия, вопреки невыгодным «стартовым позициям». Яркий пример относительной демократичности российского служилого сообщества представляет судьба сына владимирского священника М. М. Сперанского, ставшего зиждителем новой отечественной государственности на рубеже этих веков.

Благодаря тем же качествам достиг больших чиновных высот и сын небогатого рыльского дворянина Сергей Кузьмич Вязмитинов (родился 7 октября 1744 г., скончался 15 октября 1819 г.), уроженец Рыльского уезда тогдашней Белгородской губернии¹ (на репродукции — его парадный портрет кисти О. А. Кипренского). Изначальные перспективы его карьеры не были радужными. Многолетняя армейская лямка, хлопоты и лишения походной жизни, отставка в обер- или штаб-офицерском чине с беспорочным аттестатом и мизерной пенсией были в то время в России обычным жизненным уделом для большинства сыновей небогатых уездных помещиков. Тем более, что никакого систематического образования юноша получить не смог. Но, по свидетельству

близко знавшего его современника, «ум его, трудолюбивый и острый, доставил ему то, чему редкие могли выучиться, получа рачительное воспитание»².

Четырнадцать с половиной лет, летом 1759 г. Вязмитинов поступил на военную службу унтер-офицером, принял участие в боевых действиях заключительного этапа Семилетней войны с Пруссией. По их окончании был произведен в первый офицерский чин. Семь следующих лет прошли в армейских буднях в Украинском ландмилицком корпусе, несшем пограничную и караульную службу на западной границе империи.

Взлет карьеры Сергей Кузьмича начался с назначения его адъютантом к видному екатерининскому сановнику, вице-президенту Военной коллегии, будущему фельдмаршалу графу З. Г. Чернышеву. Исполнительность и трудолюбие юноши понравились вельможе и его жене Анне Родионовне (урожденной фон Ведель). По свидетельству очевидца, Вязмитинов «старался неусыпно, и по службе и без службы, угождать вспыльчивости графа и самонравию графини. И за этот труд и терпение никого они столько не гоняли, как его; ни к кому столько не имели доверенности, как к нему; и ни в кого столько влюблены не были, как в него»³.

От Чернышева молодой адъютант, уже в чине подполковника, в 1771 г. перешел на службу в штаб одного из талантливейших полководцев екатерининской эпохи — графа П. А. Румянцева, участвовал в боевых действиях русско-турецкой войны 1768–1774 гг. В 1777 г. Вязмитинов был произведен в полковники (что в то время означало назначение командиром полка) и получил под начало Астраханский пехотный полк, в 1784 г. стал бригадиром и командиром Вологодского пехотного полка. В 1786 г. ему был дан первый генеральский чин и поручено сформировать четырехбатальонный Астраханский пехотный полк. В том же году Вязмитинов женился. Его избранницей стала выпускница Смольного института Александра Николаевна Энгельгардт (1767–1848), дочь правителя Могилевского наместничества Н. Б. Энгельгардта.

Во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Сергей Кузьмич выступает уже военачальником, способным выполнять самостоятельные военные задачи. В начале кампании 1788 г. он был послан с отдельным отрядом на помощь австрийской армии под командованием принца Саксен-Кобургского, осаждавшей Хотин, и даже принял под свое начало одно из подразделений австрийской армии. Летом 1788 г. отряд Вязмитинова вошел в состав корпуса Н. И. Салтыкова, в начале сентября покорившего Хотин. В 1789 г. во главе Екатеринославского егерского корпуса в армии князя Г. А. Потемкина Сергей Кузьмич участвовал во взятии Аккермана и занятии Бендер.

Ухудшение зрения повлекло за собой резкую смену вектора карьеры молодого генерала. В марте 1790 г. он навсегда оставил боевую службу (сохранив, по традициям того времени, военный чин) и был назначен правителем Могилевского наместничества (сменив на этой должности своего тестя) и коман-

дующим Белорусским егерским корпусом. Первым его ответственным поручением стало строительство гребной флотилии на Западной Двине. За одну зиму им было сделано и снаряжено 70 судов, причем со значительной экономией для казны — вполовину дешевле постройки такого же их количества в более удобных для этого местностях⁴. После окончания войны с Турцией, в 1792 г. Сергей Кузьмич получил свой первый орден — св. Владимира 2-й степени, а год спустя был произведен в генерал-поручики.

В первой половине 1790-х гг. Вязмитинов вошел в круг высших администраторов Российской империи, пользовавшихся личным доверием императрицы Екатерины II. Свидетельством тому стал ряд ответственных поручений. В 1793 г. он был послан в Киргиз-Кайсацкую орду для прекращения народных волнений и организации выборов нового хана, вследствие чего последним был избран расположенный к России султан Ишим. По возвращении Сергей Кузьмич был сделан сенатором, однако в столице не задержался: в сентябре 1794 г. он был назначен генерал-губернатором сразу двух наместничеств, Симбирского и Уфимского, а в апреле 1795 г. к его обязанностям присоединилось еще и командование войсками Оренбургского корпуса.

Калейдоскоп первых месяцев царствования Павла I в полной мере отразился и на судьбе Вязмитинова: он успел побывать по несколько дней в должностях оренбургского, каменец-подольского, малороссийского, черниговского губернаторов, а в январе 1797 г. занял пост коменданта Петербургской крепости и был назначен членом Военной коллегии. В апреле того же года на него было дополнительно возложено управление переведенным из Москвы в Петербург Комиссариатским депо.

Поначалу Павел I был доволен Вязмитиновым, на которого посыпались награды: на коронацию — орден Анны 1-й степени и 750 душ в Рогачевском уезде Могилевской губернии, в марте 1798 г. — чин генерал от инфантерии, в мае того же года — орден Александра Невского, наконец, в апреле 1799 г. — большой крест принятого Павлом под опеку ордена Иоанна Иерусалимского. А в ноябре 1799 г. Сергей Кузьмич вышел в отставку, причем, в отличие от многих, с мундиром (т. е. по не порочащим его обстоятельствам).

Как и сотни других чиновников, отставленных от дел при Павле, в новое царствование Вязмитинов вернулся на службу. В сентябре 1801 г. ему было повелено управлять гражданской частью в двух малороссийских губерниях, с поручением разработать проект нового административного деления края. В ноябре им был представлен проект, согласно которому в феврале 1802 г. императором было утверждено разделение Малороссийской губернии на две, Полтавскую и Черниговскую. Тем временем в январе 1802 г. Сергей Кузьмич был назначен вице-президентом Военной коллегии, сенатором и членом Государственного совета. Наконец, в сентябре ему был поручен один из учрежденных министерских постов — министра военно-сухопутных сил. Последний был

особенно важен, как ввиду широкого круга ответственности нового руководителя, так и вследствие того чрезвычайного значения, которое придавал Александр I министерской реформе. В 1805 г. Вязмитинов одновременно исполнял обязанности главнокомандующего войсками в столице на время отъезда императора в действующую армию, а по его возвращении был награжден алмазными знаками к ордену Александра Невского.

Тем не менее, деятельность немолодого уже министра в напряженные для ведомства годы войн с Наполеоном не во всем удовлетворяла Александра I. В январе 1808 г. он был смещен в должности не зная устали Аракчеевым, причем (признак явного высочайшего неудовольствия) не получил никакого нового назначения и вышел в полную отставку. Лишь три года спустя, в апреле 1811 г. доверие императора вернулось к Вязмитинову — он вновь был определен на службу и назначен членом Государственного совета.

С этого момента Сергей Кузьмич являлся одним из наиболее близких сподвижников Александра I. В преддверии новой войны с Наполеоном, в марте 1812 г. он получил сразу несколько ответственных назначений: стал членом Комитета министров, главнокомандующим войсками в Петербурге на время отсутствия императора и управляющим Министерством полиции. Вязмитинов — один из немногих государственных деятелей, дважды занимавших министерский пост. За 115 лет существования министерств в России подобных примеров не наберется и десятка. После начала Отечественной войны, в сентябре 1812 г. он был назначен председателем Комитета министров, органа, в рамках которого на период военных действий сосредоточилось фактическое управление всеми важнейшими отраслями государственной жизни. По окончании войны Вязмитинов был удостоен высшей российской награды — ордена Андрея Первозванного. В октябре 1816 г. он присоединил ко всем своим постам еще и должность петербургского военного генерал-губернатора. За многолетнюю государственную службу сын неизвестного рыльского дворянина был в августе 1818 г. возведен в потомственное графское достоинство Российской империи. Формальному признанию заслуг сопутствовало и неофициальное: в памяти современников и потомков Сергей Кузьмич остался благодаря своим положительным качествам: уму, трудолюбию, снисходительности к подчиненным и управляемым. Даже у такого желчного мемуариста-зоила как Вигель образ Вязмитинова оказался в своих основных чертах привлекательным⁵.

Не получив, как уже отмечалось, существенного образования, Сергей Кузьмич, тем не менее, всерьез интересовался литературой и искусством. Завзятый театрал, виолончелист, композитор-любитель, он даже сочинил оперу в 2-х действиях, имевшую в свое время некоторый успех у публики. Как крупный столичный администратор он всегда со вниманием относился к деятелям науки, культуры и просвещения. Его вклад на этом поприще был отмечен избранием в июле 1818 г. в почетные члены Российской академии. На протяжении всей сво-

ей жизни он собирал книги, составив солидную библиотеку (в 1820 г. поступила в фонды Императорской Публичной библиотеки).

В октябре 1819 г. С. К. Вязмитинов скончался и был похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры в Петербурге. Его надгробный памятник (напольная плита) сохранился до сих пор.

Примечания

¹ Подробную библиографическую справку о нем см.: *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917: Библиограф. справ. 2-е изд. СПб., 2002. С. 172–174. См. также: *Руководители Санкт-Петербурга.* СПб.; М., 2003. С. 68–71.

² *Энгельгардт Л. Н.* Записки. М., 1997. С. 194.

³ *Добрынин Г. И.* Истинное повествование или Жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная. 1752–1823 // *Русская старина.* 1871. Т. 4, авг. С. 98.

⁴ *Затворницкий Н. М.* Военные министры и главноуправляющие военною частью в России с 1701 по 1910 года. СПб., 1911. С. 103 (Столетие Военного министерства. Т. 3, отд. 6).

⁵ *Вигель Ф. Ф.* Записки. Кн. 1. М., 2003. С. 222.

С. П. Щавелёв

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ ДМИТРИУКОВ (1795–1870): НАЧАЛО РЫЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ, АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ

На протяжении первой половины XIX в. у различных слоев русского общества заметно усилился интерес к прошлому своей страны и памятникам ее культуры. Подъему патриотических настроений способствовала и победоносная Отечественная война 1812 г., и входившие в европейскую моду национальные варианты романтизма в искусстве, и труды В. Н. Татищева, Н. М. Карамзина, других первых историков России. Энергичные импульсы к сбережению и изучению разного рода древностей шли главным образом из просвещенной среды столичной интеллигенции. О встречном краеведческом движении в тогдашней провинции известно гораздо меньше. Тем интереснее выглядит почти забытая ныне фигура Алексея Ивановича Дмитриукова, который полвека учительствовал в Курской губернии и, начиная с 1820-х гг., много и плодотворно занимался историей, археологией и этнографией родного края.

Вехи его жизненного пути отмечены в «Формулярном списке о службе и достоинстве чиновников и учителей Рыльского уездного училища»¹. Он родился в 1795 г. в Судже. По формулярной терминологии, происходит из мещан. Родители оставили ему в наследство «в суджанских градских дачах в череспо-

лосном владении распашной земли, сенокосу и лесного сруб 20 десятин» да «дворовых людей 16 душ». К этому мизерному (по общероссийским меркам) имению он присоединил впоследствии еще столько же благоприобретенной на чиновничье жалованье земли «в дачах близлежащего села Куриловки».

«По окончании курса наук в Курской губернской гимназии поступил в звании вольнослушающего» в ближайший — Харьковский университет, где «слушал лекции по математическому отделению с 1 августа 1812 по 1 января 1815 года». Так начинается его послужной список. Затем идет хроника назначений и перемещений «не окончившего курса» в университете Дмитриюкова по школам Харьковского учебного округа. Сначала (уже в декабре 1814 г.) его приняли в Ахтырское уездное училище «учителем исторических наук». Такая, видимо, оказалась вакансия. Но вскоре (в августе 1816 г.) согласились перевести оттуда в родную Суджу — преподавателем математических дисциплин уездного же училища. Стать действительным студентом, сдать выпускные экзамены за весь университетский курс ему помешала, по всей видимости, бедность: не хватало денег платить за право слушания лекций, проживание в большом городе.

Дмитрюков всю жизнь оставался уездным учителем, прослужил чиновником по ведомству Министерства народного просвещения. По собственному его призванию — «любимая мною должность руководителя детей к их пользам и к пользам государства». Начал он эту службу в чине X класса — коллежского секретаря (с 1823 г.), закончил в почти столь же скромном чине VIII класса — коллежского асессора (с 1838 г. и до самой пенсии). Неоднократно получал благодарности училищного комитета и прочих начальственных инстанций «за прилежание и успехи учащихся», «за неутомимое усердие и ревность к учительской должности». После 15 лет беспорочной службы был награжден предудсмотренным на сей счет случай знаком отличия (1833), а затем повышен в должности — назначен штатным смотрителем своего уездного училища (1838). Вскоре переведен на тот же пост в Щигровское училище (1839). Здесь проработал пять лет, трижды поощрялся благодарностями «за деятельное стремление к улучшению училища». В 1844 г. перемещен штатным смотрителем рыльских училищ «для исправления в них беспорядков». К тому времени подошла положенная российским чиновникам для выхода на пенсию выслуга лет — четверть века (считая с 1817 г.). Пенсию ему назначили максимальную в занимаемом положении — в размере годового жалованья, по 250 руб., позднее повысили до 400. Но на службе в виде исключения, как поступали с особо ценными работниками, предложили остаться еще на 5 лет с выплатой сверх пенсии указанного оклада. Льгота пришлась весьма кстати. Деньги были крайне необходимы на восстановление родового гнезда, «сгоревшего в общем суджанском пожаре 1841 года дома, со всеми строениями, до основания», как жаловался наш чиновник в частной переписке. Потом срок службы ему неоднократно продлева-

ли. Последний раз, как видно из формулярного списка, в 1857 г. В конце концов (в 1858 г.), Алексей Иванович опять вернулся в родную Суджу смотрителем училищ. Здесь и доживал свой век, к сожалению, овдовев и пережив старшую дочь.

Он возглавлял большое семейство. Женат был на дочери дворянина Елизавете Зиновьевой. «За женой его состоит дворовых крестьян мужеского пола шесть душ». Супруги имели много детей для своего скромного состояния — двух сыновей (их ждали гимназия, Московский кадетский корпус, Инженерная академия — на казенном содержании, и военная служба — Брянский егерский полк) и пятерых дочерей (из них только две при жизни честного, но небогатого отца вышли замуж). «Прочие дети находятся при нем», — констатирует формуляр.

Получив вовремя чин штаб-офицерского уровня, Дмитриюков выслужил личное дворянство, а затем и потомственное, будучи награжден в 1852 г. орденом св. Владимира 4-й степени «в знак XXXV-летней беспорочной службы». Точную дату смерти Дмитриюкова нам установить не удалось. В официальных списках российских чиновников его имя последний раз встречается в 1864 г., а в 1865 — уже нет². Последнее из сохранившихся в архивах писем Дмитриюкова датировано февралем 1868 г. Вскоре после этой даты он, по всей вероятности, и скончался — на середине восьмого десятка. Весьма почтенный по меркам того века возраст. «Курские губернские ведомости» за 1901 г. в № 171 опубликовали заметку: «О предположенном чествовании памяти местного археолога А. И. Дмитриюкова, умершего в Судже в 1830 г.» Тут явная опечатка. Надо, по всей видимости, «в 1870».

Сегодня мы вспоминаем Дмитриюкова отнюдь не в масштабе микроистории, как типичного служаку николаевского времени, одного из массы таковых. Перед нами один из немногих основоположников региональной историографии во всей России. Уездные Суджа, Щигры, а особенно Рыльск дали ему богатый материал по целому ряду отраслей научного знания, начиная с археологии. Причем в ту пору, когда в нашей стране научное изучение разного рода древностей делало самые первые шаги.

В начале 1870-х гг. по инициативе незадолго перед тем созданного в Москве Археологического общества все губернии и области Европейской России ответили на специальную анкету для учета сохранившихся памятников материальной старины. Один из пунктов вопросника выяснял: кем и когда производились раскопки «древних земляных насыпей»? Абсолютному большинству губернаторов ответить на сей счет было нечего. Центральные районы страны, в том числе Курский край, долгое время, вплоть до второй половины позапрошлого столетия, считались бесперспективными в археологическом отношении. Раскопки если и вели, то исключительно в Причерноморье, на местах бывших древнегреческих колоний и скифских владений ради добычи античных мраморов и драгоценных украшений для Императорского Эрмитажа. Там же, на юге империи, стали возникать и первые собственно археологические музеи (с 1803 г.)³

В археологической литературе в качестве самого раннего прецедента научных раскопок курганов в центре России обычно упоминаются работы А. Д. Черткова (1789–1858) 1838 и 1845 гг. в Подмосковье⁴. Остальные пробные раскопки древностей славян и их соседей в коренных губерниях за первую половину XIX в. можно пересчитать по пальцам одной руки⁵. Все эти поиски относятся к 1840-м — 1850-м гг. Для своих инициаторов они носили эпизодический, если не случайный характер и на представления современников о Древней Руси практически не повлияли.

Уничтожающее же памятники древности для науки рытье земельных насыпей грабителями-кладоискателями и дилетантами-коллекционерами встречалось и раньше, и позже того времени, но они только зря губили древности. Лишь со второй половины XIX в. ученые-гуманитарии в Западной Европе и в России постепенно преодолевают безраздельное увлечение греко-римской античностью и всерьез начинают заниматься древностями собственных народов.

На очерченном фоне историографическим сюрпризом выглядит датированный 1873 г. ответ курских чиновников на запрос из центра по поводу проведенных краеведческих мероприятий: «В 1829 и 1831 годах многие из городищ, курганов, могильников и других древних земляных насыпей, находящихся в Суджанском и Рыльском уездах, были раскопаны местным археологом г-м А. И. Дмитриюковым с научной целью для исторической археологии. При какой раскопке найдено им в могильниках много костей и разных древних вещей. О результатах этих ученых его исследований помещена им, г-м Дмитриюковым, статья в 1-м выпуске «Трудов» Курского губернского статистического комитета (ГСК), вышедшем в 1863 году»⁶ (курсив мой. — С. Щ.).

Таким образом, рыльский учитель развернул целенаправленные раскопки, судя по всему, раньше всех остальных поклонников русской истории из интеллигентной среды. Чем руководствовался археолог-новатор? В его распоряжении имелись «История государства Российского» Н. М. Карамзина да разрозненные публикации на древнерусские темы в «Отечественных записках» и некоторых других повременных изданиях. Этого оказалось достаточно, чтобы взять под сомнение народные предания о разбросанных по курской земле курганах на могилах слободских казаков — жертв татарских набегов из Крыма, о высоких городищах на речных мысах да озерных островах как логовищах разбойных атаманов вроде легендарного Кудеяра.

Разъезжая по губернии в служебных командировках, Дмитриюков попутно изучил и сравнил между собой внешние формы явно искусственных возвышенностей. На его взгляд, они распределялись на две основные группы: 1) «принадлежавшие к военному искусству древние крепостцы — городища»; а также редуты позднейших времен и 2) «курганы, содержащие смертные остатки, — могильники наших далеких предков»⁷. Данная классификация по существу совпадает с современными научными понятиями этих заметных на мест-

ности памятников археологии. Между тем, не только простые, но и весьма ученые люди того времени почитали городища заброшенными святилищами язычников (польский путешественник по России З. Доленга Ходаковский, петербургский академик И. И. Срезневский), а многие курганы принимали за остатки жилищ кочевников (Ю. И. Венелин) или, еще чаще — дозорных башен (академик П. И. Кёппен). Последнего заблуждения не избежал и сам Дмитриюков, назвавший самые высокие из рыльских курганов «казацкими сторожевыми» (в действительности они обычно содержали погребения эпохи бронзы или раннего железа).

Важнее всего заметить, как построил свой археологический поиск его пионер на курской земле. На протяжении прошлого и начала нынешнего веков дорогу постепенно складывающейся научной археологии станут переходить лица, принимавшиеся «копать, когда не знаешь, что ищешь, а накопив вещей, не знаешь, что с ними делать»⁸. Зачем же шел на курганы и городища с лопатой в руках сам Дмитриюков? Кроме явной фантастичности людской молвы о «кудьяровых станах» да «волотовых (великанских — С. Щ.) могилах», — объяснял он мотивы своих раскопок, — «составляемая мною тогда “История города Суджи и его уезда” (напечатанная в 1828 г. в “Историческом и статистическом журнале”, в Москве) обязывала сколько можно изыскать истину»⁹.

Свой первый поход за погребенными в земле древностями наш учитель предпринял на следующем маршруте: вниз по течению р. Псла, в промежутке городков Суджи и Мирополья. Эта местность, на его удачу, оказалась особенно богата археологическими памятниками разных эпох, в первую очередь славянскими и древнерусскими. Здесь, у с. Горналь, что в 15 верстах от Суджи, им были обнаружены два городища, а при них три группы курганов. Где, по его описанию, «идут по лесу и по пахоте весьма многие могильные насыпи с находящимися в них скелетами и при них разными мелочными украшениями; а в особой группе могильников найдены глиняные сосуды с сожженными костями покойников». Большую по сравнению с остальными величину некоторых курганов самодеятельный археолог проникательно объяснял «важностью скрываемого покойника».

Сначала, в 1828 г., Дмитриюков раскопал в одном из этих курганников четыре насыпи из шести. Там оказались трупосожжения — на месте будущего кургана, с последующим помещением праха покойника в лепные сосуды, располагавшиеся под насыпью на уровне горизонта земли. Судя по данному в дмитрюковских статьях описанию курганной керамики — толстостенной, лепной от руки, дурно прожженной, похожей на ту посуду, осколки которой были им же найдены на Горнальских городищах, погребения относились к роменской археологической культуре, т. е. к летописным северянам (IX–X вв. н. э.). Детали погребального обряда при несовершенной еще манере этих раскопок и особенно описания их процесса и результатов не были зафиксированы этим нео-

фитом исторической археологии. Но самая суть дела, принципиально важная для современных ученых, оказалась суджанским учителем на его самостоятельных раскопах уловлена и тем спасена для науки.

В 1829 г. Дмитриюков вернулся на Горнальские городища. На большем из них был собран подъемный материал, а на меньшем вырыты разведочные ямы (трудно назвать их по-современному шурфами, ибо этот технический термин предполагает послойную фиксацию находок и общую стратиграфию углубления, а в данном случае неопытный копатель ничего не обнаружил; такой, нулевой результат в культурном слое поселения практически исключен). Однако сам по себе тип данных памятников исследователь определил опять-таки верно. Перед ним оказались «развалины бывшего поселения какого-то доисторических времен многочисленного народа». На такую, в принципе правильную, мысль его навело сличение керамики, найденной тут и там (прием, методически совершенно верный и самостоятельно открытый суджанским самородком от археологии). «И как оно [большое горнальское городище, в действительности принадлежавшее роменцам / летописным северянам — *С. Щ.*] года за два перед тем было распаханно, то, при поверхностном обозрении, находил я на нем черепья банок [фрагменты сосудов, говоря современным языком — *С. Щ.*], подобных тем, какие были мною вырыты в курганах, наполненных жжеными костями».

Во всяком случае, энтузиаст полевой археологии убедился в нелепости крестьянской побасенки, будто «там жила какая-то царица: жители села Горналь водворились тут не более двух веков назад, а жительство какого-то народа, бывшего некогда в этих местах и притом многолюдного, восходит ко временам, не упоминаемым русской историей»¹⁰, — заключил первоначально Дмитриюков. Доследовать горнальские памятники довелось уже советским археологам. Их раскопки уточнили: здесь находился комплекс памятников раннего и зрелого Средневековья. А. И. Дмитриюков рылся на городищах, существовавших в IX–X вв. и погибших в 970-е гг., предположительно при покорении северянского Посеймья киевским князем Святославом. На месте этого «племенного центра» славян объединения «Север» возник древнерусский городок — перевалочный пункт на караванном пути «Киев — Булгар» (на Волге), просуществовавший, похоже, до монгольских, а то и до литовских времен¹¹.

В том же сезоне им была изучена еще одна могильная насыпь между Суджей и Миропольем. Она скрывала трупоположение, при котором нашелся лишь фрагмент железного серпа.

На следующий, 1830 г. вновь открытый археолог вернулся на курганники пригорнальские, и в другой их группе раскопал восемь насыпей с трупоположениями на уровне дневной поверхности. В одном из этих курганов погребение оказалось коллективным — мужчина, женщина, ребенок, как по костям определил Дмитриюков, которого в университете учили-то естествознанию. Зафиксировав преобладающую (головой на запад) ориентацию покойников, Дмитриюков

собрал при них довольно богатый инвентарь. В его составе выделялись украшения, определенные позднее А. А. Спицыным как принадлежащие летописным северянам: спиралевидные височные кольца, бронзовые перстни, импортные бусы — стеклянные разных цветов, в том числе с золотой и серебряной фольгой, бронзовые подвески-бубенчики, налобный венчик из серебра. Довольно точное описание находчиком этих вещей позволяет предположительно датировать захоронения этой группы XI — началом XII вв.

Еще один курган, на сей раз при дороге из Суджи в Сумы, Дмитрюков раскопал в 1833 г., руководствуясь при этом указаниями одной из тех «кладовых рукописей, что тогда вовсю ходили по рукам в российской глубинке. Разумеется, никаких сокровищ в насыпи не оказалось; содержались там лишь «глиняная расколота черепушка» (т. е. урна со следами кремации). На основании столь общей характеристики погребального сосуда сказать что-либо о разрытом тогда кургане сейчас трудно, хотя можно предположить тут роменское, а то и раннеславянское погребение. Во всяком случае, схожий обряд присутствовал в расположенных по соседству курганах с. Артюшкова Рыльского района, изученных в 1994 г. экспедицией В. В. Енукова и отнесенных им к ранним здесь славянам, их колочинской культуре VII в. В Артюшкове тоже присутствовали развеянные на меже кургана кальцинированные кости сожженного на стороне покойника и ритуально разбитый при сооружении насыпи сосуд.

По возвращении с археологических экскурсий А. И. Дмитрюков продолжал штудировать Карамзина и другие исторические сочинения и источники. То, что привлекло в них его внимание в связи с обнаруженными в рыльских да суджанских курганах древностями, представляется нам сегодня опять-таки весьма здравыми в общем догадками. Так, найдя летописное известие (под 1153 г.) о походах киевского князя Изяслава Мстиславича к берегам Псла для отражения половцев, краевед предположил в горнальских укреплениях славянский форпост на рубеже с кочевнической степью. Прослеженный им на местности «высокий вал со рвом составляет с прочими оврагами как бы крепость, имеющую за собой кладбище» — курганник. Зоркому первоисследователю очевидно «искусство в защищении сих мест и границ великорусских княжений»; ему открылись следы «неоднократных сражений с татарами и другими неприязненными народами».

К сходным выводам приводили его курганные находки — изделия высоко развитого ремесла (разнообразные бусы, браслеты, перстни, височные кольца, шейные гривны и т. п.). Такие вещи могли принадлежать народу, «более или менее образованному», каким курский историк находил восточных славян накануне христианизации. «А если принять слова Масуди: “У русских и славян, живших на Итиле, сожигаются вместе с мужьями и жены”, — рассуждал он, — то, может быть, в этих банках, стоящих по две в одном кургане, были сожженные тела мужа и жены, а в курганах с одной банкой были прах и кости одного покойника»¹².

Особый интерес возник у Алексея Ивановича к архивным документам, находящимся в поле зрения уездного жителя. Он делал записки из межевых книг XVII–XVIII вв., копировал некоторые грамоты того же времени, обнаруженные в хранилище Николаевского Белогорского монастыря в том же Горнале (вскоре, кстати, запустевшего; после революции превращенного в интернат для сирот, а в 2002 г. возвращенного Курско-Рыльской епархии РПЦ) и «присутственных мест» уездных городков вроде Рыльска. «Весьма желательно, — по убеждению А. И. Дмитриюкова, — чтобы живущие в Белгороде и имеющие возможность получить сведения в архивах, занялись отысканием актов, указывающих на пребывание в сих местах неизвестного нам народа, в большом селении [Старобелгородском городище] жившего». Рассчитывал историк и на частные собрания старинных бумаг, прежде всего у потомков казачьих старшин курско-белгородской части Слободской Украины с ее поселенческой системой в виде казачьих полков. «Любители отечественных древностей легко себе представят пользу, могущую произойти для Истории от дальнейшего и подробного исследования сих предметов»¹³, — надеялся, и не без основания, Алексей Иванович.

Для проверки своих гипотез учитель и в 1831 г. приезжал в очередной раз на горнальские курганы. Тогда «разрыты были еще многие, при пособии помещика с. Рождественского, майора Г. П. Хлопова, и вещи в них попадались подобные упомянутым». Когда же Дмитриюкова в 1848 г. из Суджи перевели в Рыльск, он и тут летом 1849 г. обследовал городище, так называемую гору Ивана Рыльского, нашел пещеры (земляные церкви?) на ее склонах и, наконец, раскопал два кургана в монастырском саду неподалеку. Те оказались похожи на суджанские по языческому обряду погребения сожженных покойников в урнах, помещаемых на земляную подсыпку. Их вероятная дата — IX–X вв.

В итоге всех этих историко-археологических поисков Дмитриюков осторожно предположил в изученных городищах остатки славяно-русских городов, а в курганах — их кладбища. Эта версия оказалась в общем правильной, нашла подтверждение и конкретизацию в исследованиях ученых-археологов.

Оценим логику уездного любителя истории: от осознанной исторической проблемы — к раскопкам, а затем, ради объяснения полученных в поле результатов — к сохранившимся письменным, печатным и архивным источникам о прошлом этой земли. Подобной методологической схеме, комплексному подходу к анализу источников, что нащупывал Дмитриюков, принадлежало будущее в изучении начальных веков отечественной истории. Гипотетические выводы его самого носили, вполне понятно, предельно общий характер и на историческую науку того времени сразу не повлияли. Впрочем, признания со стороны русских историков, включая самых видных, вроде С. М. Соловьева или В. С. Ключевского, археология так и не дождалась по крайней мере до начала XX столетия. Да и позднее к вещественным источникам абсолютное большинство университетских профессоров-медиевистов относилось с недоверием, опасением¹³.

Скромным, но весьма симптоматичным образцом необходимости полевой, экспедиционной проверки некоторых кабинетных выкладок на исторические темы, явилась заметка Дмитриюкова о действительной топографии реки Локни, фигурирующей в одном из летописных эпизодов русско-половецких столкновений. Смотрителю уездных училищ удалось поправить в этом частном вопросе Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева, называвших эту речушку притоком то ли Выри, то ли Сейма, а она на поверку оказалась притоком реки Суджи¹⁴.

Не менее любопытна методика дмитрюковских раскопок, определенная им же для себя в то время, когда никаких официальных правил на этот счет в нашей стране не существовало. Первая инструкция об этом была принята только в 1874 г. на III археологическом съезде в Киеве. «При разрытии... курганов, — пояснял наш автор, — я не перерезывал их крестообразным рвом, но отмерив наверху пространство в квадратную сажень, углублялся до основания кургана». Сейчас археологи уже оставили такой способ вскрытия курганных насыпей — «колодцем», как несовершенный. При нем остаются недоисследованными отлогие края могильного холма, иногда содержащие дополнительные сведения о захоронении, а то и позднейшие, впускные погребения. Однако отмеченный прием вплоть до начала XX в. оставался самым распространенным при раскопках курганов и в России, и за границей, рекомендовался археологическими инструкциями тех лет. Учтем и то обстоятельство, что дореволюционные археологи, начиная с самого Дмитриюкова, не располагали техникой и достаточными денежными средствами, чтобы перемешать большие массы земли, чего требует нынешняя методика копать насыпь кургана целиком, на снос. «Для сего потребны и познания, и время, и пособия капитала, — сетовал Дмитриюков, — что все редко дается в удел одному».

Кроме всего прочего, грубоватые, с точки зрения будущей научной методики, раскопки курского краеведа носили охранный, даже спасательный характер. При первоначальном осмотре курганников в верхнем поречье Псла и среднего Сейма он насчитал в общей сложности до двух тысяч отдельных насыпей. «Во всех группах, проезжая после те места, заметил я, — сообщает наш автор, — весьма большое уменьшение их от распашки, которой ежегодно уничтожается весьма большое их количество, особливо по мере вырубки леса». К сегодняшнему дню почти все горнальские и многие рыльские курганы разрушены практически без следа — после крестьянских сох по ним прошли колхозные «стальные кони», дорожные грейдеры и т. п. техника, поколения кладоискателей.

Полученные Дмитриюковым-археологом результаты невелики по объему, но, надо признать, достаточно информативны, важны, даже для современных исследователей, не говоря уже о современниках рыльского и суджанского патриота. Хотя он еще не представлял себе необходимости помогильной фиксации находок и графического изображения каждого расчищенного погребения, однако достаточно подробно описывает устройство однотипных могил, структуру

курганной насыпи, состав ее почвы, способ захоронения, положение останков покойного или урны с его прахом, перечисляет весь погребальный инвентарь, извлеченный из данной группы курганов. Часть своих находок он год спустя отослал в Императорскую Академию наук.

С этим учреждением у него к тому времени наладилась корреспондентская связь: сначала он препроводил туда «описание метеоров, кои были наблюдаемы в ночи от 31 октября 1831 г.» Конференция академии изъявила ему свою признательность, занесенную в послужной список по ведомству Министерства народного просвещения. Некоторые вещи из суджанских курганов находчик уступил профессору Харьковского университета А. С. Венедиктову¹⁵ и другим знакомым, а большинство подарил Курскому губернскому статистическому комитету (выполнявшему тогда, кроме всего прочего, историко-краеведческие функции). Судьба этой последней части дмитрюковской коллекции оказалась самой счастливой: много позднее она легла в основу экспозиции первого губернского музея, созданного в Курске в начале XX в.

Помимо других школьных предметов, Дмитрюкову приходилось вести уроки рисования и черчения. Поэтому изображенные им планы местности с указанием обнаруженных археологических памятников точны и даже изящны. То же относится и к рисункам, которые он выполнил (в масштабе, а частью в натуральную величину) с наиболее замечательных вещей (включая сосуды), найденных в курганах¹⁶. С подобной же скрупулезностью описаны им городища: отмечены их очертания, состав почвы, высота, площадь, конфигурация валов и рвов, соседние стационарные ориентиры, рассказы местных жителей про эти памятники старины, результаты их шурфования и сбора подъемного материала вокруг них.

Важным шагом на пути к научной археологии можно считать дмитрюковский опыт сопоставления полевых материалов отдельных памятников одного географического микрорегиона (суджанских и рыльских). Дмитрюков предвидел необходимость сводных карт археологических объектов отдельных регионов страны. «Протяжение прерванных в одном уезде валов, замеченное в других уездах и губерниях, могло бы, — с его точки зрения, — дать справедливую догадку о месте, защищаемом этими рвами и проч.» Подобные своды памятников истории и археологии в дальнейшем, как известно, были составлены и перенесены на карты соответствующих районов. С их помощью осуществлялись будущие разведки профессиональными археологами, а теперь налаживается охрана уцелевших памятников материальной старины.

Весьма подробные статьи о проведенных раскопках учителю из южно-русской глубинки удалось поместить не только в «Курских губернских ведомостях», но и в «Ведомостях» московских, газетах киевских и харьковских, а также таких внушительных альманахах, как «Исторический, статистический и географический журнал», «Вестник Императорского Русского географического

общества». Благодаря этим публикациям о раскопках на курской земле узнали по всей стране.

Далеко не все корреспонденции провинциала принимались столичными редакторами к печати. Многие надолго оседали в редакционных портфелях, гнохли в архивах ученых обществ. Характерно для тогдашнего состояния науки об исторических древностях пренебрежение к статье Дмитриюкова, проявленное в элитарном Императорском Русском археологическом обществе, базировавшемся в столице. Его рукопись пролежала там без отклика и движения несколько лет и, в конце концов, была опубликована автором в «Известиях» ИРГО. Собственно археологические сюжеты у многочисленных корреспондентов Географического общества были редки. Так, в материалах первых (по алфавиту) 11 областей и губерний России (от Акмолинской до Воронежской), отложившихся в Научном архиве этого Общества за вторую половину XIX — начало XX в., только одна, из Воронежа конца XIX в.¹⁷, непосредственно посвящена таким сюжетам. Это лишнее подтверждение приоритета Дмитриюкова-археолога.

Не меньшую пользу отечественной науке оказали этнографические наблюдения А. И. Дмитриюкова. В качестве члена-сотрудника ИРГО (с 1853 г.), при котором имелось отделение этнографии, он на протяжении 1850-х гг. подготовил цикл работ об образе жизни и народных традициях своих земляков — суджанцев и рылян. По собственным впечатлениям и архивным источникам, описываются им конструкции жилищ (изб и усадеб вокруг них, с планами строений и рисунками фасадов), «внешнее и внутренне убранство дворовых принадлежностей и домашней утвари»; одежда и пища, праздничные и повседневные; народные обряды — свадьба, родины, крестины, похороны, поминки, колядования и проч.; навыки воспитания детей; различия в нравах украинцев и русских, в укладе жизни дворянства, купечества, мещанства и крестьянства.

Информация «небезызвестного курского этнографа» (как именовали его столичные издатели) была опубликована им только частично, в нескольких сжатых очерках¹⁸, а полные рукописи соответствующих работ отложились в архиве ИРГО¹⁹. В научный оборот их ввел, хотя бы отчасти, выдающийся русский этнограф Д. К. Зеленин в своем систематическом описании этого архива²⁰. Общеизвестный лидер славянской этнографии, Зеленин называет манускрипты Дмитриюкова «выдающимися по подробности описания» и рекомендовал напечатать их, чего, к сожалению, исполнено до сих пор не было.

Некоторые описания суджанского педагога выполнены в смешанном, синкретическом жанре. Они ближе всего, пожалуй, к географическому регионоведению. В его «Сведениях о некоторых местностях Курской губернии» — очерках о Судже, Рыльске, Мирополье, окружающих эти городки селах и урочищах, отражены и живописнейшие пейзажи края, и памятники церковной и светской архитектуры, и те же курганы с городищами. Тогда русская интеллигенция в

своем большинстве куда чаще восхищалась итальянскими да французскими ландшафтами, нежели пыльными проселками и «нищими селеньями» своей родины, где все окрест было слишком привычно глазу, чтобы волновать эстетические и прочие чувства. А вот этому рыльскому жителю «из домов, расположенных около площади и из самой площади и горы, на которой церковь Иоанна Рыльского, открывается горизонт на юг и на восток более, нежели на двадцать верст, с бесчисленными, блестящими полосами сеймской воды, с множеством лугов, рощ, деревень, сел и как бы в конце картины виднеется село Ивановка с белокаменными зданиями Марьино, резиденции князя Барятинского...»²¹.

В 1857 г. Алексей Иванович удостоился очередной благодарности ИРГО — «за содействие, оказанное к составлению “Путеводителя по России”» — «для путешествия августейшего председателя Общества великого князя Константина Николаевича». Курский корреспондент представил тогда свои материалы о Рыльске, Судже и Мирополье. Часть этих данных была опубликована в похожем по жанру издании — «Путеводителе от Крыма до Москвы», составленном А. Ф. Штакельбергом (СПб., 1858). Для этой книги Дмитриюков описал Рыльск и его окрестности, а коллежский советник Бигневич — достопримечательности губернии в целом.

«Желательно, чтобы почтенные особы, занимающие звания учителей, в городах губернских и уездных, так хорошо составляли поставленные им в обязанности статистические описания места их жительства, как составил его г-н Дмитриюков», — писал издатель «Московского телеграфа» Н. А. Полевой, сам немало поживший в Курске.

С таким отзывом собрата по литературному цеху соглашался и М. П. Погодин. С этим выдающимся ученым-историком, писателем-прозаиком и драматургом Алексея Ивановича связывало многолетнее эпистолярное общение. В погодинском архиве, находящемся в Отделе рукописей РГБ, сохранилась подборка писем Дмитриюкова за 1843–1868 гг., а кроме того, несколько его же рукописей на педагогические, археологические и вообще краеведческие темы. Отправитель надеялся, что «они найдут место в Вашем, Михаил Петрович, или каком-либо ином журнале» (С 1827 по 1830 г. Погодин издавал «Московский вестник», с которым охотно сотрудничал А. С. Пушкин).

Можно было бы назвать Дмитриюкова одним из первых российских краеведов, но, если вдуматься, такое определение будет неточным. С понятием «краеведение» слились такие коннотации, как любительство, вторичность по отношению к профессиональной науке; эмпиризм, нарушение исследовательской методики и т. п. А этот энтузиаст науки в чем-то стоял на тогдашнем ее уровне, а в чем-то и обгонял ее же, намечал верные пути профессионализации археологии, средневековой истории и этнографии.

С энтузиазмом собирая ценный фактический материал для археологии, истории, этнографии, этот уездный учитель на практике, что называется ошупью, определил методики полевой проверки кабинетных гипотез. Такого рода комплексному источниковедению при познании прошлого принадлежало перспективное будущее. Пошедшие вслед за ним профессиональные исследователи в области археологии и истории, этнографии и экологии, искусствоведения и языкознания, других областей науки и музейной, школьной практики с пользой и благодарностью используют накопленные им материалы, не только прежде опубликованные, но и хранящиеся в архивах. Алексей Иванович Дмитриюков по праву заслужил почетное звание одного из первых историков-регионалистов, археологов и этнографов России.

Примечания

¹ ГАКО. Ф. 1540. Оп. 1. Д. 22. Л. 132 об.–133; Д. 26. Л. 54 об.–55; Д. 27. Л. 193 об.–198.

² См.: Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в империи... на 1863–64 гг. СПб., 1865. Ч. 1. С. 394.

³ См.: *Платонова Н. И.* История археологической мысли в России: Вторая половина XIX — первая треть XX вв. СПб., 2010 (Гл. 3. «Начальный этап становления научной археологии в России»).

⁴ См., например: *Авдусин Д. А.* Полевая археология. М., 1972. С. 10. — Высказывалось также мнение, будто Чертков никаких раскопок не вел, а только описал случайно найденные в снесенных строителями курганах вещи, не найдя в них ничего славянского (см.: *Немировский А. И.* Александр Дмитриевич Чертков (опыт научной биографии) // ВИ. 1988. № 10. С. 44). Однако это мнение опровергается документальным отчетом автора тех раскопок (см.: *Чертков А. Д.* О древних вещах, найденных в 1838 г. в имени Н. А. Толстого // РИС. М., 1838. Т. 3).

⁵ См.: *Формозов А. А.* Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. М., 2007. С. 34–36.

⁶ ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 63. Л. 38–39.

⁷ *Дмитрюков А. И.* Городища и курганы в Суджанском и Рыльском уездах // Тр. Курского губернского статистического комитета. Курск, 1863. Вып. 1. С. 508–509.

⁸ Протоколы общих собраний Императорского Русского археологического общества за 1899–1908 годы. Пг., 1915. С. 8–9.

⁹ *Дмитрюков А. И.* Городища и курганы, находящиеся в Суджанском и Рыльском уездах // Вестник ИРГО. СПб., 1854. Ч. 11, кн. 4. С. 28.

¹⁰ Там же. С. 26–27.

¹¹ См.: *Куза А. В.* Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М., 1981; *Кашкин А. В., Узанов А. А.* Об одном «несостоявшемся городе» на Верхнем Псле // Проблемы ранньослов'янської і давньоруської археології Посейм'я. Білопілля, 1994; Археологическая карта России: Курская область / Сост. А. В. Кашкин. М., 2000. Ч. 1. М., 1998.

¹² *Дмитрюков А. И.* Городища и курганы, находящиеся в Суджанском и Рыльском уездах... С. 37.

¹³ См.: *Формозов А. А.* Русские археологи в период тоталитаризма: Историогр. очерки. М., 2006. С. 32–33.

¹⁴ См.: *Дмитрюков А. И.* Река Локня // Этнографический сборник, издаваемый ИРГО. Вып. 5. СПб., 1862. — См. еще его же: О селе Горналь Суджанского уезда // Вестник ИРГО. СПб., 1864. Кн. 3; О насыпях Рыльского уезда // Московские ведомости. 1848. № 157.

¹⁵ Александр Саввич Венедиктов (1799–1890) — курский уроженец, выпускник Курской гимназии и медицинского факультета Харьковского университета, где впоследствии профессорствовал, заведовал кафедрой анатомии и анатомическим театром. Его академическая карьера плохо кончилась: по обвинению в клевете на университетское начальство был судим, помещался в психиатрическую больницу; доживал в свой век в нищете и забвении. Так что курские археологические находки, бывшие в его распоряжении, скорее всего, пропали.

¹⁶ См.: *Дмитрюков А. И.* Изображение [и перечень] вещей, найденных в могильниках, находящихся в Курской губернии Суджанского уезда // ОР РГБ. Ф. 231. Оп. 4. Ч. 5. Д. 18.

¹⁷ См.: *Вейнберг Л. Б.* Очерки замечательных древностей Воронежской губернии. 1891 г. // Описание коллекций рукописей Научного архива Географического общества СССР. Л., 1973. Вып. 1. С. 87.

¹⁸ См.: *Дмитрюков А. И.* 1) Народные игры, загадки, анекдоты и присловья жителей Суджанского и Рыльского уездов // КГВ. Ч. неофиц. 1853. № 6–8, 11–13; 2) Нравы, обычаи и образ жизни в Суджанском уезде // Московский телеграф. 1831. Ч. 39, № 9. С. 255–271; № 11. С. 359–377.

¹⁹ См.: *Дмитрюков А. И.* Образование в городе Рыльске и его уезде. 1854 г. // Архив РГО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 20. Л. 1–4; 2) Сборник собственных имен, употребляемых русскими и малороссиянами [в Курской губернии]. 1850 г. // Там же. Д. 17. Л. 1–1 об.; 3) Домашний быт жителей Рыльского и Суджанского уездов Курской губернии. Ч. 1. 1850 г.; Ч. 2. 1851 г.; Ч. 3. 1852 г. // Там же. Д. 16. Л. 1–19 об.; 4) Малороссийская свадьба с песнями, собранными в Суджанском уезде. 1858 г. // Там же. Д. 26. Л. 1–19; 5) Дополнение к очеркам демонологии малороссиян // Маяк. 1842. Кн. 12; 6) Очерк демонологии малороссиян // Москвитянин. 1865. Т. 12, кн. 25. — В архиве РГО находятся скопированные Дмитриюковым архивные акты исторического содержания: *Дмитрюков А. И.* 1) Окружная межа Миропольского уезда [с приложением карты] // Архив РГО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–4 об.; 2) Отказная книга новому городу Судже, учиненная 1664 года стольником Герасимом Семеновичем Рагозиным // КГВ. Ч. неофиц. 1851. № 3; 3) Список с грамот и указов, жалованных Сумского полка черкасским казакам // Там же. 1853. № 16–17; 4) Список с описи окружной межи Суджанского уезда // Там же. 1853. № 32; 5) Сведения о Рыльске. Две отписки Яблоновского воеводы // Там же. 1864. № 48–49; 6) Из переписки воевод // Там же. 1864. № 25, 30.

²⁰ *Зеленин Д. К.* Материалы для описания Курской губернии, хранящиеся в Ученом архиве Императорского Русского Географического общества // Курский сборник. Курск, 1912. Вып. 7. С. 113–115.

²¹ *Дмитрюков А. И.* 1) Сведения о некоторых местностях Курской губернии // Архив РГО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 25. Л. 2; 2) Город Рыльск. Приложения. 1. Вид города Рыльска со стороны реки Сейма с «Чертова кургана». 2. Вид Рыльского Николаевского монастыря с городской стороны / Рис. М. Чистякова. 1851 г. // ОР РГБ. Ф. 231. Оп. 4. Ч. 3. Д. 15. — Публ. см.: *Щавелёв С. П.* Облик старого Рыльска на взгляд А. И. Дмитриюкова // Малые города России: Материалы 2 Всерос. науч.-практ. конф. (1–3 июня 2000 г., г. Рыльск). Курск; Рыльск, 2000. Ч. 1. Курск, 2000. С. 48–50. — Обратим внимание на оставшиеся в рукописи работы А. И. Дмитриюкова: О состоянии садов. 1851 г.; Падающие облака. 1851 г. // ОР РГБ. Ф. 231.

Оп. 4. Ч. 3. Д. 15. Л. 1–4; Д. 39. Л. 1–1 об.; Д. 41. Л. 5. Наконец, см. его же газетные публикации: 1) Строитель-самоучка // КГВ. 1864. № 13; Концерт в Судже с благотворительной целью // Там же. № 19; Кликуша (из Дмитриева) // Там же. № 26; Кто должен быть учителями в сельских школах // Там же. № 36; О необходимости провести шоссе через Суджу // Там же. № 40; Рыльск и рыляне // Там же. № 41; О земских учреждениях // Там же. 1865. № 17; Об отчуждении старозаимочных земель // Там же. № 22.

Л. М. Рянский

ПОЛОЖЕНИЕ КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН РЫЛЬСКОГО УЕЗДА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

(по данным первичных массовых источников)

В последнее время в отечественной историографии возродился интерес к вопросу о положении частновладельческого крестьянства перед отменой крепостного права в России. Лучшим тому свидетельством служит появление новейших исследований Б. Н. Миронова, С. А. Нефедова, А. В. Островского¹. При этом историки оценивают положение частновладельческого крестьянства по-разному. Если Б. Н. Миронов, основываясь на полученных им данных о биологическом статусе (среднем росте) рекрутов, считает, что в первой половине XIX в. благосостояние населения, в том числе крепостного, улучшилось, то С. А. Нефедов, следуя концепции демографически-структурного анализа, утверждает обратное. По его мнению, после войн с Наполеоном в России происходило «перераспределение ресурсов в пользу элиты», вследствие чего наступила «демографическая стагнация». А. В. Островский признал данные Б. Н. Миронова о биостатусе, уровне потребления населения и крестьянских бюджетах недостоверными, но допущенные им собственные ошибки в значительной мере обесценивают высказанные критические замечания.

Указанные разногласия между историками лишний раз подчеркивают необходимость проведения новых исследований по данному вопросу на макро- и микроуровне. В настоящей статье анализируется положение крепостного населения Рыльского уезда в предреформенный период на базе информации, содержащейся в первичной массовой документации — главным образом в подворных описях, годовых отчетах опекунов помещичьих имений и ревизских сказках, хранящихся в ГАКО.

Рассмотрим, прежде всего, состояние хозяйства и степень эксплуатации частновладельческих крестьян в ряде типичных поместий. Результаты обработки источников приведены в следующей таблице².

Табл. 1. Состояние хозяйства и степень эксплуатации частновладельческих крестьян в поместьях Рыльского уезда

Годы	Дворов	Душ м. п.	Работников м. п.	Рабочих лошадей (голов)		Скота в переводе на крупный (голов)		На душу м. п. (десятин)	
				на двор	на работника	на двор	на работника	наделной пашни	барской запашки
<i>Петропавловское Логофета</i>									
1847	67	321	191	3,4	1,2	6,8	2,4	2,3	3,1
<i>Сухиновское Юстовых</i>									
1857	14	57	39	1,2	0,4	2,9	1,0	2,8	2,5
<i>Костровское М. С. Кусакова</i>									
1846	33	160	84	3,4	1,3	7,4	2,9	2,8	2,5
<i>Каменское Звягиных</i>									
1850	12	53	23	3,0	1,6	5,0	2,6	1,6	1,9
<i>Бяховское Сафоновых</i>									
1856	14	67	43	4,9	1,6	10,9	3,5	2,2	
<i>Алешинское М. А. Кусакова</i>									
1859	22	115	70	4,1	1,3	8,1	2,6	2,2	
<i>Серовское Головиных</i>									
1844	3	25	10	6,3	1,9	11,0	3,3	2,9	2,7
<i>Знаменское Залогиных</i>									
1841	3	12	7	5,7	2,4	10,3	4,4	3,1	
<i>Ивановское Авчинниковых</i>									
1837	3	10	6	3,3	1,7	7,3	3,6	1,8	
1845	3	9	7	3,3	1,4	7,6	3,3	1,3	1,5
<i>Тураевское М. М. Кусакова</i>									
1829	15	71	31	3,3	1,6	6,2	3,0	2,2	
1841	18	90	45	4,7	1,7	8,1	3,3	1,8	
<i>Ломакинское Бураго</i>									
1819	41	169	83	3,3	1,6	6,8	3,4	3,4	2,5
1855	43	176	101	2,7	1,2	4,6	2,0	2,0	2,0
<i>Миленинское Воропановых</i>									
1819	45	185	93	4,8	2,3	8,0	3,9	2,4	2,7
1843	41	174	100	3,2	1,3	5,7	2,3	2,9	2,3
1851	37	206	97	2,9	1,1	5,2	2,0	всего 4,3	

Как известно, экономическое положение крестьян во многом, а при определенных условиях и в решающей мере, зависело от интенсивности их эксплуатации (размеров повинностей). Показателем интенсивности барщины, по мнению специалистов, является размер барской запашки, приходящейся на душу мужского пола. В большинстве представленных в таблице поместий, по которым имеются соответствующие данные, этот показатель был весьма высоким — от двух до трех десятин. По некоторым имениям он, вероятнее всего, является завышенным. Так, в Петропавловском Логофета на мужскую душу приходилось в среднем 3,1 дес. помещичьей запашки, однако не вся она обрабатывалась крестьянами. По свидетельству опекуна, в 1848 г. было отдано в аренду 58 дес.

под озимый и яровой посев³. Вообще при установлении размеров барской запашки необходимо проявлять повышенную осторожность, о чем свидетельствует следующий пример. В Серовском поместье Головиных общая площадь помещичьей пашни составляла 121 дес. или в среднем по 4,8 дес. на крестьянина мужского пола. Однако 55 дес. отдавалось в наем, и, следовательно, крестьяне реально обрабатывали только по 2,7 дес. на душу. Кроме того, в обработке барской запашки могли участвовать и дворовые люди.

Судя по состоянию крестьянского хозяйства, барщина была для крестьян в общем-то посильной. Об этом свидетельствует обеспеченность их рабочей силой и тягловым скотом. Принято считать, что барщинные крестьяне работали на барщине более половины рабочего времени. Однако при этом учитывались только работники, состоящие в тягле. Между тем в крестьянских семьях были еще и затыгловые, и ограниченно трудоспособные работники. К примеру, в Петропавловском имении на одно тягло приходилось 1,9 работника мужского пола; в Костровском М. С. Кусакова — 1,4; в Бяховском Сафоновых — 2,0; в Каменском Звягиных — 1,6. Следовательно, если учитывать все трудовые ресурсы, то надо признать, что более половины совокупного рабочего времени семьи использовалось не на барщине, а в крестьянском хозяйстве.

В подавляющем большинстве изучаемых имений крестьяне имели в целом достаточное поголовье рабочих лошадей: в среднем по 3 и более голов на двор и свыше одной лошади на работника-мужчину. Помещики черноземных губерний полагали оптимальным наличие двух лошадей на каждое тягло. Рассматриваемые поместья в целом соответствовали этому эталону. Так, в Петропавловском Логофета на тягло приходилось в среднем по 2,3 рабочей лошади, в Костровском М. С. Кусакова — по 1,9; в Каменском Звягиных — по 2,5; в Бяховском Сафоновых — по 3,1; в Серовском Головиных — по 2,7; в Ивановском Авчинниковых — по 3,0 в 1837 г. и по 4,7 в 1845 г. Эти данные показывают, что даже в те дни, когда тягловые работники трудились на барщине, в крестьянских хозяйствах оставались как работники, так и тягловый скот.

Как свидетельствуют приведенные в таблице данные, обеспеченность крестьянских хозяйств продуктивным скотом была хуже, чем обеспеченность лошадьми. На это указывает то, что в показателе «скота в переводе на крупный» доля рабочих лошадей, как правило, превышала 50 %⁴.

Посмотрим теперь, как изменялась обеспеченность крестьян скотом. В Ломакинском поместье с 1819 по 1855 г. количество лошадей на двор сократилось с 3,3 до 2,7 голов или на 18 %, на работника — с 1,6 до 1,2 (на 25 %). За тот же период общее количество скота в переводе на крупный сократилось на 33 % в расчете на двор и на 40 % — на работника. Указанная тенденция в отечественной историографии традиционно объяснялась усилением крепостнической эксплуатации крестьянства, но в данном случае наблюдался противоположный процесс: размер барской запашки сократился с 2,5 дес. на мужскую

душу в 1819 г. до 2,0 дес. в 1855 г., и, стало быть, приведенное выше объяснение не имеет веских оснований. Более значимым фактором было сокращение земельного фонда в имении. Если в 1819 г. крестьяне обрабатывали по 5,9 дес. наделной пашни и барской запашки (на мужскую душу), то в 1855 г. — только по 4,0 дес. Кроме того, в 1826 г. имение разделилось между наследниками. Часть его, доставшаяся сестрам Бураго, оказалась фактически бесхозной. Оставшись без должного надзора, крестьяне «с умысла скудоумного» распродали лошадей. Повальный характер приобрели побеги и самовольный уход на заработки. Позже это разоренное имение соединилось с Ломакинским, понизив в нем хозяйственные показатели.

В Миленинском имении Воропановых экономическое состояние крестьянских дворов ухудшилось, и это не было связано с ростом повинностей. С 1819 по 1843 г. размер барской запашки сократился в среднем с 2,7 до 2,3 дес. на душу, а величина надела возросла с 2,4 до 2,9 дес. С 1843 по 1851 г. в связи с ростом численности населения сократились средние размеры как барской запашки, так и наделной пашни: в общей сложности крестьяне обрабатывали по 4,3 дес. на душу (на 0,9 дес. меньше, чем прежде). В оброчном Тураевском поместье М. М. Кусакова наблюдалось существенное повышение уровня хозяйства и благосостояния крестьян. С 1829 по 1841 г. численность населения здесь возросла на 27 %, рабочих лошадей в расчете на двор — на 42 % и на работника — на 6 %, а всего скота — на 31 и 10 % соответственно.

В Сухиновском имении Юстовых причиной обнищания крестьян было стихийное бедствие: сгорело 11 усадеб из 14.

Наконец, проанализируем данные, касающиеся обеспеченности крестьян землей. По мнению авторитетных историков И. Д. Ковальченко и Б. Г. Литвака, двухдесятинный надел пашни (в расчете на мужскую душу) был достаточным для простого воспроизводства крестьянского хозяйства⁵. Таблица показывает, что в большинстве поместий крестьяне имели большее или намного большее количество пашни. Помимо этого, в их распоряжении были «ценные конопляники», подчас весьма обширные. Например, в Алешнинском имении М. А. Кусакова приходилось в среднем на двор по 2,6 дес. конопляников (скорее всего, вместе с усадебной и огородной землей). В Каменском Звягиных аналогичный показатель составлял 1,2 дес. Коноплеводство было высокодоходной отраслью хозяйства. Так, в соседнем Льговском уезде одна десятина конопли приносила 53 руб. 10 коп. серебром валового, или 35 руб. 91 коп. чистого дохода⁶.

Конечно, результаты, полученные на основе сведений, касающихся пусть и типичных, но все-таки отдельных поместий, имеют ограниченное значение, тем более что в данной работе не представлены крупнейшие вотчины, принадлежавшие представителям сановной знати. Поэтому стоит попытаться выяснить, в какой мере их можно распространить на все помещичьи имения Рыльского уезда. Для этого, по нашему мнению, можно использовать такой

интегральный показатель положения крепостного населения, как его естественный прирост.

Наиболее точные массовые данные об уровне воспроизводства населения содержатся в первичных материалах учета населения — ревизских сказках, в которых зафиксированы сведения о наличном населении и его рождаемости и смертности в межревизские периоды. Для настоящего исследования были привлечены ревизские сказки 9-й ревизии (1850 г.), хранящиеся в ГАКО⁷. Ввиду чрезвычайной трудоемкости разработки этих источников, представляется целесообразным их выборочное изучение. Из всей совокупности ревизских сказок Рыльского уезда отбирался каждый двадцатый двор, в результате чего была сформирована 5-процентная выборка данных о численности мужского населения по 8-й ревизии (1833 г.) и о количестве родившихся и умерших в период между 8-й и 9-й ревизиями. Для обработки выборочных данных применялся метод отношения средних величин двух переменных: 1) численности населения по 8-й ревизии (x_i) и 2) разности между числом родившихся и умерших (y_i)⁸. Численность выборки составила 542 единицы (двора) из 10 840 дворов.

Подсчеты производились с использованием следующих формул:

$$1. \hat{Y}_R = \frac{\bar{y}}{\bar{x}} X,$$

где \hat{Y}_R — оценка суммарного значения численности мужского крепостного населения в 1850 г.; X — количество крепостных по окладной книге 1836 г. (где зафиксированы итоги 8-й ревизии); \bar{y} — количество крепостных в 1850 г. по выборке; \bar{x} — количество крепостных в 1833 г. по выборке.

$$2. \nu(\hat{Y}_R) = \frac{N(N-n)}{n(n-1)} \left(\sum_{yi}^2 + \hat{R}^2 \sum_{xi}^2 - 2\hat{R} \sum_{yixi} \right),$$

где n — число дворов, вошедших в выборочную совокупность; $N = n \times 20$;
 $\hat{R} = \bar{y} / \bar{x}$.

Производим подсчет:

$$\hat{Y}_R = \frac{1923}{1685} \times 36625 = 41798 \text{ (мужских душ), т. е. увеличение составило } 14,1 \text{ \%}.$$

Далее устанавливается степень возможной погрешности полученной оценки (41 798), т. е. ее доверительные интервалы. Для этого необходимо исчислить приближенную дисперсию ($\nu\hat{Y}_R$) и стандартную ошибку, представляющую собой корень квадратный из значения дисперсии. Дисперсия равна 573281,077, а стандартная ошибка — 757,157 (мужских душ). При заданной вероятности 0,9545 ($\approx 95\%$) предельная ошибка оценки равна удвоенной стандартной ошибке ($757,157 \times 2 = 1514,314$). Исчисляем доверительные интервалы: 1) $41798 - 1514 = 40284$; 2) $41798 + 1514 = 43312$. Следовательно, в генеральной совокупности (10 840 дворов) с 1833 по 1850 г. численность мужского крепостного населения уезда должна была увеличиться за счет естествен-

ного прироста минимум на 3659 душ (на 10 %) и максимум — на 6687 душ (на 18 %). Даже если ориентироваться на маловероятную нижнюю интервальную оценку (10 %), необходимо признать, что никакой демографической стагнации в крепостной деревне Рыльского уезда в изучаемый период не было, наоборот, естественный прирост населения не прекращался. Наиболее вероятной является средняя оценка (14 %), так как в репрезентативной выборке выборочная средняя стремится к генеральной средней.

В действительности же, как показывает сопоставление сведений окладных книг, численность крепостных в Рыльском уезде возросла в период между 8-й и 9-й ревизиями всего на 5,8 %. Это объясняется тем, что вследствие механической убыли по различным причинам (рекрутчина, межсословные переходы, разного рода миграции) рыльская помещичья деревня потеряла в среднем 8 % населения (минимум 4 и максимум 12 %).

Поскольку естественный прирост населения является достаточно надежным индикатором положения крепостных, мы вправе констатировать, что выведенные на базе достоверных сведений ревизских сказок демографические показатели, по меньшей мере, не противоречат выводам, полученным на основе анализа хозяйственной документации.

Таким образом, положение частновладельческого крестьянства Рыльского уезда в первой половине XIX в., конечно, было нелегким, и оно отнюдь не «благоденствовало», но все же не было столь беспросветным, как это зачастую изображается в литературе. Во всяком случае, вплоть до отмены крепостного права крестьянское хозяйство в целом обеспечивало население средствами к существованию и оставалось способным к выполнению владельческих и других повинностей.

Примечания

¹ *Миронов Б. Н.* 1) Модернизация имперской России и благосостояние населения // РИ. 2009. № 2. С. 137–155; 2) Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М., 2010; *Нефедов С. А.* 1) Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург, 2005; 2) О причинах демографической стагнации в России накануне отмены крепостного права // ВИ. 2010. № 8. С. 78–81; *Островский А. В.* О модернизации России в книге Б. Н. Миронова // ВИ. 2010. № 10. С. 119–140.

² ГАКО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 212, 213, 299, 406, 479, 493, 499, 554, 555, 639, 641, 646, 707, 730, 783.

³ Там же. Д. 555. Л. 194.

⁴ При переводе скота на крупный две головы молодняка приравнивались к одной голове взрослого, а десять голов мелкого скота — к одной голове крупного.

⁵ *Литвак Б. Г.* Русская деревня в реформе 1861 года: Черноземный центр 1861–1895. М., 1972. С. 74.

⁶ Исследования о состоянии пеньковой промышленности в России. СПб., 1852. С. 303.

⁷ ГАКО. Ф. 184 (ревизские сказки).

⁸ Этот метод подробно описан американским ученым У. Кокреном (см.: *Кокрен У.* Методы выборочного исследования / Пер. с англ. М., 1976).

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ РЫЛЬСКОГО УЕЗДА НАКАНУНЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕФОРМЫ 1837–1841 гг.

Государственные крестьяне как юридически оформленное сословие появляются в начале XVIII в. в связи с военными и финансовыми преобразованиями Петра I. В Рыльском уезде Курской губернии в первой половине XIX в. они составляли около половины земледельческого населения и делились на многочисленные и разнородные прослойки¹.

Наиболее крупной прослойкой из общего числа государственных крестьян были однодворцы — потомки мелких служилых людей. По данным на 1830 г., в Рыльском уезде их насчитывалось 2853 души мужского пола и 3131 душа женского пола. На втором месте по количеству душ были экономические крестьяне (1030 душ мужского пола и 1094 души женского пола). Следующей прослойкой государственных крестьян были потомки пограничного военно-служилого сословия, появившегося во второй половине XVIII в. — «войсковые обыватели»². Немного меньшей по численности была группа свободных хлебопашцев, которые составляли менее 1 % от общего количества казенных крестьян. Также выделялась отдельная незначительная прослойка однодворческих крестьян-малороссиян, государственных поселян, казенных малороссиян. Всего в Рыльском уезде на 1830 г. насчитывалось 14 301 душа государственных крестьян³.

Рассмотрим экономическое положение государственных крестьян Рыльского уезда на начало XIX в. Государственные крестьяне отбывали натуральные повинности: подворную — по перевозке чиновников и казенных товаров, дорожную — по проведению дорог, содержанию мостов; строительную — по постройке казенных зданий, волостных управлений, хлебных запасных магазинов. Также на государственных крестьян была возложена обязанность по приему воинских частей, из их состава выбирались лесные сторожа⁴. Обычно отбывали повинности денежным наймом, но не каждый крестьянин мог себе это позволить.

Введение в России подушной подати было связано с необходимостью содержать регулярную армию. Этот налог состоял из главной, или первоначальной, подати и из накладных сборов: на устройство путей сообщения, на содержание присутственных мест и т. д. Казенные крестьяне Рыльского уезда по главной подати платили по 3 руб. асс. на душу, а по накладным сборам: на устройство сухопутных дорог — по 25 коп. асс., на водные сообщения — по 5 коп. асс., на рекрутские пайки — по 13 коп. асс., на содержание присутственных мест — по 18 коп. асс. Подушная подать начислялась на все сельское общество государственных крестьян. Круговая порука должна была гарантировать поступление в казну всех денежных сумм⁵.

Вторым видом денежного налога, который уплачивали государственные крестьяне, была оброчная подать. В «Сборнике постановлений по управлению государственных имуществ» сказано, что все крестьяне казенного ведомства не только должны платить подушную подать, но и оброчную с состоящих в их владении казенных земель. Размер оброка определялся независимо от количества и качества тех земельных угодий, которыми пользовались плательщики⁶.

В начале XIX в. оброк на казенных крестьян составлял 10 руб. с души и равнялся налогу на частновладельческих крестьян, но государственные крестьяне были обложены множеством дополнительных повинностей: на содержание вспомогательного земского капитала, на содержание земской полиции; в 1832 г. были введены и новые сборы по 4,5 коп. с удельных и казенных крестьян «для приведения реки Семи в судоходное состояние»⁷.

Третьим видом денежных сборов были земские повинности. Земские денежные сборы составляли резерв для покрытия государственных расходов и служили дополнением к подушной подати. При необходимости они также могли возрастать⁸.

Мирские сборы были четвертым видом денежных повинностей⁹. В его состав входили: вспомогательный сельский капитал — 21 коп. асс., сбор на народное продовольствие — 10 коп. асс.¹⁰ Этот вид податей вообще плохо регистрировался и служил способом обогащения для различных чиновников.

Таким образом, в Рыльском уезде в 1830 г. с каждой мужской души взималось в среднем по 14 руб. 21,5 коп. асс.¹¹ Подавляющая масса крестьян не могла справиться с выполнением государственных повинностей: Курская губерния была одной из самых недоимочных в Российской империи. Динамика недоимочности государственных крестьян Рыльского уезда выглядит следующим образом: 1825 г. — 7161 руб. 25 коп.; 1826 г. — 4540 руб. 20 коп.; 1827 г. — 683 руб. 25 коп.; 1828 г. — 584 руб. 34 коп.; 1829 г. — 6103 руб. 92 коп.; 1830 г. — 2803 руб. 72 коп.; 1833 г. — 1383 руб. 35 коп.; 1834 г. — 765 руб. 31 коп.; 1835 г. — 26 руб. 62 коп.¹² Уменьшение недоимок в 1830-е гг. можно объяснить подготовкой к реформе государственной деревни, когда местные власти пытались сделать все, что только возможно, чтобы выслужиться перед вышестоящим начальством. Правительству подавались неоднократные жалобы на жестокие и разорительные способы взимания недоимок. Крестьяне подвергались телесным наказаниям, у них выставляли в зимнее время окна и двери, неплательщиков выгоняли на мороз, выдерживали их без пищи, продавали за бесценок их последнее имущество.

Деревенское население Рыльского уезда проживало на плодородном черноземе, который без всякого удобрения давал высокие урожаи: под озимой рожью — сам-восемь, под яровым овсом — сам-шесть. Земледелие господствовало здесь почти безраздельно. Крестьяне сеяли рожь, овес, гречиху. Развитию скотоводства мешал недостаток сенокосов и выгонов; количество засеваемых

зерновых и отчасти технических культур заставляли крестьян распахать каждый свободный клочок земли и даже ликвидировать общественные выгоны.

Ежегодно большие партии зерна, муки, крупы, конопли, пеньки поступали на многочисленные ярмарки и на городские склады, переправлялись в украинские губернии на винокуренные заводы и на север — к берегам Оки. Один из главных хлебных ссыпных пунктов находился в Рыльске¹³. Но не всегда хлебопашество приносило доходы, достаточные для безбедного проживания и уплаты налогов. Большинству казенного крестьянства приходилось искать дополнительные заработки. Это могли быть кустарный промысел, работа на промышленном предприятии, уход на полевые и сенокосные работы в другие регионы и т. д.

Первая половина XVIII в. отмечена усиливающимся наступлением дворян на казенные имения. Так как земли в черноземной полосе были дорогие, то захват угодий государственной деревни стал обычным явлением. В результате возникали судебные тяжбы, которые длились десятками лет и в основном решались в пользу помещика. После 10-летнего срока земли, захваченные помещиками, становились его собственностью по истечении срока давности. Государственные крестьяне, поголовно неграмотные и плохо разбирающиеся в действующих законах, пропускали время для учинения судебного иска и теряли право на отстаивание своего земельного имущества. Все эти меры вели в конечном счете к малоземелью крестьян. Крестьяне страдали не только от недостатка земельной площади, но и от неравномерного распределения земельного фонда между отдельными домохозяевами. В результате расслоения государственной деревни некоторые сосредотачивали у себя в руках большие участки, другие имели крайне ничтожные наделы. На каждую ревизскую душу приходилось всего по 1,2 дес. пашни и сенокоса, а для обеспечения прожиточного минимума (исходя из нормы 6 дес. пашни и 2 дес. сенокоса на тягло) рыльским крестьянам не хватало 3875 дес. Другими словами, их наличный надел оказывался ниже нормального более чем в три раза. Таково было положение на казенных или общественных землях¹⁴.

Техническая отсталость и бедность государственной деревни обрекали ее на полное бессилие в случае стихийных бедствий; достаточно было очередного подорожания или массовой эпидемии, чтобы государственные крестьяне были выбиты из хозяйственной колеи и оказались на грани окончательного разорения¹⁵. Особенно тяжелая обстановка сложилась в первой половине 1830-х гг. Уже летом 1830 г. в Рыльске появились признаки страшной холерной эпидемии. Правительство в лице министра внутренних дел графа А. А. Закревского вступило в борьбу с распространением болезни. На местах сразу же опубликовали строжайшее предписание о принятии профилактических мер против распространения эпидемии: ввели полицейские карантинные пункты, оцепили кордонами зараженные местности, ограничили перемещения населения. Подвоз

продуктов значительно сократился, а в некоторых пунктах прекратился вообще; цены необычайно и быстро росли. Положение осложнялось ничтожным количеством больниц и врачей, недостатком лекарств, неготовностью врачебного персонала, несовершенством методики лечения¹⁶.

Не успела казенная деревня оправиться от последствий холерной эпидемии, как ее постигло новое стихийное бедствие: в 1832 г. в России началась полоса неурожая. В 1834 г. бедствие достигло Рыльского уезда. Правительство вынуждено было прийти на помощь голодающей деревне, отпустить ей семенные и продовольственные ссуды, но организация этой помощи была недостаточной, сильно запаздывала и осложнялась крупными задержками со стороны местной администрации¹⁷. Государственные крестьяне не только проели свои семенные запасы, не только потеряли живой инвентарь, но и должны были ликвидировать свое хозяйство и отправляться на поиски первого появившегося заработка¹⁸. Если мы рассмотрим «Книгу учета окладных сборов с казенных поселян Рыльска» за 1836 г., то увидим, что учет велся с 1824 г., однако там нет данных за 1830–1833 гг. Можно предположить, что в голодные годы окладные сборы с казенных поселян Рыльска не взимались и некоторые статьи были списаны. Обратимся еще раз к уже приводившимся данным: за 1830 г. недоимки составляли 2803 руб. 72 коп, за 1833 г. — 1383 руб. 35 коп.¹⁹, т. е. недоимки сократились на 1420 руб. 37 коп., или на 43 %. Вряд ли крестьяне сами смогли их погасить, учитывая неурожайные годы. В данном случае государство сделало шаг навстречу рыльским казенным крестьянам, так как понимало, что после таких голодных годов они просто не смогут выплатить остальные недоимки.

Таким образом, государственные крестьяне Рыльского уезда в первой половине XIX в. испытывали на себе всю тяжесть государственного принуждения и поборов, усугубляемую засухой и болезнями.

П р и м е ч а н и я

¹ Административные реформы в России XVIII–XIX вв. в сравнительно-исторической перспективе. М., 1990. С. 84, 86.

² ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 2439. Л. 50.

³ Там же. Л. 58.

⁴ Дружинин Н. М. Конфликт между производительными силами и феодальными отношениями накануне реформы 1861 г. // ВИ. 1954. № 7. С. 56.

⁵ ГАКО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 770. Л. 20.

⁶ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.; Л., 1946. Т. 1. С. 174.

⁷ ГАКО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 770. Л. 46.

⁸ Там же. Ф. 33. Оп. 2. Д. 2439. Л. 78.

⁹ Там же. Л. 45.

¹⁰ Там же. Д. 2314. Л. 69.

¹¹ Там же. Ф. 328. Оп. 1. Д. 46. Л. 275.

¹² Там же. Д. 39. Л. 8.

¹³ Там же. Ф. 194. Оп. 1. Д. 770. Л. 63.

¹⁴ Там же. Л. 92, 95.

¹⁵ Там же. Ф. 184. Оп. 1. Д. 39. Л. 4–13.

¹⁶ Там же. Л. 15.

¹⁷ Дружинин Н. М. Социально-экономическая история России: Избр. тр. М., 1987. С. 57.

¹⁸ Там же. С. 60.

¹⁹ ГАКО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 39. Л. 7.

Р. Л. Рянский

КРУПНОЕ ПОМЕЩИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО РЫЛЬСКОГО УЕЗДА ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

В данной статье рассматривается состояние крупного помещичьего хозяйства накануне отмены крепостного права на примере имений крупных и крупнейших помещиков, расположенных в Рыльском уезде Курской губернии. Дело в том, что в советской исторической науке сложилось устойчивое мнение, будто крепостное хозяйство в середине XIX в. переживало системный кризис¹. Подобная точка зрения имеет своих приверженцев и в настоящее время², хотя ряд ученых ее не разделяет³. В качестве свидетельств кризиса помещичьего хозяйства выдвигались такие аргументы, как неуклонное падение производительности барщинного труда и рост задолженности помещиков перед государственными кредитными учреждениями⁴. Попытаемся рассмотреть эти спорные вопросы на примере помещичьих имений Рыльского уезда.

Общая площадь Рыльского уезда составляла 260 892,5 дес., из них 184 641,5 или 70,1 % принадлежало помещикам⁵. Мужское население насчитывало, по данным 1859 г., 57 664 души, из которых 40 470 душ или 70,2 % приходилось на крепостных⁶.

На долю крупнейших землевладельцев (которым на территории Рыльского уезда принадлежало свыше 5000 дес.) в 1854 г. приходилось 98 383,5 дес.⁷ или 53,3 % фонда помещичьих земель. Они же владели 19 903 крепостными мужского пола, т. е. 55,5 % крепостного населения уезда⁸. К этой категории помещиков относились Барятинские.

Снагостьская вотчина Барятинских по своей земельной площади и численности населения уступала в уезде только имению С. Потемкина, владевшего на посессионном праве Глушковской суконной мануфактурой⁹.

Она являлась лишь составной частью обширного вотчинного комплекса Барятинских в Курской губернии (расположенного в Львовском, Рыльском и Путивльском уездах), делавшего их крупнейшими землевладельцами данного

региона¹⁰. На Снагостьское имение приходилось 28,8 % площади и 31,6 % населения курских вотчин этих владельцев¹¹.

В Снагостьское имение входили села Снагость, Гапоново, Мазеповка, часть села Любимовки, деревни Апанасовка, Новоспасовка, Внезапная, Троицкая, Гавриловка, Степановка, Нижняя Груня, Кольтечева, Викторовка, Александровка, Анатольева, Неонилова, Ходейкова Рыльского уезда и д. Владимировка Сумского уезда Харьковской губернии. Общая площадь земельных угодий рассматриваемого имения составляла 25 313¼ дес., в том числе 15 959 дес. пашни, 2911 дес. леса, 2146 дес. сенокоса, 919 дес. огорода, 3379¼ дес. неудобных земель. По 9-й ревизии крепостное население этой вотчины составляло 4680 душ мужского пола. В различных селениях имения находились построенные в разное время несколько мельниц с 3 мукомольными, 15 крупорушными и 8 просяными поставами и сукновальня с 4 ступами¹².

Из структуры земельных угодий явствует, что главной отраслью хозяйства Барятинских являлось зерновое производство, соответствующие сведения о котором представлены в таблицах 1–2.

Табл. 1. Посевы, сборы и урожайность озимых в Снагостьской вотчине Барятинских в 1854–1857, 1859 и 1860 гг. *

Год	1854	1855	1856	1857	1859	1860
Посев в четвертях	1597	1716	1577	1210	880	1646
Сбор в четвертях	10569	14053,5	8173,6	5162,3	14757,3	10388
Урожайность в «самах»	6,6	8,2	5,4	4,3	16,8	6,3
Урожайность в «самах» по губернаторским отчетам	3,1	2,2	3,3	1,6	2,5	3,5

* РГАДА. Ф. 1255. Оп. 3. Д. 206. Л. 126 об.–129, 230 об.–233, 276 об.–286, 295 об.–308, 316 об.–322, 329 об.–338, 348 об.–347; Там же. Д. 107. Л. 165–195.

Рассмотрим прежде всего данные таблиц 1–2 о динамике посевов. По яровым культурам наблюдалось незначительное их сокращение в 1855–1856 гг. Сокращение посевов озимых было гораздо более ощутимым, особенно в 1857 и 1859 гг. Советские историки склонны были трактовать сокращение посевов накануне отмены крепостного права как проявление кризиса феодально-крепостнической системы. Так, И. Д. Ковальченко отмечал: «Таким образом, процессы, имевшие место в помещичьем хозяйстве в 40–50-х годах XIX в. свидетельствуют о том, что в это время общий кризис феодально-крепостнической системы глубоко охватил помещичье хозяйство»¹³. Однако, как известно, на эти годы приходится Крымская война и подготовка отмены крепостного права,

которые едва ли способствовали росту сельскохозяйственного производства. Крупнейший историк-аграрник Н. М. Дружинин сокращение посевов в середине 1850-х гг. ставил в прямую связь с отрицательным воздействием Крымской войны¹⁴. Кроме того, в Рыльском уезде в рассматриваемое время была отмечена вспышка инфекционных заболеваний¹⁵. А. С. Нифонтов отмечает неустойчивость хозяйственной конъюнктуры в 50-х гг. XIX в., когда происходили частые и резкие смены урожайных и неурожайных лет¹⁶. Этот вывод Нифонтова достаточно ярко подтверждается данными таблиц 1–2. Дать более глубокую и конкретную характеристику причин сокращения посевов в изучаемом имении в настоящий момент не представляется возможным из-за состояния источников.

Из всех приведенных в указанных таблицах показателей, пожалуй, наибольший интерес вызывают данные об урожайности — ключевом показателе уровня зернового производства. Обратимся вначале к анализу урожайности озимых хлебов. Как свидетельствует таблица 1, ежегодная урожайность озимых в Снагостьской вотчине существенно превышала урожайность озимых в Курской губернии, приведенную в губернаторских отчетах. В отдельные годы разница была очень большой, особенно в 1855 г. (почти в 4 раза) и в 1859 г. (в 6,7 раза). Наименьшая разница наблюдалась в 1856 г. (в 1,6 раза) и в 1860 г. (в 1,8 раза).

Табл. 2. Посевы, сборы и урожайность яровых в Снагостьской вотчине Барятинских в 1854–1857, 1859 и 1860 гг. *

Год	1854	1855	1856	1857	1859	1860
Посев в четвертях	2154	2029	2025,5	2144,5	2220,5	2269
Сбор в четвертях	17008	6389	16625	8762	13182	21964
Урожайность в «самах»	7,9	3,1	8,2	4,1	5,9	9,7
Урожайность в «самах» по губернаторским отчетам	3,4	1,5	2,2	3,1	2,4	2,4

* РГАДА. Ф. 1255. Оп. 3. Д. 206. Л. 126 об.–129, 230 об.–233, 276 об.–286, 295 об.–308, 316 об.–322, 329 об.–338, 348 об.–347; Там же. Д. 107. Л. 165–195.

Менее ощутимой, но все же весьма существенной была разница между сведениями документов по имению Барятинских и губернаторских отчетов и об урожайности яровых культур. Лишь в 1857 г. она достигала 1,3 раза. Зато в 1856 г. урожайность яровых в имении Барятинских превзошла погубернскую в 3,7 раза, а в 1860 г. — в 4 раза.

Большие масштабы зернового производства обеспечивали колоссальные доходы владельцам имения. Как свидетельствует бюджет Снагостьской конто-

ры за 1853/54 хозяйственный год (см. табл. 3), продажа хлеба была самым существенным источником дохода.

Второй по значению доходной статьёй имения являлась сдача в аренду угодий и хозяйственных строений (пастбищ и мельниц). Оброк с «тяглых» и «бобылей», приносивший 2450 руб. сер., составлял лишь 6,5 % всего бюджета. Еще меньшее значение имели такие традиционные для курских помещиков источники дохода, как продажа пеньки и сена: 3 и 0,4 % соответственно.

Табл. 3. Прогнозируемые администрацией доходы Снагостьской вотчины в 1853/54 гг. *

Доход по статьям	руб. серебром	%
Продажа хлеба	30 618,13	80,60
Доходы от аренды	3200	8,50
Оброк	2450	6,50
Продажа пеньки	1119,13	3
Продажа сена	140	0,40
Прочее	451,54½	1
Итого	37 978,80½	100

* РГАДА. Ф. 1255. Оп. 3. Д. 107. Л. 9–13 об.

Снагостьская вотчина являлась высокотоварным хозяйством. Например, в 1854 г. вотчинная администрация планировала продать 6,8 тыс. четвертей озимого хлеба, что составляло 61 % чистого сбора, и 2,8 тыс. четвертей ярового хлеба (19 %) ¹⁷.

Петропавловское имение Павла Марковича Логофета, лежащее в Рыльском уезде, состоящее в селах Петропавловском, Кострове, сельце Лодыгине, д. Воронке, хуторе Борщеве, можно причислить скорее к числу средних, однако оно не было его единственным владением в Курской губернии, о чем будет сказано ниже. В данной вотчине находилось 2170,5 дес. земли, из которых под господскими усадьбами, садами и строениями состояло 21,75 дес., под крестьянскими усадьбами 25,5 дес., под господскими конопляниками 44 дес. и крестьянскими — 24,75 дес., покосу в лугах и болотах господского 80,5 дес. и крестьянского — 49,5 дес., лесу 127 дес. (в том числе 45 дес. строевого). Соотношение господской и крестьянской пашни в разные годы было представлено следующим образом: в 1847 г. в господском клину состояло 1055 дес., а в крестьянском — 742,5, в 1848 г., соответственно, 1005 и 792,5 дес., в 1849–1850 гг. — 958 и 839,5 дес., в 1851 г. — 990 и 807,5 дес. ¹⁸.

Сопоставив размеры площадей различных угодий, можно прийти к выводу, что земледелие здесь было основной отраслью хозяйственной деятельности.

В имении состояло 99 тягол, по 8-й ревизии насчитывалось 372 души мужского пола. В действительности же по «ведомости о состоянии людей» в

Петропавловской вотчине было на 8 июня 1847 г. 338 человека, из них 276 крестьян и 62 дворовых. В «ведомости о заводах и фабриках» сообщалось следующее: «Фабрик не имеется, а завод конский. Три водяных мельницы..., не приносящих никакого дохода, но служащие для одного только помола господского хлеба». В имении было 5 ездовых лошадей, а также содержащиеся на упомянутом ранее конном заводе 26 жеребцов и 31 матка, 5 мерин и 2 меринка, 7 жеребчиков и 8 кобылок. В вотчине находились 2 быка, 10 коров, 5 телят, 25 овец, 8 индеек, 7 гусей, 17 уток, 46 кур. Общая же стоимость «движимого и недвижимого имения» с учетом крепостных мужского пола оценивалось опекой в 79 062 руб. 88 коп. сер.¹⁹

Связанным с Петропавловским имением (что видно из бюджета, о чем будет сказано ниже) было почти вдвое меньшее Романовское имение (с. Романово и дер. Стрекалова Дмитриевского уезда). Оно, однако, обладало определенной хозяйственной самостоятельностью в производственных вопросах. В данной вотчине было 1148 дес. земли. По 8-й ревизии при Романовском имении состояла 181 мужская душа, в том числе 11 дворовых и 170 крестьян, на хлебопашестве, т. е. на барщине, числилось 68 тягол²⁰. Владевших одновременно Петропавловским и Романовским имениями Логофетов можно отнести к категории крупных если не землевладельцев, то душевладельцев (свыше 500 душ мужского пола). Хозяйство Романовской вотчины нами будет затронуто лишь в вопросе расходных статей бюджета.

«Ведомости о приходе и расходе хлеба» дают представление о зерновом производстве, которое являлось главной сферой приложения труда крепостных и основным источником доходов. Из таблицы 4 мы видим, что урожайность озимых в каждом из имений в 1848, 1849 и 1850 гг. превышала аналогичный показатель по яровым, колеблясь в пределах от сам-5,3 до сам-11,3, тогда как в исторической литературе средний урожай озимых равен приблизительно сам-3 — сам-4. Низкая урожайность яровых в 1848 и 1850 гг. была связана главным образом с засушливой погодой. Средние же показатели урожайности озимых и яровых за данные 4 года составили соответственно сам-8,4 и сам-4,8. Таблица 4 также показывает, что в ряде случаев продажа зерна на рынке превышала чистый сбор, что было возможно благодаря большому количеству хлеба, оставшегося от прежних лет (см. графу «Переходящий остаток»). Переходящий остаток представлял собой запас хлеба на случай неурожая или иного стихийного бедствия. Он гарантировал получение определенного дохода как в случае очень плохого урожая. Графа «% проданного к чистому сбору» свидетельствует о высокой товарности, составившей по Петропавловскому имению 57,3 %, а по обоим имениям в среднем за 1848–1851 гг. около 71 %.

Табл. 4. Зерновое производство Петропавловского имения П. М. Логофета *

Год	Переходящий остаток	Посев в четвертях		Сбор в четвертях			Урожайность в «самах»		Чистый сбор В четвертях			Продано в четвертях		% проданного к чистому сбору	
		оз.	яр.	оз.	яр.	всего	оз.	яр.	оз.	яр.	всего	оз.	яр.	оз.	яр.
1848	7932 коп. 5621 четв.	234	383	1884	1016	2900	8	2,7	1650	633	2283	700	909	42,4	143,0
1849	3820 коп. 7012 четв.	254	285	2066	2002	4068	8,1	5,2	1877	1617	3495	2615	614	139,0	38,0
1850	6377 коп. 4700 четв.	252	398	2462	1202	3665	9,8	3	2210	803	3013	575	533	26,0	66,0
1851	4923 коп. 5615 четв.	251	300	1807	2774	4581	7,2	9,2	1556	2474	4031	1220	181	78,0	7,0

* ГАКО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 555. Л. 195 об.–196, 227 об.–229, 276 об.–277, 316 об.–318.

Ведомости прихода и расхода денег рисуют следующую структуру доходов и расходов. Суммы доходов по Петропавловскому имению за 1848, 1849, 1850 и 1851 гг. составили 12 683 руб. 32¼ коп., 8109 руб. 56¼ коп., 4348 руб. 21¼ коп. и 4886 руб. 16 коп. сер. При этом доля дохода, полученного от реализации зерновых в указанные годы, составляла 26, 97,5, 55 и 51 %. В 1848 г. показатель дохода от этой отрасли хозяйства в действительности был значительно выше, так как значительная часть денег (9103 руб. 29½ коп. сер. или 72 %) поступила за счет возврата долгов, то есть ростовщичества. Еще одной существенной статьей дохода по данному имению была пенька, принесшая в 1850 г. 20 %, а в 1851 г. — 21 % дохода²¹.

Сдача в аренду земли и некоторые другие источники денежного дохода играли ничтожную роль в экономике Петропавловской вотчины. Поскольку в вопросе расходов Романовское имение не обладало автономией (практически весь денежный доход высылался в Петропавловское), не имеет смысла делать анализ расходной части бюджета отдельно по каждой из вотчин. Общая сумма расходов по обоим имениям в 1848 г. составила 15 398 руб. 97¾ коп., в 1849 г. — 13 545 руб. 38½ коп., в 1850 г. — 7284 руб. 91 коп., в 1851 г. — 9127 руб. 48¼ коп. сер.²².

Самой значительной статьей расходов было содержание наследников и опекунов, проживающих в разных местах. В 1848 г. на эти цели было потрачено 11 519 руб. 29 коп. или 74,8 % общего дохода (см. табл. 2). В 1849, 1850, 1851 гг. на наследников и опекунов было издержано соответственно 9265 руб. 74¼ коп., 2277 руб. 98 коп. и 4000 руб. сер. или 71,6, 60 и 44 %. Заметные суммы шли на погашение долгов и выплату процентов по ним. В рассматриваемые нами годы величина данной расходной статьи варьировалась в пределах от 10,5 до 21 %. Затраты на содержание дворовых или текущий ре-

монт строений были ничтожны (см. табл. 5). То же можно сказать и о производственных расходах, исключая 1851 г., когда они составили 11,3 %²³.

Табл. 5. Структура денежных расходов по имениям П. М. Логофета *

Статьи расходов	1848	1849	1850	1851
Содержание наследников и плата опекунам	74,8	71,6	60	44
Погашение долгов и процентов по ним	10,5	11,7	21	17
Покупка продовольственных товаров	5	6,7	11,4	11,3
Содержание дворовых	1	1	1,8	3
Подати и повинности	1,5	1,7	3	1,7
Лечение больных	2,2	–	–	–
Помощь крестьянам-погорельцам	–	1,5	–	–
Текущий ремонт строений	0,7	1,3	–	0,7
Производственные расходы	<0,1	0,2	0,2	14
Бытовые расходы	0,7	1	2	2,5
Прочие	0,6	0,6	0,1	–

* ГАКО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 555. Л. 202–204, 234–236, 283, 323.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что бюджет семьи Логофетов имел ярко выраженный потребительский характер.

Теперь коснемся вопроса о помещичьей задолженности, тем более что он недавно был вновь озвучен современным исследователем А. В. Островским, заявившим, что к 1859 г. 66 % крепостных было заложено, долг помещиков достиг 425 млн. руб., владением и пользованием имениями дворянство вынуждено было делиться с банками, и вообще оно находилось под угрозой финансового банкротства²⁴. Между тем зарубежный исследователь П. Готрелл пришел в выводу, что «величина и бремя дворянской задолженности в период до 1861 г. несколько преувеличены. До реформы помещики держали в государственных банках значительные вклады, которые рециркулировали в виде займов владельцам крепостных и государству. Русские крепостники далеко не в полной мере пользовались своим правом на получение займов. Б. Г. Литвак установил, что в шести черноземных губерниях помещики, располагая возможностью получить в виде займа до 70 руб. серебром на душу, фактически имели займов в половину меньше. По последним оценкам общая стоимость недвижимого имущества, находившегося в руках помещиков накануне освобождения крестьян, равнялась 2,1 млрд. руб., а их долг в 1859 г. в целом составлял 435 млн. руб. Такое соотношение долга и собственности отнюдь не представляется чрезмерным. Маловероятно, к тому же, что эти долги были лишь следствием прямого расточительства помещиков»²⁵. В источниках имеются данные о размерах долгов Логофетов. Совокупный объем долга, лежащего на имении, на начало 1847 г. насчитывал 40 561 руб. 43¾ коп. сер. Но из них 28 571 руб. 42¾ коп. умерший вотчинник задолжал собственной жене (!), по желанию которой рас-

писки были уничтожены (она отказалась от взыскания). В государственных кредитных учреждениях в 1828 и 1833 гг. Логофет взял в долг 11 990 руб. 1 коп., из которых к указанному сроку 3363 руб. 94 коп. были в разное время уплачены, следовательно, возврату подлежали 8626 руб. 7 коп. сер. Но вместе с тем в разное время у Логофета было взято под расписку частными лицами 23 390 руб. 70½ коп., из которых к указанному сроку подлежали возврату 13 107 руб. 99 коп., то есть задолженность перед ним была в 1,5 раза больше, чем он был должен государственным учреждениям²⁶, к тому же с учетом годового дохода от двух имений, сумма долга помещика не была критичной. К сказанному можно добавить, что долг перед Московским опекуном советом был полностью погашен²⁷.

Таким образом, проведенный анализ конкретного фактического материала (и, прежде всего, показателей урожайности) достаточно красноречиво указывает на отсутствие серьезных кризисных явлений в Снагостьском и Петропавловском имениях накануне отмены крепостного права. Однако высокая урожайность в данный период была присуща не только крупным, но средним и мелким имениям²⁸. Значение задолженности помещиков перед казенными кредитными учреждениями было не столь значительным, чтобы поставить их имения на грань банкротства. Как представляется, результаты, полученные в процессе нашего исследования, далеко выходят за узколокальные рамки и позволяют глубже уяснить некоторые закономерности исторического процесса, а также пересмотреть стереотипный взгляд на состояние крепостной системы хозяйства в середине XIX в. и причины отмены крепостного права, сложившийся в отечественной историографии советского периода.

Примечания

¹ Переход от феодализма к капитализму в России: Материалы Всесоюз. дискуссии. М., 1969. С. 58.

² Павленко Н. И. История России с древнейших времен до 1861 года: Учеб. для вузов. 4-е изд. М., 2005. С. 396–397.

³ Миронов Б. Н., Фроянов И. Я. [Рец.]: Н. И. Павленко, В. Б. Кобрин, В. А. Федоров. История СССР с древнейших времен до 1861 г. / Под ред. Н. И. Павленко. М.: Просвещение, 1989 // ВИ. 1990. № 10. С. 176, 178.

⁴ Павленко Н. И. История России... С. 396–397.

⁵ Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1850. Т. 13, ч. 3: Курская губерния. Табл. 6; ГАКО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 242. Л. 6–47 (подсчеты наши. — Р. Р.).

⁶ Памятная книжка Курской губернии на 1860 год. Курск, 1860. С. 173, табл. I.

⁷ ГАКО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 242. Л. 6–47 (подсчеты наши. — Р. Р.).

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Рянский Р. Л. Помещичье хозяйство Курской губернии перед отменой крепостного права (к проблеме кризиса крепостничества в России). Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2006. С. 36.

¹¹ Там же. С. 37.

¹² РГАДА. Ф. 1255. Оп. 3. Д. 267. Л. 1 об.–11.

¹³ Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959 г. М., 1961. С. 206.

¹⁴ См.: *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1958. Т. 2. С. 325, 391, 422 и др.

¹⁵ ГАКО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 555. Л. 199 об.

¹⁶ *Нифонтов А. С.* Зерновое производство в России во второй половине XIX века: По материалам ежегод. статистики урожаяев Европ. России. М., 1974. С. 119.

¹⁷ РГАДА. Ф. 1255. Оп. 3. Д. 107. Л. 9.

¹⁸ ГАКО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 555. Л. 9–9 об., 122 об.–123, 193 об.–194, 225 об.–226, 275 об.–276, 315 об.–316.

¹⁹ Там же. Л. 18–18 об., 38–41 об., 60 об., 66 об., 122 об.–124.

²⁰ Там же. Л. 134 об.–135, 205 об.–206.

²¹ Там же. Л. 212 об., 244 об., 294 об., 334 об.

²² Там же. Л. 204, 236, 284 об., 325 об.

²³ Там же. Л. 202–204, 234–236, 283, 323.

²⁴ *Островский А. В.* О модернизации России в книге Б. Н. Миронова // ВИ. 2010. № 10. С. 122.

²⁵ Великие реформы в России, 1856–1864: Сб. / Под ред. Л. Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М., 1992. С. 114.

²⁶ ГАКО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 555. Л. 122 об.–124 (подсчеты наши. — *Р. Р.*).

²⁷ Там же. Л. 371 об.–372 (подсчеты наши. — *Р. Р.*).

²⁸ *Рянский Р. Л.* Помещичье хозяйство Курской губернии... С. 190–193, табл. 1–2.

А. Ю. Чистяков

ТРАДИЦИОННЫЕ ПРОМЫСЛЫ И ремесла РЫЛЬСКОГО УЕЗДА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

На традиционное крестьянское хозяйство большое влияние всегда оказывал географический фактор. Курская губерния вместе с Тульской, Рязанской, Орловской, Тамбовской, Воронежской, Пензенской входила в состав Центрального Черноземного района, природно-климатические условия которого благоприятствовали развитию сельского хозяйства и, прежде всего, товарному производству зерна.

К концу XIX в. Центральный Черноземный район отличался наиболее высокой плотностью сельского населения, превышавшей 35 чел. на кв. км. В Курской губернии этот показатель был особенно высок и приближался к 50 чел. на кв. км¹. По переписи 1897 г. в Рыльском уезде (площадь — 2494 кв. версты или 2838 кв. км) проживало 164 368 чел. (из них 11 549 — в уездном центре, а 152 819 — в сельских населенных пунктах)². Таким образом, плотность сельского населения превысила среднюю по Курской губернии (в 1897 г. — 46,3 чел. на кв. км) и составила 53,8 чел. на кв. км.

В 1880-е гг. сельскохозяйственные земли в Рыльском уезде распределялись следующим образом: 135 092 дес. находились в частном владении (из них 99 994 дес. принадлежали 608 дворянам), 81 045 дес. принадлежали крестьянам. Половина крестьянских хозяйств ежегодно арендовала еще более 22 тыс. дес. пашни³. Размеры крестьянских хозяйств были невелики. В 1880-е гг. крестьянская семья в Рыльском уезде имела в среднем 5,8 дес. земли, тогда как, например, в Курском — 8,1, Суджанском — 8,7, Фатежском — 10,5. В этот период, по мнению земских статистиков, семье из 6 человек для безбедной жизни (при условии занятия только сельским хозяйством) необходимо было обрабатывать 10 дес.⁴ К 1905 г. размер надела в Рыльском уезде еще сократился и составил уже 4,4 дес. (меньше надел был только в Путивльском уезде — 4,2 дес.)⁵ Эти цифры позволяют согласиться с оценкой статистиков, считавших уезд территорией развитого владельческого (т. е. помещичьего) и слабого крестьянского производства зерна. Наряду с малоземельем препятствием к развитию крестьянской экономики являлась чересполосица, длинноземелье (крестьянские наделы, растянутые на много километров) и отдаленность полей от места проживания⁶.

Животноводство имело подсобное значение. В 1893 г. в крестьянских хозяйствах насчитывалось 20 390 коров и быков, 10 169 телят, 25 221 лошадь, 3688 жеребенка, 47 043 овцы. Если сравнить эти данные со сведениями 1882–1885 гг., выяснится, что произошло увеличение поголовья крупного рогатого скота (тогда насчитывалось 18 890 коров и быков, 7696 телят), но одновременно сократилось поголовье лошадей (было 28 440), жеребят (4779) и овец (59 846)⁷.

Следовательно, крестьянские хозяйства находились в прямой зависимости от урожая сельскохозяйственных культур. Природные условия, а именно — чернозем «в урожайные годы обеспечивал... населению средства к существованию с лихвою, а в менее урожайные — давал ему возможность прокормиться»⁸.

Традиционно крестьяне выращивали зерновые (озимую рожь, пшеницу, овес, гречиху, просо), горох, коноплю. Автор конца XVIII в. утверждал, что в уезде «земля к плодородию отменно хороша», урожай ржи — сам 8, овса — сам 9, ячменя — сам 7, пшеницы — сам 6⁹. По Л. В. Милову, изучившему архивные данные по сельскому хозяйству, Рыльский уезд в XVIII в. входил в группу уездов Курской губернии, отличавшихся наибольшей урожайностью (Фатежский, Льговский, Старооскольский, Щигровский, Курский, Суджанский, Дмитриевский). Саму же губернию Милов характеризует как «один из самых плодородных краев России»¹⁰. За XIX столетие не произошло повышения урожайности. В 1890 г. урожай ржи, озимой пшеницы, овса в Рыльском уезде составлял сам 7, яровой пшеницы — сам 5, проса — сам 6¹¹. Постепенно и довольно медленно происходило улучшение орудий труда. В середине XIX в. основным орудием обработки почвы оставалась соха. В 1890-е гг. ее в ряде случаев заменяли одноконными однолемешными плугами, которые покупали в Рыльске или в Черниговской губернии на заводе Неплюева. Отсутствие у кре-

стьян свободных средств не позволяло осуществить переоснащение хозяйств в массовом масштабе (плуг стоил 7–8 руб., а веялка 40–50 руб.)¹².

В этих условиях дополнительные «средства к существованию» могли бы предоставить населению занятия промыслами и ремеслами. Действительно местные жители участвовали в отхожих промыслах. Отходники Курской губернии двигались в южном и юго-восточном направлениях. Они искали работу в Киевской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической, Ставропольской губерниях, Терской и Кубанской областях, Области войска Донского. В середине XIX в. отхожие промыслы в основном были связаны с сельским хозяйством. Крестьяне нанимались на жатву, молотьбу, косьбу, занимались насыпкой буртов (земляных хранилищ сельскохозяйственной продукции). Кроме того, они работали плотниками и пильщиками¹³. Спустя несколько десятилетий круг работ заметно расширился. В 1890-е гг. отходники трудились на уборке зерновых, шахтерами, каменщиками, кирпичниками, штукатурами, чабанами, булочниками, пильщиками, макаронщиками, извозчиками и «ваньками» (т. е. извозчиками, имевшими самые дешевые экипажи), скотобоями на салотопенных заводах, рабочими на виноградниках, сборщиками яиц для продажи на яичные заводы, матросами и рыбаками на Черном и Азовском морях, столярами, рабочими на литейных и чугунных заводах¹⁴.

Однако доход, получаемый от промыслов, был незначительным. На это неоднократно обращали внимание земские статистики. Вполне типичной выглядит следующая цитата из «Памятной книжки Курской губернии на 1893 г.»: «Заработки на стороне (так называемые отхожие промыслы) в отчетном году были также неудачны, как и в предшествовавшем: большинство рабочих вернулись домой ни с чем, а некоторые не выручили даже взятых из дома на путевые издержки денег»¹⁵. Ситуация, когда крестьяне не улучшали за счет отходничества свои хозяйства, беспокоила деятелей земства. Причины они видели в «полной неурегулированности отхожих промыслов» и «низкой культуре населения»¹⁶. Таким образом, в отличие от губерний Центрального Промышленного района или Северо-Запада России, отходничество оказывалось скорее вынужденным занятием, нежели отраслью хозяйства, приносящей устойчивый доход.

Не случайно в конце XIX в. численность лиц, занятых отхожими промыслами, испытывала значительные изменения практически каждый год. В 1891 г. отходниками стали 5139 крестьян Рыльского уезда, в 1892 г. — 5504, в 1894 г. — 4157, в 1895 г. — всего лишь 2257¹⁷. Подобные колебания наблюдались и в других уездах. Например, в Тимском уезде в 1891 г. в отход ушли 5112 крестьян, а в 1894 г. — 4157 (т. е. на 18,7 % меньше). Скорее всего, численность отходников непосредственно зависела от текущей ситуации в сельском хозяйстве, и, в особенности, от урожая зерновых культур.

Существовали в Рыльском уезде и кустарные промыслы. Кустари концентрировались в уездном городе. Еще С. И. Ларионов в «Описании Курского

наместничества» 1786 г. указывал, что в Рыльске при отсутствии фабрик и заводов работали 92 кустаря, в том числе 3 бондаря, 2 воскобойника, 1 горшечник, 4 котляра, 1 кирпичник, 19 кузнецов, 5 музыкантов, 2 мельника, 19 портных, 8 плотников, 3 столяра, 19 сапожников, 6 шапошников и шляпников¹⁸. Во второй половине XIX в. в Рыльском уезде отмечены такие промыслы, как столярное, бондарное, сапожное, портняжное, кузнечное. В 1890 г. кустарными промыслами занимались 68 чел. (общий годовой заработок — 1935 руб.), что является наименьшим показателем среди уездов Курской губернии: например, в Путивльском уезде кустарями являлись 2152 чел. (заработок — 146 570 руб.), в Дмитриевском — 1367 чел. (88 045 руб.), в Суджанском — 837 (46 775 руб.)¹⁹. В последующие годы статистические обследования показывали сокращение числа рыльских кустарей — 31 чел. в 1895 г. (общий годовой заработок — 1252 руб.)²⁰.

К 1860 г. в Рыльске работали мыловаренный, пять свечно-сальных и четыре маслобойных завода²¹. В конце XIX в. в уезде начало развиваться и собственное промышленное производство. В 1890 г. в Рыльском уезде на фабриках и заводах были заняты 2487 рабочих. Наиболее крупными по числу занятых были сахароваренный завод (1224 рабочих), суконный завод (700 рабочих), 2 крупчатых завода (286 рабочих), 4 винокуренных завода (всего — 146 рабочих), известковый завод (53 рабочих). В самом Рыльске существовал уже небольшой чугунно-литейный завод (19 рабочих)²².

Центрами торговли были ярмарки. В начале XX в. в Рыльском уезде проходили 49 ярмарок, из них 5 — в уездном центре. Крупнейшие из ярмарок Рыльска были приурочены ко дню Казанской Божьей Матери (длилась с 8 по 15 июля, оборот 6000 руб.), и к Фоминой неделе (длилась 7 дней, оборот 5800 руб.). На первой торговали лошадьми, рогатым скотом, мануфактурным, бакалейным и щепным товаром, на второй — скотом, пенькой, пшеном, коноплей. Остальные три ярмарки (оборот каждой — 3200 руб.) были однодневными и проходили в 9-ю, 10-ю пятницу по Пасхе и день Преставления апостола и евангелиста Иоанна Богослова (26 сентября, Богословская ярмарка)²³. Две из перечисленных ярмарок (Казанская и на 10-я пятницу) имели давнюю историю и упомянуты еще в 1786 г. Богословская ярмарка и ярмарка на Фоминой неделе появились позднее: разрешение на них утверждено в 1878 г. губернским земским собранием²⁴.

Важное место на ярмарках принадлежало торговле сельскохозяйственными орудиями труда. Традиционным промыслом для Рыльска являлась продажа кос, доставляемых из Австрии. Известно, что в середине XVIII в. черниговский купец 1-й гильдии Иван Енько выписывал косы из австрийского города Граца и вел торговлю вместе с неким купцом из Рыльска. Впоследствии многие в Рыльске занимались этой торговлей. После появления железных дорог конкурентами стали торговцы из приграничных с Австрией территорий (в основном евреи), но позиции Рыльска в 1890-е гг. еще сохранялись²⁵. В середине XIX в.

через Рыльск проходила почтовая дорога из Киева до Воронежа (через Глухов и Курск)²⁶. В Рыльске находился склад пшеницы, пеньки, конопляного масла и сала для вывоза к австрийской границе, а также склад меда и воска, здесь «складывались огромные транспорты заграничных товаров»²⁷.

Более активному развитию торговли мешала невозможность регулярного судоходства по р. Сейм, на берегах которой стоит Рыльск. Препятствиями на пути оказывались многочисленные плотины мельниц и паводковый режим. Как отмечали составители «Военно-статистического обозрения Курской губернии», «во время разливов, которые простираются от 1 до 5 верст, плотины прорываются и не исправляются по несколько месяцев; тогда сообщение между берегами становится затруднительным и производится посредством паромов и рыбацких лодок». В 1838 г. по Сейму был организован проход плоскодонных судов (использовались барки длиной 42 аршина и шириной 9 аршин) — так называемое «Александринское сообщение». Движение осуществлялось «бечевым путем», дорога от Курска до Десны занимала 30 дней. К середине XIX в. сообщение прекратилось, тем более что из-за малой осадки барки были неудобны для транспортировки такого тяжелого товара, как зерно²⁸. Положительное влияние на развитие торговли оказало строительство железной дороги.

Поступало на рынок и зерно — главный продукт местного сельскохозяйственного производства. В отличие от помещичьих хозяйств, крестьянские в меньшей степени участвовали в товарном производстве. На железнодорожной станции Коренево и в Глухове соседней Черниговской губернии происходила продажа зерна перекупщикам²⁹. Такая ситуация обуславливала низкие цены на крестьянское зерно и «по обыкновению предоставляла львиную наживу местным кулакам»³⁰.

В условиях зависимости крестьянского хозяйства от производства зерна важной являлась проблема повышения доходности этой отрасли сельского хозяйства. На ее решение был направлен оригинальный «Проект упорядочения внутренней и экспортной торговли сельскохозяйственными продуктами», обсуждавшийся в начале XX в. в Рыльском комитете о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Проект был предложен управляющим имением и членом комитета И. А. Рушиным и являлся реакцией на постоянное повышение цен на промышленные товары при сохранении цен на зерно почти неизменными, что оказывалось крайне невыгодным для производителей зерна. Рушин выступил с идеей запретить в России свободную экспортную торговлю зерном и осуществлять ее только через земства. Закупка зерна у производителей осуществлялась бы по установленной твердой цене, причем расчеты проводились особой денежной единицей — так называемым «варрантом» — «денежным беспроцентным знаком», «имеющим хождение наравне с деньгами, но составляющим долг не государства [как рубль — *А. Ч.*], а земства»³¹. Земство превращалось в контролирующий орган, «без ведома которого не проходит ни один пуд

свободного запаса зерновых продуктов», «который приходит на помощь всякому землевладельцу без различия звания, но имеющему или ожидающему свободного от своей потребности остатка зерновых продуктов»³². Для хранения зерна в губерниях необходимо было построить элеваторы. Такая система торговли зерном должна была охватить всю территорию России, в том числе и регионы, где земства отсутствовали. Выставляемое на продажу зерно предлагалось доставлять из таких регионов в губернии, где земства были. Задумался Рушин и о переходном периоде, когда может быть нарушен прежний порядок вывоза хлеба за рубеж. Однако он оптимистично оценивал перспективы реализации проекта, поскольку «заграничный рынок без русского хлеба обходиться не может — это аксиома!»³³. Разумеется, проект не имел продолжения, хотя и получил одобрение на уровне уездного комитета. Сам факт его обсуждения хорошо показывает экономические интересы товаропроизводителей Рыльского уезда в начале XX в.

Таким образом, в экономическом отношении Рыльский уезд являлся вполне типичным уездом черноземной полосы. На рубеже XIX–XX вв. хозяйство уезда, как и в более ранний период, было ориентировано на сельскохозяйственное производство. Промыслы и ремесла играли второстепенную роль, доход от этих занятий не занимал большого места в крестьянском бюджете. В то же время низкая обеспеченность крестьян землей и высокая плотность населения препятствовали интенсивному развитию земледелия.

П р и м е ч а н и я

¹ Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М., 2001. С. 227.

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Наличное население в губерниях, уездах, городах Российской империи (без Финляндии) // Демоскоп Weekly [электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_gub_97.php?reg=20 (22.12.2011).

³ Д. Р., Н. К. Рыльск // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1899. Т. 27, полутом 53. С. 443.

⁴ Добротворский Н. А. Кустарные промыслы Курской губернии. Курск, 1886. С. 1.

⁵ Н. З-ов. Землевладение в Курской губернии // Курский сборник. Курск, 1907. Вып. 6. С. 73.

⁶ Курская губерния. Статистический обзор. 1896 г. / Кур. губ. земство. Курск, 1897. С. 338; Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. 19: Курская губерния. С. 563.

⁷ Курская губерния. Статистический обзор. С. 221.

⁸ Памятная книжка Курской губернии на 1893 г. Курск, 1893. Отд. 3. С. 72.

⁹ Ларионов С. И. Описание Курского наместничества из древних и новых разных о нем известий вкратце собранное Сергеем Ларионовым, того наместничества Верхней расправы прокурором. М., 1786. С. 134.

¹⁰ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001. С. 180.

¹¹ Памятная книжка Курской губернии на 1892 год. Курск, 1892. Отд. 3. С. 7.

- ¹² Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1850. Т. 13, ч. 3: Курская губерния. С. 82; Курская губерния. Статистический обзор. С. 148.
- ¹³ Военно-статистическое обозрение... С. 99.
- ¹⁴ Курская губерния. Статистический обзор. С. 192.
- ¹⁵ Памятная книжка Курской губернии на 1893 г. Отдел 3. С. 33.
- ¹⁶ Курская губерния. Статистический обзор. С. 195.
- ¹⁷ Там же. С. 188.
- ¹⁸ *Ларионов С. И.* Описание Курского наместничества... С. 132.
- ¹⁹ Памятная книжка Курской губернии на 1892 год. Отдел 3. С. 17–18.
- ²⁰ Курская губерния. Статистический обзор. С. 201.
- ²¹ Памятная книжка Курской губернии на 1860 год. Курск, 1860. С. 151.
- ²² Памятная книжка Курской губернии на 1892 год. Отдел 3. С. 13.
- ²³ [*Захаров Л. М.*] Краткий статистический обзор деятельности Рыльского уездного земства Курской губернии со дня открытия его, т. е. с 1864 по 1906 год. Курск, 1906. С. 213.
- ²⁴ *Ларионов С. И.* Описание Курского наместничества... С. 59; [*Захаров Л. М.*] Краткий статистический обзор... С. 213.
- ²⁵ Памятная книжка Курской губернии на 1893 г. Отдел 3. С. 72–73.
- ²⁶ Военно-статистическое обозрение... С. 17–18, 24.
- ²⁷ Памятная книжка Курской губернии на 1860 год. С. 151.
- ²⁸ Военно-статистическое обозрение... С. 17–18, 24.
- ²⁹ Курская губерния. Статистический обзор. С. 338, 339.
- ³⁰ Там же. С. 339.
- ³¹ Труды местных комитетов... С. 566.
- ³² Там же. С. 566.
- ³³ Там же. С. 566.

И. М. Плаксин

РАЗВИТИЕ ТОРГОВЛИ РЫЛЬСКОГО УЕЗДА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Во второй половине XIX в. торговля Курской губернии развивалась достаточно быстрыми темпами. Ее состояние определялось такими показателями, как сочетание основных форм товарообмена и уровень их развития, ассортимент и география предлагаемых товаров, товарооборот в денежном выражении, состав участников торговых операций и др. Рассмотрим эволюцию всех этих показателей на примере Рыльского уезда.

Простейшей формой товарообмена исследуемого периода являлась непериодическая (развозная) форма торговли. На местном рынке действовало множество мелких торговых посредников, одни из которых занимались скупкой земледельческих товаров, другие — продажей промышленных изделий.

Среди продавцов промышленных изделий в Рыльском уезде выделялись торговцы австрийскими косами. Согласно преданиям, первым начал это дело в

XVIII в. купец Иван Федорович Филимонов. Австрийское правительство возвело его в дворянское достоинство, и к фамилии купца добавилась частица Фон. Под именем Фон-Филимонов он был известен в Рыльске и во всей округе, где вел торг. И хотя после его смерти потомки бросили дело, перешли в другое сословие и покинули город, память об основателе рыльской косной торговли жила в народе еще долго. А одного из крупных торговцев косами, тоже Филимонова, рыляне впоследствии по-уличному называли Фончиков, как бы в отличие от титула полного Фона, которым пользовался некогда его знаменитый однофамилец¹.

Рыльские купцы-оптовики закупали косы штирийской стали с октября по май в Бердичеве и Радзивиловке, а большей частью непосредственно в Австрии и Германии, до 1200 тыс. штук². Каждая фабрика, изготовлявшая косы, имела свое фабричное клеймо — бокал, рыбка, весы, колесо, грабли, два молотка, голова оленя и другие, по которым в России определяли качество и сорт товара. Наибольшей славой пользовались косы с клеймом «бокал». В приграничных городах косы обменивались на воск, юфть и другие товары; за границей приобретались за наличные деньги или, очень редко, в кредит. Вначале косы шли в Рыльск через Броды, затем их стали отправлять из Триеста через Одессу на судах, что позволило значительно уменьшить издержки за провоз. Косы в Россию доставлялись в бочках по 750 или 1000 штук в каждой.

О масштабах косной торговли свидетельствуют данные табл. 1.

Табл. 1. Импорт кос из Штирии в Россию в середине XIX в. *

Место назначения	Количество бочек	Количество штук	Сумма (руб.)
Рыльск	1300	975 000	430 000
Бердичев	400	300 000	135 000
Ромны	400	300 000	135 000
Москва	120	120 000	48 000
Старица	80	80 000	28 000
ИТОГО	2300	1 775 000	776 000

* Составлена по: КГВ. 1853. № 13.

На месте или через свои конторы в отдаленных городах оптовики сбывали половину своего товара за деньги, половину в кредит мелочным торговцам — купцам 3-й гильдии, мещанам и государственным крестьянам. В 1887 г. в Рыльске было 5 оптовых складов с сеножатными косами, оборот которых составлял от 75 тыс. до 400 тыс. руб.³

Розничная торговля косами была организована следующим образом. Каждый год с наступлением весны из Рыльского уезда в разные концы России, а большей частью на юг, в Малороссию и Новороссию, отправлялось до 3 тыс. повозок, в каждой из которых укладывалось от 500 до 800 кос⁴. Возчики могли продавать свой товар с возов на ярмарках и базарах в каждом лежащем на пути

следования селения, причем не только в деревнях, но и в городах. Так, например, государственные крестьяне Рыльского уезда Дерюгин и Овчинников, следуя в Рязанскую губернию и остановившись проездом в г. Епифань Тульской губернии, взяли в уездном казначействе свидетельства на право торговли и продавали косы в поселениях уезда. В их обозе насчитывалось 1199 кос⁵. Однако основной сбыт товара происходил в тех местностях, где по собранным сведениям предполагался хороший урожай хлебов и трав.

С учетом всех расходов каждая коса при покупке обходилась от 30 до 40 коп.; при развозной торговле она продавалась по цене от 1 до 1,5 руб. Следовательно, каждая повозка, вмещавшая в себя товара на 200–400 руб., давала выручки каждому возчику до 880 руб.⁶

Наиболее предприимчивые поступали по-иному. Почти весь свой товар они отдавали в долг, за которым приезжали зимой. Если у земледельцев не было денег, они «раздаживались» сельскими «произведениями» — медом, салом, пухом, перьями, кожами, шерстью. Собрав долг натурой, косники распродавали все это на зимних ярмарках, а на вырученные деньги на этих же ярмарках вновь покупали косы. И, таким образом, когда они возвращались в Рыльск за очередной партией и для расчета с хозяином, в год свой капитал успевали пустить в оборот дважды.

Косная торговля так развилась, что «сделалась главным и почти исключительным промыслом жителей города Рыльска и его уезда ... не много можно встретить из этого уезда занимающихся другими промыслами»⁷. Поэтому, кроме приведенных выше данных, косвенным показателем состояния косной торговли могут служить сведения, отраженные в табл. 2.

Табл. 2. Количество выбранных свидетельств в Рыльском уезде на развозный торг *

Год	Кол-во выбранных свидетельств	Год	Кол-во выбранных свидетельств
1872	1290	1884	1124
1873	1152	1885	140
1874	1078	1886	835
1875	1080	1887	711
1881	1224	1892	526
1882	1253	1895	684
1883	1104	1899	572

* Составлена по: ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 5274. Л. 9; Там же. Д. 6172. Л. 10 об.–13; РГИА. Ф. 20. Оп. 6. Д. 264. Л. 22; ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 6817. Л. 438 об., 439; Там же. Д. 7526. Л. 33 об.–34 об.; Там же. Д. 8018. Л. 30; Обзор Курской губернии за 1899 год. Курск, 1900. С. 25.

Данные таблицы свидетельствуют о снижении с конца XIX в. числа торговцев-развозчиков (читай «косников») Рыльского уезда. Причинами этого следует назвать повсеместное развитие стационарной торговли, в ассортименте ко-

торой были в том числе и косы, а также широкое применение более совершенных сельскохозяйственных орудий труда — сенокосилок и жаток.

Во второй половине XIX в. важным звеном посредничества между производством и потреблением оставалась периодическая (ярмарочная и базарная) торговля.

В 1850 г. в городах Курской губернии было проведено 53 ярмарки⁸, при этом в Рыльске состоялась всего одна ярмарка (1,9 % от общего числа ярмарок по губернии). В городской ярмарочной торговле приняло участие 88 340 человек; в Рыльск на ярмарку приехало 350 продавцов и покупателей (0,4 % участников городской ярмарочной торговли в губернии). Для продажи на городские ярмарки было привезено товаров на сумму 2 160 710 руб.; привоз рыльской ярмарки составил 1800 руб. (0,08 % стоимости товаров городских ярмарок по губернии). Это были самые низкие показатели по Курской губернии.

Однако о размерах ярмарочной торговли говорит не столько стоимость привезенных товаров, сколько проданных: оборот рыльской ярмарки составил 900 руб., или ровно 50,0 % от суммы поступивших для продажи товаров. В этом отношении Рыльск оставил позади себя города Дмитриев (48,1 %), Фатеж (25,0 %) и Старый Оскол (7,3 %). Как сообщается в источнике, на городских ярмарках продавался «товар разного рода и вида».

В 1850 г. в Курской губернии действовало 196 сельских ярмарок. Больше всего их проводилось в Новооскольском и Обоянском уездах (36 торгов, или 18,4 % сельских ярмарок), менее всего — в Щигровском уезде (1, или 0,5 %). В селениях Рыльского уезда устраивалось 8 ярмарочных торгов, что составляло 4,1 % сельских торжищ по губернии. По этому показателю рыляне занимали 6-е место среди 15 уездов Курской губернии.

Сельские ярмарки собрали в 1850 г. 107 170 человек. Наибольшее число людей съехалось на ярмарки Обоянского уезда (30 980 человек, или 28,8 % продавцов и покупателей сельских ярмарок), наименьшее — на ярмарки Щигровского уезда (1000, или 0,9 %). Ярмарки Рыльского уезда собрали 6400 человек, что составило 5,9 % участников сельской ярмарочной торговли по губернии. Среди уездов Курской губернии это был третий показатель.

На сельские ярмарки губернии было привезено товаров на сумму 22 534 550 руб. Больше всего товара поступило на ярмарки Курского уезда — на сумму 21 401 633 руб., или 95,0 % сельского привоза. Здесь следует отметить, что такое большое число уезд дал за счет Коренной ярмарки, имевшей не местное, а всероссийское значение. Меньше всего товара было привезено на ярмарки Путивльского уезда (5000 руб., или 0,02 %). Рыльский уезд занимал 5-е место с показателями 80 000 руб., или 0,3 % стоимости сельских ярмарочных товаров по губернии.

Продано же на сельских ярмарках Курской губернии в 1850 г. было 41,4 % от привезенного на продажу товара. По уездам эти показатели выстраиваются таким образом: более всего от привезенного товара было продано в Фа-

тежском уезде (5100 руб., или 77,8 %), менее всего — в Обоянском (60 000, или 18,4 %). Показатели Рыльского уезда (25 000 руб., или 31,2 %) обеспечили ему 12-е место в губернии. Основную массу товаров сельских ярмарок составляли «крестьянские изделия разных родов, скот, овечья шерсть, щетина».

Для характеристики ярмарочной торговли определенное значение имеют сроки действия ярмарочных торгов. Они указывают на интенсивность ярмарочного торга и на широту охвата им населения. Зачастую наблюдался разрыв между указанным и действительным сроком их действия. О таких фактах не раз докладывали податные инспекторы. Так, например, в 1885 г. податный инспектор Рыльского уезда писал в своем отчете: «Хотя в городе Рыльске и считаются ярмарки Фоминская и Иоанно-Богословская 7-дневными, но на самом деле они не продолжаются более 2 дней ... почему, имея только лишь местное значение, не отличаются большими торговыми оборотами»⁹.

В связи с небольшой степенью представленности источника дадим лишь общую картину рыльской ярмарочной торговли в конце XIX в.¹⁰ В 1898 г. в городах Курской губернии действовало 71 ярмарка, при этом в Рыльске собиралось 4 торга, что составляло 5,6 % от их числа по губернии. Среди уездных городов лидировала Короча — 7 ярмарок, или 9,8 % от общего числа городских торжищ по губернии; замыкали список Щигры (3, или 4,2 %). Сельских ярмарок насчитывалось 538. По числу торжищ первым значился Корочанский уезд (75 ярмарок, или 13,9 % сельских ярмарочных торгов по губернии), последним — Щигровский (6, или 1,1 %). Рыльский уезд занимал 7-е место (38, или 7,1 %).

В период между проведением ярмарок одной из активных форм товарообмена являлись базары.

В 1850 г. в городах Курской губернии действовало 1508 базаров¹¹, при этом в Рыльске проводилось 104 торга (в уездных городах Курской губернии, включая губернский центр, они устраивались дважды в неделю, кроме Дмитриева, где был только один базарный день). В городской базарной торговле в 1850 г. приняло участие 11 960 человек; базары Рыльска собрали 250 продавцов и покупателей, что составляло 2,1 % от общего числа участников городских торжищ по губернии. Главными участниками базарной торговли являлись крестьяне и мелкие купцы. Основными товарами городских базаров являлись «жизненные припасы, деревянная и глиняная посуда».

На долю городской базарной торговли в 1850 г. пришлось 19 190 руб. В уездных центрах наиболее крупный оборот давали базары Старого Оскола — 8070 руб., или 42,0 % товарооборота городских базаров по губернии; наименьший — Щигров (200, или 1,0 %). Рыльск со своими показателями (590, или 3,1 %) занимал 8-е место.

В 1850 г. в Курской губернии действовало 2808 сельских базаров. Базары функционировали во всех уездах, кроме Курского. Сельская базарная торговля

велась по понедельникам, лишь в Фатежском уезде они устраивались «иногда в некоторые приходские праздники».

По количеству базаров впереди шел Новооскольский уезд — 728 торжищ или 25,9 % сельских базаров по губернии; замыкали список Тимский и Щигровский уезды (52, или 1,8 %). Рыльский уезд (156, или 5,5 %) занимал 5-е место, при этом базарная торговля в нем охватывала лишь три населенных пункта.

Сельские базары собрали в 1850 г. 3560 человек. Больше всего людей собрали торжища Обоянского уезда — 650 человек, или 18,2 % участников сельских базаров по губернии; меньше всего — Новооскольского и Щигровского уездов (100, или 2,8 %). Рыльский уезд в этом отношении был предпоследним в губернии (170, или 4,8 %).

На долю сельской базарной торговли в 1850 г. пришлось 9380 руб. Самый крупный товарооборот дали базары Обоянского уезда — 2600 руб., или 27,7 % товарооборота сельских базаров по губернии; наименьший — Новооскольского уезда (210, или 2,2 %). Показатели Рыльского уезда (310, или 3,3 %) обеспечили ему 10-е место.

Основную массу товаров сельских базаров составляли «некоторые крестьянские изделия» и «жизненные припасы». Торговля на сельских торжищах носила как бы меновый характер в том смысле, что деньги, выручаемые от продажи одних товаров, обращались тут же на покупку других; и участники базарной торговли являлись в одно и то же время и продавцами, и покупателями.

Однако происходившие социально-экономические изменения оживили базарную торговлю. К 1880 г. количество сельских базаров достигло 4265, увеличившись по сравнению с 1850 г. в 1,5 раза¹². И хотя количество базаров в Рыльском уезде не изменилось (их по-прежнему насчитывалось 156), мы можем говорить о качественных изменениях, произошедших в рыльской базарной торговле: масштабы торгов на базарах существенно возросли. Управляющий Курской казенной палатой в отчете за 1887 г., описывая рыльскую торговлю, отмечал: «Кроме того, еженедельные, по воскресеньям и пятницам базары бывают так значительны, что скорее имеют вид ярмарок, по крайней мере на эти базары приезжают из уезда торговцы с разного рода товаром и торгуют из особо устроенных для этой цели помещений¹³».

Дальнейшее экономическое развитие привело к появлению и распространению постоянной (стационарной) торговли. Стационарная форма торговли — это деятельность целого комплекса специально оборудованных предприятий и просто приспособленных заведений, направленная только на реализацию произведенной в различных отраслях производства продукции. Стационарная торговля функционировала круглогодично и осуществляла на местном рынке постоянную связь между производством и потреблением.

В начальный период исследуемого времени география стационарной торговли была довольно ограниченной — вся она размещалась в городах. В

1850 г. в городах Курской губернии насчитывалось 965 лавок¹⁴. По количеству этих торговых заведений лидировал губернский центр: в нем действовала 291 лавка, что составляло 30,1 % всех стационарных заведений по губернии; на последнем месте значился Грайворон (15, или 1,5 %). Рыльск по своим показателям (55, или 5,7 %) удерживал 6-е место.

Во всех лавках на тот период состояло товаров на сумму 14 408 800 руб., продано же было на 12 889 060 руб., или 89,4 % от имевшегося для реализации товара. Лучше всего торговля шла в Щиграх: там было продано 98,8 % от общей стоимости завезенного товара; слабее всего — в Новом Осколе (40,0 %). Показатель Рыльска (81,7 %) обеспечил ему 8-е место. Однако почти вся торговля была смешанной. Как отмечали курские статистики, «...в большей части городских лавок у здешних торговцев имеются товары самые разнообразные и без всякой системы — так что в иных лавках вместе с красным товаром находятся и вещи галантерейные, и обувь, и другие материалы»¹⁵.

В последующие годы наблюдался рост стационарной торговли и опять же за счет городских поселений. Однако уже в это время произошло перераспределение сети постоянной торговли: одни города утрачивали свое прежнее экономическое значение и темпы роста стационарных заведений в них сокращались; другие, наоборот, становились крупными торгово-промышленными центрами и число лавок в них увеличивалось. В этом отношении показателен пример Рыльска. Город приобрел важное значение с проведением в 1869 г. Курско-Киевской железной дороги. К ее станциям — Коренево, Глушково, Теткино — стали тяготеть соседние уезды: Дмитриевский, Льговский, Путивльский, частью Обоянский Курской губернии, а также Сумский Харьковской и Глуховский Черниговской губерний. «Находясь в центре этих уездов, Рыльский уезд и особенно г. Рыльск стал как бы складочным пунктом для всякого рода товаров, скупаемых местными торговцами в соседних уездах, и как бы большою транспортною дорогою...»¹⁶. В 1891 г. оборот стационарных торговых заведений Рыльска составил 777 600 руб.¹⁷

Со временем стационарные торговые заведения появились и в сельской местности. Этому способствовал ряд факторов: рост товарности сельского хозяйства, увеличение потребностей крестьянского населения в промышленных товарах, открытие в ряде сел промышленных предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции, где работали постоянные и сезонные рабочие.

К 1880 г. количество стационарных торговых заведений достигло 1198. Больше всего лавок насчитывалось в Грайворонском уезде: 166, или 13,8 % сельских стационарных заведений по губернии; меньше всего — в Дмитриевском уезде (33, или 2,7 %). Рыльский уезд (64, или 5,3 %) занимал 7-е место¹⁸. В 1891 г. оборот рыльской сельской стационарной торговли составил 255 992 руб.¹⁹.

Ассортимент продукции по-прежнему оставался ограниченным. В «Журналах генеральных поверок торговых и промышленных заведений» дан

перечень тех товаров, которыми торговали сельские стационарные заведения. Например, в мелочной лавке покупателям предлагали чай, сахар, рыбу, соль, керосин, спички, бублики, в «черной» — соль, деготь, табак, керосин, мыло, спички, в винной — вино «русского приготовления», наливку, бублики, табак, сельдь²⁰. Причинами небольшого выбора следует назвать как правовые ограничения — до 1863 г. лавочный торг в сельской местности городским жителям был запрещен, так и условия экономической жизни курской деревни — большую часть изделий и предметов, необходимых в хозяйстве, крестьянин либо производил сам, либо покупал на базарах и ярмарках.

Весьма интересным является вопрос о сословной принадлежности владельцев стационарных торговых заведений. В 1874 г. в Рыльске из 288 человек, занимавшихся торговлей, 124 торговца (43,0 %) были выходцами из купеческого сословия, 100 (34,7 %) — из мещан, 24 (8,3 %) — из крестьян; на другие сословия приходилось 40 человек (13,9 %)²¹. В 1891 г. доминирующее положение среди рыльских торговцев стали занимать мещане — 124 человека (48,6 % от общего числа торгующих), на второе место переместились купцы — 62 человека (24,3 %), размах крестьянской торговли остался почти неизменным — 25 человек (9,8 %); на другие сословия пришлось 44 человека (17,2 %)²².

В результате своего развития к концу XIX в. стационарная торговля стала играть важную роль в товарно-денежных отношениях Рыльского уезда.

Таким образом, в исследуемый период рыльская торговля успешно развивалась, выполняя свою главную задачу по обеспечению товарного обмена между производителями и потребителями. В ней практиковались все известные формы товарообмена, присущие данному уровню развития производительных сил. Несмотря на их разнообразие, им была присуща тесная взаимосвязь. Между ними не существовало объективных противоречий, поскольку они не подавляли, а дополняли друг друга, что позволяло рынку нормально функционировать.

Примечания

¹ КГВ. 1853. № 13; Аксаков И. С. Исследования о торговле на украинских ярмарках. СПб., 1858. С. 249, 250.

² Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1850. Т. 13, ч. 3: Курская губерния. С. 159.

³ РГИА. Ф. 20. Оп. 6. Д. 264. Л. 7.

⁴ ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 5274. Л. 13 об.

⁵ РГИА. Ф. 1287. Оп. 6. Д. 1952. Л. 6, 6 об.

⁶ ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 5274. Л. 14.

⁷ Там же. Л. 12, 12 об.

⁸ Здесь и далее подсчитано по: Военно-статистическое обозрение... Табл. 31, 32.

⁹ ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 6393. Л. 645.

¹⁰ Здесь и далее подсчитано по: Список существующих ярмарок в Курской губернии. Курск, 1898. С. 1–66.

- ¹¹ Здесь и далее подсчитано по: Военно-статистическое обозрение... Табл. 31, 32.
- ¹² Волости и важнейшие селения Европейской России. СПб., 1880. С. 264–287.
- ¹³ РГИА. Ф. 20. Оп. 6. Д. 264. Л. 7.
- ¹⁴ Здесь и далее подсчитано по: Военно-статистическое обозрение... Табл. 28.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 236. Л. 13, 13 об.
- ¹⁶ Там же. Ф. 20. Оп. 6. Д. 264. Л. 6.
- ¹⁷ Подсчитано по: ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 559–574, 578, 700–710.
- ¹⁸ Подсчитано по: Волости и важнейшие селения... С. 264–287.
- ¹⁹ Подсчитано по: ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 559–574, 578, 700–710.
- ²⁰ См., например: Там же. Ф. 143. Оп. 1. Д. 567.
- ²¹ Подсчитано по: Там же. Ф. 184. Оп. 1. Д. 5052. Л. 130–189.
- ²² Подсчитано по: ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 571. Л. 1–46.

А. А. Терещенко

РЫЛЬСК В СТРУКТУРЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ТОРГОВЛИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. *

Развитие торговли — один из важнейших показателей пореформенного экономического развития территорий. Характеристика состояния торговой деятельности городского центра в данный период позволяет наиболее отчетливо представить, как основные тенденции экономического развития провинциального города проявлялись на региональном уровне.

Ассортимент и характер торговли определялись хозяйственной деятельностью жителей той округи, которую они обслуживали. Либерализация российского общества в 60–70-е гг. XIX в. способствовала расширению коммерческой и предпринимательской деятельности городского населения, привела к возрастанию функций города в поступательном экономическом движении страны.

Богатство товарно-сырьевых, прежде всего, продовольственных ресурсов Курской губернии в сочетании с высоким уровнем развития железнодорожного транспорта определяло относительно высокий уровень торгово-промышленного развития некоторых городских центров, выступало в качестве важного фактора, способствующего превращению городов края в экономические центры во внутригосударственном товарообмене во второй половине XIX — начале XX в. По свидетельству современника, «города из резиденции администрации» постепенно превращаются в «самодовлеющие экономические центры»¹.

Кроме того, многие города губернии, имея своими центрами железнодорожные узлы, как торгово-промышленные объекты получили надежную круглогодичную связь с другими районами империи и зарубежьем.

Экспортными товарами городских центров Курской губернии являлись сахар и зерно. Не меньшей популярностью у потребителей пользовалось и топ-

ленное белгородское сало, собираемое с большой территории в главный пункт торговли — Белгород из соседних уездов и губерний, в том числе малороссийских, а также пенька из Рыльска.

Рыльские купцы, ведущие интенсивную торговлю с Австрией, скупали у «шибаев» (мелочных перекупщиков — *А. Т.*) кожаный товар, конский волос и щетину не только в Курской и соседних черноземных губерниях, но даже в Поволжье, и вместе с продукцией пчеловодства вывозили в Австрию и Германию в обмен на косы, которыми они снабжали практически всю Россию (даже Сибирь). Рыльские купцы-оптовики на месте или через свои конторы в отдаленных городах сбывали сеножатные косы мелким торговцам. Розничную же торговлю осуществляли с наступлением весны следующим образом. Из Рыльска в разных направлениях отправлялось до 3 тыс. повозок, на каждой из которых находилось по 500–600 кос, перевозившихся в бочках. Купцы продавали свой товар на ярмарках, а также на городских базарах. Иногда косы обменивали на прасольский товар. Основной сбыт продукции производился в тех местностях, где предполагался хороший урожай хлеба и трав. С учетом расходов каждая кося покупалась за 40–50 коп., а продавалась по 1–1,5 руб. Таким образом, с каждой повозки, содержащей на 200–300 руб. товара, купец-возчик получал до 300–600 руб. чистой прибыли².

Преобладающей торговлей в 1860-е гг. в местных городах была хлебная торговля и торговля скотом. В заштатных городах в основном торговали только предметами первой необходимости³. После 1861 г. важной группой товаров, отправляемых из городов Курской губернии, были пенька, конопляное семя и масло. Основным временем закупки пеньки была весна, с середины апреля до середины июня. Приобретенная пенька после сортировки в виде двух высших сортов отправлялась к балтийским портам, а низший, так называемый «бухара», расходился между местными потребителями. С 60-х гг. XIX в. вывозилось несколько сотен тысяч пудов пеньки в год, лишь незначительная часть шла на внутреннее потребление. Самым крупным городским центром пенькового производства и торговли был Рыльск. Изделия из пеньки сбывались в Харьковскую и Полтавскую губернии. Конопляное семя и масло поставлялись в Москву и к Балтийскому морю, а также сухопутным путем к австрийской границе⁴.

Торговая сеть городских центров Черноземья во второй половине XIX — начале XX века складывалась из непериодической (развозно-разносной), периодической (ярмарочной, базарной) и постоянной (стационарной).

К первой категории торговцев относились прасолы. Прасольская деятельность охватывала всю Россию. В зависимости от местных условий и скупаемого товара она подразделялась на различные виды. Типичными участниками прасольской торговли являлись *шибаи*. В обмен на мыло, спички, керосин, гвозди и другие товары они забирали у крестьян различные продукты (конопляное семя, пенька, сало, масло, яблоки, кожи), отвозили их в город и сдавали в

лавки и на заводы. Годовой доход таких торговцев был невелик и не превышал 80–100 руб., однако этот заработок был гарантированным и стабильным.

Достаточно распространенным видом развозно-разносной торговли были книгоноши и краморы. Последние, как вспоминает один из современников, «везли на телеге большой ящик с делениями и громко кричали: “Принимаю кости, тряпье, железо!” Вот уж тогда выволакивалось из дома все ненужное. Денег за старье крамар не давал, расчет производил строго по бартеру. А так как старые вещи отдавали в семьях на откуп детям, то они выменивали их на лески и клей, рыболовные крючки, свистки и прочую мелочь. Девочкам же предлагались иголки, вязальные спицы, дешевые колечки, сережки, брошки, заколки для волос. Если близко был учебный год, то в ящике крамара было подобрано все нужное для школы: ручки, перья, детские книжки, тетрадки, карандаши, мячи и разные игры. Торг продолжался долго и всегда завершался ко всеобщему удовольствию». Автор воспоминаний с сожалением замечает, что хотя «уличную торговлю разгромили в 1917 году, но память о ней долго жила, ведь она была очень удобной, гибкой, веселой, приносила много пользы и радости». Главным ее отличием до революции было то, что «продавец шел к покупателю. У каждого был свой излюбленный маршрут, свой товар, любимые места остановок, своя устная реклама, свои прибаутки и уговоры...»⁵.

Наибольшей коммерческой деятельностью отличались Курск, Белгород, Старый Оскол, Рыльск и ряд других городов края. Значение городских ярмарок в снабжении населения товарами было существенным, на них заключались торговые сделки. Однако многие ярмарки, «продолжаясь каждая не более суток», стали напоминать скорее «характер больших базаров»⁶.

Действительно, во второй половине XIX в. наблюдается рост базаров, торговля на которых имела более частый характер и в основном отличалась регулярностью. К примеру, описывая торговлю в Рыльске, управляющий Курской казенной палатой в 1887 г. отмечал: «... базары бывают так значительны, что скорее имеют вид ярмарок»⁷.

Опережающими темпами росла стационарная торговля, которая издавна служила градообразующим фактором, причем постоянные торговые точки стали устраивать и на селе. Так, к примеру, в 1861 г. в Курской губернии действовало 2076 стационарных торговых заведений, из которых 1616, или 77,8 %, приходилось на городские центры. Одно стационарное заведение обслуживало 70 горожан⁸.

Значительное оживление в углубление экономической специализации городов края привнесли железные дороги. Так, в конце 1860-х гг. Московско-Курско-Харьковско-Азовская магистраль соединила губернский Курск с Москвой и Малороссийскими городами. В середине 1890-х гг. с запада на восток открылось движение по линии Киев-Курск-Воронеж, а в начале 1900-х гг. новые направления железных дорог были проложены через многие городские центры

региона⁹. Сельскохозяйственное сырье и плоды его переработки стали в растущем количестве поступать в городские центры региона и уже из них по железным дорогам направлялись в самые различные районы страны и на экспорт¹⁰.

Вместе с тем железнодорожное сообщение к началу XX в. распределилось по территории края отнюдь не равномерно. Четыре из 15 уездных городов Курской губернии (Грайворон, Короча, Тим и Фатеж), а также все три заштатных (Богатый, Мирополье и Хотмыжск) остались вне железнодорожной связи, что негативно отразилось на их экономической эволюции¹¹.

В этих условиях ряд городов, в первую очередь Рыльск, Белгород, Курск, Щигры и другие, превратились в центры сбора товарной продукции с большого пространства. В этот огромный район, кроме Центрально-Черноземных губерний и Европейской России, вошли Левобережная Украина, Закавказье (нефтепродукты)¹².

Характер торговых связей городских центров до строительства железных дорог был сезонным, а отсутствие до конца XIX в. складских помещений для хранения сельхозпродукции определяло преимущественно «прасольский», то есть малыми партиями через несколько посредников к оптовику от производителя, вид торговли, особенно хлебом. Например, в уездном Рыльске, главным занятием большинства жителей являлась «торговля косная и пенечная (продажа кос и пеньки)»¹³.

Картина размещения и объем торговых оборотов несколько изменились в конце XIX — начале XX в. В крупных железнодорожных узлах городских центров Курска, Белгорода, Рыльска, Старого Оскола, Щигров и др. были созданы оптовые склады, в основном, для хранения сахара, хлеба, леса и др. товаров, и торговля стала преимущественно оптовой. Постоянная торговля заняла главное место в городском товарообороте и, прежде всего, в местах проведения ярмарок и базаров, где открывались склады, магазины, лавки, трактиры, харчевни, закусовые, чайные и т. п. Города становятся торговыми центрами, куда приезжают жители окрестных сел и «торговцы с разного рода товаром и торгуют из особо устроенных для этой цели помещений»¹⁴.

Уездный Рыльск, а также губернский Курск и уездные Белгород, Старый Оскол и Щигры превратились в крупные «распределительные» пункты для рынка губернии, а также узловые звенья в торговле с отдаленными районами Европейской России. Причем некоторые товары в значительной доле предназначались для вывоза за границу (хлебные продукты, жмых, пенька и др.). По характеру вывозимых грузов, на переработке которых города специализировались. Так, производством пеньки и переработкой хлеба занимались Курск, Рыльск, Тим и Фатеж¹⁵.

Являясь в первую очередь торговыми центрами, города выполняли также и посреднические функции по доставке агропромышленной продукции от производителей к потребителям. По степени участия курских городов в товарообороте можно выделить ряд ввозящих и вывозящих городских центров. В отличие

от губернского Курска и уездного Белгорода, Рыльск был ввозящим, нежели вывозящим городом. Подобное положение было характерно и для Белгорода и Льгова. Так, в 1900 г. через Рыльск было отправлено 991,1 тыс. пудов различных грузов, а прибыло в него 1189,1 тыс. пудов¹⁶.

Самым крупным по торгово-промышленному обороту в крае являлся Курск, осуществлявший торговлю на 17 531 тыс. руб., или 40,0 % от всего торгового оборота городских центров губернии. Второе место принадлежало уездному Белгороду — 5968,0 тыс. руб., или 13,6 % оборотов, третье — Рыльску, соответственно 4273,0 тыс. руб., или 9,8 % объема оборота. Доля заштатных городов в торговле составляла очень незначительную величину — 328,0 тыс. руб., или 0,7 %¹⁷.

Таким образом, между административным статусом городского центра, уровнем социально-экономического развития и его местом в торговых оборотах края существовала прямая зависимость. Имея надежное железнодорожное сообщение, Курск, Белгород, Рыльск, Старый Оскол, Суджа и частично Щигры к началу XX в. становятся основными центрами городской торговли региона. Уездные города Грайворон и Тим теряют свой торгово-промышленный потенциал. Вместе с ним в разряд слабых в этом отношении городских центров края переходят и заштатные Богатый, Мирополье и Хотмыжск.

К примеру, вот как тимский уездный исправник объяснял в 1904 г. значение железнодорожного сообщения для социально-экономического развития города: «город Тим с проведением Курско-Воронежской железной дороги на город Щигры в торговом отношении настолько пал, что в настоящее время представляет один из самых беднейших в губернии городов... средства города настолько скудны, что встречается затруднение в своевременной выдаче жалованья городской полицейской команде...»¹⁸.

Постоянная (стационарная) торговля в провинциальных городах стала органической их частью, а число занятых в ней горожан достигло к 1897 г. около 16 %, что почти в 7 раз превосходило занятость на городских «фабриках» и «заводах» региона (2,3 %) ¹⁹.

В заключение отметим, что среди экономических функций городов Курской губернии к концу XIX в. важную роль стало играть их торговое назначение. В пореформенный период «в оборотах... промышленные предприятия принимали участие в размере 30,1 %»²⁰ (всей центральной хлеботорговой полосы, включающей губернии Центрального Черноземья — *А. Т.*), что объясняется, на наш взгляд, более ранним распространением торговых занятий среди городского населения края и наличием огромного рынка сельхозсырья.

Характер торговых связей городских центров до строительства железных дорог был сезонным, а отсутствие до конца XIX в. складских помещений для хранения сельхозпродукции определяло преимущественно «прасольский», то есть малыми партиями через несколько посредников к оптовику от производи-

теля, вид торговли, особенно хлебом. Внутренняя торговля играла цементирующую роль в отношениях между городом и деревней. Экспортными товарами городов губернии являлась продукция аграрного сектора экономики региона и в первую очередь сахар, зерно, топленое сало, пенька.

В пореформенный период важным звеном посредничества между производителями и потребителями товаров продолжали оставаться ярмарки. В развитии ярмарочной торговли особенно выделялись города Курской губернии, которая по числу и по характеру ярмарок стала похожа на Малороссию. Однако к концу исследуемого периода происходит сокращение ярмарочной торговли.

К концу XIX в. картина размещения и объем торговых оборотов изменились. Прошедшие через города железные дороги изменили характер и структуру торговли. Опережающими темпами растет стационарная торговля, которая издавна служила градообразующим фактором. В железнодорожных узлах городских центров были созданы оптовые склады, в основном, для хранения сахара, хлеба, леса, пеньки и др. товаров, и торговля стала преимущественно оптовой. Постоянная торговля заняла главное место в городском товарообороте и, прежде всего, в местах проведения ярмарок и базаров, где открывались склады, магазины, лавки, трактиры, харчевни, закусочные, чайные и т. п., а число занятых в ней горожан превосходило занятость на городских «фабриках» и «заводах» региона.

Кроме того, многие города губернии, имея своими центрами Киевский и Московский железнодорожные узлы, как торгово-промышленные объекты получили надежную круглогодичную связь с другими районами империи и зарубежьем.

Являясь в первую очередь торговыми центрами, города Курского края выполняли посреднические функции по доставке агропромышленной продукции от производителей к потребителям. Среди экономических функций Рыльска важную роль играло торговое назначение, что объясняется, на наш взгляд, более ранним распространением торговых занятий среди городского населения и наличием огромного рынка сельхозсырья.

П р и м е ч а н и я

* Стиль автора статьи оставлен без изменений (*прим. ред.-сост.*).

¹ Пичета В. И. Городская реформа 1870 года // Три века: Россия от Смуты до нашего времени. М., 1913. Т. 6. С. 175.

² Подсчитано по: ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 5274. Л. 14.

³ Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–62 г. СПб., 1863. Ч. 1. Разд. IX. С. 4–6, 9–10, 12, 14–15, 17–18, 20, 22, 25, 27, 29, 31–32, 34–35 (Воронежская губ.); Разд. XVIII. С. 4–5, 8, 11, 13, 15, 17–18, 19–20, 22, 24, 26–27, 29–30, 32–33, 34–35, 37, 39, 41, 43–44 (Курская губ.); Ч. 2. Разд. XXVI. С. 4–5, 9–10, 13–14, 16, 19–20, 22–23, 26, 28–29, 31–32, 34–35, 37, 39–40 (Орловская губ.); Разд. XXXIX. С. 3–4, 7–9, 11, 14–15, 16–17, 20–21, 23, 26–27, 30, 32–33, 35–36, 39, 41–42 (Тамбовская губ.).

⁴ Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Вып. 20: Курская губерния: По сведениям 1862 г. СПб., 1868. С. LXVIII.

⁵ *Рябцев Г. Ф.* Воспоминания об уличной торговле // Торговля Курского края с древнейших времен до начала XX века: Сб. ст. и материалов. Курск, 1996. С. 131.

⁶ ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 6392. Л. 420 об.

⁷ Там же. Д. 6391. Л. 555.

⁸ Подсчитано по: Матерьялы [!] к оценке недвижимых имуществ Курской губернии. Курск, 1907. Ч. 1: Города. Вып. 1. С. 65–66; Вып. 2. С. 50–51; Вып. 3. С. 40–41; Вып. 4. С. 52–53, 56–59.

⁹ Торговля и промышленность Европейской России по районам. Вып. 4: Центральная хлеботорговая полоса. СПб., 1909. С. 4; Сборник сведений по Европейской России за 1882 год. СПб., 1884. С. 242–247; Города России в 1904 году. СПб., 1906. С. 239, 241–243.

¹⁰ *Терещенко А. А.* Социально-экономическое развитие провинциального города Центрального Черноземья во второй половине XIX — начале XX века. Курск, 2003. С. 46.

¹¹ Подсчитано автором по: Города России в 1904 году. С. 164–166.

¹² Подсчитано по: Торговля и промышленность Европейской России... Вып. 4. С. 16–17, 36, 39–40, 43, 66, 68–69, 72–73, 76–77, 90, 125–128, 133, 137–140, 147, 150–151, 179, 184, 188–189, 193, 199, 201, 203–204, 210–213, 218, 249–251, 255, 261–262, 267–268, 273–274, 281–282, 292; Разд. X. С. 8, 36, 40, 42, 44, 49, 56, 58, 62, 75, 80, 83–84, 140, 142–143.

¹³ ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 144. Л. 80.

¹⁴ Там же. Ф. 184. Оп. 1. Д. 6391. Л. 555.

¹⁵ Подсчитано по: Торговля и промышленность Европейской России... Вып. 4. С. IV.

¹⁶ Там же. С. 36, 40–41, 42–44, 56–80 и др.

¹⁷ Подсчитано по: Торговля и промышленность Европейской России... Вып. 4. С. 8–11, 13–14, 36, 40–41, 42–44, 56–80 и др.

¹⁸ ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 144. Л. 110.

¹⁹ Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Вып. 9: Воронежская губ. С. 146–153; Вып. 20: Курская губ. С. 176–183; Вып. 29: Орловская губ. С. 156–163; Вып. 42: Тамбовская губ. С. 156–163.

²⁰ Подсчитано по: Торговля и промышленность Европейской России... Вып. 4. С. IV.

Н. Н. Булгакова

РЫЛЬСКИЕ КУПЦЫ

Мне как учителю истории и краеведения хорошо известна педагогическая значимость изучения краеведческого материала, ведь истоки любви к Родине берут начало «в малой Родине», поэтому краеведческие изыскания наших земляков и прежде всего ныне покойного Н. Н. Чалых играют огромную роль в гражданском и патриотическом воспитании молодого поколения.

В данной статье мне бы хотелось остановиться на именитых гражданах нашего города, которые придали незабываемый архитектурный облик Рыльску — городу-заповеднику. Речь пойдет о представителях купеческого сословия.

Н. Н. Чалых исследовал биографии, экономическую, предпринимательскую, благотворительную деятельность рыльского купечества. Особое место в его труде занимают такие имена, как Филимоновы, Шелеховы, Аристарховы, Гринева, Выходцевы.

Самыми знатными и богатыми купцами не только в Рыльске, но и во всей Курской губернии были купцы **Филимоновы**. В разряд купечества они вошли еще в петровскую эпоху. Тогда, вслед за Герасимом Шелеховым, в Рыльске стал выделяться своей деятельностью и предприимчивостью Федот Петрович Филимонов. Купец первой гильдии, он вел заграничную и внутреннюю оптовую торговлю косами и прочим товаром. Был пожалован императрицей Екатериной II золотой медалью для ношения на шее.

В исторических документах говорится о двух сыновьях Филимонова — Иване и Василии, которые продолжили дело отца и стали знатными людьми не только в России, но и в Европе. С малых лет они учились коммерческим делам у отца и помогали ему в торговле. Образование и воспитание получили от домашних учителей в доме отца, а практические коммерческие навыки — в общении с московскими и австрийскими купцами. Повзрослев и окунувшись с головой в торговые дела отца, сыновья стали расширять и увеличивать товарооборот с Австрией.

Иван Федотович наладил постоянную и долговременную торговлю с Австрией. Косы продавались не только в Курской губернии и Малороссии, но и развозились во все уголки России. Привлекая к себе в компаньоны жителей города и уезда, Филимонов давал им лошадей, загружал повозки косами и другими товарами и отправлял их во все губернии России. Тарой для транспортировки кос служили большие бочки. Возвращались торговцы с подводами, груженными разными товарами: рыбой, икрой, фруктами, шелковой тканью, мехами и др., которые затем распродавались в Рыльском, Львовском, Суджанском, Путивльском, Севском и Глуховском уездах.

В конце XVIII — начале XIX в. Иван Федотович заключил в Австрии ряд крупных взаимовыгодных сделок, которые подняли его престиж не только в России, но и в Австрии. За деловое сотрудничество и заслуги в деле русско-австрийских торговых отношений император Священной Римской империи пожаловал ему звание австрийского дворянина. Получив дворянский диплом, Филимоновы стали писать свою фамилию на австрийский манер с приставкой «фон» — фон-Филимоновы.

Для нас представляет интерес, что дворянин Иван Федотович Филимонов являлся «именитым гражданином города Рыльска». Похоронен он в приделе Иоанна Предтечи построенного им в 1811 г. Успенского собора.

Василий Федотович Филимонов — родной брат Ивана Федотовича — был видным деятелем и уважаемым человеком в Рыльске. В 1783 г. он был избран на три года в Рыльский городской магистрат и стал первым бургомистром.

С 1792 по 1795 г., а затем с 1804 по 1807 г. он избирался городским головой Рыльска, являлся купцом первой гильдии и Рыльским «именитым гражданином».

Один из Филимоновых — Иван Васильевич (род. в 1773 г.), не только проявил себя в промышленно-коммерческой деятельности, но и положил начало строительству общественных зданий в городе, открыл Рыльское уездное училище. За большие заслуги в оказании помощи русской армии в борьбе с французами и за успешное развитие промышленно-коммерческой деятельности в России и за рубежом он был отмечен русским правительством и удостоен государем Александром I высокой награды. 18 августа 1814 г. Иван Васильевич был высочайше пожалован золотой медалью на аннинской ленте. 30 мая 1835 г. Герольдия Правительствующего Сената утвердила его в звании потомственного почетного гражданина.

Торговые ряды, окончательно достроенные наследниками Ивана Федотовича фон-Филимонова, украшают Рыльск и в настоящее время. На углу возвышается ротонда с двумя просветами окон высотой в два этажа. Фасад обрамлен колоннами, верхний ярус украшают сегментные окна. Купольная крыша, заканчивающаяся в верхней части маленьким барабаном, и вся внешняя часть ротонды похожа на торговую гирю. От ротонды протянулась ходовая галерея с арочными проемами. Первый полуподвальный этаж украшают сегментные окна; под ротондой находятся глубокие подвалы.

Одним из ранних строений Филимоновых является трехэтажный дом с колоннами на высоких пилонах, зубчатым карнизом и фронтоном, находящийся на ул. Преображенской. Позже этот жилой дом перешел под духовное училище и к нему был пристроен новый, другой архитектуры, корпус (ныне совхоз-колледж).

По ул. Архангельской был построен одноэтажный дом с парапетом и балюстрадой, схожий по архитектурной отделке фасада с основным зданием. Вся усадьба была огорожена высокой кирпичной оградой. Во дворе находились амбары, конюшни и другие постройки. Сейчас в главном здании Филимоновых находится Детская школа искусств.

Иван Федотович на свои средства построил замечательный по своей архитектуре храм Успения Пресвятой Богородицы. Собор строился на территории бывшей деревянной Успенской церкви, сооруженной в 1518 г. князем Василием Шемякой по велению московского великого князя Василия Ивановича, отца Ивана Грозного, в ознаменование разгрома крымских татар в Рыльском уезде.

С соборной площади не один раз, начиная с 1812 г., приходилось рылянам, отслужив молебен, отправлять Рыльский полк на войну.

Кроме указанных замечательных классического стиля зданий и собора, Филимоновы имели дома рядовой застройки на улицах Сеймской и Преображенской. На улице Глуховской, рядом с типографией Левитского, они построили дом-приют для бедных девочек, которые содержались за счет средств Фили-

моновых. Здесь же девочки получали профессию. Их обучали швейному делу, вязанию и вышиванию, учили этикету и правилам поведения в обществе. Некоторых детей с отличной успеваемостью направляли учиться в гимназию, где они содержались за счет процентов от средств, завещанных купечеством и поступающих от городских благотворительных обществ.

Вложили свою долю капитала Филимоновы и в железнодорожную ветку от станции Коренево до Рыльска (с. Боровское). Здесь же была построена водопроводная, платформы и железнодорожная станция.

В число старинных и знатных купцов Рыльска входили также *Шелеховы*, род которых много сделал для города в плане строительства храмов и поддержания их в хорошем состоянии. Не уступали они Филимоновым и в купеческой деятельности: некоторые из Шелеховых вошли в число первостатейного купечества, а один из них — Григорий Иванович Шелихов — прославил Рыльск своими путешествиями к берегам Северной Америки, где основал поселение; его называют Колумбом Российским.

Своим трудом Шелеховы скопили значительный капитал. Герасим Киприянович, будучи уже в престарелом возрасте, в 1704 г. решил построить в своем приходе вместо старой деревянной церкви новую, каменную. Находилась старая церковь в восьмидесяти метрах ниже существующей в настоящее время Вознесенской церкви, сооруженной в 1866 г.

Афанасий Тимофеевич являлся родным дедушкой великого морехода. Жил он в Рыльске недалеко от Вознесенской церкви, которую посещала его семья и родственники. Торговал «москотинным товаром» в Рыльске и в малороссийских городах.

Шелеховы, как и все рыльские купцы, вкладывали свои деньги в строительство храмов. В Рыльске их насчитывалось около двух десятков. Каменные церкви вместо деревянных, обветшалых первыми начали строить купцы Шелеховы.

Весь род Шелеховых, кроме хозяйственной деятельности, занимался торговлей и имел неплохой успех. На подводах Шелеховы развозили товар не только по ближним уездам, но и в Московскую губернию: пеньку, воск, мед, пушнину, «замашние» холсты и косы. Ездили в Малороссию и Крым, оттуда везли в Москву фрукты, а из Астрахани — рыбу, икру, шелковые ткани, пряности.

Храмостроители купцы Шелеховы были похоронены в монастыре.

Большую роль в общественной и духовной жизни Рыльска играли купцы первой гильдии *Выходцевы*. Об их богатстве и крепкой христианской вере говорит тот факт, что еще в 1769 г. Яковом Борисовичем Выходцевым в центре города была построена каменная двухэтажная Преображенская церковь. Она была сооружена вместо сгоревшей во время рыльского пожара 1720 г. деревянной церкви, построенной князем Василием Шемякой. Перед церковью располагалась административная площадь. В 1769 г. в стороне от этой площади Федор Александрович Выходцев построил великолепный двухэтажный дом, украшен-

ный колоннадой со стороны фасада и двора, с хозяйственными постройками и высокой каменной оградой. В этом здании сейчас находится Дом детского творчества и детская библиотека.

Брат Федора Александровича, Иван Александрович Выходцев владел одним из старейших каменных домов Рыльского, некогда принадлежавших воеводе. Здание, построенное еще по радиально-кольцевой планировке города на ул. Репинской, впоследствии было продано Выходцевым рыльскому купцу А. А. Бондареву, а когда тот построил себе новый дом на ул. Преображенской, его приобрела дворянка Вера Андриановна Пузанова. Этот дом замечателен тем, что в 1709 г. в нем останавливался царь Петр I.

Одним из украшений города является и дом на углу улиц Преображенской и Выходцевской, в котором некогда был Дом ребенка, а до 1960-х гг. размещались райкомы партии и комсомола. Дом тоже слегка утратил свою былую красоту: демонтирован прекрасный балкон, которым любовались все прохожие. В настоящее время здесь находятся администрация города Рыльского и городская дума.

Купеческому роду Выходцевых принадлежал и воеводский дом (так называемый «Дом Шемяки»), где сейчас находится ЗАГС. Еще ранее Выходцевы владели зданием воеводской приказной избы, которое сохранилось до наших дней. Оно одноэтажное, выполнено из кирпича на известковом растворе, имеет мощные стены и сводчатое перекрытие.

Купцы Выходцевы (как и Филимоновы) занимали почти целый квартал в нашем городе и оставили нам в наследие прекрасные дома, которые с каждым годом все более ветшают, теряя былую красоту. Многие из них уже снесены, а на их месте построены серые здания-коробки из силикатного кирпича.

Выходцевы состояли в благотворительном обществе. Они вносили отчисления на образование, жертвовали средства на содержание богадельни при Вознесенской церкви, делали взносы на Преображенскую (Спасскую) церковь. Кроме того, Выходцевы входили в состав городской Думы, где решали жизненно важные для нашего города вопросы. Так, в 1840 г. депутат городской думы Борис Выходцев участвовал в решении вопроса о приведении в порядок и ремонте переправы через реку Сейм. На заседании Рыльского уездного собрания 23 сентября 1901 г. рыльским городским головой Н. П. Выходцевым было предложено ходатайствовать перед губернским земством о строительстве постоянной переправы и перестройке мостов через Сейм. Николай Павлович жил в здании, которое сейчас занимает Дом детского творчества. Старый дом своих предков он перестроил и содержал в исключительном порядке.

Гриневы вели торговлю со многими городами России, а также отправляли товары в Австрию и Англию. Из Европы доставляли в Россию различные товары, а также машины и оборудование для мельниц и крупорушек.

Купечество осуществляло большую благотворительную деятельность. Оно не только возводило храмы, но строило и содержало за свой счет сирот-

ские дома и богадельни, помогало обездоленным людям. Купцы снабжали город различными товарами и продуктами. Лавки тянулись от филимоновских торговых рядов до частной женской гимназии (сейчас в этом здании находится налоговая инспекция). В Рыльске были большие базары. Так, на Красной площади (ул. Полевая), напротив Христорождественской церкви (сейчас там кладбище), подводы выстраивались до самой тюрьмы (теперь это завод чертежных принадлежностей). Ярмарки устраивались два раза в год.

На праздники Троицы и Ивана Купалы на Красной площади девки водили хороводы, а парни частенько устраивали кулачные бои. Так, «Рыло» сходилось с «Дублянкой». Иногда не выдерживали и вступали в бой с обеих сторон и старики. Но потасовка шла по правилам. Ниже пояса и лежащих не били. Применяли только «чистый» кулак.

Очень любили рыляне отдыхать на лоне природы, плавали на лодках и баркасах по реке, которая была в то время полноводной. Излюбленными местами отдыха были Бакитькина дача, Пески, Липки.

Время шло. Наступил 1917 г. Февральскую революцию купцы встретили по-разному: одни с негодованием, другие с одобрением. Жизнь в городе протекала почти без изменений до тех пор, пока большевики не разогнали Учредительное собрание и повели наступление на купцов и торговый люд. Конtribusi по уплате денег следовали одна за другой. Когда наличных денег не стало, взялись за имущество и за банковские счета.

Шло поголовное разорение. Начались аресты. В Рыльске арестовали 19 человек и отправили в Курск. Среди них был и Петр Иванович Гринев. Чудом избежал он расстрела. Изможденный, с подорванным здоровьем вернулся Петр Иванович в родной город практически с того света.

К этому времени многие торговые люди уже покинули город. П. И. Гринев, оставшись без крыши над головой, скитаясь с большой семьей по квартирам, остался в Рыльске. Обладая деловитостью и кипучей энергией, во время НЭПа он вновь налаживает торговые отношения с Австрией и становится управляющим русско-австрийским торговым обществом (в Рыльске также было и русско-немецкое торговое общество «Зингер»). Однако после ликвидации НЭПа общество закрыли, а Петра Ивановича снова посадили в тюрьму, но, признав невиновным, отпустили. Зато все движимое и недвижимое имущество было конфисковано. Оставили только сундук с одеждой и пианино.

Новые власти добрались, наконец, и до родовых кладбищ: сначала разбирали и увезли чугунную литую ограду, затем сбили с памятников белые мраморные кресты, а потом и вовсе свалили их с пьедестала. Петр Иванович поставил памятники вновь, но через некоторое время их опять сбросили.

В 1932 г. Петр Иванович умер. Оставшиеся члены его семьи покинули родной Рыльск и уехали в Москву. В Рыльске остался только племянник Петра Ивановича Николай Яковлевич Гринев. Его дом до сих пор цел, стоит на

ул. Советская площадь, 33. Однако жить ему пришлось со своей семьей на частных квартирах. Умер Николай Яковлевич в 1974 г. Сейчас в Рыльске насчитывается 18 могил Гриневых, остальные родственники по различным причинам похоронены вдали от родины. Во время последнего приезда Натальи Петровны Гриневой из Москвы она поделилась своими впечатлениями о Рыльске: «Много не достаёт из того, что было. Нет сверкающих куполов церквей, напоминавших при въезде в Рыльск маленький Киев. Уничтожены сады, которые окружали город. Рядом с угловым шелиховским домом на ул. Урицкого стоял ещё один родовой дом Шелиховых, а вместо стадиона около Покровской единоверческой церкви (что возле педучилища) был фруктовый сад. Загублен сад и луг Бакитько, где был ипподром и стадион, нет сада и бахчи в районе учхоза. Вместо них теперь стоят коттеджи...». Хорошее впечатление произвел на Наталью Петровну музей, хотя он занимает слишком маленькое здание. Порадовало её возрождение церквей, обилие зелени на улицах. При этом недостаёт цветочных клумб.

Купцы оставили Рыльск воздушным, светлым, радостным. Дома были окрашены в голубой, лазурный цвет, с белыми наличниками и поясками. Некоторые здания были светло-желтыми. Дошчатые дома тоже окрашивались в светлые тона с голубыми или салатными ставнями. Прекрасно выглядели такие красавцы-здания, как городская Дума (теперь — авиаколледж), дома Филимоновых, Выходцевых, Немцева (милиция) и др., а сейчас они мрачны, на них не видна архитектурная отделка.

Харламовы построили жилые дома на улице Глуховской. Сохранился их жилой дом и бывшие склады на углу улиц Васильевской и Глуховской (Урицкого, 47). Удивительно, но этот дом не был национализирован, и в нём до сих пор живёт внук купца Юрий Владимирович Харламов. Род Харламовых большой, многие из этой семьи были мещанами и жили на других улицах города. Их потомки проживают в нашем городе и сейчас.

В конце XIX в. купцами *Латышевыми* на Базарной площади были построены двухэтажные склады. По первому этажу на всю длину здания протянулась открытая галерея с арочными проемами. Второй этаж украшают сегментные окна с лучевыми переплетами. В настоящее время ряды находятся на реставрации. Часть складских помещений сдавалась Латышевыми в аренду. Второй этаж с заездом с западной стороны заполнялся зерном. На первом этаже хранились овощи и фрукты. Зерно Латышевы продавали не только в России, но и за границу.

Напротив склада, через базарную площадь, Павлом Латышевым был построен двухэтажный, с изразцовой каменной отделкой фасада жилой дом. На первом этаже были устроены два магазина с массивными металлическими дверями. Внутри двора располагались хозяйственные постройки и конюшня. Сейчас это здание находится рядом с медучилищем. После революции этот дом,

склады и площадь перед ними занимало рыльское «Заготзерно». На втором этаже дома находилась контора.

Купцы Латышевы занимались не только торговыми делами и строительством, но и вели общественно-политическую деятельность. Анатолий Павлович Латышев избирался в рыльскую городскую думу, до 1918 г. был главой города Рыльска. Наследники Латышевых живут в городе и сейчас, возможно, они даже не знают о своем благородном происхождении. Некоторые из них носят другие фамилии.

Аристарховы имели пенькотрепальный двор, на котором работали наемные трепальщицы — «трепачи», каменную кузницу, бондарный цех, где делали бочки и телеги. И. Г. Аристархов занимался закупкой и продажей кос, скобяных изделий. В Рыльске у купца имелись свои амбары и магазины, но в основном товар развозился и продавался в разных губерниях, где также производилась закупка разных товаров. Во всех торговых и хозяйственных делах Ивану Григорьевичу помогали сыновья.

Аристарховы внесли свой вклад в сооружение Христорождественской церкви с приделом Иоанна Богослова. Она была построена и освящена в 1849 г. Сделанная из красного кирпича, она выглядела удивительно красиво, люди прозвали ее Красной церковью. За деятельность на благо города Ивану Григорьевичу и Павлину Ивановичу Аристарховым было присвоено звание почетного гражданина Рыльска.

Отличились купцы Аристарховы и в устройстве мостов и переправы через Сейм. В те годы деревянные мосты строились через залив и озеро на левобережье, а до строительства мостов пользовались паромами и лодками, как для переправы через Сейм, так и через заливы. При переправе во время половодья бывали случаи гибели лошадей и товаров. 9 сентября 1845 г. от рыльского купечества и мещан поступило очередное, третье, обращение в Рыльскую городскую думу и к курскому губернатору. Но только через год, 24 сентября 1846 г., был устроен конкурс подряда, где участвовали три претендента. Победителем стал купец первой гильдии Авдий Аристархов, с ним и заключила Курская губернская дорожная комиссия контракт на устройство трех мостов и исправление плотины. Мосты были построены в срок, и 30 января 1848 г. Аристархов заключил новый договор на строительство ледорезов с северной стороны трех мостов. О строительстве мостов в своем очерке писал в 1907 г. Константин Бокадоров. Здесь он упоминает устройство переправы через реку Сейм и двух мостов через заливы и дамбы, построенных в 1861 г. потомственным почетным гражданином города Рыльска Павлином Ивановичем Аристарховым.

Купцы Аристарховы занимались в городе и благотворительной деятельностью. В 1858 г. Павлином Ивановичем при Христорождественской церкви была построена богадельня, в которой проживало шесть женщин. Аристарховы завещали проценты с капиталов на содержание богадельни при Вознесенской церкви, где проживали одиннадцать женщин. Перед праздниками дарили бедным людям подарки. Николай Николаевич Аристархов в 1905 г. открыл первый в Рыльске ломбард «Аристархов».

**ОСОБЕННОСТИ ПРЯМОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.
(НА ПРИМЕРЕ РЫЛЬСКОГО УЕЗДА)**

Налоговые реформы, проводимые в России министром финансов Н. Х. Бунге, затронули все стороны фискальной политики, в том числе и организацию взимания сборов. В 1885 г. был принят указ о создании Податной инспекции.

На момент назначения податных инспекторов Рыльский уезд охватывал 236,1 тыс. дес. земли. В нем было 786 отдельных частновладельческих хозяйств, 53 села, 131 деревня и 25 хуторов, насчитывалось 25,8 тыс. крестьянских дворов. Уезд был разделен на четыре стана, в состав которых входило 16 волостей. В судебном отношении уезд был разделен на два следственных и четыре мировых участка. Ежегодно по уезду рассылалось 2157 окладных листов¹.

Объем работы податных инспекторов был весьма велик. Например, податной инспектор Рыльско-Путивльского участка должен был обслуживать почти 250 тыс. чел. На эту должность был назначен чиновник особых поручений Курской казенной палаты, коллежский секретарь Константин Гаврилович Радкевич. За время службы он отличался «особым усердием, энергичной деятельностью и высокими нравственными качествами». Отмечалось, что он обладает «бойкими способностями, большой любознательностью и при начитанности владеет умением хорошо излагать свои мысли»².

Государственные налоги включали выкупные платежи — исключительный налог, которым облагалось только крестьянское сословие. Он был установлен в ходе проведения крестьянской реформы 1861 г. Его уплачивали государству крестьяне в качестве платы за полученную землю. Вначале выкупные платежи касались только бывших помещичьих крестьян, а с 1887 г. (после отмены подушной подати) стали обязательными для всего крестьянского населения. Данный сбор был очень тяжел для населения, и правительство не раз понижало его размер и списывало недоимки.

Законом от 12 июня 1886 г. был установлен обязательный выкуп для государственных крестьян. «Взимаемые с государственных крестьян и других сельских сословий ... оброчная подать и заменяющие ее сборы ... преобразовываются с 1 января 1887 г. в выкупные платежи»³. Кроме того, отмечалось, что «... суммы ... платежей устанавливаются в законодательном порядке для каждой губернии в неизменном размере на весь срок выкупа». Указывалось, что окончательное взимание платежей с крестьян прекратится с 1 января 1931 г.

На бывших государственных крестьян Курской губернии по данному закону возлагался общий налог в размере 2,8 млн. руб., для соседней Воронежской губернии эта сумма равнялась 3,8 млн. руб., для Орловской —

1,4 млн. руб. Законом от 12 июня 1886 г. оброчная подать повышалась на 45 %. В 1887 г. за крестьянами Курской губернии оставалось капитального долга перед казной на 44 млн. руб. Наибольшее количество долга приходилось на Рыльский, Путивльский и Грайворонский уезды: соответственно, 3,2, 3 и 2,9 млн. руб. На Корочанский, Фатежский и Суджанский уезды выпадала наименьшая сумма по губернии: 687 тыс., 844 тыс. и 1,04 млн. руб.

По закону обложением государственным поземельным налогом подлежали все земли, с которых взимались и земские налоги. Участки городских земель, расположенные вне пределов селитебных площадей городов, посадов, местечек, подлежали обложению на общих основаниях.

В ст. 15 «Устава о прямых налогах» отмечается, что: «Общая сумма налога с каждой губернии определяется, с утверждения министра финансов, множением общего числа подлежащей обложению земли на средний по губернии оклад налога с десятины удобной земли и леса, означенной в расписании, утверждаемом в законодательном порядке»⁴.

Обложением земли занимались губернские земские собрания, а сумма сбора устанавливалась в соответствии с плодородностью почвы. В середине 1880-х гг. для Курской губернии был назначен самый высокий в России оклад — 17 коп. с дес., тогда как в соседних Воронежской губ. всего 12 коп., а в Орловской — 14 коп. По манифесту от 14 мая 1896 г. налог был снижен до 5 коп. с десятины. В 1906 г. он был увеличен до прежних размеров.

В 1885 г. население Курской губернии было обложено всеми казенными налогами в размере 5,7 млн. руб. На конец 1885 г. неуплаченными остались лишь 337 тыс. руб. от общей суммы (6 %) ⁵.

В 1890 г. в Курской губернии к поступлению было назначено 701,7 тыс. руб., из которых 15,8 % являлись недоимками прошлых лет. На конец года было заплачено 96 % окладной суммы и 73 % от недоимки. Наибольшая сумма долга числилась за Рыльским уездом (10 тыс. руб.), а также за Старооскольским и Тимским (по 7 тыс. руб.). Причины недоимок, как указывали податные инспекторы, заключались в обеднении населения из-за плохого урожая на протяжении нескольких лет. В южных уездах губернии летом 1885 г. свирепствовала чума крупного рогатого скота, в связи с этим продажа животных была запрещена ⁶.

С 1863 г. население было обязано платить сборы с городских недвижимых имуществ, находящихся в черте города. Налог на аграрную Курскую губернию на 1884 г. был положен в размере 87,9 тыс. руб. (на соседнюю Харьковскую с развитой промышленностью — в 164,8 тыс. руб.). Указанная сумма оставалась неизменной до 1889 г., когда она незначительно возросла (до 90 тыс. руб.). Впоследствии она еще несколько раз увеличивалась ⁷. Наиболее крупные поступления давали Курск, Белгород, Рыльск, Обоянь, Старый Оскол.

С началом Первой мировой войны сумма налога для Курской губернии достигла 205 тыс. руб.

Лица, занимавшиеся доходной неземледельческой деятельностью (промышленной, промысловой, торговой, транспортной и т. д.), облагались особым государственным промысловым налогом, который состоял из двух частей: обязательного, который взимался непосредственно при покупке промыслового свидетельства, и дополнительного (для предприятий с обязательной публичной отчетностью) или раскладочного (в случае, если такие отчеты для предприятий были не обязательны). Данный налог зависел от класса местности и разряда предприятия. Вся территория государства была поделена на классы. В 1885 г. Курск был отнесен ко II классу, уезды Курский, Белгородский, Льговский, Рыльский, Старооскольский, Тимский, Фатежский, Щигровский, Обоянский, Суджанский, Путивльский — к IV классу, Грайворонский, Дмитриевский, Корочанский, Новооскольский — к V классу. До 1898 г. законодательная база по данному налогу не менялась, а в указанном году было принято «Положение о государственном промысловом налоге», в котором подробно расписывалось и назначение, и распределение, и взимание данного сбора.

По разным уездам Курской губернии процентное обложение прибыли по раскладочному сбору было различно. Наиболее высоким оно было в уездах Старооскольском (7,2 %), Белгородском (4,2 %), Тимском (3,9 %), наиболее низким — в Дмитриевском (1,8 %), Грайворонском и Путивльском (по 1,6 %), Рыльском (1 %). Среднее обложение по губернии равнялось 2,76 % с 1000 руб. прибыли⁸. К концу 1885 г. из назначенных на губернию 34 тыс. руб. поступила 31,1 тыс., или 91,4 % от оклада. Наибольшая сумма недоимок числилась за Курским уездом, а также за Рыльским, Новооскольским и Белгородским⁹. Лучше всего сбор прошел во Льговском уезде, где долг составлял всего 25 руб. и в Грайворонском (5 руб.)¹⁰ По поводу увеличения сбора в дальнейшем податный инспектор отмечал, что «торговцы противятся этому и может получиться так, на долю крупных торговцев выпадет 1/3 всей суммы, а на долю мелких — остальные 2/3». Ввиду этого он просил снизить ставку налога до 9,6 % от общегубернской суммы, так как она являлась весьма обременительной для предпринимателей, и уравнивать величину налога с Белгородом.

В 1893 г. в России был установлен в качестве общегосударственного квартирный налог, который Высочайше утвержденным 14 мая 1893 г. мнением Государственного совета вводился в 1894 г. в городах и поселениях, указанных в специальном списке¹¹. Данный налог взимался с лиц, занимающих помещения для жилья (квартиры) в городах и поселениях, которые были распределены на классы по степени дороговизны жилых помещений. В каждом классе помещения распределялись на разряды по их наемной цене. Вся территория России была разделена на пять классов. В Курской губернии к V классу были отнесены, например, Короча, Старый Оскол и Новый Оскол, к IV классу — Белгород

и Рыльск, к III классу — Курск. Спустя два года после введения налога сумма недоимок оставалась незначительной. Так, по Рыльску с 235 налогоплательщиков, обязанных уплатить 1276 руб. налога, в недоимке числилось всего 15 руб.¹² В 1897 г. в Курске числилось 1359 плательщиков, Белгороде — 505, слободе Ямской — 505, Путивле — 453, Старом Осколе — 297, Льгове — 291, Короче — 277, Щиграх — 272, Судже — 257, Фатеже — 244, Рыльске — 241, Дмитриеве — 231, Обояни — 225, Новом Осколе — 112, Тиму — 100. Всего в 1897 г. обложению квартирным налогом по губернии подлежало 5369 чел.¹³ Крупных недоимок по данному сбору не имелось.

До 1916 г. налогообложение имело прежде всего имущественный характер. Данное обстоятельство позволяет говорить о назревшей необходимости реформирования фискальной системы страны.

Примечания

¹ РГИА. Ф. 573. Оп. 20. Д. 183. Л. 13–16 об.

² Там же. Л. 5 об.

³ ПСЗ. Собр. 3. СПб., 1888. Т. 6. С. 305.

⁴ См.: Устав о прямых налогах. СПб., 1914. С. 4–5.

⁵ ГАКО. Ф. 184. Д. 6397. Л. 214–214 об.

⁶ Там же. Д. 6583. Л. 215 об.

⁷ См.: ПСЗ. Собр. 3. СПб., 1886. Т. 3. С. 232–233; Штаты и табели. С. 118–119.

⁸ ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 6391. Л. 299 об.–300.

⁹ Там же. Л. 99.

¹⁰ Там же. Л. 41.

¹¹ ПСЗ. Собр. 3. СПб., 1897. Т. 13. С. 280–282.

¹² ГАКО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 583. Л. 48 об.–49.

¹³ Там же. Ф. 184. Оп. 1. Д. 8124. Л. 11.

О. С. Жирнова

НАСЛЕДОВАНИЕ ИМУЩЕСТВА РЫЛЯНАМИ В СЕРЕДИНЕ XIX СТОЛЕТИЯ — 1917 г.

В середине XIX столетия в России завершилось складывание наследственного законодательства при сохранении обычного права в среде русских крестьян. Проанализируем институт наследования имущества на примере жителей Рыльска и его сельской округи.

Под наследованием, по мнению известного юриста И. М. Тютрюмова, понимался «переход совокупности имущественных отношений лица или имущественной сферы его за смертью к другим лицам»¹. Каждый член семьи, как

при жизни родителей, так и после их смерти имел право на свою долю имущества, хотя глава семьи имел больше власти в распоряжении имуществом семьи.

Главным основанием права наследования, как по закону, так и по обычаю являлось родство. «Только родственники, т. е. лица связанные между собой узами крови или принадлежавшие к составу семьи на правах родственников, имели право на оставшееся после умершего имущество»². Другой современник дал следующее определение данному понятию: «наследование есть переход имущества со всеми правами и обязанностями от одного лица к другому по случаю смерти»³.

Но какова бы не была трактовка данного института — смысл один, это родственная передача имущества. Количество и качество наследуемого имущества определялось достатком наследодателей. Законы гласили, «имущество, есть совокупность всех прав и обязанностей, принадлежащих лицу относительно всех предметов, которые входят в круг юридической его личности, юридической власти»⁴.

Преемник, который в дальнейшем был держателем имущества после смерти наследодателя, являлся наследником. «Совокупность прав и обязанностей по имуществу, в коей совершается преемство, называется наследством; а вступление преемника в права и обязанности называется наследованием»⁵.

Призвание к наследству определялось как по конкретному завещанию, так и по общему закону. «Наследство по закону есть совокупность имуществ, прав и обязательств, оставшихся после умершего без завещания»⁶.

Второй случай представлял письменное «духовное завещание» как «законное объявление воли владельца о его имуществе, на случай его смерти»⁷. Духовные завещания имели следующую специфику. Вот текст одного из них: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. В Тысяча восемьсот пятьдесят третьем году, мая тридцатого дня, я нижеподписавшийся рыльский мещанин Тимофей Иванов сын Морозова. Чувствуя скорую кончину, но имея здравый рассудок и совершенную память, предоставляю в вечное и потомственное владение родной своей дочери Домны Тимофеевой по мужу Павловой, принадлежащее мне движимое и недвижимое имущество. Усадебное место, состоящее города Рыльска в 1-й части на Глумовской улице в 14 квартале, с усадебным местом и домом и всеми находящимися там строениями, святые иконы, одежду и все без изъятия хозяйственное, какое только у меня имеется имущество, дочери моей Домне Павловой с доброй своей воли и здравой памяти при приходском священнике и других нижеподписавшихся прошенных мною свидетелей»⁸. В дальнейшем местный суд попросил предоставить сведения из духовной консистории о смерти отца просительницы, после чего была установлена дата его кончины, а завещание было утверждено и засвидетельствовано законом для исполнения воли

Т. Морозова. Причем, как видно из дела, все записи в обязательном порядке совершались при свидетелях во избежание недоразумений.

В общем порядке закон исходил из наличия брачных и семейных отношений. Обычно вдова при детях наследства не получала, а находилась на содержании со стороны сыновей, а при малолетних детях оставалась в доме хозяйкой или получала имущество мужа в пожизненное владение.

Наследование имущества крестьянством имело своеобразную особенность. Порядок наследования частично регулировался обычаями в крестьянской среде. «Положениями 19-го февраля 1861 года хотя и установлено существующее различие в среде крестьянского сословия в отношении владения, пользования и распоряжения землею между подворными или участковыми владельцами и крестьянами, владеющими землею на общинном праве, но различие это не касается порядка наследования крестьянами имуществом, так как и тем и другим, т. е. подворным владельцам и общинникам, представлено в порядке наследования имуществом руководствоваться местными обычаями. Предоставляя право наследования крестьянам имуществом в порядке обычном, положения 19-го февраля 1861 года не установили никаких формальностей и требований о признании в правах наследства крестьян к оставшемуся имуществу»⁹.

Исключение составляли мигранты-крестьяне. Например, свободный хлебопашец Никанор Иванов Зайцев 24 августа 1846 г. оставил духовное завещание, засвидетельствованное 26 октября 1846 г. в Рыльском уездном суде. Согласно этому документу, «дом с местом и строением в г. Рыльске на углу улицы Преображенской и Архангельской, со всеми принадлежностями предоставил после смерти своей жене Ирине Петровой Зайцевой, в том, что по смерти ее дом должен поступить брату завещателя свободному хлебопашцу Дмитрию Иванову и старшему его сыну Зайцевым, которые в жизнь жены его Ирины должны быть в полном ее повиновении»¹⁰.

При разрешении подобных вопросов даже суд руководствовался существующими местными обычаями, поскольку «разница между законом и обычаем состоит в том, что по закону отказ от наследства прямо не предполагается, и сам выдел влечет за собой лишь обязанность учета, тогда как в обычном праве выделенный должен довольствоваться тем, что им получено, не требуя для себя ничего более»¹¹.

Вообще порядок наследования складывался следующим образом. Ближайшими наследниками повсеместно признавались нисходящие родственники, что являлось естественным последствием права на содержание, «какое представлено детям при жизни родителей». При отсутствии нисходящих в наследство вступали боковые линии с предпочтением ближайшим родственникам. Но здесь была особенность в том, что боковые линии имели право на наследование

в случае, когда в живых не оставалось родителей и других восходящих родственников, в ином случае предпочтение отдавалось восходящим, а не боковым линиям. Лица мужского пола имели преимущество перед лицами женского пола.

Принятие наследства как по обычаю, так и по закону влекло за собой следующее: «наследнику переходило имущество умершего, как наличное, так и долговое, принимая все имущество умершего, наследник признавался обязанным уплачивать долги его, какие окажутся, но соразмерно их долям»¹², но долги могли взыскиваться и из оставшегося имущества.

Для принятия наследства наследникам делался неоднократный «(два раза) вызов, и не явившиеся по последнему вызову считались отказавшимися от наследства»¹³. Например, подобное дело было начато 25 октября 1848 г. согласно духовному завещанию покойного дворянина Гавриила Клейменова, который оставил своей матери Ирине Клейменовой и солдатской дочери Екатерине Зубаревой имение в Рыльске, «из коего просила выдела части жена завещателя Анна Клейменова». Окончено дело было 29 января 1849 г. в связи с тем, что «по указу его императорского величества» для выслушивания дела после оповещения Клейменовой и Зубарева не явились. После повторного вызова «через публикацию» и повторной неявки «решение Рыльского суда пришло в законную силу», в связи с чем дело было решено «представить в благорассмотрение Курской палаты гражданского суда с приложением завещания»¹⁴.

Вообще выморочное имущество встречалось довольно редко. Особенно крестьяне неохотно признавали имущество выморочным — «обмершим» и поэтому «отдавали после умершего его имущество за неимением признаваемых обычаем наследников самым отдаленным родственникам и даже посторонним лицам, которые ухаживали за умершим во время его болезни и похоронили его»¹⁵.

Если некому было отдать выморочное имущество, то оно переходило в пользу общества или продавалось, а вырученные деньги отдавались в мирской капитал. Также деньги и имущество могли отдаваться в церковь.

Еще одно интересное дело, начатое 22 января 1854 г., касалось введения во владение движимым и недвижимым имуществом, заключавшемся в крестьянах и земле Рыльского уезда рыльской дворянки Александры Михайловны Филимоновой, урожденной Семеновой. Последняя просила «выданную ей от отца Михаила Семенова и братьев ее, Андрея, Николая и Ивана, приданную запись, засвидетельствованную и вписанную в крепостную книгу на имение и крестьян выдать мужу ее Юрию Филимонову за распискою для вручения ей на ввод во владении»¹⁶.

Дела о получении наследства дворянами, с которыми сталкивался Рыльский уездный суд, касались передачи имений, земель и иного рода имуществ от родителей к детям по нисходящим и боковым линиям.

Руководствуясь статьями 1134–1138 «Законов гражданских», можно говорить о том, что если после смерти владельца не оставалось наследников по нисходящей линии, то право наследования переходило в боковые линии, а именно к братьям и сестрам как женатым/замужним, так и неженатым/незамужним, их детям, а при отсутствии последних дядям и тетям и их нисходящим линиям.

«В боковых линиях имения родовые переходят: отцовское всегда в род отца, материнское в род матери. Имение, самым бездетным владельцем приобретенное, когда о нем не сделано особых распоряжений, поступает также в род отца»¹⁷.

В судебных процессах решающее значение имели законы, а не обычаи, ибо суд прекрасно понимал, что любой обычай может быть сфабрикован местными писарями за деньги и составлен как нужно одной из сторон.

Таким образом, в Рыльском уезде институт наследования семейной собственности с середины XIX столетия и вплоть до 1917 г. постепенно получил всесословный характер, включая неписанные традиции крестьян. Одновременно обращает внимание приоритетность мужского наследования перед вторичным женским.

Примечания

¹ *Тютрюмов И. М.* Гражданское право. Пг., 1922. С. 453.

² *Цахман С. В.* Обычное гражданское право в России. СПб., 1879. С. 210.

³ *Победоносцев К. П.* Курс гражданского права. СПб., 1896. С. 255.

⁴ Там же. С. 255.

⁵ Там же. С. 256.

⁶ *Исаченко В. В.* Законы гражданские. Пг., 1916. С. 360.

⁷ Там же. С. 322.

⁸ ГАКО. Ф. 59. Оп. 2. Д. 4669. Л. 2–2 об.

⁹ *Абрамович К. Г.* Крестьянское право по решениям правительствующего Сената. СПб., 1902 г. С. 140.

¹⁰ ГАКО. Ф. 59. Оп. 2. Д. 4433. Л. 12 об.–13.

¹¹ *Мухин В. Ф.* Обычный порядок наследования у крестьян. СПб., 1888 г. С. 82–83.

¹² *Цахман С. В.* Обычное гражданское право... С. 216.

¹³ Там же. С. 217.

¹⁴ ГАКО. Ф. 59. Оп. 2. Д. 3043. Л. 11.

¹⁵ *Цахман С. В.* Обычное гражданское право... С. 217–218.

¹⁶ ГАКО. Ф. 59. Оп. 2. Д. 2783. Л. 1, 3–4.

¹⁷ *Исаченко В. В.* Законы гражданские. С. 369.

РЕКРУТСКИЕ НАБОРЫ В РЫЛЬСКОМ УЕЗДЕ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

В 60–70-е гг. XIX столетия русская армия комплектовалась на основании ежегодных рекрутских наборов с податного населения Империи. На время наборов в уездных городах создавались специальные органы для приема и медицинского освидетельствования новобранцев — рекрутские присутствия, в которые входил уездный предводитель дворянства (председатель присутствия), врач, представители сословий (в том числе мировой посредник), армейский офицер («военный приемщик», который отправлял принятых рекрутов в губернский город для распределения по местам несения службы).

Перед началом набора издавался высочайший манифест, в котором устанавливалась норма призыва (число рекрутов с тысячи ревизских душ). На этом основании происходило распределение количества рекрутов по губерниям, а в губерниях — по уездам. Уездные рекрутские присутствия распределяли рекрутов по крестьянским волостям и мещанским обществам.

В данной статье рассмотрены рекрутские наборы на территории Рыльского уезда Курской губернии в 1863–1874 гг. В фондах ГАКО сохранились сведения о количестве рекрутов, призванных в уезде в разные наборы, представленные ниже в таблице.

Табл. 1. Рекрутские наборы Рыльском уезде в 1863 – 1874 гг. *

Группа / год	1863	1863	1866	1867	1868	1869	1871	1872	1874
Мещане	9	22	6	10	10	11	15	17	16
Государственные крестьяне	36	82	49	43	32	42	46	64	45
Крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости	157	312	119	134	131	129	209	198	205
Всего	202	416	176	187	173	182	270	279	266

* Таблица составлена по: ГАКО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 105. Л. 33–182; Д. 109. Л. 109–454; Д. 119. Л. 1–31 об; Д. 124. Л. 8; Д. 136. Л. 1–2; Д. 160. Л. 6–7; Д. 170. Л. 121–164; Д. 177. Л. 111–112; Д. 197. Л. 1–48 об.

Норма призыва в 1864–1870 гг. составляла 4 рекрута с тысячи ревизских душ¹. В это время Военное министерство проводило мероприятия по сокращению численности вооруженных сил, и сравнительно небольшие наборы должны

были поддерживать их минимальную численность и обеспечивать формирование боеспособного запаса. Особняком стоит второй, дополнительный набор 1863 г., который был усиленным (10 человек с 1000 душ), проведенный во время польского восстания в связи с необходимостью увеличить армию до состояния военного времени². В 1871 г. норма призыва была увеличена до 6 человек³. Сделано это было по инициативе военного министра Д. А. Милютина с целью избежать сокращения вооруженных сил в 1874 и 1875 гг., когда заканчивался 20-летний срок службы солдат, призванных во время чрезвычайных и усиленных наборов времен Крымской войны, хотя сам министр и признавал, что такая норма призыва являлась обременительной для населения⁴.

В Рыльском уезде за девять наборов в армию отправились 2 149 человек. Абсолютное большинство (95 %) составили крестьянские рекруты, что неудивительно для аграрной Курской губернии.

Население, отбывающее рекрутскую повинность, помимо непосредственной сдачи определенного количества рекрутов, также несло и денежные издержки, которые включали в себя: траты на провоз молодых людей, назначенных в рекруты, к месту сдачи (в уездный город), на содержание и питание («жалованье и провиант») до зачисления их в воинские команды и передачу военным приемщикам, на «обмундирование» (изготовление одежды); так называемые «наградные» деньги принятым на военную службу (от 2 до 6 руб. на человека); отчисления на «вспомогательный капитал» отставным нижним чинам (своеобразный пенсионный фонд, из которого выплачивались небольшие пособия солдатам, окончившим срок действительной службы) — по 2 руб. с человека. Так, в 1869 г. сдача одного рекрута в Рыльском уезде обошлась в 31 руб. 62 коп. сер., а общие затраты обществ, поставлявших рекрутов, составили довольно солидную сумму в 5 754 руб. 84 коп.⁵ В Курской губернии сдача одного рекрута в среднем обходилась в 28 руб. 40 коп., а по всей России — 36 руб. 74 коп.⁶

Сумма, необходимая для сдачи рекрутов, определялась на волостном сходе, исходя из числа рекрутов, положенных к отдаче от каждой волости. После этого деньги собирались со всех семейств волости (кроме тех, которые давали рекрута) по количеству мужских ревизских душ в каждом. К примеру, в 1870-х гг. в крестьянских обществах собирали на сдачу рекрутов от 7 коп. с ревизской души в Карыжской волости до 15 коп. в Петровской⁷.

Призывной возраст имел довольно широкие рамки — от 21 года до 30 лет. По этой причине возраст рыльских рекрутов был довольно пестрым. Ниже представлены данные об их возрастном составе по некоторым наборам.

Табл. 2. Распределение по возрасту рекрутов, принятых в Рыльском уездном рекрутском присутствии

Возраст / год	1863	1863	1866	1871	1874
20	—	42	14	44	43
21–25	179	327	140	202	201
26–29	22	43	22	24	21
30	1	4	—	—	—

* Таблица составлена по: ГАКО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 105. Л. 33–182; Д. 109. Л. 109–454; Д. 119. Л. 1–31 об; Д. 170. Л. 121–164; Д. 197. Л. 1–48 об.

Согласно законодательству, в первую очередь призывались молодые люди, достигшие на момент начала набора 21 года. Категория рекрутов от 21 до 25 лет составляла от 75 до 80 % призывников. К середине 1860-х гг. исчезают возрастные рекруты (30 и более лет). Но в это же время увеличивается доля 20-летних рекрутов. Связано это было с разрешением заменять рекрута с согласия родителей родным братом, даже если тому исполнилось только 20 лет⁸. Обычно так поступали, если старший брат, подлежащий отдаче в рекруты, уже имел семью и был ценным помощником в хозяйстве: в этом случае родители предпочитали заменить его младшим, еще холостым братом. Незначительная часть 20-летних забиралась в армию, т. к. «по наружному виду» или «по удостоверению отдатчика» им был 21 год (в этом случае указание возраста по ревизской сказке в рекрутском присутствии считали ошибочным).

Несмотря на то, что рекруты в возрасте от 20 до 25 лет составляли около 90 % призывников, по-прежнему считалось, что «зрелый возраст составляет еще весьма значительный процент контингента», и особенности рекрутского комплектования «не дают человеку и после 25 лет уверенности в ненарушимости избранных им занятий» (угроза быть забранным в армию практически до 30 лет могла удержать молодого человека в том числе и от женитьбы)⁹.

Избежать рекрутчины можно было, предъявив зачетную рекрутскую квитанцию за себя или за члена своего семейства. Приобрести такие квитанции можно было разными путями: купить в губернской Казенной палате, получить за сданного в армию «охотника» (наемника) или за невернувшегося ратника народного ополчения Крымской войны. Разрешалась свободная продажа квитанций (в том числе и в другие уезды и губернии) и их передача родственникам; хранить зачетные квитанции также можно было довольно долгое время, пока не возникала необходимость их использования. К примеру, при наборе 1874 г. государственный крестьянин с. Благодатное Борис Калужинов представил к зачету рекрутскую квитанцию, приобретенную им за 800 руб. у крестьянки с. Жадино Ермоловой (она получила квитанцию в 1863 г. за отца — «невозвратившегося ратника» дружины № 51 Курского государственного подвижного ополчения). В том же году государственный крестьянин Алистрат

Вербин, проживавший в Рыльске, представил вместо себя к зачету квитанцию, купленную в губернской Палате государственных имуществ в далеком 1855 г. за 580 руб.¹⁰

В Рыльском уезде в 1867 г. зачетными рекрутскими квитанциями было заменено 33 человека (18 % от всех принятых в рекруты), в 1868 г. — 18 (10 %), в 1869 г. — 26 (14 %)¹¹. Для сравнения: по всей Курской губернии в 1860-е гг. к зачету представлялось более 400 квитанций ежегодно (примерно 14 % от поступавших в рекруты)¹².

Еще одним способом освободиться от рекрутской повинности являлся частный наем «охотника» (наемника) за молодого человека, подлежащего призыву. Наниматься в рекруты первоначально имели право государственные крестьяне и мещане, в западных губерниях — граждане и однодворцы, и, кроме того, — вольноотпущенные и другие лица, «имеющие право на избрание рода жизни». Запрещалось нанимать людей, состоящих на государственной службе и достигших классных или офицерских чинов¹³.

После отмены крепостного права в 1861 г. крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости, также получили возможность наниматься в рекруты¹⁴. Также право поступать в охотники за лица всех податных сословий получили и бывшие дворовые люди¹⁵.

Манифест 1862 г. о производстве первого со времен Крымской войны рекрутского набора разрешал наниматься в рекруты дворянам и лицам, достигшим классных и офицерских чинов. Им же отменялся прежний шестимесячный срок, установленный на перемену рекрута наемником, и определялся минимальный возраст охотника в 21 год¹⁶.

Манифест о проведении рекрутского набора в следующем 1863 г. предоставил право идти в наем всем лицам, к какому бы городу, губернии или сословию они не принадлежали. Помимо этого, возможность нанимать рекрутов наравне с другими сословиями получили молokane, духоборцы, иконоборцы, иудействующие, скопцы и другие последователи сект, «признанных особенно вредными», а также евреи, до этого времени таким правом обделенные¹⁷. В этом же году было разрешено наниматься в рекруты исключенным из военного ведомства солдатским сыновьям¹⁸.

Охотник должен был представить в местное губернское рекрутское присутствие увольнительный приговор от общества, к которому он принадлежал, письменное согласие со стороны родителей и удостоверение о том, что при поступлении его на службу «семейство не подвергнется расстройству» (останется без средств существования). Если он не был приписан ни к какому обществу, то представлял акты «на избрание рода жизни», свидетельство из уездного казначейства о своем возрасте и свидетельство из полиции о том, что не состоит под следствием.

Наем охотника доступен был немногим по причине значительных денежных трат. Наниматель и охотник заключали договор, в котором оговаривали сумму, получаемую наемником. Кроме того, обязательным был пункт об «иждивении» за счет нанимателя: до поступления в рекруты охотник проживал в его доме, питался за его счет, получал новую одежду, гулял и выпивал, вынуждая того тратить дополнительные, порой довольно большие средства.

В Рыльском уезде охотники получали от 150 до 300 руб. К примеру, в 1868 г. государственный крестьянин Коровяковской волости Дегтярев обязывал нанимателя, крестьянина той же волости Курочкина, из положенных двухсот рублей пятьдесят хранить до совершеннолетия своей дочери, которую наниматель должен был взять в свою семью «на собственное иждивение и воспитание»¹⁹; рыльский мещанин Махоткин обязывал нанимателя из суммы в 160 руб. отдать на сохранение «благонадежному человеку по отдельному документу» 70 руб. на обеспечение малолетних брата и сестры²⁰. А наемник из государственных крестьян Жадинской волости Александр Федорищев обязал своего нанимателя, государственного крестьянина Толпинской волости Ивана Антонцева, не только выплатить 200 руб., но до принятия в рекруты «справить» ему пять новых ситцевых рубах (две — красного пунцового ситца), две пары новых сапог, дубленый овчинный полушубок (не дешевле 15 руб.), штаны простого тонкого сукна, простую новую шапку, жене и матери — по тулупу из простой белой овчины (не дешевле 9 руб.)²¹

Случаи замены рекрута охотником довольно редки, причиной чего являлись, во-первых, значительные расходы на содержание наемника, во-вторых, отсутствие достаточного количества «кандидатов» для найма. Так, за два набора 1863 г. в армию поступило 19 охотников, в 1866 г. — 7, в 1867 г. — 3, в 1868 г. — 12, в 1869 г. — ни одного, в 1871 г. — 3; всего 44 человека за семь рекрутских наборов²².

В 1872 г. частный наем охотников был отменен. Теперь призыва можно было избежать, купив в рекрутском присутствии выкупную от рекрутской повинности квитанцию стоимостью в 800 руб.²³ В отличие от зачетных квитанций выкупные разрешалось приобретать перед каждым рекрутским набором или во время его проведения и представлять к зачету только в этот набор (через три месяца после его окончания выкупная квитанция считалась недействительной); их также нельзя было продавать и передавать.

Высокая цена выкупных квитанций и ограниченные возможности применения не способствовали их широкому распространению среди населения, отбывающего рекрутскую повинность: в 1872 г. в Рыльском присутствии было приобретено четыре таких квитанции (что можно списать на новизну только что введенной меры, под которую не сумели подстроиться податные общества), в 1873 г. — семь (только крестьянами), в 1874 г. — восемь²⁴.

В общем итоге Рыльский уезд, являясь частью аграрной Курской губернии, подавляющую часть рекрутов поставлял с крестьянского населения. Податные общества, отбывающие рекрутскую повинность, имели весьма ограниченные возможности для освобождения от рекрутчины, причем все они были связаны со значительными денежными тратами и поэтому доступны только для небольшой, зажиточной части крестьянских и мещанских семейств, если на них выпадала очередь сдавать рекрута.

Примечания

¹ ПСЗ. Собр. 2. Т. 45. СПб., 1874. Отд-ние 2. № 48 965.

² Там же. Т. 38. СПб., 1866. Отд-ние 1. № 39 799.

³ Там же. Т. 45. Отд-ние 2. № 48 965.

⁴ *Милютин Д. А.* Воспоминания: 1868 — начало 1873 / Под ред. Л. Г. Захаровой. М., 2006. С. 335–336.

⁵ ГАКО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 160. Л. 4.

⁶ Военно-статистический сборник. Вып. 4: Россия. СПб., 1871. С. 32–33.

⁷ ГАКО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 186. Л. 331 об.–332, 417 об.

⁸ ПСЗ. Собр. 2. Т. 40. СПб., 1867. Отд-ние 1. № 42 554.

⁹ Военно-статистический сборник. С. 35.

¹⁰ ГАКО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 190. Л. 12–13, 19.

¹¹ Подсчитано по: ГАКО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 124. Л. 8; Д. 136. Л. 2; Д. 160. Л. 7.

¹² Военно-статистический сборник. С. 24–31.

¹³ ПСЗ. Собр. 2. Т. 6. СПб., 1840. Отд-ние 1. № 1303.

¹⁴ Там же. Т. 36. СПб., 1863. Отд-ние 1. № 36 657.

¹⁵ Там же. № 36 658.

¹⁶ Там же. Т. 37. СПб., 1865. Отд-ние 2. № 38 622.

¹⁷ Там же. Т. 38. СПб., 1866. Отд-ние 1. № 39 799.

¹⁸ Там же. № 39 295.

¹⁹ ГАКО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 140. Л. 3 об.

²⁰ Там же. Д. 144. Л. 3 об.

²¹ Там же. Д. 149. Л. 3–4.

²² Подсчитано по: Там же. Д. 105. Л. 33–182; Д. 109. Л. 109–454; Д. 119. Л. 1–31 об.; Д. 124. Л. 14–15; Д. 136. Л. 2; Д. 160. Л. 6–7; Д. 170. Л. 121–164.

²³ ПСЗ. Собр. 2. Т. 46. СПб., 1874. Отд-ние 2. № 50 112.

²⁴ Подсчитано по: ГАКО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 177. Л. 160 об.; Д. 186. Л. 83–735; Д. 187. Л. 1–69; Д. 196. Л. 7–40 об.

Е. Н. Самойлова

РЫЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО ОХОТНИКОВ КОНСКОГО БЕГА

22 сентября 1878 г. в Главное управление государственного коннозаводства было направлено представление на утверждение проекта устава Рыльского общества охотников конского бега¹. 19 июля 1879 г. после его утверждения в Рыльске организовали общество, состоящее из коннозаводчиков

и любителей лошадей². Общество находилось в ведении Управления государственного коннозаводства. Главной его задачей являлось «поощрение и улучшение коннозаводства через испытания и награду резвости и силы лошадей, предоставление удобного и безопасного использования желающими ипподрома и возможность состязаться на заклады и подписки»³.

Неизменным президентом общества был курский губернатор. Всеми же делами ведал вице-президент, которого избирали общим собранием общества на 3 года. Он следил за устройством ипподрома и распоряжался постройкой и содержанием строений на его территории. Кроме этого, вице-президент устанавливал ценность назначаемых денежных призов и наблюдал, чтобы испытания производились в назначенный час.

Ближайшим помощником вице-президента являлся казначей. Он хранил кассу и наблюдал за своевременным поступлением в нее средств. Его обязанностью было также ведение точных записей о приходе и расходе денег. Эти записи 1 сентября представлялась вице-президенту. Отчет о доходах и расходах общества печатался в известиях Рыльского бегового общества. Казначей, избираемый обществом на 6 лет, отвечал за сохранность денег и в случае их растраты нес ответственность перед законом.

Стать членом общества могли все желающие, заплатив взнос в 15 руб. Размер ежегодного взноса составлял 10 руб. Деньги поступали казначею с 1 сентября истекающего года по 1 января наступающего года. Каждый член имел право предложить обществу все, что считал нужным и полезным.

Все дела в обществе решались голосованием на общем собрании большинством голосов. Президент или вице-президент председательствовали в собраниях и в случае равенства голосов имели решающее мнение.

Дисциплина среди участников общества была строгой. Человек, позволивший себе в собрании, в галереях или на ипподромах затеять ссору, допустить обидные выражения, грубые и неприличные поступки, подвергался исключению из общества без возврата внесенных им денег и лишался права записывать лошадей на призы, подписки, заклады и поездки на беговых ипподромах.

Конные испытания проходили два раза в год — зимой и летом. Летом участники соревновались в четырехколесных дрожках или в американке, а зимой — в беговых санях с наездником. Вес для жеребцов и кобыл в любое время года назначался одинаковым: для четырехлетних — 6 пудов 10 фунтов, пятилетних — 7 пудов, шестилетних и старше — 9 пудов. Допускался и больший вес по желанию владельца.

Перед бегами производился осмотр лошадей. Назначаемая в бега лошадь должна была иметь свидетельство о возрасте. Для определения возраста ежегодно избирались трое судей из действительных членов общества, причем избранный в судьи не мог свидетельствовать свою лошадь. Освидетельствование возраста производилось каждый год в мае и июне месяце в заранее назначен-

ные дни. Во время летних бегов назначались дни для экстренного определения возраста. Лошади без свидетельства возраста допускались к записке на зимние призы по особому освидетельствованию судей, но оно не принималось в расчет при розыгрыше летних призов.

Желающие освидетельствовать возраст своих лошадей доставляли накануне секретарю записку, в которой обозначались пол, шерсть, приметы, завод и порода лошадей. После освидетельствования судьями секретарь записывал возраст лошади в специальную книгу (возраст лошадей считался с 1 января). Свидетельства из других обществ не принимались (за исключением Московского и Петербургского).

На призы допускались лошади всех возрастов, но не моложе четырех лет, причем, четырехлеткам назначались бега в 2 и 3 версты. Для испытания на летние призы избирали девять судей: двух для выпуска лошадей в бег, а остальных для наблюдения за сбоями; на зимние призы избирали шесть судей. Избранным судьям вице-президент давал жребий, где кому находиться, и билеты отличительного цвета как знаки на время исполнения их обязанностей.

Перед началом бегов желающие принять в них участие регистрировали своих лошадей и оплачивали взнос в размере 5 руб. (с лошади члена общества) или 10 руб. (с постороннего «охотника»). Число записываемых и бегущих лошадей от одного владельца не ограничивалось. Со всех сумм, составлявших призы и подписки, 10 % отчислялось в пользу общества.

Члены общества и посторонние могли выставлять от себя призы на условиях, которые согласовывались с уставом и не противоречили выгодам общества. При этом призы менее 25 руб. не принимались. Желающие выставить приз заявляли об этом вице-президенту за два месяца. Но были и исключения, когда непосредственно во время бегов принимались решения об учреждении новых призов.

При записи лошадей на подписки и заклады в кассу общества вносилось по 2 руб. с лошади, с каждой пары и тройки — по 4 руб. Нельзя было совершать заклад менее 10 руб. Никакой заклад не мог состояться без внесения его в книгу. Лошади лиц, нарушивших это правило, не допускались на ипподром в течение года.

Беговой ипподром в Рыльске находился на специально отведенном месте, около дамбы, идущей от города через Сейм⁴. Он был овальной формы, с заворотами (диаметр 24 сажени)⁵. Вместо двух беговых дорожек ипподром имел только одну. Его длина составляла, как и в Курске, 1 версту. В Рыльске устраивался также и зимний ипподром.

На этих ипподромах почетные и действительные члены общества имели право проезжать своих лошадей в любое время. Посторонние лица за право поездки своих лошадей вносили в кассу по 5 руб. в год с лошади и пользовались поездкой на ипподромах с 3 часов дня и до вечера, при этом им выдавался специальный билет для поездки.

Во время бегов никто не должен был находиться в судейских отделениях галерей, кроме президента, вице-президента, старшего члена общества, казначея и секретаря. Почетные и действительные члены, предъявив у входа свой годовой билет, имели свободный доступ во все галереи в день бега на призы.

Наездники беспрекословно слушались судей и немедленно исполняли их требования. В дни бегов они обязательно предъявляли при входе особые, выдаваемые только им билеты. Передавать его другому лицу строго запрещалось. Во время соревнований наездники должны были находиться в трезвом виде, если же они замечались пьяными, то на них налагалось взыскание. За первое нарушение полагался штраф в 5–10 руб., во второй раз наездника не допускали на ипподромы в течение года, в третий же раз имя нарушителя вывешивалось в галереях и печаталось в журнале, после чего он уже никогда больше не допускался к соревнованиям. Наездник, заслуживший внимание общества искусной ездой и хорошим поведением, получал похвальный лист.

Существовали определенные правила проведения бегов. Например, лошади должны были бежать по ипподрому в таком направлении, чтобы наездник, проезжая мимо судейской беседки по ближайшей к ней дорожке, располагался к судьям правой стороной.

Наездники должны были избегать крика, неуместного стегания своей лошади и всяких беспорядков. Кроме этого, запрещалось иметь в вожжах шпильки, гвозди и другие «принудительные средства». При состязании на призы, где назначался вес, наездники обязывались по окончании бега подъехать к весам. Если вес оказывался легче заявленного, то лошадь такого наездника лишалась права идти на перебежку и получать приз.

Как же происходили испытания на рыльском ипподроме? Давайте посмотрим на это глазами современника: «Итак, вы находитесь среди остальных желающих в беседке. За полчаса до испытания вице-президент дал сигнал колокольчиком, предупредив о скором начале. Судьи повторяли участвующих лошадей, взвешивали ездовых и разъяснили их обязанности. Вот бросили жребий. Уже известно кому, с кем и по какой дороге ехать. Прозвучал второй сигнал (через 20 минут), на ипподром выехали участники. Стали на свои места. Все в ожидании последнего, решающего звонка, по которому пускали лошадей. Сигнал прозвучал. Началось соревнование. Но и на этот раз не произошло без замешательств, из-за которых вернули лошадей и осуществили новый забег»⁶.

Во время соревнований побеждала та лошадь, которая пришла хотя бы головою раньше других к выигрышному столбу. Быстрота определялась по хронографу. Существовали установленные нормы прохождения дистанций, составлявшие для беговых лошадей 2 минуты 15 секунд, а для городских одиночек — не более 3 минут на каждую версту. В заезде участвовало не более

двух лошадей. Иногда после бега невозможно было определить результат, и тогда назначались перебежки (через 30 минут) для установления истины.

Бывали на рыльском ипподроме испытания, когда розыгрыш приза состоял из нескольких заездов. В этом случае первой лошадей считалась та, которая завершила дистанцию в кратчайший срок по секундам.

Интересно было наблюдать за троичными бегами, которые также проводились в Рыльске. Участвовать в них могли все желающие. Надо было лишь указать породу или сорт лошади. Зимой тройки закладывались в произвольные экипажи, а летом — в четырехколесные. Кроме кучера, в экипаже находился пассажир. Разрешалось понуждать лошадей. Но если тройка или пара теряла лошадь, то она сразу считалась проигравшей испытание.

На зимних соревнованиях, если стоял сильный мороз или метель, а на летних шел сильный дождь, бега отменялись или переносились на другой день.

К 1903 г. в Рыльске уже не было общественного ипподрома, на котором можно было испытывать резвость лошадей. Поэтому лошадей с заводов приходилось отправлять на столичные бега. Но часто оказывалось, что эти лошади совершенно не подходили для этих ипподромов, отчего происходили убытки. Поэтому в мае 1903 г. в Главное управление государственного коннозаводства поступило прошение из Рыльска: «Мы, коннозаводчики и любители рысистого спорта, имеем честь просить разрешить нам основать в г. Рыльске беговое общество рысистого бега»⁷. Теперь в поддержку ипподромного дела выступали только любители рысаков.

В качестве основной причины для организации общества указывалось большое количество рысистых конных заводов в Рыльском уезде (всего их насчитывалось десять). Наибольшей известностью пользовались заводы К. С. Терещенко, Н. А. Щекина, Г. Г. Кузнецова. Коннозаводчики настаивали на создании ипподрома для испытаний местных рысаков. Эта мера, по их мнению, способствовала бы не только улучшению и развитию местной породы, но и позволила бы использовать ипподром как испытательную станцию.

Многие коннозаводчики возлагали на ипподром надежду при продаже своих лошадей. Ввиду отсутствия местных покупателей приходилось водить лошадей на ярмарки в Москву, Киев и другие города. Это являлось весьма проблематичным и невыгодным делом: продать лошадь удавалось не всегда и приходилось уводить ее обратно.

Отправляя прошение об устройстве ипподрома и беговой беседки, коннозаводчики не просили финансовой поддержки, так как они заранее собрали между собой необходимый капитал. Г. Г. Кузнецов обязался в случае создания ипподрома дать 1000 руб. на розыгрыш своего именного приза. Таким образом, дружное содействие всех местных коннозаводчиков гарантировало процветание бегового общества.

1 июля 1903 г. состоялось первое учредительное заседание общества. На нем присутствовало 42 человека (10 лиц из учредителей и 32 желающих быть членами-соревнователями). Первоначально учредителями общества поощрения рысистого коннозаводства в Рыльске являлись 15 человек, в основном лица дворянского происхождения⁸. На заседании были проведены выборы должностных лиц. Президентом общества назначался курский губернатор, а вице-президентом был избран Григорий Григорьевич Кузнецов.

Кроме этого, решено было 16 сентября 1903 г. провести бега и разыграть приз общества в честь великого князя Дмитрия Константиновича в размере 700 руб. для кобыл и жеребцов любого возраста. При этом победившая лошадь получала 475 руб., вторая — 175 руб. и третья — 50 руб. Дистанцию на этот приз определили в 1,5 версты⁹.

Таким образом, изучение деятельности рыльских обществ любителей конского бега дает основание утверждать, что уровень развития конного спорта в уездных городах был не ниже, чем в губернских. Конечно, разница между ними существовала, прежде всего в размере финансирования и в количестве участников. Это не подвергается сомнению. Главное, что конные испытания имели успех и в уездных городах, причем не разовый, а постоянный.

П р и м е ч а н и я

¹ РГИА. Ф. 412. Оп. 4. Д. 1035. Л. 1.

² Там же. Л. 33.

³ Здесь и далее см.: Устав Рыльского общества охотников конского бега. Курск, 1879. С. 3.

⁴ РГИА. Ф. 412. Оп. 4. Д. 1035. Л. 15 об.

⁵ Там же. Л. 16.

⁶ ГАКО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 2. Л. 264.

⁷ РГИА. Ф. 412. Оп. 4. Д. 4737. Л. 1.

⁸ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7203. Л. 10.

⁹ РГИА. Ф. 412. Оп. 4. Д. 4737. Л. 17.

Т. С. Зайцева

ОБУЧЕНИЕ ДОЧЕРЕЙ РЫЛЬСКОГО ДУХОВЕНСТВА В КУРСКОМ ЕПАРХИАЛЬНОМ УЧИЛИЩЕ В 1869–1917 гг.

В 1860-е гг. в Курской губернии остро встал вопрос об обучении дочерей православного духовенства в специальном учебном заведении, дающим неполное среднее образование (сыновья священноцерковнослужителей учились в духовных училищах и духовной семинарии).

Наиболее точные сведения о численности православного духовенства на территории губернии были собраны в 1897 г.: почти 14 тыс. человек, включая 7,5 тыс. женщин, из которых 1,7 тыс. (22 %) имели возраст от 8 до 18 лет. В Рыльском уезде насчитывалось 717 представителей духовенства с 360 женщинами и 80 дочерьми учебного возраста (по городу Рыльску соответственно 157, 70 и 15, в селах уезда — 570, 290 и 64)¹.

Основой женской школы стало Курское училище девиц духовного звания, преобразование которого осуществлялось с 1866 по 1873 г. (с 1869 г. — Курское епархиальное женское училище, первоначально трехклассное). Финансировалось оно духовенством, которому удалось расширить в 1890 г. заведение до пяти классов и увеличить число его воспитанниц до 160. Позже училище стало шестиклассным, а впоследствии и семиклассным². В 1909 г. на средства земства был открыт 7-й «дополнительный педагогический класс» для подготовки учительниц в начальные учебные заведения Курщины.

К 1908 г. количество епархиалок увеличилось втрое — до 362. Из-за наплыва девочек 7-й класс увеличили до двух параллелей, а в сентябре 1913 г. состоялось открытие 8-го класса — второго «дополнительного педагогического» для «школ повышенного типа» с приемом туда 23 девушек. К лету того же года два 7-х класса закончили 54 выпускницы. На 1915 г. общее число воспитанниц училища достигло 589³.

Представление о том, как проходило обучение одной из рылянок в указанном учебном заведении, дают сведения о Дарье Ветохиной, дочери умершего священника с. Чупахино Рыльского уезда. По просьбе ее матери, живущей на пенсию, полученную за супруга, у иногородних родственников было принято за обучение 30 руб. на год⁴. Об успешности обучения девушки свидетельствует ее «аттестат»:

«Обладательница сего, воспитанница Курского епархиального женского училища Ветохина Дарья, поступила в 1907 году, совершив полный курс в оном училище, при способностях очень хороших, прилежании очень хорошем и поведении отличном на окончательных испытаниях бывших в июне месяце сего 1915-го года.

- 1) В Законе Божьем — 3 (удовлетворительно)
- 2) Педагогика — 4 (хорошо)
- 3) Русский язык — 3 (удовлетворительно)
- 4) Словестность — 3 (удовлетворительно)
- 5) Арифметика — 4 (хорошо)
- 6) Гражданской и всеобщей Русской истории — 4 (хорошо)
- 7) Физике — 4 (хорошо)
- 8) Геометрии — 4 (хорошо)

Сверх того, она, воспитанница Ветохина Дарья, в продолжении училищного курса обучалась церковному пению, музыке, рукоделию, домашнему хозяйству и занималась практической дидактикой»⁵.

Основные задачи учебно-воспитательной работы в училище определялись внутренним уставом и предписаниями учебного комитета Синода, Курской духовной консистории и архиепископа Курского и Обоянского. Все вопросы учебно-воспитательной работы решались советом училища, в состав которого входили: председатель совета, начальница училища, инспектор классов, члены совета от духовенства (священники и протоиереи), старшая воспитательница, 10 воспитательниц и 10 помощниц воспитательниц, почетный блюститель по хозяйственной части, земский начальник, делопроизводитель, врач и фельдшер. Причем «преподавательский персонал был с высшим образованием», а начальница О. Н. Клопотова являлась выпускницей Смольного института в Петербурге.

Учебный план являлся сокращенным вариантом плана женской гимназии с шестилетним обучением. В училище изучались такие предметы, как: закон божий, гражданская история, география, химия, гигиена, арифметика, физика, русский, славянский и французский языки, словесность, литература, скрипичная игра, рисование, рукоделие, гимнастика и др.⁶

Наиболее нуждающиеся девушки проживали в приучилищном интернате со «спальнями, кухней, столовой», остальные — на квартирах у домовладельцев и родственников. В столовой питались также приходящие воспитанницы, которые вместе с интернатскими епархиалками подлежали регулярному медицинскому контролю⁷.

Училищное обучение и внеурочное воспитание велось «строго в русском православном духе, прививая будущим матерям-воспитательницам и учительницам лучшее семейные и гражданские принципы и воспитывая их в духе любви и преданности вере, царю и отечеству».

Земская комиссия, побывав в 1913 г. на занятиях, отметила, что воспитанницы передают свои мысли свободным слогом, нисколько не теряясь, что являлось заслугой их квалифицированных преподавателей. Инспектор классов посещал уроки, контролировал успеваемость воспитанниц по классным журналам, просматривал письменные работы, через каждые два месяца представлял в Совет училища ведомость об успеваемости девушек. При этом выяснялись причины неуспеваемости и принимались меры к их исправлению⁹.

Старшее звено училища (учащиеся 7-го и 8-го классов) фактически выступало особой педагогической школой с теоретическим преподаванием и регулярной педагогической практикой (пробными уроками) в низших церковных училищах Курска¹⁰.

Обучение дочерей духовенства оказалось настолько востребованным, что с 1908 г. начало работу Белгородское епархиальное женское училище, где уже в 1915 г. состояло 285 девушек из южной части Курской губернии¹¹.

После окончания учебы большинство курских епархиалок, включая уроженок Рыльска и его уезда, связывали свое будущее с замужеством со священниками. Однако многие, особенно из педагогических классов, учительствовали в сельских начальных школах Курской губернии¹².

Примечания

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Вып. 20: Курская губ. С. 176, 180–181.

² ГАКО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 23. Л. 45; Д. 26. Л. 18; Д. 29. Л. 5.

³ Обзор Курской губернии за 1907 год. Курск, 1908. С. LXXVI–LXXVII; Обзор Курской губернии за 1915 год. Курск, 1916. С. LXX–LXXI; Журнал заседаний 49-го очередного Курского губернского земского собрания. Курск, 1914. С. 574.

⁴ ГАКО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 123. Л. 341.

⁵ Там же. Д. 10. Л. 33.

⁶ Там же. Д. 4. Л. 1-а-2; Журнал... С. 241.

⁷ Журнал... С. 240, 242.

⁸ Там же... С. 241.

⁹ Там же. С. 241–242.

¹⁰ Там же... С. 575.

¹¹ Обзор Курской губернии за 1907 год. С. LXXII; Обзор Курской губернии за 1915 год. С. LXXVIII.

¹² Текущая школьная статистика Курских губернских курсов. Год пятый. Курск, 1901. С. 69, 104.

Р. И. Сюрин

ХРАМЫ РЫЛЬСКА

Маленькой частицей нашего Отечества является Рыльск — один из древнейших городов России. Смотрится он светло и празднично, хотя несет на себе все раны минувших веков: войны и пожары, голод и революции, разрушения и реформы, утраты и обретения, падения и взлеты.

Здесь нет столичного высокомерия, но нет и провинциальной заземленности. Есть достоинство древней земли, которое напоминает нам о героическом прошлом, об идеалах святых и патриотичных. От таких городов тянутся родники, подпитывающие великую реку исторической памяти русского человека.

Рыльск хранит в себе священную древность и опыт незапамятных времен. Как прекрасны его тихие улочки, наполненные добротой и радушием. Кажется, сама природа приложила руку к созданию его великолепных произведений искусства.

Город украшают многочисленные памятники истории и архитектуры, навевающие ощущение старины: дом, в котором в 1747 г. родился великий русский купец-мореплаватель Григорий Иванович Шелехов, покоривший берега Аляски; здание, в котором в 1709 г. останавливался Петр I; дом знаменитого воеводы Шемяки; Успенский и Покровский соборы; Николаевский монастырь, основанный еще в 1505 г.; церковь Вознесения и многие другие.

Город-заповедник... Так говорят о древнем Рыльске. Его многочисленные храмы, монастыри, прекрасный краеведческий музей, о котором знают в Европе, никого не могут оставить равнодушными...

С принятием Русью христианства Рыльск занял достойное место среди духовных центров, несших православную культуру кочевникам на восточных рубежах Древнерусского государства.

В Рыльске была сооружена церковь Иоанна Рыльского в честь болгарского святого, Ивана Рыльского, это произошло в XVI веке. О том, что рыляне почитали преподобного Иоанна Рыльского с древних времен, подтверждают два предания: одно, относящееся к 1240 г., когда Иван Рыльский спас город от Батыева погрома, другое относится к 1502 г., когда покровитель нашего города святой Иоанн Рыльский защитил Рыльск и снял осаду ногайских татар при князе Василии Шемяке (1485–1523 гг.). Следовательно, храм во имя болгарского святого существовал все эти столетия, не раз страдая от разорений, пожаров, но вновь отстраивался и служил рылянам, придавая им духовную силу в преодолении жизненных невзгод.

В 1772 г. во имя того же святого была построена новая каменная церковь с каменной же колокольной. По всей вероятности, деревянная церковь-предшественница сгорела, так как Рыльск дважды уничтожался пожаром во время польского нашествия.

Особую страницу в истории Российского государства занимает Василий Шемяка. «Муж славный, зело храбрый, искусный в богатырских вещах и пагубе басурманов», так характеризовал его князь Курбский. Так же лестно отзывается о нем Н. М. Карамзин: «Князь Василий Иванович Шемяка отличался доблестью воинскою, был ужасом Крыма, ненавистником Литвы и верным стражем южной России».

Рыльские князья до конца дней своих были верны православной вере и содержали в порядке старые храмы, отстраивали обветшалые и возводили новые. Так, Василий Шемяка в ознаменование позорного отступления татар от Руси, в частности Рыльска, приказал за рекой Сейм в бору (сегодняшнее Боровское) соорудить церковь из дуба на врубках и нагелях. В течение трех дней церковь была построена. Осветили ее во имя Успения Пресвятой Богородицы. Она служила людям более четырех веков и вместе с соседними домами была сожжена фашистами при отступлении в 1943 г. Рыльск при князе Василии Шемяке был деревянным, поэтому постройки часто уничтожались пожарами. Необ-

ходимо помнить, что многие русские храмы до XVIII в. были крепостями, не раз успешно отражавшими нападение врагов.

В XVIII–XIX вв. в Рыльске появляются новые — каменные храмы. Как уже отмечалось, вместо ветхой деревянной церкви Иоанна Рыльского в 1772 г. была построена белокаменная церковь с колокольней на горе Ивана Рыльского.

На другой горе, по улице Воскресенской (ныне III Интернационала), красовалась Афанасьевская церковь с высокой колокольней. Недалеко от нее купцом Федором Овчинниковым была построена в 1737 г. Ильинская церковь. До Октябрьской революции священником в ней был Виссарион Курдюмов — отец всемирно известного физика, лауреата Государственной премии, Героя Социалистического труда Г. В. Курдюмова.

По завещанию знаменитого купца, великого мореплавателя и именитого гражданина Рыльска Г. И. Шелихова за счет вклада в Российско-Американскую компанию и прибылей от акций, а также за счет подаяний граждан города была построена многоглавая с золотыми луковками божественная красавица Вознесенская церковь.

Рядом с этим храмом стояла небольшая приземистая зимняя церковь Вознесения Господня, она имела отопление. На одной стороне с Вознесенской церковью купцом Я. Б. Выходцевым была построена двухэтажная каменная Спасо-Преображенская церковь. Сейчас на месте храма находится Дом культуры.

Прекрасным украшением древнего города является Покровская церковь, построенная в 1822 г. Это замечательное здание с многоярусной колокольней возведено на средства купцов Федора и Севастьяна Андронниковых (детей Шелихова). Это единственный храм, который не был разрушен советской властью. Замечательным памятником в городе является кафедральный Успенский собор, построенный в 1811 г. на средства знаменитого рыльского купца Ивана Федотовича фон Филимонова. Он отличается от других церквей своей самой высокой шпилеобразной, устремленной ввысь колокольней. На верхнем ярусе колокольни находились часы с боем.

Самой древней церковью в городе являлась Казанская, которая просуществовала два с половиной столетия. Она была построена в 1679 г. и служила церковью женского Казанского Пречистенского монастыря. Бывший монастырь и Казанская церковь находились в квартале между улицами 25 Октября и Островского (нынешний детский сад № 4). В северной части города в 1817 г. на средства Николая Михайловича Почепцова была построена Николаевская церковь. По архитектуре она напоминала Покровскую, только была меньше ее по размерам. Храм был окрашен известью в белый цвет.

В 1849 г. в Рыльске появился новый великолепный храм — Христорожественская церковь с приделом Иоанна Богослова. Она была построена почетным потомственным гражданином Рыльска Павлином Ивановичем Аристарховым.

В 1737 г. в Рыльске была построена единоверческая церковь, она называлась Покровской, а затем Благословенной. От других церквей она отличалась многоглавостью, круглыми куполами и луковками. В 1910 г. рядом с ней началось строительство новой Благословенной кирпичной церкви. До 1917 г. она была построена, но не благоустроена, однако в ней совершались службы. В советское время многоглавую красавицу разобрали. Сейчас рядом с педучилищем осталась недостроенная колокольня. Об единоверческой церкви протоиерей Бокадоров писал: «Во все время своего существования она сослужила службу для прославления г. Рыльска и его уделов, объединив в себе все толки местного раскола». На Базарной площади, напротив бывшего дома КБО, находилась церковь Николая Чудотворца.

Кроме приходских церквей, были в городе и домовые церкви: Кирилла и Мефодия (при духовном училище и семинарии), Всех Скорбящих Радости (при больнице), Милующей Божией Матери (при тюремном дворе, сейчас здесь завод «Глобус»).

Наш город украшает ансамбль церквей Рыльского Николаевского монастыря. По одним источникам, он упоминается в 1505 г., по другим — с 1614 г. До начала XVIII в. церкви в монастыре были деревянными, поэтому не раз страдали от пожаров. Первая каменная церковь во имя святого Николая была построена на средства Ивана Прокофьевича Шелехова. Строительство было начато в 1733 г. и закончено только через 20 лет. Церковь была переименована в Воздвиженскую. В это же время игуменом Лукашевым и на средства его сестры Анны были построены две великолепные кирпичные церкви — Николаевская и Троицкая. Каждая церковь имеет свою особенность, свою архитектуру, свой неповторимый вид.

Кроме величественных церквей с колокольнями, наш город украшали часовенки, или, как их называли рыляне, «комплички». Одна из них сохранилась на Базарной площади. Построена она была на средства Рыльского мещанского общества в память спасения императора Александра III и его семьи при катастрофе на железной дороге в 1888 г.

Были в Рыльске две старообрядческие церкви-молельни, но они находились в простых домах. В 1913 г. был разработан и утвержден проект на строительство старообрядческой церкви, но он не был осуществлен.

До революции в Рыльске жили семьи евреев, у них была своя еврейская церковь — синагога, свое кладбище, но не осталось ничего, все было уничтожено в советское время.

С первых дней революции началось унижение духовенства, купцов, интеллигенции. Старожилы рассказывали, что в Успенском соборе во время службы большевики-богоборцы пытались сорвать иконы с иконостаса. Прихожане их выпроводили вон, но на второй день они все же сорвали крест с малого

купола. Такое творилось по всем городам и селам России. В Рыльске было 17 церквей, и все они пострадали в советский период, только лишь одна Покровская церковь не была разрушена.

Церкви и монастыри обладали значительными богатствами: древними книгами, старинными документами, высокохудожественными памятниками живописи и декоративно-прикладного искусства. Все это изымалось из храмов и уничтожалось. В годы богоборчества выходили специальные постановления о снятии колоколов со всех храмов и запрещении колокольного звона в действующих церквях. Такая участь не миновала и рыльские храмы. Стерты многие страницы истории города и его церквей, не сохранилось ни одного некрополя возле разоренных и оставшихся храмов, а ведь на церковной территории хоронили людей достойных — «благочестивых строителей церквей, не жалевших своих сил и средств на строение храмов, на их украшение...». В Рыльске за годы советской власти были разрушены и снесены 15 храмов, две часовни, старые кладбища. Разрушения Церкви продолжались вплоть до 90-х гг. XX столетия. И лишь в 1990-е гг. началось духовное возрождение России.

«Гордиться славой своих предков не только можно, но и должно», — так писал великий русский поэт А. С. Пушкин. Эти строки вновь и вновь напоминают нам о том, чтобы мы не страдали исторической забывчивостью. Они убеждают нас в необходимости знания истории своего края, своей малой родины. Необходимо помнить, что именно из малых провинций складывается и состоит Великая Россия. Малые города, села и деревни нашей Родины являются главным корнем, без которого не может жить и развиваться могучее дерево — государство, наша Россия.

Л и т е р а т у р а

Просецкий В. А. Рыльск. 3-е изд., перераб. Воронеж, 1977.

Чалых Н. Н. Рыльск: История древнейшего города Руси. Изд. 2-е, доп. и перераб. Рыльск, 2002.

Чалых Н. Н. Рыльский Свято-Николаевский мужской монастырь. Курск, 2001.

А. А. Харин, В. А. Хороших

РЫЛЬСКИЙ УСПЕНСКИЙ КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР И ЕГО 200-ЛЕТНЯЯ ИСТОРИЯ

К 1518 г. относится строительство церкви Успения Пресвятой Богородицы, сооруженной по указу великого князя Василия III в честь победы рыльского князя Василия Ивановича Шемяки (троюродного брата царя, ведущих свой род от сыновей Дмитрия Донского).

В 1797 г. рыльским купцом и австрийским дворянином Иваном Федотовичем фон Филимоновым в Рыльске на месте обветшавшей церкви заложен каменный трехпрестольный храм. По архитектуре это был одноглавый, крестовокупольный, с хорами и многоярусной колокольной храм, сохранившийся до настоящего времени. Ротонда храма поддерживается четырьмя пилонами с подпружными арками. В западной ветви креста храма находятся хоры, на которые ведет отреставрированная внутривенная лестница. Ротонда перекрыта куполом. Остальное пространство храма перекрыто коробовыми сводами с распалубками. Ярусы колокольни перекрыты сводами. Южный и северный фасады украшены четырехколонным портиком с фронтоном. Восточный фасад украшен четырьмя трехчетвертными колоннами. Окна ротонды храма имеют арочные завершения. Ярусы колокольни украшены полуколоннами, над которыми расположены фронты. Колокольня завершается высоким шпилем. В интерьере храма сохранились остатки первоначального убранства. Выше уровня паруса четверика проходит тянутый карниз с богатыми лепными деталями. Сохранились позолоченные капители колонн. Живопись начала XIX в. дошла в виде небольших фрагментов. В сводах перекрытий храма сохранились голосники. Храм сложен из кирпича 29×14×7 см. Основные габариты здания — высота колокольни 45×32 м.

12 декабря 1811 г. были освящены все престолы собора: главный — Успения Пресвятой Богородицы, северный — Святителя Василия Великого и южный — Иоанна Предтечи.

30 июня 1840 г. Указом Св. Синода Успенская церковь в Рыльске обращена в соборную.

С 1877 по 1917 г. в притче состояло семь священнослужителей и один сверхштатный дьячок. Успенский приход насчитывал 1802 прихожанина из 11 деревень и 2 хуторов, имел в собственности около 400 десятин полевых и сенокосных угодий, при нем числилось пять церковно-приходских школ.

15 мая 1919 г. горожане приняли по акту от Рыльского Совета рабочих и крестьянских депутатов в бесспорное бесплатное пользование храм с богослужебными предметами.

В 1936 г. в связи с закрытием прихода Успенский собор был передан войсковой части.

В 1960 г. Постановлением Совета Министров РСФСР № 1327 от 30 августа Успенский кафедральный собор передан под государственную охрану, ему присвоен статус памятника архитектуры республиканского значения. Затем здание собора передано на баланс Рыльскому училищу спецслужб Гражданской авиации для организации музея.

В 1985 г. Министерство культуры РСФСР организовало реставрационные работы, на соборе были установлены леса, был выполнен ремонт главок и крестов.

В 1999 г. возобновлена деятельность прихода, начаты ремонтные работы в храме.

В 2002 г. освящен северный придел в честь Василия Великого, начато проведение регулярных служб.

За первое десятилетие прихожане храма при поддержке Министерства культуры, архиепископа Курского и Рыльского Германа, организаций и граждан выполнили ремонт главок храма и колокольни, частично выполнили штукатурные работы и ремонт пола. Восстанавливаются башенные части с курантами, подобными Кремлевским.

В 2011 г. состоялись торжества, приуроченные к 200-летию собора.

Р. В. Губанов

ЧАСЫ-КУРАНТЫ РЫЛЬСКОГО УСПЕНСКОГО СОБОРА — УНИКАЛЬНОЕ ТВОРЕНИЕ ТУЛЬСКИХ МАСТЕРОВ

Первые башенные часы, появившиеся в России, были установлены в Московском Кремле в 1404 г. Они были изготовлены монахом Афонского монастыря Лазарем Сербиным. Великий князь Василий I, сын Дмитрия Донского, купил это изобретение и повелел установить на башне своего дворца. По его приказу каждый час дежурный звонарь ударял по колоколу молотом.

В период с 1491 по 1585 гг. появились первые часы на Спасской башне Московского Кремля, которые в начале XVII в. были проданы в Ярославль. А для создания новых часов в Москву из Англии был приглашен известный часовщик Христофор Головей. Башенные часы, созданные по его проекту, были установлены в 1624 г. Огромный деревянный циферблат весил более 400 кг и был выкрашен в небесно-голубой цвет. В верхней части циферблата золотой краской были нарисованы Луна и Солнце, а на остальной поверхности размещены жестяные звезды. Нарисованный солнечный луч служил неподвижной часовой стрелкой. И все это великолепие дополнял перезвон 13 колоколов, отлитых специально для этих часов.

Художественно-декорированное оружие и партикулярные вещи тульских мастеров хранятся во многих коллекциях и изучены сравнительно неплохо, но тульские часы и создававшие их часовщики (оружейники и посадские) почти не привлекали внимания.

Изделие тульских часовщиков имеется и в Успенском кафедральном соборе в Рыльске. Точнее — на колокольне при нем. Башенный хронометр изготовлен мастерами Палутиными и установлен в 1816 г.

Удалось по крупицам собрать материал о братьях Алексее и Илье Палутиных. В частности, о них есть материалы в статье И. Н. Юркина «Тульские ча-

сы на костромской соборной колокольне и их создатели». Выяснилось, что рыльские часы сделаны немного ранее теми же мастерами и являются аналогом костромских. К сожалению, костромские часы не сохранились. Цитирую выдержки из статьи И. Н. Юркина: «По договору (1819 г. тульских мещан Алексея и Ильи Сергеевых детей Палутиных с поверенными костромского Успенского собора костромским купцом Лукой Ивановичем Сколозубовым и мещанином Иваном Сахаровым — прим. ред.-сост.) мастера брались изготовить “в своем городе Туле” “боевые колокольные часы с четвертями на восемь колоколов” и “стрелами цифирными наружными... на четыре стороны”. Названы размеры механизма: длина 3 аршина (2,13 м), ширина — “сразмерна препорции”. Указано, что машина должна “часы и четверти отбивать исправно” при заводе всего раз в неделю. Оговорен материал деталей: столбы и гири... — чугунные; перевязи, колеса, молотки и коромысла “к перебору” — железные, гнезда и “бочка четвертная” — медные, шестерни, кулаки, клавиши, “на валах концы” — стальные полированные, валы (для наматывания канатов) — деревянные. Стрелки за особую приплату следовало вызолотить. Материал... предписывалось брать “самой лутшей, ...какой где должно”. Оговорена процедура приемки готовой продукции: “По зделании часов” их надлежало “поверить при свидетельстве посторонними людьми”... Палутины брались за гарантийное обслуживание механизма: в случае повреждений его или нарушения хода они принимали на себя обязательство в течение 3 лет устранять неисправности, причем с обязательным личным выездом на место и за собственный счет — только дорожные расходы оплачивались собором.

За труды мастера должны были получить 4500 руб.: 1000 — в задаток при подписании договора; 1000 — через 4 месяца, еще 1000 — в конце календарного года и остальные 1500 — по завершении работы, на которую отводился год плюс два месяца. Заказчик имел право расторгнуть договор в одностороннем порядке при нарушении его условий исполнителем... или даже появления у него сомнений в успехе предприятия... Деньги, переданные в задаток, собор имел в этом случае право “истребовать... все сполна, хотя бы что употреблено было из них на заготовление материалов”...

Заметим, что изложенный (И. Н. Юркиным — прим. ред.-сост.) документ уточняет, помимо прочего, фамилию мастеров, изготовивших часы. В упомянутой статье они названы Полуниными, в договоре — Палутиными (10 раз) и Полутиными (трижды), то есть третьей согласной во всех 13 случаях была “т”, а не “н”.

И. Н. Юркин утверждает, что «на сегодняшний день мы не располагаем подробными сведениями, характеризующими братьев Полутиных и их деятельность. Укажем лишь на один источник, косвенно характеризующий имущественное положение одного из них на рубеже 18 и 19 вв. В книге домовладельцев I части г. Тулы 1799 г. находим 5 записей, регистрирующих принадлежащую Полутиным недвижимость. В двух случаях написание фамилии в точности сов-

падает с привычным: речь идет о хозяевах владения № 39 на Посольской ул. ... тульском мещанине Алексее Сергееве Палутине ... и № 528 на Старопетровской ул. ... мещанке Катерине Семеновой дочери Палутиной... Еще три владения принадлежат лицам с фамилией, одной буквой отличающейся от интересующей нас: это две лавки в 5-м лавочном корпусе под общим № 747 на Хлебной площади... мещанина Алексея Сергеева сына Палукина... и владение № 1167 на Морозовской ул. ... мещанки Елены Федоровой Палукиной...

Совпадение сословной принадлежности, имен, отчеств, сходство фамилий хозяина лавок и владельца дворового места за № 39 позволяют предположить, что речь идет об одном лице. К сожалению, в этом случае приходится проститься с надеждой окончательно определиться с грамматической формой фамилии наших часовщиков...».

«Отметим, наконец, — продолжает И. Н. Юркин, — что с помощью указанной книги можно точно указать место, где стоял дом А. С. Палутина: на бывшей Посольской, современной Советской ул., недалеко от выхода на нее бывшей Покровской, нынешнего Черниковского пер., приблизительно на месте существующего дома № 5. Конечно, нельзя быть уверенным, что дом на участке 39 был единственным принадлежавшим Палутину в Туле (нами (И. Н. Юркиным — *прим. ред.-сост.*), просмотрены книги только одной городской части из 4 существовавших), но учитывая скорее всего достаточно средний достаток владельца в конце 18 в., это кажется вполне вероятным. Если этот дом остался в его владении до конца 10-х гг. следующего, 19 столетия, то вполне вероятно, что именно здесь находилась мастерская, где были изготовлены часы для Костромского собора».

И. Н. Юркин спрашивает: «Весьма интересно было бы узнать, какая судьба постигла эти часы после разборки соборной колокольни в 1933 г.»? К счастью, в Рыльске сохранилась колокольня с остатками башенных часов братьев Палутиных.

По моему глубочайшему убеждению, мы имеем уникальный артефакт, произведенный тульскими часовыми мастерами. До сих пор ведутся споры по поводу написания их фамилий, места жительства и проч. Сам факт выявления их настоящей фамилии, установленный в ходе реставрации, говорит о том, что это единственные сохранившиеся часы производства братьев Палутиных. Часы начали отливаться в 1809 г. (свидетельства клейм и именников). Закончены и установлены на колокольню в 1816 г., о чем свидетельствует надпись. Все колеса, узлы кованые с фрезерной и токарной обработкой, говорящей о высокой оснащенности мастерской братьев. Мы можем догадаться, что она имела приспособления для литья стали и чугуна, кузнечное, фрезерное и токарное оборудование. Причем, по сравнению с голландскими механизмами, которые преобладали в то время в башенных часах, тульские не уступали им по надежности и качеству.

Полагаю, что только богатый город с развитой промышленностью, торговлей и великой Верой мог позволить себе башенные часы.

Предположительно, часы в Рыльске были остановлены после революции 1917 г. и впоследствии разрушены.

Благодаря трудам идейной вдохновительницы проекта архитектора Е.В. Холодовой и священника собора отца Александра часы решили восстановить. Реставрация началась 18 мая 2010 г. и продолжается по сей день.

Реставрация механизма производится в 5 этапов:

- 1) очистка окалины, ржавчины, атмосферных и климатических повреждений;
- 2) наплав, исправление сохранившихся деталей и рабочих поверхностей;
- 3) консервирование сохранившихся деталей;
- 4) расчет, изготовление недостающих частей, деталей, узлов механизма;
- 5) регулировка добротности работы механизма впоследствии.

Сам механизм представляет собой совокупность трех механизмов в одном. Это: 1) ход часов; 2) бой часов; 3) перебор (колокольный перезвон). В целом это единый механический организм, во главе которого находится ход, который системой рычагов проводит в движение остальные механизмы.

При восстановлении часов пришлось столкнуться со многими трудностями. Лабораторные исследования металла показали, что такие марки стали уже не выпускаются современной промышленностью и при установке новых деталей будет повышенный износ старых. Выход из положения нашелся. Термическим путем новодельные колеса отпускались до состояния, приближенного к старым. Много времени заняла перенастройка заводского оборудования для изготовления недостающих узлов и элементов. Изготавливались специальные инструменты и приспособления. Так, для изготовления одного вексельного колеса на 72 зуба понадобился месяц. Сложности встречаются в расчетах, в частности весов гирь, плеча и веса линзы маятника. Все приходится вычислять эмпирическим путем. Соответственно и количество зубьев на ангренажных колесах может меняться. Во всех отношениях проводится очень кропотливая и скрупулезная работа. Достаточно сказать, что зачистка рабочих поверхностей мостов и рамы производилась стоматологическими борами, с последующим наплавом, обработкой, шлифовкой, грунтовкой, покраской и полировкой.

В механизме Палутиных все соединения были резьбовыми и заклепочными. Мне также пришлось воспользоваться дедовскими методами, дабы сохранить оригинальность часов. Восстановлены все надписи и именные клейма («1816 г.», «Алексей», «Илья», «Палутины», «Тула»). Теперь мы знаем правильное написание фамилии тульских часовщиков. При проведении реставрации к реставратору предъявляются повышенные требования к точности хода часов. Ведь раньше у людей не было точных приборов, отслеживающих ход времени.

В приведенных выше документах указано, что четвертная бочка для перебора медная, а у нас она деревянная, следовательно, часы можно отнести к ранним творениям братьев. В 1820 г. они уже устанавливали на свои механизмы более надежные узлы. Деревянные элементы барабанов изготовлены из того же дерева, что и в оригинале — из сосны. Пришлось воспользоваться современными пропитками и оцинкованным листовым железом, чтобы продлить их существование.

При изготовлении циферблатов мне удалось найти интерьерные часы (поповские еколя) приблизительно тех же годов, что и рыльские, произведенные русскими мастерами. На рыльских циферблатах цифры расположили в соответствии с ними.

Небольшие конструкционные изменения я внес в приводы колес ангренажа, сделал развесовку гирь регулируемой, что дает возможность корректировать точность хода.

По моему мнению, около 70 % восстановительных работ уже произведено, но впереди еще много дел. Работы продолжаются. Мы должны понимать, что, владея уникальным наследием часового искусства, наш долг воссоздать и сохранить его для народа России.

Л и т е р а т у р а

Попова В. Д., Гольдберг Н. Б. Устройство и технология сборки часов. Изд. 5-е, перераб. и доп. М., 1989.

Юркин И. Н. Тульские часы на костромской соборной колокольне и их создатели // Материалы IV Григоровских чтений, 6–8 октября 1994 г. Кострома, 1994. С. 41–45.

Т. Н. Арцыбашева

ЗАГАДКА РЫЛЬСКОГО МОНАСТЫРЯ

Активно восстанавливающийся ныне недалеко от города Рыльска Свято-Николаевский монастырь — явление особое в истории и культуре Курского края. Его полное название — Рыльская Свято-Николаевская Волынская пустынь — соединило имена двух православных обителей, вызывая желание поразмыслить о причинах такого ономастического синтеза, сделать очевидное для автора этих строк заключение о слиянии двух, когда-то отдельно живущих городского и пустынного монастырей и отправиться на поиски примет и обстоятельств их автономного существования.

Легендарная история, как свидетельствует время и исследовательский опыт, отбирает и хранит в своей памяти далеко не случайные имена и поразительно значимые и существенные события. Заключение в преданиях коллектив-

ная память способна пролить свет на далекое и не такое уж давнее прошлое. И в главной легенде заповедного ныне города Рыльска — о принесенной в X в. болгарскими монахами и сокрытой от врага под одноименной горой «длани Иоанна Рыльского», покровительстве и заступничестве этого святого, давшего северянскому поселению свое имя, — больше смысла и логики, чем в наивных рассказах о дикой свинье, «перерывшей» берега пустынной речки Рыло.

Очередную попытку связать город Рыльск с болгарским Рильским монастырем сделал краевед Н. Н. Чалых, приведя в своей книге «Рыльский Свято-Николаевский мужской монастырь. История и современность» (2001 г.) серьезные доводы — свои и ряда уважаемых ученых XIX и XX вв.¹ — в защиту предания, с детства известного любому рылянину. Конечно, теперь только чудо может пролить свет на реальные события более чем тысячелетней давности, однако и разгадка названия города, и загадка двойного имени расположенного недалеко от него монастыря одного корня.

Несмотря на то, что документальное упоминание о Свято-Николаевском монастыре относится к 1505 г., а предание связывает его с правлением Иоанна Грозного, есть основания полагать, что рыльская обитель одна из самых древних в России.

Тому свидетельство — следующие исторические и легендарные факты:

— исследователи церковей города Рыльска конца XIX столетия указывают, что на одной из монастырских икон имелась надпись о том, что она поступила в «новый монастырь» в 1462 г.;

— до Смуты начала XVII столетия Волынской пустыни принадлежали два места в Рыльске: «церковное на посаде в Большом остроге, где стоял храм Живоначальной Троицы и три кельи»², и еще одно (как подворье внутри города) место сخورона для осадного времени, т. е. в детинце, самой древней части города, на горе Иоанна Рыльского;

— кроме легенды об Иоанне Рыльском, среди жителей этих мест также распространена поразительная и мало характерная для русского фольклора легенда об отшельнике.

Таковы основные «источники» следующего ниже умозаключения.

Поскольку город Рыльск с XII в. — город удельного князя, он мог, как это известно о Путивле того времени³, иметь княжеский ктиторийский монастырь в городской черте еще в домонгольские времена. Упомянутая как храм старого рыльского монастыря деревянная церковь Живоначальной⁴ Троицы — достаточно достоверное свидетельство существования монастыря в городском посаде за крепостными стенами, по крайней мере, до середины XV столетия.

Монастырское подворье в детинце — самой древней части города, где в свое время был возведен первый храм Рыльска (во имя Иоанна Рыльского) — наследственное владение⁵, доставшееся городской или пустынной обители от первых, может быть и болгарских, монахов, поставивших деревянный храм на

мощах святого Иоанна. В этом смысле примечательно упоминание в современных исследованиях⁶ княжеского Рыльского «Ивановского» монастыря, связанного непосредственно (это отражает название) с храмом Иоанна Рыльского, что также может соответствовать реальности. Известна традиция, существовавшая в первые времена крещения Руси: особые приверженцы христианского пути, крестившись и отрекаясь от мира, селились на кладбище, ближе к храму, именно там при строительстве обители и набирались насельники ктиторийских монастырей. Так и в Рыльске могла возникнуть одна из первых в России православных обителей.

Легенда о черте, рыбаке и «лыцаре-пустыннике», содержащая точные топографические привязки, рассказывает о событиях, произошедших за пределами и городской крепости, и пригородного посада. Указанное в ней место, где «пустынник» жил в пещере крутого обрыва, соответствует историческому расположению Волынской пустыни и находится недалеко от Свято-Николаевского монастыря. Уважительное и несколько отстраненное употребление слова «лыцарь», столь редкого на Руси, — свидетельство «ветхозаветности» происходящего и может быть соотнесено, по крайней мере, с XIV–XV вв.

Но так ли выдумана эта история?

В 1902 г. известный краевед Н. Н. Златоверховников⁷ в своей книге «Памятники старины и нового времени и другие достопримечательности Курской губернии» описал найденную недалеко от Рыльского Николаевского монастыря пещеру под названием «Синайка»: «В этой расположенной крестообразно пещере со входом в виде арки на стенах имеются священные изображения, пострадавшие от времени». В конце XIX в. сохранившуюся часть подземного прохода исследовал художник и археолог Струков, обнаруживший в пещере две древние глиняные кадильницы⁸, используемые на Руси во времена становления христианства, что позволяет отнести начала подвижнической жизни в Рыльской округе к домонгольскому периоду. Согласно преданию, в древние времена Синайку с монастырем соединял подземный ход. История монастырей на Руси показывает, что первые ее (собственно русские) монастыри начинались с пещер, что впоследствии закрепилось в их названии характеристикой «печерский»: Киево-Печерская Лавра, Псково-Печерский монастырь, Молченская Печерская Софрониева пустынь. Спустя века от этой традиции по ряду причин отказались и вновь вернулись уже как к особой форме «монашеского делания» (в исключительных случаях) в XIX столетии. Но у нас нет причин не доверять Златоверховникову или Струкову, относивших упомянутую пещеру к «древним временам».

Значит, основателем обители можно полагать легендарного отшельника и пустынь за городом существовала наряду с городским монастырем?

Фигурирует в упомянутой легенде и икона Святителя Николая. Ее обретение другое предание связывает с рекой Амонью, на остров посреди которой много веков подряд из Рыльского монастыря отправлялся крестный ход. Документально известно, что в начале XVII в. на этом месте существовала довольно

большая по количеству храмов и насельников Амонская Николаевская пустынь⁹, в 1724 г. приписанная к Волынской обители.

Знаменательно, что в Рыльском Свято-Николаевском монастыре есть Никольская церковь и веками чтилась и сохранялась чудотворная икона Святителя Николая. Факты указывают на то, что этот храм был первым и главным храмом Волынской пустыни. Наличие же Троицкой церкви, повторяющей в названии существовавшую когда-то городскую монастырскую, так или иначе может быть связано с переселением в пустынь насельников городской обители.

Однако все высказанное — всего лишь предположение, а история возникновения древнего, с особой духовной атмосферой, по свидетельству современных его насельников и паломников, Рыльского Свято-Николаевского монастыря остается сокрытой от нас.

Приложение

Упраздненные рыльские монастыри

Рыльский Дмитриевский женский монастырь. Упоминается в книге о русских монастырях Петра Строева, где названы две его игуменьи 1652 г. — Анисья Яковлева и Анисья Сомова. Других сведений нет. Предположительно, двухэтажное здание с подвалом, занимаемое ныне Рыльской районной налоговой инспекцией, относится к указанной обители.

Рыльский Пречистенский Казанский женский монастырь. Существовал в XVII–XVIII вв. На плане Рыльска XVIII в. обозначен в северо-западной части города. Упоминается в 1737 г., а также в 1876 г. в связи с закрытием в октябре месяце этого года Рыльского духовного училища. Никаких строений не сохранилось.

Рыльская Богородицкая Плащанская мужская пустынь. В 1891 г. упоминается в числе рыльских монастырей.

Рыльская Словенская Богородицкая мужская пустынь. Располагалась на Словенском городище на реке Сейм и Словенском озере Косожской волости Рыльского уезда (ныне с. Банищи). Существовала в XVII в. В 1638 г. ее настоятелем был Иов Тебекин, в 1661 г. — Герасим. В 1661 г. пустынь приписана к Волынскому Николаевскому монастырю. Русский архивист А. С. Лебедев упоминает следующее письмо братии этого монастыря 1672 г.: «...иновской пустыни (Липиновской?) к отцу Досифею и отцу Пимену с просьбой осмотреть Словенскую пустынь и, если окажется пригодною, то туда перейти, так как в ныне обитаемой множества человек начаша приходить...» (см.: Лебедев А. С. Вотчинный быт монастырей // Сборник Харьковского историко-философского общества. Харьков, 1902. С. 119). Закрыта в период с 1744 по 1764 г.

Примечания

¹ Рыльский краевед Н. Н. Чалых приводит в своей книге о Рыльском Николаевском монастыре свидетельства, факты и размышления следующих авторов: Качановский В. В. Памятники болгарского народного творчества. СПб., 1882. Вып. 1. С. 116; Иванов Й. Св. Иван Рилски и неговият монастир. София, 1917; *Нестор, архим.* Храмове посветени на св. Иван

Рилски в Русия // Духовная культура. Кн. 11. София, 1976. С. 13; *Холмогоров Г.* Материалы для истории церквей Рыльской десятины // КЕВ. 1907. № 24. С. 11; *Дылевский Н.* Легенда или историческая правда? Древний русский город Рыльск в Черниговской земле и болгарская Рыльская обитель на Балканах // *Études balkaniques.* 1991. Т. 2. Р. 106–115 (см.: *Чалых Н. Н.* Рыльский Свято-Николаевский мужской монастырь: История и современность. Курск, 2001).

² Рыльский Николаевский монастырь // КЕВ. 1891.

³ В одной из летописей упоминается Спасский княжеский монастырь Путивля, в котором на рубеже XII–XIII вв. был похоронен удельный князь Василий Игоревич, сын Игоря Святославовича. Княжеский надгробный камень еще в начале XX в. стоял на территории старой Путивльской крепости (сведения о т. н. «княжеском» путивльском надгробии, растиражированные в литературе начиная с 1830-х гг. (отчество погребенного в разных публикациях указывалось при этом по-разному: Георгиевич, Ярославич), приводимые автором статьи, не соответствуют действительности. Еще в 1857 г. при рапорте путивльского уездного стряпчего курскому губернатору Н. П. Бибикову была представлена разобранная «архимандритом Путивльского монастыря после многих затруднений надпись на камне, находящемся в городе Путивле на городке»: «Лета 7250/1742 в Путивле городе марта 15-й в день преставися раб божий младенец князь Василий Петрович Волконской» (см.: ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 24 Л. 42, 69 об.–70). — *прим. ред.-сост.*).

⁴ «Живоначальная» — древнее определение Троицы, «Святая» — более позднее по времени распространения на Руси.

⁵ В начале того же XVII в., как свидетельствуют факты, крепостное место «для схорону» имели и другие монастыри, но одним, как, например, Молченскому в Путивле, они принадлежали по праву наследования с древнейших времен, другие, как женский Троицкий в Курске, покупали их по необходимости сами.

⁶ *Чалых Н. Н.* Рыльский Свято-Николаевский мужской монастырь.

⁷ *Златоверховников Н. И.* Памятники старины и нового времени и другие достопримечательности Курской губернии. Курск, 1902. С. 98.

⁸ *Чалых Н. Н.* Рыльский Свято-Николаевский мужской монастырь.

⁹ Амонская Николаевская пустынь упоминается в документах 1629 г. Располагалась в 15 км к северо-западу от Рыльска на реке Амонь. В 1724 г. пустынь была приписана к Николаевскому Рыльскому монастырю (Волынская пустынь). К этому времени в ней было четыре храма, кельи, ограда и жили 26 монахов. Упразднена до 1764 г. В конце XIX в. — с. Никольниково Рыльского уезда Курской губернии.

И. В. Пинаева

РЫЛЬСКИЙ НИКОЛАЕВСКИЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ В СЕРЕДИНЕ XVIII в.

В ГАКО имеется фонд 1555, содержащий коллекцию документальных материалов XVII–XIX вв. Недавно он пополнился новым документом, в котором дана характеристика Рыльского Николаевского мужского монастыря в середине XVIII в. (ГАКО. Ф. 1555. Оп. 1. Д. 178).

Точная дата основания Рыльского Николаевского мужского монастыря, расположенного недалеко от Рыльска над реками Рыло и Сейм, неизвестна, однако из архивных источников следует, что к началу XVII в. монастырь сущест-

вовал уже довольно длительный период. Грамоты, которые могли бы свидетельствовать о времени возникновения обители, были уничтожены в 1614 г. при нападении разбойников на игумена Феодосия, везшего документы в Москву для их переписки «за ветхостью оных».

Согласно сохранившимся документам, к середине XVIII в. на территории монастыря располагались три каменные церкви, каменная колокольня с часами, настоятельская деревянная келья, каменные братские кельи, а также различные хозяйственные постройки: каменная кухня, трапезная, сарай, овин, погреба, амбары, две конюшни, кузница. За кельями находился яблоневый сад, в саду — баня и воскобойня. Территория монастыря была обнесена каменной оградой, размеры которой составляли 250 сажень в длину (532,5 м) и 60 сажень в ширину (127,8 м). За оградой находился монастырский скотный двор, за двором — огороды, на которых монастырская братия выращивала овощи и коноплю. Возле монастырской ограды имела дубовая роща. Недалеко от обители, на реке Волынке, стояла монастырская мельница.

Строительство каменной соборной церкви во имя Николая Чудотворца с приделами великомученика Георгия и святых благоверных князей Михаила и Федора Черниговских было окончено в 1753 г. Планировалось покрыть церковь железом, однако из-за недостатка средств и смерти игумена Лукашева, одного из инициаторов строительства, осьмерик и алтарь церкви долгое время оставались непокрытыми. Вторая церковь — во имя Живоносной Троицы — была построена в 1747 г. по указу Московской духовной консистории и по прошению путивльской и рыльской помещицы Анны Забелиной. Третья церковь — во имя Николая Чудотворца — была построена в 1733 г. по указу Синодального казенного приказа и челобитной Ивана Прокофьевича Шелехова. Но до середины XVIII в. церковь оставалась неосвященной, так как из-за смерти главного строителя — Ивана Шелехова — внутренние отделочные работы не были завершены и иконостас не был дописан.

К середине XVIII в. монастырскую братию составляли: игумен Сергей Российский (из дворян), два иеромонаха, один иеродиакон и три монаха (один из которых исполнял обязанности казначея). Денежного и хлебного жалования братия не получала, приходилось довольствоваться пожертвованиями, продуктами, получаемыми с огородов, и податями, собираемыми с вотчинных монастырских имений. Основной рацион монахов включал: ржаной хлеб, реже пшеничный, каши, приготовленные из ржаного солода квас и пиво.

Помимо самих монахов, при монастыре находились подсобные работники и ремесленники: пономарь, столяр, конюхи, портные, кузнецы, повара, садовник — всего 24 человека, выполнявшие различные хозяйственные функции. Денежного жалования они не получали, плата за работу производилась продуктами — мукой и крупами.

В ведении монастыря находилась приписанная к нему в 1678 г. Амонская пустынь. В пустыни имелись две деревянные церкви, первая — во имя Николая Чудотворца, вторая — Рождества Пресвятой Богородицы, колокольня, настоятельская и братская кельи. Вблизи пустыни располагался монастырский двор для приезда богомольцев. К середине XVIII столетия в пустыни проживали правящий строительскую должность белый поп Хрисанф Федоров, два монаха и 5 трудников-бельцов. Как и братия Рыльского Николаевского монастыря, насельники Амонской пустыни никакого жалования не получали. В распоряжении пустыни находились пахотные и покосные земли, дровяной лес и рыбная ловля на реке Сейм.

За Рыльским монастырем также была закреплена Подмонастырняя слободка, в которой, по данным ревизии 1744 г., значились 159 крестьянских душ мужского пола. При слободке имелись пахотные и лесные угодья и рыбные ловли на реках Рыло и Сейм. Крестьяне слободки не обрабатывали монастырские земли и состояли на «рублевом окладе» (оброке).

Помимо Подмонастырной слободки, вотчинное владение Рыльской Николаевской обители составляли села Банищи, Романовка и Крупец (с приписанными к нему с. Дмитриевским и д. Фокиной).

В каждом из вотчинных сел монастырю принадлежали пахотные, покосные и лесные угодья, хозяйственные постройки. В частности, в с. Банищи, население которого, по ревизии 1744 г., составляло более 400 крестьянских душ, за обителью значились: мельница, рыбные ловли, дубовый и ольховый лес, до 700 четвертей пахотной и покосной земли (382 га). Каждый год в пользу монастыря с села собиралось до 100 руб., по 6 свиных и по 10 бараньих туш. В селе располагался монастырский двор с избами, амбарами и хлевом, на монастырском подворье содержалось более 40 свиней и различная домашняя птица.

В Крупце, Дмитриевском и Фокиной проживало более 600 крестьян мужского пола. Монастырю принадлежали три мельницы (в Крупце, Фокиной и на реке Гримовке), 700 четвертей пахотной земли, березовые рощи, дровяной лес. Подати в пользу монастыря взимались сельскохозяйственными продуктами (свиные и бараньи туши, куриные яйца, гуси и утки) и продуктами ремесленного труда (тележные колеса, вожжи, пеньковые веревки, холст). В Крупце также располагался монастырский двор с различными жилыми и хозяйственными постройками.

Население еще одной монастырской вотчины — с. Романовка — в 40-е гг. XVIII в. составляло 174 крестьянских души мужского пола. Здесь обитель владела 20 четвертями (1 га) пахотной земли. Романовские крестьяне, как и крестьяне Крупца, платили не денежные, а натуральные подати в пользу обители.

Жители монастырских сел не обрабатывали монастырскую землю, но платили натуральные и денежные оброки, по требованию настоятеля представляли подводы для перевозок, поездок в Москву и удовлетворения иных хозяйственных нужд обители.

Таким образом, анализ документа не позволяет сказать, что к середине XVIII столетия Рыльский Николаевский мужской монастырь представлял собой цветущую, благополучно развивающуюся обитель: культовые монастырские здания требовали значительного ремонта, число монастырской братии было слишком мало, не хватало рабочих рук. Однако и нельзя утверждать, что обитель бедствовала, ибо в ведении монастыря находились вотчинные владения, значительные пахотные, сенокосные и лесные угодья, а денежные и натуральные подати, взимаемые с крестьян, обеспечивали монастырскую братию пропитанием и средствами для поддержания жизни обители.

Е. В. Холодова

**ЦЕРКОВНАЯ ЛЕТОПИСЬ ЦЕРКВИ
РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ
В СЕЛЕ КОРЕНСКОМ РЫЛЬСКОГО УЕЗДА КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ
(РЫЛЬСКОГО РАЙОНА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Село Коренское расположено в полутора верстах к западу от Рыльска, в живописной долине правого берега речки Рыло. Можно предположить, что название села возникло от фамилии первопоселенцев Коренских, ставших в дальнейшем первыми церковнослужителями и прослужившими в приходе более века.

Окрестности Коренского издревле были привлекательны для жизни человека. В полукилометре к северо-западу от села, на мысу правобережной террасы речки Рыло — городище и селища XI–XIII вв., в древних документах именованные как «Перино городище». Сегодня здесь частью забытое более чем трехвековое приходское кладбище... Похоже на месте капищ древнего города располагались и первоначальные деревянные церкви.

Первая деревянная церковь во имя Николая Чудотворца существовала еще в первой половине XVIII столетия. Предположительно к 1770-м гг. была выстроена новая деревянная церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы с престолом Николая Чудотворца, просуществовавшая около века. До 1850-х гг. причт храма был двустатный: 2 священника, 1 диакон, 2 дьячка, 2 пономаря (позднее 1 дьячок, 1 пономарь).

К середине XIX в. деревянная церковь обветшала. Тщанием прихожан и местных помещиков братьев Федора Николаевича и Сергея Николаевича Шечковых (по проекту от 6 августа 1857 г.) к 1860 г. был построен новый каменный храм во имя Рождества Пресвятой Богородицы, здание которого чудом дошло до наших дней.

Храм выполнен по особому проекту, в неорусском стиле в открытом кирпиче. Основной объем — восьмерик на восьмерике, увенчанный большим шатром с луковичной главкой, — дополнен примыкающими с севера и юга невысокими и в плане близкими к овалу приделами, а с запада и востока — равнозначными квадратными в плане объемами алтаря и притвора здания. Оригинальная лепная отделка, нежная полихромия настенной росписи подчеркивали легкость и воздушность интерьера, акцентированного изящным мраморным иконостасом.

Церковь, основанная на открытом пространстве северной окраины села, является яркой доминантой в панораме окрестных полей, сел и древнего Перина городища.

Храм имел три престола: главный во имя Рождества Пресвятой Богородицы (св. антиминос выдан в 1887 г., затем 17 марта 1913 г.), северный — Святой мученицы Софии (св. антиминос выдан 2 июня 1880 г.) и южный — святителя Николая Чудотворца (св. антиминос выдан 8 ноября 1751 г.). Причт одноштатный: 1 священник, 1 диакон, 2 псаломщика.

Более трех веков в приход с. Коренского входили: д. Дугина, слободка Кулемзина, д. Щёкино, слободка Стремоуховка, д. Карькова Каменка.

В 1849 г. в приходе числилось 193 двора, 1861 прихожан, к 1870-м гг. — около 300 дворов и 2500 прихожан, в 1916 г. — 510 дворов и 3300 прихожан.

Во второй половине XIX — начале XX в. насчитывалось 34 десятины церковной земли. Церковь была снабжена церковной утварью и библиотекой.

По инициативе и участии священника Иоакима Каллистратова в приходе были учреждены церковно-приходские школы (ЦПШ) — в 1886 г. в Коренском и в 1893 г. в Кулемзиной. В 1890-х гг. Коренская ЦПШ числилась среди «наиболее замечательных в воспитательном и учебном отношениях школ Курской губернии». Среди учителей особенно отличали Анастасию и Марию Каллистратовых, Николая Покровского, Михаила Ржавского.

К 1913 г. помимо двух ЦПШ в приходе действовало четыре земских школы — в Коренском, Дугиной, Кулемзиной, Щёкиной, где преподавали Иоанн Мальцев, Иоанн Антонов, Клавдия Антонова, Василий Стремоухов, Иоанн и Леонид Воиновы, Матфей Архангельский.

Известны имена старост храма: Федор и Сергей Шечковы, Николай Щёкин (с 1885 г., 1890-е гг.), Иван Щёкин (с 1906 г.), Алексей Константинов (с 1915 г.).

В 1930-х гг. церковь была закрыта. Богослужения возобновились с марта 1943 г. и с небольшими перерывами продолжались до 17 августа 1949 г. Церковное имущество было передано в соседнюю Покровскую церковь с. Боброво.

Здание, служившее в течение полувека колхозным складом, превратилось в аварийное.

Передача здания церкви в Коренском от Рыльской районной администрации в Курско-Белгородскую епархию произошло 19 февраля 1992 г.

С 14 апреля 2000 г. в с. Коренском зарегистрирован приход Рождества Пресвятой Богородицы (скит Рыльского Свято-Никольского монастыря). Настоятель храма — иеромонах о. Павлин (Николай Целиков).

Службы проходят в молельном доме (бывшей ЦПШ), здесь же размещается келейное помещение, кухня и трапезная.

С октября 2008 г. тщанием благоустроителей Олега Белашова и Алексея Щелкунова начато восстановление храма. Работы ведутся по проекту и под руководством автора этих строк.

К настоящему времени воссоздан южный придел Николая Чудотворца, восстановлены шатры, освящены и установлены маковки и кресты храма (23 октября 2008 г. и 29 октября 2009 г.), выполнено укрепление кирпичной кладки, устройство кровли и отделка фасадов.

В перспективе в отношении развития и благоустройства территории православной общины (монастырского скита) предполагается: строительство ограды с надвратной колокольней, хозяйственного и жилого корпусов, благоустройство территории, а также обустройство источника в д. Каменке.

Да свершится дело благородное! Возродится Храм и Место Святое!

Приложение

**Причт церкви Рождества Пресвятой Богородицы в с. Коренском
Рыльского уезда Курской губернии (Рыльского района Курской области)
1748–2011 гг.***

Священники

КОРЕНСКИЙ Иоанн Георгиевич (1780–1810)**

КОРЕНСКИЙ Федор Афиногенович (1780–1817)

ДУХОВСКОЙ Никифор Иванович (1812 – 2 февр. 1832)

КОРЕНСКИЙ Федор Федорович (1817 – янв. 1858)

АРХАНГЕЛЬСКИЙ Андрей Петрович (6 апр. 1834 – 5 мая 1835)

КАЛЛИСТРАТОВ Иоаким (15 янв. 1858 – 20 окт. 1894)

КАЛЛИСТРАТОВ Василий (31 авг. – 20 окт. 1894)

ПОПОВ Феоктист (20 окт. 1894 – 22 нояб. 1896)

АРХАНГЕЛЬСКИЙ Матвей (31 янв. 1897 – 1909)

ИВАНОВСКИЙ Петр Александрович (1908–1909)

НИКИТИН Симеон Алексеевич (13 июня 1910 – 19 авг. 1911)

КАРАСЕВ Александр (3 окт. 1911 – 10 февр. 1915)

СПАССКИЙ Дмитрий (10 февр. – 23 нояб. 1915)

АНТОНОВ Иоанн Стефанович (29 нояб. 1915 – 28 янв. 1920)
ПРАВЕДНИКОВ Федор (февр. 1920 – 1922)
СПАССКИЙ Василий Алексеевич (28 февр. 1943 – 28 дек. 1945)
ДУБОВИК Никита Денисович (19 дек. 1945 – 15 июня 1946)
БОЯРИНЦЕВ Иоанн Никитович (4 июля 1946 – 16 мая 1948)
ЦЕЛИКОВ Николай Егорович (ПАВЛИН) (с 7 июля 1999 по наст. время)

Диаконы

РЫЖКОВ Василий Васильевич (1780 – 17 авг. 1806)
РЫЖКОВ Петр Васильевич (1808 – июнь 1858)
ШПИЛЕВСКИЙ Василий (11 июня 1858 – 11 окт. 1888)
ЗУБКОВ Стефан Васильевич (15 нояб. 1888 – 24 июля 1913)
МАЛЬЦЕВ Иоанн Георгиевич (23 янв. 1914 – февр. 1918)
САФРОНОВ Матфей (февр. 1918 – 1922)

Дьячки (псаломщики)

КОРЕНСКИЙ Егор Иванович (1748)
КОРЕНСКИЙ Александр Афиногенович (1790-е гг.)
АРЖАВСКИЙ Петр Васильевич (1793–1809)
РЫЖКОВ Василий (1802)
РЫЖКОВ Иван Васильевич (1803 – 30 апр. 1830)
КОРЕНСКИЙ Петр Семенович (1811 – июнь 1846)
СЕМЕНОВ Федор (29 июля 1846 – янв. 1892)
АРХАНГЕЛЬСКИЙ Леонид (17 июля 1910 – 13 апр. 1913)
ГОРОХОВ Пантелеимон Николаевич (апр. – июнь 1907)
ГОРОХОВ Аркадий Николаевич (5 июля 1907 – 1907)
НИКОЛАЕВ Аркадий (1910 – 27 июня 1910)
ХАРЛАНОВ Андрей Алексеевич (18 апр. 1913 – 1918)

Пономари

КОРЕНСКИЙ Афиноген Егорович (1748 – ок. 1780)
КОРЕНСКИЙ Родион Иванович (1750–1780-е гг.)
КОРЕНСКИЙ Семен Афиногенов (1780-е гг.)
РЫЖКОВ Андрей Васильевич (1780-е гг.)
КОРЕНСКИЙ Петр Семенович (1795–1811)
РЫЖКОВ Яков Андреевич (1802–1846)
КОРЕНСКИЙ Григорий (1830)
ПОСТНИКОВ Алексей (1846 – ок. 1862)
ЯКИМОВ Иоанн Арефиевич (15 июля 1862 – 6 марта 1907)

* Летопись подготовлена по материалам ГАКО, Курского епархиального архива, КЕВ, авторского натурного обследования.

** Период службы (годы упоминаний).

ПРОЯВЛЕНИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1905 г. В РЫЛЬСКЕ И ЕГО ОКРУГЕ

Началом первой русской революции стали события 9 января 1905 г., когда известие о расстреле рабочих в Петербурге вызвало по всей стране возмущение городской общественности и особенно учащихся, рабочие забастовки, волнения крестьян, а затем и брожение в армии.

Рыльск встретил 1905 г. в качестве достаточно крупного уездного городка с многочисленными торговцами, прослойкой чиновничества и небольшим контингентом интеллигенции, промышленных рабочих и учащихся. Сельскую местность уезда заселяла огромная масса беднеющих крестьян, арендующих землю у помещиков, работающих на их сахарных заводах, и т. д. Уезд пересекали линии железных дорог с важными станциями Коренево и Артаково, на которых работали сплоченные коллективы железнодорожников¹.

К 1905 г. в Рыльске была создана ячейка РСДРП, пытавшаяся вести пропаганду среди городских рабочих. В уезде начала работу группа эсеров, влиявшая на настроения крестьянства и железнодорожников².

После 9 января 1905 г. крестьянами деревень Гниловки и Александровки были найдены прокламации с революционными воззваниями. Сотрудники жандармерии и полицейские приставы с тревогой доносили, что в различных концах уезда появляются подобные листовки. А уже 10 февраля полицейский нашел 10 таких воззваний в самом Рыльске, причем нигде-нибудь, а в ограде Успенского собора³.

Настроения селян находились на грани открытых столкновений с полицией и властями. Рыльские помещики и городские купцы, серьезно опасаясь за сохранность своих владений, бесперывно телеграфировали в Курск о необходимости присылки войск для подавления восставшего народа. Губернатор направил в Рыльск пехотные, кавалерийские и казачьи части, которые несколько разрядили ситуацию в уезде⁴.

Впереди политических движений в губернии шел Курск, где 12 февраля произошли антиправительственные беспорядки. Вышедшие на демонстрацию учащиеся были избиты и разогнаны полицией, что вызвало возмущение общественности. Откликнулись на него и в Рыльске: 20 февраля священник Николаевской церкви отец Александр выступил перед прихожанами и учащимися воскресной школы, где он преподавал, с речью, в которой осудил действия полиции и призвал прихожан защищать своих детей в случае возникновения подобной ситуации, тем более что в Рыльске «ходили слухи, что будут бить гимназистов»⁵.

В марте 1905 г. в Рыльске продолжали активно распространять листовки революционного содержания, но в городе никаких волнений и проявления недовольства не наблюдалось⁶.

Зато начались отдельные выступления крестьян в уезде, усилившиеся в летние месяцы. Преобладали массовые хищения и поджоги имущества помещиков: крестьяне рубили леса, жгли посевы, травили скотом луга и т. п.

В отношении сахарных заводов Рыльского уезда доминировали погромные настроения. Особенно велика угроза была Теткинскому заводу. Спасли заводы только охраняющие их войсковые части. В Теткино был введен драгунский эскадрон и туда прибыл вице-губернатор. При угрозе нападения селян на усадьбы местных помещиков также посылали войска. Так, пехотинцы и кавалерия были направлены в Амонскую и Петровскую волости⁷.

Наиболее организованно прошли социальные выступления в крупной Снагостской экономии А. В. Барятинского (в июле) и на Глушковской суконной фабрике Н. С. Терещенко (в августе).

В первом случае крестьяне отправили целую делегацию во главе с сельским старостой с требованиями 1,2 тыс. дес. для посевов зерновых и права безвозмездно пасти собственный скот на угодьях имения. Эти требования управляющий экономии проигнорировал. Забастовка двухсот рабочих, потомственно трудившихся на Глушковской суконной фабрике, привела к тому, что администрация предприятия вынуждена была пойти им на уступки и повысить заработную плату⁸.

Кульминационным событием первой русской революции по политизированности и результативности стала всероссийская октябрьская политическая стачка, организованная эсерами через Всероссийский железнодорожный союз. С 10 по 19 октября в Курске прекратили работать железнодорожники, рабочие, чиновники, прервали занятия учащиеся. Толпы демонстрантов устраивали шествие и политические митинги. Особенно широко праздновалось издание царского манифеста от 17 октября с его гражданскими свободами и введением парламентаризма. Более скромные акции провели жители Белгорода и нескольких других уездных центров (в т. ч. Суджи). В Рыльске же влиятельных организаторов мероприятий не нашлось. Исключение составили рыльские железнодорожники, особенно кореневские, которые остановили движение поездов, требуя увеличения жалования, улучшения условий труда вплоть до введения 8-часового рабочего дня⁹.

К ноябрю наметилась новая волна крестьянского движения: в Рыльском уезде забастовали батраки помещика Кузнецова, практически полностью из-за блокады селянами подвоза продуктов питания и сахарной свекловицы остановился Теткинский сахарный завод и т. д.¹⁰

В том же месяце правительство ответило революционерам карательными экспедициями. В Курской губернии такую экспедицию возглавил адмирал Ду-

басов. Проверенные войска последовательно прошли через беспокойные города края и многие сельские поселения, сбив рост выступлений¹¹.

С конца 1904 г. на Курщине действовала монархическая организация местного дворянства (впоследствии вошла в Союз русского народа), выдвигавшая антисемитские лозунги. Осенью 1905 г. под влиянием этих идей был спровоцирован еврейский погром в Рыльске¹².

В декабре 1905 г. губернские власти, жандармы и полиция повсеместно провели массовые аресты вожаков крестьянских выступлений. Только в Рыльском уезде было арестовано более 100 членов проэсеровского Всероссийского крестьянского союза. Одновременно аналогичным репрессиям подверглись рыльские активисты Союза железнодорожников, в особенности артаковские. Служащие станции Коренево немедленно направили телеграмму губернатору: «Продолжающиеся аресты глубоко возмущают служащих, они принудили ст. Артаково закрыть всякое движение. Произвол и насилие не могут быть терпимы. Требуем немедленно освободить Мухина, Филиппова, Кучинова, Куликова, Исундерлянда»¹³.

С января 1906 г. в Рыльске и его округе политическое движение полностью прекратилось, а рецидивы социальной борьбы крестьян произошли лишь в июле, когда взбунтовалось с. Толпино Кореневской волости и несколько других поселений, быстро усмирённые кавалерийским отрядом. Кроме того, в апреле полиция задержала рыльских социал-демократов¹⁴.

Проявления революции 1905 г. в Рыльском уезде показали отставание горожан от крестьян и сельских тружеников Глушковской фабрики и Теткинского завода. Преобладали акции социального характера за материальные права. Элементы политического характера несли выступления железнодорожников. Собственно антицарскую оппозицию составляли только несколько десятков революционеров из числа эсеров и эсдеков.

Примечания

¹ *Просецкий В. А.* Рыльск. 3-е изд., перераб. Воронеж, 1977. С. 69, 70, 72, 76, 79.

² *Райский Ю. Л.* Курские большевики в годы первой русской революции // Уч. зап. Курского государственного педагогического института. Т. 47, ч. 2. Курск, 1968. С. 139–140, 152–153, 159.

³ ГАКО. Ф. 1663. Оп. 1. Д. 5. Л. 5–6 об., 19.

⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9999. Л. 29.

⁵ Там же. Д. 7549. Л. 1–4, 7–10.

⁶ Там же. Ф. 1663. Оп. 1. Д. 5. Л. 79.

⁷ *Малявский А. Д.* Крестьянское движение в Курской губернии в революции 1905–1907 гг. // Краеведческие записки. Курск, 1959. Вып. 1. С. 19–20.

⁸ Там же. С. 22–24.

⁹ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9999. Л. 1–3.

¹⁰ Там же. Л. 142–142 об.

¹¹ Там же. Л. 187.

¹² Там же. Л. 100–103.

¹³ Революционные события 1905–1907 гг. в Курской губернии: Сб. док. и материалов. Курск, 1955. С. 90.

¹⁴ История политических партий Центрального Черноземья. Курск, 1995. С. 115.

А. Н. Курцев

ИСТОРИЧЕСКОЕ МНОГООБРАЗИЕ МИГРАЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА РЫЛЬСКА И ЕГО СЕЛЬСКОЙ ОКРУГИ ЗА 1861–1917 гг.

Российская история на переломном периоде 1861–1917 гг. породила разнообразие и переплетение миграций трудового назначения, воинских и учебных, религиозных и репрессивных, военного беженства.

Для Рыльска и его округа как перенаселенного аграрного региона с преимущественно торговым городом решающее значение имели трудовые миграции, особенно безвозвратного действия.

С середины XIX столетия рыльское крестьянство, спасаясь от бедности, начинает переселяться на еще малообитаемые окраины страны, но уже с истощающимся запасом земель: поначалу в европейские — от Новороссии до Заволжья, позднее в зауральские — прежде всего в южную полосу Западной Сибири с лучшим климатом.

За 1861–1884 гг. туда навсегда выселились с целью ведения земледелия около 300 семей. В Курской губернии это был наименьший — после находящегося западнее Путивльского уезда — показатель, значительно уступавший ее остальной территории, в особенности уездам с малопродуктивной почвой и восточным районам более позднего заселения с неизжитой приверженностью к традициям агропроизводства¹.

Одними из первых покинули родину братья Залужные, сумевшие закрепиться в 1862 г. в Таврической губернии². В казачьих Донской и Кубанской областях подобные мигранты оказались на положении подселенцев — арендаторов, в заволжской глуши им отводились земли из казенного резерва, но низкого качества³. Хуже всех поначалу пришлось сибирским новоселам, множество рылян вернулись домой к полной нищете из-за отсутствия проданного перед выселением имущества, вырученные же деньги они растратили на дорогу. Обратники страшали земляков рассказами, что «и холодно там, и голодно, и люди дикие живут, девок в лес утаскивают; церковей православных нет нигде; стоят там морозы постоянные, да такие, что выйти на улицу нельзя — дух захватывает; лето короткое, хлеба не успевают вызреть. Люди кормятся звериным мясом и сосновой корой»⁴.

Однако последующее развитие переселений обязано именно зауральскому направлению, где оставались пригодные для обработки пространства. Например, в Томской губернии на выделенных государственных угодьях курские выходцы из разных уездов, включая Рыльский, успешно основали с 1889 по 1895 г. поселок Улановка, хотя дома, преимущественно относились к безземельным крестьянам, получавшим в батраках по 40 руб. в год⁵. За 1889–1890 гг. подобный поселок Ново-Троицкий был возведен малоимущими выселенцами, начинавшими его обустройство с семейных землянок и заработков у старожилов, что позволило им приобрести там избы, скот и остальное имущество⁶.

В 1890 г. среди 11,5 тыс. курян, ушедших на окраины (при 1,3 тыс. обратной миграции), в т. ч. 10,8 тыс. — на таежные участки Томской губернии, требующие расчистки, более тяжелого труда и увеличения расходов на заведение хозяйств, рыльские крестьяне делегировали 140 выселявшихся, причем рыляне «все переселились без разрешения». В рамках общегубернского потока последние составили лишь 1,2 %. Даже Путивльский уезд дал 149 лиц с минимумом нелегалов — 11 душ⁷.

В 1907 г. погубернские сведения о 21 тыс. курских переселенцах, включая 32 % ходоков (с 1896 г. для легальных мигрантов ввели обязательное ходочество), показали следующее: рылян — 28 семей при 191 чел. (со многими ходоками), или 0,9 % по душевому критерию. Первые места заняли уезды Корочанский — 2180 и Дмитриевский — 2109 чел., дав каждой по 15 % оттока⁸.

В итоге крестьяне Рыльского уезда раньше других осознали тупик процесса земледельческого переселенчества, являвшегося архаизмом из аграрной цивилизации. К 1914 г. организованные переселенцы с правительственной поддержкой успели основать на казенных землях Сибири новые дворы с пашней и скотом, стихийные же мигранты превратились в полуарендаторов — полубатраков у старожилов. Начавшаяся война остановила этот завершающий этап колонизации⁹.

Прогрессирующей миграцией индустриального общества было отходничество как первоначальная фаза будущего превращения сельских тружеников в постоянных жителей российских городов. На 1861–1917 гг. ее переходная незрелость заключалась в существовании земледельческого отхода в малонаселенные районы и временности пребывания крестьян в городах и протогородских промышленных центрах (к примеру, в поселке Юзовке, позднее ставшем г. Донецком).

Перепись 1884 г. показала отход 9944 рыльских крестьян (путивльских отправилось 6,7 тыс.), более всего дали южные уезды Курской губернии, пограничные с территорией, где куряне обычно искали работу, максимальное — Грайворонский с 16,7 тыс. чел.

При соотношении внеадельных заработков отхожего и местного применения как 51 % на 49 % (9,6 тыс. чел. с местными работами у себя в селе или ближайших его окрестностях) обращает внимание абсолютно мужской контингент отходников, который собрал 32 % из всех 31 тыс. мужчин возраста «18–60 лет».

Реально же отходом редко занимались после достижения 40 лет, поэтому его размеры доходили до половины тружеников лучшей возрастной группы — от 18 до 40 лет.

Помимо возрастных перемещений мужчин — зачастую лишь сезонных или временных с побывками людей в семье и возвращением домой даже спустя десятилетия — это обследование крестьянства выявило еще и неземледельческое переселенчество, потенциально имевшее безвозвратный характер, включавшее тех отходников, что «преселились с семьей в города с промышленной целью 5 лет тому назад».

В Рыльском уезде таких оказалось около 150 семей, что составило 33 % к 67 % семейств земледельческих переселенцев (триста единиц). До 100 осели в пределах своей губернии, прежде всего в самом Рыльске (89); остальные пятьдесят в основном стали жителями городов Юга России: Ростова-на-Дону — 18, Одессы — 9, Таганрога — 4 и др.

Фактически эти выселения представляли собой многолетний отход — только всей семьей, обычно с возвратом на родину к старости, поскольку потеря заработка лишала отходников возможности иметь служебное или снимаемое жилье, а приобрести собственное было практически невозможно. Считая мужчин рабочего возраста в указанных семействах в лучшем случае как 200 душ, получим общие размеры крестьянского отходничества в 10 144 чел. при 2 % семейной миграции, получившей урбанизационно-долгосрочную направленность.

Источник содержит лишь общегубернский размер всех переселившихся дворов — 4,8 души, что в отношении рылян дает следующие цифры: всего — 450 семей (300 на окраины и 150 по городам). Умножив их на людность (4,8), получим искомое — менее 2,2 тыс. людей, ушедших семейно¹⁰.

Сравним динамику постоянно отсутствующего рыльского крестьянства на 1884, 1897, 1917 гг. по другим данным, учитывающим в совокупности неземледельческих отходников с земледельческими переселенцами (большинство последних являлись самовольцами, которые оставались с местной припиской).

Летом 1884 г. в Рыльском уезде выявили число «вовсе не живущих в своих селениях (постоянно отсутствующих)»: 2009 чел. (1086 мужчин и 923 женщины), или 1,8 % приписных крестьян. Наименьшие показатели имели уезды Львовский — 1,3 % и Путивльский — 1,6 %, максимум миграций дали Щигровский — 4,7 % и Новооскольский — 4,9 %¹¹.

На 28 января 1897 г. подсчеты «отсутствующих в полном составе крестьянских семейств» показали 2791 лицо обоего пола (1537 мужского и 1254 женского), что дает к 1884 г. рост в 782 чел., или 39 %, т. е. за истекшие 12,5 лет среднегодовое их приумножение составило 3 %. Поделив всех мигрантов на известную нам людность (4,8 души), определим число их семей примерно в 581¹².

К осени 1917 г. в уезде переписью вновь обсчитали «приписные отсутствующие крестьянские хозяйства» — 1709 дворов, что дает к 1897 г. рост в 1209

семей, или на 208 %, а в среднегодовом исчислении соответственно по 10 % за 20,5 лет, т. е. 1897–1917 гг. трехкратно превзошли 1884–1897 гг. Теперь, уже умножив эти семьи на людей (4,8), выявим состав семейных мигрантов — 8592.

В 1917 г. отсутствующие домохозяйства составляли 6,7 % к общей массе 27 тыс. приписных. Остается выделить среди семейных мигрантов земледельческих переселенцев и неземледельческих отходников: 55 % на 45 %, поскольку вторые на родине оставляли за собой землю, в данном случае это 938 семей, включая 51 участок с посевом в среднем по 2 дес., обрабатываемых для них родственниками или наемными рабочими¹³.

В конечном результате число семей, ушедших из деревни на городские заработки, увеличилось в крестьянской среде со 150 в 1884 г. до 938 в 1917 г., или в 6 раз (при размерах естественного прироста соответственно со 125 тыс. до 188 тыс., т. е. лишь в 1,5 раза)¹⁴.

Видовую структуру отхожих занятий в 1900 г. 19 347 рыльских крестьян отражают сведения «об отлучках по паспортам».

В сфере неземледельческого труда находились 13 690 отходников, или 71 %, в т. ч. ушедших в одиночку — 11 928, включая 1771 женщину (15 %) и «целыми семьями» — 533 семьи при 1762 душах обоего пола.

Впереди шли три занятия: 1) шахты Донбасса — 3028 чел., в т. ч. 2633 одиночек, включая 13 женщин (приготовление пищи, сортирование угля и т. п.) и 123 семьи при 395 душах; 2) работники разных фабрично-заводских заведений России — 2974 чел., в т. ч. 2830 одиночек, включая 634 женщины и 63 семьи при 144 душах; 3) прислуга в городах — 1443 чел., в т. ч. 917 одиночек, включая 347 женщин и 122 семьи при 526 душах.

Промежуточное положение занимали чернорабочие, сезонные строители и т. д. Замыкали подобный отход следующие профессии рылян: торговцы как уходящая — 177 чел. и железнодорожники как перспективная — 140 чел.

На полевой сезон в южные регионы, где труд отходников к 1900 г. стал заменяться работодателями использованием своих жатвенных и сенокосных машин, ушли лишь 5657 лиц, или 29 %, в т. ч. условные одиночки (на практике они шли артелями) — 5423 чел., включая 709 женщин (13 %), а также 66 семей при 234 душах.

При общем увеличении армии отходников за 1884–1900 гг. с 10 тыс. до 19 тыс., т. е. в два раза, отметим преимущественно неземледельческую направленность миграций и широкое участие в отходе женщин.

В местных заработках на 1900 г. преобладали «сельские», до половины «на бураках»: 5418 мужчин и женщин при 289 чел. на нескольких пищевых предприятиях и Глушковской суконной мануфактуре¹⁵.

Причем по данным 1907 г. даже «из села Глушкова всегда уходило очень много народа в отхожие промыслы, преимущественно на каменноугольные ко-

пи, где многие глушковцы прочно обосновались, не прерывая, однако, связь с родиной, уплачивая за своих родственников, оставшихся дома, сборы» и проч.¹⁶

В советские годы, со слов участника такого отхода, впоследствии невозвращенца, этнографы записали следующее: «Зайцев Марк Алексеевич, 1877 г. рождения. Родился в Курской губ., Рыльского у., д. Капыстичи. Отец крестьянин, бывший крепостной... Семья была бедная. У отца было 5 сыновей и 2 дочери. На эту семью было только $\frac{1}{2}$ дес. земли, кроме усадьбы. Поэтому жить было нечем. В 1900 г. 23 лет от роду Зайцев впервые ушел на заработки в Юзовку. Посоветовал ему уйти сюда один местный рабочий, с которым он встретился во время отбывания воинской повинности. В Юзовку приехал 16 июля 1900 г., а 17 июля с обушком уже работал в забое». Как и все начинающие забойщики, получал немного и проживал в землянке, позднее выдвинулся в десятники рабочих с месячной зарплатой в 50 руб., женился и перешел в отдельную квартиру¹⁷.

За 1914–1915 гг. отход сократился втрое — всего до 6,4 тыс. рылян, особенно по мужчинам из-за их ухода на войну, включая возврат из отхожих занятий и части семей¹⁸.

В Рыльске на начало 1860-х гг., имевшем шесть тысяч жителей, больше сотни купцов, множество мещан и окрестных селян занимались торговыми миграциями, в основном продажей кос, которые ввозили из Австрии. За указанное десятилетие их совокупная численность достигла верхнего предела — 3 тыс. мужчин, а затем стала постепенно сокращаться, упав в 1912 г. до 68 чел. на уезд.

На постоянной основе в городе поселились из-за дефицита коренных 301 иногородний ремесленник. Они были вытолкнуты конкуренцией из развитых центрально-промысловых губерний. В летнее трепление пеньки Рыльск принимал 1200 крестьян из смежных уездов и отчасти своего¹⁹.

Растущее значение имело поступление на жительство неместных уроженцев, представленных чиновничеством, интеллигенцией и духовенством, включая офицерство с временным пребыванием, а позднее иностранцев с длительными сроками нахождения на территории города и его округи.

Перепись 28 января 1897 г. показала по Рыльску, население которого составило 11 549 чел., более явное доминирование миграционного притока над оттоком.

На 9540 «местных» горожан (уроженцев города и уезда) пришлось 2009 «неместных», что составило 17 % мигрантов к 11,5 тыс. населения. К таковым отнесли три категории уроженцев: 1) других уездов Курской губернии — 1051 чел. (при учете поступления из собственного уезда их будет не менее 2 тыс., что увеличит общее число мигрантов до 26 %); 2) остальных регионов — 948 лиц, в основном из соседних Черниговщины и Орловщины, множество калужских и владимирских ремесленников, немало выходцев с русского Запада, в т. ч. 219 евреев (в основном портных), 31 немец (без нерусских подданных) и 30 поляков (более всего врачей) и т. д. вплоть до столиц: 16 петербурж-

цев и 14 москвичей; 3) «иностранцы подданные» (в источнике на 1862 г. они еще отсутствуют) — 15 чел., включая 11 женщин (в уезде без города — 19 и 7). При этом больше половины иностранцев обрусели, поскольку родились на российской территории. Почти все они имели германское подданство, кроме двоих — австрийца и швейцарки. Отразим притяжение иностранцев в разные центры губернии: Курск — 212, Белгород — 46, Рыльск — 15, Путивль — 13, Короча — 9 и т. д. при отсутствии таковых в нескольких городах, особенно восточных.

В число неместных уроженцев вошли небольшие группы мигрантов временного пребывания, всего — 265 лиц: военнослужащие срочной службы и воспитанники учебных заведений, арестанты в уездной тюрьме и паломники в местный монастырь.

Данный источник фиксирует преимущественно временное отсутствие местных горожан — 246 душ, в т. ч. 61 женщина. Отлив рылян на постоянное жительство избрали только 33 чел. — все мужчины²⁰.

Вклад приезжих в развитие Рыльска отражают, например, сведения о сотрудниках местной мужской прогимназии на 1892 г.: из 12 мужчин уроженцев Курской губернии было лишь трое: руководитель, священник и один преподаватель. Иногубернское происхождение имели 9 чел., или 75 %: врач (из Баку) и остальные восемь педагогов, в т. ч. учитель-москвич и иностранец М. М. Хостник (в Рыльске с 1880 г.)²¹.

Занятия уходящих рылян рисуют данные 1912 г. об отхожих промыслах. Среди 8,8 тыс. селян, шедших на Юг России, насчитали 52 горожанина (город отошел от торга косами, имевшего развозно-розничный характер). В основном это были строители: от плотников и кровельщиков до маляров и штукатуров²².

Из нетрудовых миграций наиболее массовыми являлись воинские, в особенности из-за мобилизаций в годы крупных войн.

В пореформенный период призыв новобранцев ежегодно приводил к отливу сотен юношей (20 лет) из Рыльского уезда и части горожан во все уголки страны, включая Кавказ и Дальний Восток, но главным образом на западные границы (от Польши до Одессы) со сроком службы от 12 лет (до 1868 г.) до 3–4 лет в армии и 5 лет на флоте к 1914 г., когда численность призывников дошла до 1,1 тыс. чел. в год²³.

Воинские перемещения нередко перерастали в трудовые (к примеру, у упоминавшегося выше Зайцева, ушедшего в Донбасс), особенно при освоении солдатами и матросами городской культуры или подобных профессий: фельдшера, механика и т. п. Например, В. А. Курских, из рыльских крестьян с. Надейка, отслужил на Балтийском флоте в Либаве с 1905 по 1909 г., а затем перебрался в Севастополь, где успешно трудился на торговом пароходе²⁴.

Учебные миграции также уносили молодежь, включая и девушек, в губернские города и вузовские центры, нередко в столицы, а иногда в Европу, причем на родину они уже обыкновенно не возвращались.

Так, А. А. Каллистратов, сын священника с. Коренева, обучался в Московском высшем техническом училище, студентом женился на местной акушерке. За принадлежность к запрещенному властями обществу супругов выслали на 3 года в Томскую губернию. После ссылки (Каллистратову было уже 33 года) в 1890 г. они прибыли в Харьков, где нашли работу, сняли жилье и завели детей. Лишь в 1902 г. семья переехала в губернский Курск, проигнорировав трудоустройство в рыльской глубинке²⁵.

Религиозные и репрессивные миграции населения были соответственно представлены: 1) многочисленным паломничеством, в т. ч. с посещением Иерусалима (среди первых рылян это заморское путешествие в 1864 г. совершила М. М. Старченкова по паспорту солдатки) с превращением отдельных богомольцев в безвозвратных обитателей монастырей: от курских до афонских; 2) депортирование уголовных (в т. ч. на вечное поселение в Восточной Сибири) и политических (включая ссылку в Рыльск поляков) элементов с интернированием военнопленных, особенно турецких (в Рыльске на 1878 г. их жило 542 чел.)²⁶.

Особый размах миграции — от воинских как отливных до прилива пленных и впервые беженцев — получили в тяжелую эпоху Первой мировой войны.

К лету 1917 г. война вырвала из Рыльского уезда около 23 тыс. (с учетом и города) мужчин 18–43 лет, считая убитых, раненых и пленных. Взамен с Запада прибыли до 2,5 тыс. чел. (250 в город), начиная с поляков (с 1914 г.) и заканчивая румынами (в 1917 г.), главным образом женщины с детьми и старики, прочно обретя здесь убежище от бедствий войны²⁷.

Для восполнения ушедших по мобилизации жителей в уезде стали использовать военнопленных: к 1917 г. — 835 чел. (более всего из Австро–Венгрии), преимущественно на сельхозработах в крестьянских семьях, откуда были призваны мужчины, и помещичьих экономиях. Остальные работали на сахарных заводах, а небольшая группа — в дворниках Рыльска²⁸.

В начале войны в уезде прошли аресты всех мужчин военнообязанного возраста из числа иностранных подданных, воюющих с Россией государств. Они были объявлены гражданскими пленными и немедленно высланы на восток страны. Среди них был, например, мастер Глушковской суконной фабрики Теодор Гофман²⁹.

Однако вскоре Рыльский уезд сам стал местом приема гражданских пленных и депортированных россиян, сосланных под надзор полиции за потенциальный шпионаж и сомнительное поведение. Так, в 1915 г. из района Либавы сюда прибыл этнический немец Е. Г. Фрей, который стал служить на сахарном заводе при ст. Коренево³⁰.

В общем итоге за 1861–1917 гг. древний Рыльск и его сельская округа показали историческое многообразие миграций и особенно становление их новейших проявлений: от неземледельческого отходничества до военного беженства в тыловую местность.

Примечания

¹ Курская губерния: Итоги статистического исследования. Курск, 1887. С. 12, 16–18 2-й паг.

² ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1520. Л. 2–4 об.

³ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 1472. Л. 20, 31, 142; *Сувчинский К. Е.* Переселенцы в Оренбургской губернии // Материалы по статистике Оренбургской губернии. Оренбург, 1889. Ч. 2. С. 2–3, 6.

⁴ Курская губерния... С. 51 2-й паг.

⁵ Приложения к всеподданнейшему отчету статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб., 1896. С. 124.

⁶ *Кауфман А. А.* Хозяйственные положения переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии. СПб., 1895. : Т. 1, ч. 1. С. 38–41 1-й паг.

⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 193. Л. 12–13, 42 об.

⁸ *Минко Н.* Переселенческое движение в 1907 г. // Вопросы колонизации: Переселенческий сб. 1908. № 3. С. 1–2, 14–15.

⁹ Журналы заседаний 46 очередного Курского губернского земского собрания 1910 г. Курск, 1911. С. 917–919; Обзор Курской губернии за 1914 год. Курск, 1915. С. XXVII–XXXIX.

¹⁰ Курская губерния... С. 17, 181 1-й паг., 16–18, 44 2-й паг., 122 3-й паг.

¹¹ РГИА. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 266. Л. 35 об.

¹² ГАКО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 324. Л. 1 об.

¹³ Труды Курского губернского статистического бюро. Вып. 7: Итоги сельскохозяйственной и земельной переписи 1917 г. по Курской губернии. Курск, 1922. С. 39, 124–129.

¹⁴ Там же. С. 33, 124; Курская губерния... С. 16–18 2-й паг., 122 3-й паг.

¹⁵ РГИА. Ф. 573. Оп. 25. Д. 521. Ч. 2. Л. 63–64.

¹⁶ ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 11119. Л. 104–104 об.

¹⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 428. Оп. 1. Д. 7. Л. 16–16 об.

¹⁸ ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 688. Л. 211–217 об.

¹⁹ Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–62 г. СПб., 1863. Ч. 1. Разд. XVIII. С. 26–28; РГИА. Ф. 573. Оп. 25. Д. 515. Л. 174; ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 634. Л. 284–293.

²⁰ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Вып. 20: Курская губ. С. 1–5, 52, 58, 232–233; ГАКО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 324. Л. 1–1 об.; РГИА. Ф. 1290. Оп. 11. Д. 1090. Л. 1264, 1267.

²¹ Памятная книжка Курской губернии на 1892 год. Курск, 1892. С. 160 5-й паг.

²² ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 634. Л. 284–293.

²³ РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1764. Л. 129.

²⁴ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10433. Л. 746–749 об.

²⁵ Там же. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–2, 53, 84, 87, 114 об., 191, 427 об.–430.

²⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 733. Л. 204–204 об.; Д. 2346. Л. 113–114, 193; Д. 9442. Л. 111 об.–112, 135; Ф. 32. Оп. 1. Д. 2183. Л. 5–6 об.

²⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9122. Л. 30, 207 об., 435 об.–436; Д. 9134. Л. 84; Труды Курского губернского статистического бюро. С. 33.

²⁸ ГАКО. Ф. Р-322. Оп. 1. Д. 3. Л. 108–109.

²⁹ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8521. Л. 1–19.

³⁰ Там же. Д. 8881. Л. 39–71.

ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ПОМОЩИ СЕМЬЯМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ИЗ РЫЛЬСКА И ЕГО ОКРУГИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Столетний опыт оказания социальной помощи солдатским семьям после Русско-японской войны получил обобщение в особом законе «О призрении нижних воинских чинов и их семейств» от 25 июня 1912 г.

Теперь порядок обеспечения родственников военнослужащих вобрал в себя не только жен и детей, но отца и мать, дедушку и бабушку, братьев и сестер призванного при условии, что они содержались его трудом. Главным видом попечения являлся так называемый продовольственный паек, выдаваемый деньгами из следующего расчета: не менее 1 пуда 28 фунтов муки, 10 фунтов крупы, 4 фунтов соли и 1 фунта постного масла в месяц на взрослую душу¹. Дети до 5 лет получали пособие в половинном размере².

Выдача денежных средств производилась Государственным казначейством из расчета средней стоимости продуктов. Кроме того, если семья не имела собственного жилья, ей бесплатно предоставлялось помещение с отоплением или даровой приют. С просьбами и заявлениями в городах необходимо было обращаться в городские управы, а в сельских местностях — к земским начальникам³.

С самого начала Первой мировой войны городским властям поручалось ежемесячно сообщать об изменении состава солдатских семейств, чтобы регулировать выдачу денежных пособий. Если первоначально наблюдалось увеличение числа призреваемых, так как некоторые мобилизованные оставляли дома беременных жен, то со временем число лиц сокращается за счет умерших стариков и детей.

Уже 12 августа 1914 г. указом Сената была образована общероссийская организация «Комитет ее императорского высочества великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну» с центром в Москве с последующим созданием его местных отделений. Возглавивший Курское отделение губернатор Н. П. Муратов рапортовал в Москву о повсеместном оказании бесплатной помощи в полевых работах семьям, из которых в связи с мобилизацией изъята рабочая сила, в виде уборки урожая хлебов текущего года и посева озимых⁴. Одновременно местные кооперативы бесплатно предоставляли молотилки, веялки и сеялки⁵. Также были открыты приюты для призрения детей вдовцов.

В уезде, где объявлялась мобилизация, образовывалось уездное попечительство под председательством уездного предводителя дворянства. В Рыльске им стал Илья Федорович Баранов.

На чрезвычайном заседании Рыльской государственной думы, состоявшемся 14 августа 1914 г., была зачитана телеграмма императора Николая II с сердечной благодарностью за верноподданнические чувства, выраженные по

поводу открытия военных действий. Из доклада городского головы М. И. Бокитко следует, что в Рыльске уже было учреждено Особое городское попечительство — подразделение губернского отделения⁶. Городской управе было поручено выйти с запросом к курскому губернатору о том, как скоро можно ожидать казенного пособия, предназначенного для обеспечения семейств, полностью или в виде аванса. В крайнем же случае испрашивалось разрешение на выдачу попечительству суммы до 2000 руб. из городских средств с тем, чтобы этот расход был покрыт из первого полученного казенного пособия, на что было получено одобрение. На первое время острая нужда в субсидиях была устранена⁷.

Начавшаяся война вызвала широкомасштабную мобилизацию: уже в 1914 г. из Рыльского уезда было призвано 5597 чел.⁸, а к лету 1917 г. — 23 540⁹. Колоссальный патриотический подъем среди рылян имел и благотворительную составляющую: «обыватели города Рыльска весьма активно отнеслись к призыву о пожертвованиях на нужды семьям призванных на военную службу»¹⁰. Генерал-адъютант Владимир Анатольевич Барятинский передал 100 руб. на усиление средств попечительства, а местный землевладелец Иосиф Ильич Хрущев — 200 руб. Оба они были избраны членами попечительства.

Попутно был организован сбор добровольных пожертвований среди населения. К примеру, 28 июля 1914 г. было выдано 30 подписных листов, 3 из которых возвращены чистыми, 10 не имели отметок о возврате, а суммарный приход по оставшимся составил 748 руб.¹¹.

На 2 августа 1914 г. в Рыльске уже зарегистрировали 240 семейств, на которых распространялось действие закона от 25 июня 1912 г. Из благотворительных сумм они получили 300 руб. из расчета 1 руб. 25 коп. на семью¹².

Для выдачи пособий из казны необходимо было определить среднюю стоимость продуктов, полагающихся по закону: по Рыльскому уезду она составила 2 руб. 49 коп.¹³ Таким образом, в период с 1 сентября по 1 декабря 1914 г. ежедневно полагалось по 8 копеек на одну взрослую душу. Позднее эта сумма индексировалась.

До 1 декабря 1914 г. ассигнования на выдачу продовольственных пособий из городских средств думой не производились, но из добровольных пожертвований выдали 981 руб.¹⁴

К концу 1915 г. в городе насчитывалось 528 семей, которым предполагалось раздать за декабрь 4504 руб., но на руки было выдано 4359 руб.¹⁵ Минимальная выплата составила 3 руб. 24 коп. на одно призреваемое лицо. Максимум составил 27 руб. 54 коп. на семью из девяти человек, причем деньги выдавались ежемесячно.

Летом 1916 г. Рыльская городская управа сообщила в канцелярию губернатора о том, что в городе не существует никакой организации помощи сиротам и полусиротам воинов. Семьям же призванных на войну, кроме выдачи казенного пайка, выдается пособие в малом размере из благотворительных сумм,

но только в исключительных случаях ввиду того, что их приток почти прекратился. До 1 июня попечительством из вышеназванных средств было передано этим семействам 3290 руб.¹⁶, а Рыльское уездное казначейство с 23 по 29 декабря 1916 г. добавило еще 212 руб.¹⁷

В сельских местностях выдача пособий происходила раз в три месяца. За это время в среднем одно призреваемое лицо получало 7 руб. 47 коп. К примеру, в Костровской волости 10 семьям было выдано 257 руб., основная масса полностью получила деньги за ноябрь (с 23 числа) 1914 г. по февраль 1915 г. Часть призреваемых получила полагающуюся ей помощь впервые¹⁸.

В Петровской волости за период с сентября по ноябрь 1914 г. роздали 4837 руб.¹⁹ За время же с августа 1915 по ноябрь 1916 г. 10 семейств вместо предполагавшихся 711 руб. получили 631 руб.²⁰

После свержения монархии глава Временного правительства Г. Е. Львов требовал безостановочной работы Комитета и его отделений. Правда, 9 марта 1917 г. елизаветинскую организацию переименовали в Московский комитет по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну²¹.

В связи с оставлением губернаторами своих должностей вводилась должность комиссаров Временного правительства. В Курске им стал Н. Н. Лоскутов, который просил 29 мая 1917 г. белгородского, грайворонского, корочанского, курского, путивльского, рыльского, старооскольского, суджанского и щигровского уездных комиссаров фактически заново организовать работу комитетских подразделений, поскольку они не функционировали²². Какой-либо информации о работе попечительств г. Рыльска и его уезда на это время нет. А уже 5 сентября 1917 г. Московский комитет был упразднен, все его права и обязанности перешли к Министерству государственного призрения.

Примечания

¹ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10708. Л. 2.

² Там же. Ф. 320. Оп. 1. Д. 640. Л. 347.

³ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10708. Л. 2.

⁴ Там же. Ф. 171. Оп. 1. Д. 86. Л. 13 об.

⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10708. Л. 24.

⁶ Там же. Ф. 171. Оп. 1. Д. 87. Л. 33.

⁷ Там же. Л. 24 об.

⁸ *Симкин Д. С.* История воинских призывов россиян, 1874–1917 (на примере Курской губернии): Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2006. С. 191.

⁹ Труды Курского губернского статистического бюро. Вып. 7: Итоги сельскохозяйственной и земельной переписи 1917 г. по Курской губернии. Курск, 1922. С. 33, 85.

¹⁰ ГАКО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 87. Л. 34.

¹¹ Там же. Ф. 302. Оп. 1. Д. 640. Л. 64–64 об.

¹² Там же. Л. 9.

¹³ Там же. Ф. 302. Оп. 1. Д. 640. Л. 41.

- ¹⁴ Там же. Л. 116.
¹⁵ Там же. Ф. 125. Оп. 1. Д. 213. Л. 125.
¹⁶ Там же. Ф. 171. Оп. 1. Д. 86. Л. 157.
¹⁷ Там же. Ф. 328. Оп. 1. Д. 624. Л. 3.
¹⁸ Там же. Ф. 125. Оп. 1. Д. 213. Л. 5.
¹⁹ Там же. Л. 53.
²⁰ Там же. Ф. 125. Оп. 1. Д. 255. Л. 204.
²¹ Там же. Ф. 171. Оп. 1. Д. 86. Л. 208.
²² Там же. Л. 210.

В. В. Раков

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РЫЛЬСКА И РЫЛЬСКОГО УЕЗДА ПЕРИОДА РЕВОЛЮЦИЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В публикациях по истории Курской губернии в период системного кризиса 1917–1920 гг. Рыльску и Рыльскому уезду посвящено мало страниц по сравнению, скажем, с Курском, Белгородом или Львовом. И дело здесь не только в относительной удаленности Рыльска от губернского центра, что, естественно, имело значение, или в недостаточном количестве исторических источников исследуемого периода по конкретному уезду. Дело заключается в другом: Рыльск в это время дважды «выпадал» из общего регионального исторического процесса. Первый раз подобное случилось в 1918 г., когда с апреля по ноябрь город и большая часть уезда оказались в составе другого государства — первоначально Украинской народной республики, а затем — Украинской державы гетмана Скоропадского. Второе «выпадение» Рыльска произошло осенью 1919 г., в период «Московского похода» Вооруженных сил Юга России (ВСЮР). Но в последнем случае город действительно оказался не на основных театрах боевых действий на северо-западном направлении, которые проходили на львовско-дмитриевской и сумской оперативных линиях, а сам Рыльск был «тихо» оставлен как красными, так и белыми. Многие села и целые волости Рыльского уезда, уже находясь в глубоком тылу деникинских войск, так и не увидели ни одного казака, улана или дроздовца.

Более всего в плане наличия источников по истории Рыльского уезда не повезло революционному 1917 г. Те исследователи, которые занимались проблематикой 1917 г. и начального этапа советского строительства в Курской губернии, знают об ограниченном количестве документов по этому периоду, имеющих в фондах ГАКО. Их преобладающая часть вместе с фондами советских учреждений 1918 — первой половины 1919 г. была утрачена при эвакуации советских учреждений в сентябре 1919 г.

До настоящего времени единственным комплексом опубликованных документов о событиях 1917 г. в Курской губернии является сборник «Борьба за установление и упрочение советской власти в Курской губернии», изданный в далеком юбилейном 1957 г.¹ Сборник охватывает период с марта 1917 г. по декабрь 1918 г. включительно и содержит 518 архивных документов и газетных материалов о событиях 1917 г., из общего числа более 1500 документов, помещенных в книге. Публикуемые документы были выявлены составителями сборника в центральных (ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ЦГАОР, ЦГАКА, ЦГИАЛ) и местных архивах (Московский областной государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства, Курский и Воронежский партархивы и Государственный архив Курской области). Кроме того, в сборник были включены материалы периодической печати. Газетные публикации в подавляющем большинстве представлены курскими изданиями. В сборнике отражены четыре газеты. Материалы из них (всего 47) распределились следующим образом: «Курская жизнь» — 18, «Курский край» — 17, «Свободная речь» — 9, «Курская военная газета» — 3. Как видим, среди них нет ни одной уездной газеты.

Рыльск и Рыльский уезд в год двух революций представлен в 16 документах, хранящихся в ГАРФ (бывший ЦГАОР) — в количестве 10 единиц, ГАКО — 5, учтен также один материал из газеты «Курская жизнь». Приведенные данные еще раз подчеркивают ограниченность источников по 1917 г., находящихся, прежде всего, в местном архиве. Не отличаются документы и тематическим разнообразием. В семи из них содержатся материалы о советском строительстве в уезде, в восьми освещается аграрное движение и в одном говорится о партийном строительстве. Практически не представлены документы, отражающие экономическую жизнь, общественно-политическое развитие, культуру, образование, повседневную жизнь людей.

Не лучше обстоит дело с публикацией документов по истории Рыльского уезда и в сборнике «Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920)», вышедшем в 1967 г.² Он состоит из трех разделов («глав» в авторском названии). В разделе I «Курская губерния в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (апрель 1918 г. — февраль 1919 г.)» лишь в четырех документах содержится информация по Рыльскому уезду. И это при том, что именно Рыльский уезд непосредственно входил в ту треть губернии, которая была оккупирована австро-германо-украинскими войсками. Раздел II сборника «Курская губерния в период решающих побед Красной Армии на фронтах гражданской войны (март 1919 г. — февраль 1920 г.)» включает семь интересующих нас документов. Но среди них ни одного по периоду контроля уезда частями ВСЮР в сентябре–ноябре 1919 г. И, наконец, в раздел III «Курская губерния в период мирной передышки и борьбы с белополяками и Врангелем (март–декабрь 1920 г.)» имеется еще семь документов с материалами о Рыльском уезде. Таким образом, в сборнике из 288

размещенных документов лишь 18 содержат информацию по Рыльску и Рыльскому уезду.

Может сложиться впечатление, что источниковая база по истории уезда периода революций и Гражданской войны крайне ограничена. В действительности дело обстоит несколько иначе. Работа по выявлению документальных и иных источников по проблеме региональной истории 1917–1920 гг. в различных архивах и библиотеках позволяет утверждать, что источники все-таки есть, и, на наш взгляд, в достаточном количестве, чтобы реконструировать основные события периода Гражданской войны по Курской губернии в целом, и Рыльском уезде в частности.

Более того, значительная часть из них до сих пор не исследована и не введена в научный оборот. А отдельные источники — по периоду пребывания уезда в составе украинских государств (1918 г.) и под контролем деникинской администрации (1919 г.) — даже уникальны, так как подобных фондов в регионе сохранилось немного.

Для иллюстрации вышесказанного дадим общую характеристику наиболее важным коллекциям документов, хранящимся как в отдельно образованных фондах уездных учреждений, так и в фондах губернских учреждений. В ГАКО имеется достаточно большой массив документов по истории Рыльского уезда в 1917–1920 гг. Документы по 1917 г. (ноябрь–декабрь) представлены как отдельная коллекция лишь фондом Рыльского уездного совета народных комиссаров (фонд Р-1893). Это, прежде всего, документы, раскрывающие процесс организации органов революционной власти в уезде: протоколы заседаний Совета, волсоветов, резолюции крестьянских сходов и собраний, переписка с губисполкомом о ликвидации учреждений Временного правительства и установлении советской власти. Большой массив документов этого фонда относится к вопросам военного строительства: приказы и циркуляры высшего военного совета Курского революционного совета и военно-революционного штаба; материалы по формированию партизанских отрядов, пехотных и артиллерийских частей РККА, записи добровольцев. В фонде имеются документы о постановке на учет помещичьих имений, заготовке и реквизиции хлеба и других продуктов питания. Большая часть документов этого фонда хронологически относится к январю–апрелю 1918 г.

Отдельные документы, относящиеся к началу 1918 г., имеются в фондах Р-2511 «Рыльский уездный отдел управления», Р-2499 «Рыльское управление по эвакуации населения», Р-3297 «Рыльский уездный комиссариат по военным делам», Р-327 «Губернское статистическое бюро» и Р-313 «Курское губернское земельное управление».

Материалы за 1919 г. (с января по август — начало сентября и на конец ноября — декабрь, т. е. советский период), а также за весь 1920 г. достаточно массово отложились как в указанных фондах, так и в других, таких, как Р-718

«Рыльский уездный исполнительный комитет совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», Р-2561 «Рыльский уездный отдел рабоче-крестьянской инспекции», Р-1741 «Рыльская уездная земская управа» и др.

Однако часть фондов, комплектовавшихся на местах, по Рыльскому уезду не сохранилась. Это фонды Рыльского уездного комиссара Временного правительства (1917 г.), уездного революционного комитета (1919 г.), уездного бюро юстиции (1920 г.), уездного статистического бюро (1918–1920 гг.), уездного финансового отдела (1917–1919 гг.).

В связи с этим особую научную значимость приобретают документы, ставшие доступными исследователям лишь в новейшее время. Они сосредоточены в объединенном фонде Р-1010 «Учреждения периода оккупации Курской губернии немецко-гайдамацкими войсками и армией Деникина». Он не был включен в путеводитель по фондам ГАКО, изданный в 1958 г. и почти полстолетия являвшийся единственным справочником по архиву³.

Объединенный фонд был сформирован из документов представительных и исполнительных органов местного самоуправления — волостных, уездных земских управ и городских дум и управ — в январе 1982 г. Причиной создания объединенного фонда, как указано в исторической справке к его описи, «послужила малообъемность составивших его фондов и их однородность деятельности»⁴. Однако это не являлось, на наш взгляд, единственной причиной. По действовавшим в советское время правилам фонд, имевший гриф «особо ценные» документы, был поставлен для исследователей в режим ограниченного доступа. Не случайно ни один документ, находящийся в этом фонде, не попал в сборники документов 1957 и 1967 гг.

В Курской губернии ликвидация демократических («буржуазных») органов местного самоуправления происходила до февраля 1918 г. Однако в южных и юго-западных уездах, оккупированных немецко-украинскими войсками, они были восстановлены и просуществовали до декабря 1918 г. В августе–декабре 1919 г., когда Курская губерния находилась под контролем ВСЮР, эти органы были также частично восстановлены. В уездах были созданы управления, подчиненные уездным начальникам, назначаемым губернатором Римским-Корсаковым, а также возобновлена деятельность уездных и городских управ.

В состав фонда Р-1010 ныне входят документы Рыльской городской думы и Рыльской городской управы, а также Теткинской волостной земской управы Рыльского уезда. Документы фонда Р-2569 «Рыльская городская дума» поступили на хранение в ГАКО 29 августа 1936 г. в количестве двух дел. Рыльская городская дума представлена двумя делами, документы которых отражают ее деятельность за период с 2 января по 24 ноября 1918 г. Это протоколы заседаний и книга постановлений городской думы. В деле имеются журналы заседаний Рыльской городской думы за период с января по декабрь 1918 г. (подлинники), а также журнал частного совещания гласных Рыльской городской думы

и представителей местных общественных организаций по вопросу об организации охраны г. Рыльска от 6 мая (23 апреля) 1918 г.

Определенный интерес представляют подлинники баллотировочных листов по результатам голосования по вопросам, выносимым на рассмотрение думы: о предании суду председателя и членов продовольственной управы, о назначении жалованья городскому голове и членам городской управы, о выборах членов городской думы и финансовой комиссии и др. В деле имеется книга постановлений Рыльской городской думы за январь–октябрь 1918 г.⁵

Документы фонда Р-2554 «Рыльская городская управа» поступили на хранение в ГАКО 20 июля 1931 г. в количестве 142 дел. 24 сентября 1958 г. в результате экспертизы ценности к уничтожению было выделено 63 дела, «не имеющих исторической и практической ценности». На постоянном хранении остались 79 дел. В 1958 г. к фонду было присоединено одно дело из фонда Р-2547. Таким образом, фонд Рыльской городской управы составляют 80 дел, в том числе два за 1916 г. Наш период количественно представлен следующим образом: 1917 г. — 19 дел, 1918 г. — 39, 1919 г. — 18. В архивных делах за 1917 г. содержатся: списки купцов Рыльска за 1917 г. и домовладельцев I части города; документы о состоянии медицинской, ветеринарной и санитарной работы; подлинники протокола заседаний думского комитета по оказанию помощи беднейшему населению от 28 ноября 1917 г.; счета и расписки об израсходовании сумм на содержание милиции; документы о выделении средств на содержание и ремонт учебных заведений⁶.

В архивных делах за 1918 г. имеются как документы, относящиеся к советскому периоду, так и документы периода германо-украинской оккупации. Среди первой группы следует выделить протоколы заседаний отдела городского хозяйства уездного ревкома, переписку городской управы с Рыльским уездным революционным советом, объявление Рыльской уездной земской управы о переименовании ее в Рыльский уездный отдел революционного совета по земскому самоуправлению от 24 января 1918 г. Из второй группы документов наибольший интерес представляют: переписка с императорским германским комендантом г. Рыльска и уезда, комендантом Черниговщины об оплате счетов за продукты, поставленные городским самоуправлением в германские и украинские части; переписка с уездным военным начальником о расквартировании формирующихся частей украинской армии; сметы на содержание украинских войск; переписка с волостными земскими управами о составлении призывных списков⁷.

Важные документы, раскрывающие организацию местной власти и внутреннюю политику деникинской администрации, относятся к архивным делам за 1919 г. В их числе: приказы главноначальствующего Харьковской области генерала Май-Маевского; циркуляры курского губернатора Римского-Корсакова; сметы городских доходов и расходов за сентябрь–декабрь 1919 г.; переписка с

попечителем Харьковского учебного округа по вопросам финансирования учебных заведений; рыночные справочные цены и т. д.⁸

Документы фонда Р-2518 «Теткинская волостная земская управа» поступили на хранение в ГАКО 13 мая 1931 г. в количестве 8 дел. Среди документов имеются анкетные листы и списки лиц, нуждающихся в продовольствии (по волостям); окладные листы по взиманию земских сборов с торгово-промышленных заведений с. Теткино за 1917–1918 гг.; призывные списки граждан волости 1895 г. рождения; списки присяжных заседателей; списки учителей волости; сведения о площади посевов, о наличии кустарных заводов, о количестве пахотной и луговой земли; цены на хлебные продукты и др.⁹

Несомненно, что в условиях ограниченного количества архивных источников или их типовой идентичности следует максимально использовать другие виды исторических документов и, прежде всего, материалы периодической печати. Видовое и жанровое многообразие газетно-журнальных публикаций общеизвестно. Отметим при этом, что в средствах массовой информации за 1917 г. содержится целый ряд текстов официальных документов (постановлений, резолюций, решений, приговоров и т. д.) государственных органов и органов местного самоуправления, а также возникших в 1917 г. общественных организаций, претендовавших на властные полномочия (советы, комитеты). Большая часть подлинников этих документов утрачена.

Кроме того, в газетах имеется и масса другой информации, несомненно необходимой исследователю. Это и репортажи с места событий, отчеты, в том числе — стенографические, о различного рода собраниях и заседаниях, письма в редакцию газет, хроника событий и происшествий и т. д. В них содержатся не только факты, но и присутствует своеобразный «дух» эпохи.

С точки зрения позитивистской истории исторический факт должен быть подтвержден источником, предпочтительно документальным. Но это далеко не всегда возможно. Жизнь значительно богаче документов. В этом отношении газета может стать тем хрупким, порой единственным инструментом исторической реконструкции.

Наиболее многочисленными группами газетной периодики являлись издания, которые представляли ведущие политические и социальные силы общества. Среди них главными были официальные издания, военные газеты, газетные издания российских информационных учреждений, печатные органы политических партий и газеты для крестьян. В Курской губернии в 1917–1920 гг. в уездах выходили газеты 34 наименований. Географически издания распределяются следующим образом: Белгород — 6, Рыльск — 5 (еще одна газета выходила в Теткино, Рыльского уезда), Старый Оскол и Щигры — по 4, Тим — 3, Суджа, Льгов, Путивль, Короча — по 2, Фатеж, Обоянь, Дмитриев — по 1 газете.

Четыре рыльских газеты издавались уездными и городскими органами революционной власти в 1918–1920 гг. (исполкомом совета, комитетом РКП (б), революционным комитетом)¹⁰, две газеты являлись изданиями частными и выходили в 1917 г.¹¹ Именно эти частные газеты 1917 г. и приобретают особое значение как исторический источник. Но, к сожалению, сохранился лишь один экземпляр «Теткинского вестника» (№ 2 за 7 мая, хранится в РНБ).

А вот «Рыльский листок» представлен № 1 (2/15 июня) — 39 (23 октября / 5 ноября). Комплект газеты имеется в РНБ (полный) и РГБ (кроме № 28), научной библиотеке ГАРФ (№ 18–27, 29–39) и ГАКО (№ 20, 24, 27). «Рыльский листок» выходил два раза в неделю в виде двух или четырех малоформатных страниц. Редакция располагалась в мужской гимназии по Шелеховской улице, контора — в магазине Яковлевых по Архангельской ул. Печаталась газета в типографии «Скоропечатня М. М. Яковлевой и С-я П. и Г.» в Рыльске.

Иллюстрацией тезиса о ценности местной газеты как источника свидетельствует и сам стиль подачи материала, который станет понятен после прочтения нескольких примеров-извлечений из «Рыльского листка».

6 (19) августа 1917 г. прошли выборы в Рыльскую городскую Думу. Вот как информировала газета об этом официальном событии: «Явка избирателей была высокой. Из общего числа избирателей в 7378 человек в выборах приняли участие 3785 (51,3 %). В целом выборы прошли спокойно, за исключением случая ложного вызова пожарных на избирательный участок в период особой активности избирателей — около часа дня»¹².

Или другой пример освещения почти эпохального революционного события — создания Рыльского уездного совета крестьянских депутатов: «В пятницу 15 августа в зале бывшего общественного собрания состоялось заседание Рыльского совета крестьянских депутатов, организованного у нас неутомимым энергичным мировым судьей Сабуровым — он же выбран секретарем совета ... Докладчик читал достаточно внятно и отчетливо свой доклад по земельному вопросу; затем предложил слушателям задавать ему вопросы. Простодушные “землеробы” внимательно слушали заманчивые перспективы будущего землеустройства — общинного и подворного, которые рисовал перед ними опытной рукой докладчик (заснули только двое и очень крепко, сидевшие у задней стены). Были вопросы, но возражений докладчику не было. И казалось, что рассказывается увлекательная сказка, уносящая их от грубой суровой действительности, и эти трезвые и практичные люди верят всей душой этой обаятельной сказке, верят потому, что хотят верить»¹³.

Достаточно подробно освещала пресса и те факты, которые не фиксировали официальные документы: «БЕСЧИНСТВО. В понедельник накануне праздника Успения Пресвятой Богородицы толпа баб собралась во дворе продовольственной управы и с диким криком и жуткими угрозами по адресу г. Маевского требовала пшеничной муки на пирог к годовому празднику, так как он

де “престольный”. Выступление религиозных гражданок, из коих вряд ли хоть одна причислена к соборному приходу, имело полный успех. Больные, желающие вместо ржаной муки получать белую, обязаны представить для этого в продовольственную управу медицинское свидетельство о болезни с рублевой гербовой маркой. Следовало бы и от гражданок, которые буйством вымогают муку к “престолу”, требовать удостоверения от церковного причта их прихода с рублевой гербовой маркой в том, что они действительно “престольные”. Иначе при 12 церквях Рыльска найдется такое множество “престольных”, что никакой муки для остального, менее благочестивого, но не потерявшего всякий стыд населения, не хватит»¹⁴.

Следующие два документа содержательно связаны друг с другом. Первый — официальный: «Обращаю внимание домовладельцев на то, что на улицы выпускаются лошади, коровы и домашняя птица. Виновные будут привлекаться к строгой ответственности по 29 ст. Устава о наказаниях согласно 103 ст. Городового положения. Начальник милиции Ломакин»¹⁵. Второй — отклик читателя на это обращение: «В последних номерах “Рыльского листка” г. начальник Рыльской милиции обращает внимание домовладельцев на то, что на улицы выпускаются лошади, коровы и домашняя птица, в том числе, конечно, и куры, за что виновные будут привлекаться к ответственности. Правда лошади выпускаются не путанными; но ведь не может же каждая хозяйка стоять на берегу реки, ожидая с пастбища коровы и тащить ее домой за рога, чтобы корова не смогла на полчаса задержаться в пути.

Почему же сделано предпочтение свиньям (не принят ли во внимание герб города Рыльска?), которые свободно разгуливают по улицам, портя тротуары и вспахивая откосы гор и пригорков, отчего впоследствии образуются промоины. Иногда даже занимаются археологическими изысканиями, разнося по улицам кости и черепа покойников с Потатуринской горы, с которой не так давно Городская управа делала выемку земли, разрыв старое кладбище, которым хотела засыпать Катунин ров на Воскресенской улице; но часть свезенного в ров кладбища вскорости дождями была унесена в реку Сейм. Да, особенное внимание следовало бы уделить и именно свиньям. П. Р.»¹⁶.

И в заключение пример иронического, но пророческого предсказания газеты: «Шестого августа на сельском сходе 1-го общества села Коровяковки председатель местного украинского культурно-просветительного общества “Просвіта” рассказал крестьянам об украинском движении, об украинской Центральной раде, ее соглашении с Временным правительством, об украинской партии социалистов-революционеров. Прочитав и разъяснив резолюцию первого Всеукраинского крестьянского съезда, предложил крестьянам организовать в “Українську селянську спілку “Земля и воля” — Украинский крестьянский союз “Земля и воля””. Крестьяне сейчас же решили организовать в “спілки” и для того выбрали комитет “спілки”, который уже начал свою деятельность.

А мы и не знали, что самостояйна Украина находится в непосредственной близости к Рыльску. Хай живе Коровяковка»¹⁷. Пройдет около полугода, и Рыльск действительно временно станет частью независимого украинского государства.

Примечания

¹ Борьба за установление и упрочение советской власти в Курской губернии: Сб. док. и материалов. Курск, 1957.

² Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920). Воронеж, 1967.

³ Государственный архив Курской области: Путеводитель / Под ред. Ф. И. Лаппо, П. П. Пятовского. Курск, 1958.

⁴ См.: Введение к описи фонда Р-1010 «Учреждения периода оккупации Курской губернии немецко-гайдамацкими войсками и армией Деникина», составленное главным хранителем ГАКО Е. Мочульской. С. 8.

⁵ ГАКО. Ф. Р-1010. Оп. 1. Д. 1–2.

⁶ Там же. Д. 5–23.

⁷ Там же. Д. 24–55.

⁸ Там же. Д. 56–80.

⁹ Там же. Д. 145–151.

¹⁰ Известия Рыльского революционного комитета. Рыльск, 1918; Известия Рыльского исполкома и уездного комитета РКП (б). Рыльск, 1918–1919; Известия Рыльского Ревкома и городского бюро фракции РКП (б). Рыльск, 1919; Красная искра: Офиц. орган Рыльск. исполкома и укома РКП (б). Рыльск, 1920–1921.

¹¹ Рыльский листок / Ред. Н. Малышев, Е. Глебов, М. Хостник; Изд. Л. Н. Яковлева. Рыльск, 1917; Теткинский вестник / Ред.-изд. И. И. Гребенюк. Теткино, 1917.

¹² Рыльский листок. 1917. 7 (20) авг.

¹³ Там же. 1917. 22 авг. (2 сент.).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. 1917. 7 (20) авг.

¹⁶ Там же. 1917. 1 (14 сент.).

¹⁷ Там же. 1917. 28 авг. (10 сент.).

Н. В. Раков

РЫЛЬСК В ПЕРИОД ГЕРМАНО-УКРАИНСКОЙ ОККУПАЦИИ 1918 г.

Проблема военного, административного и судебного управления на территориях, временно вошедших в состав Украины (до 29 апреля 1918 г. — Украинской народной республики, затем — Украинской державы гетмана Скоропадского), не нашла должного отражения в научных публикациях и краеведческой литературе о Рыльске.

Для ее понимания следует кратко обратиться к событиям, предшествовавшим наступлению германо-украинских войск весной 1918 г. Новая власть в лице Рыльского военно-революционного комитета (ВРК) была образована 26 ноября (9 декабря) 1917 г. Состав ВРК, общей численностью 44 человека, был достаточно широк и демократичен¹. Такое положение вещей некоторое время обеспечивало «мирное сосуществование» ВРК и органов городского самоуправления.

Сменивший ВРК Рыльский уездный революционный совет — более радикальный по своему составу (большевики и левые эсеры) — решил взять всю полноту власти и управления, включая организацию городского хозяйства, в свои руки и принял решение о прекращении деятельности городской думы и управы. В этой связи очередное собрание Рыльской городской думы 23 января 1918 г. постановило: «На основании предписания Рыльского уездного революционного совета от 23-го сего января за № 445, Рыльская городская дума, подчиняясь требованию революционного совета, прерывает свои занятия и стоит перед необходимостью поручить управе сдать все делопроизводство, имущество и денежные суммы избранному Рыльским уездным революционным советом комиссару хозяйственного отдела города Рыльска Семену Григорьевичу Степанову»².

Деятельность Рыльской городской думы была возобновлена 2 (15) апреля 1918 г. К этому времени немецко-гайдамацкие части находились уже в непосредственной близости от города и Рыльский совет народных комиссаров принял решение о своей эвакуации. На заседании гласных городской думы была оглашена копия протокола экстренного заседания Рыльского совета народных комиссаров от 2 (15) апреля 1918 г., где говорилось: «Передать власть в городе городскому самоуправлению последнего выбора. <...> Комиссарам и членам отделов, сдавшим отчет, представляется право уехать на свое постоянное местожительство, оставив свои адреса, а служащие, по окончанию составления отчета, считаются уволенными». Обсудив изложенное постановление совета народных комиссаров и исходя из создавшегося положения дума постановила: «Прерванные 23-го января текущего года занятия городской думы возобновить в пределах полномочий, предусмотренных законом»³.

Опасаясь, что город будет подвержен нападению банд, орудовавших в округе, дума даже подготовила депутацию в Коренево для встречи с немецким командованием по вопросу скорейшего занятия города, что вскоре и произошло. На закрытом заседании внеочередного собрания Рыльской городской думы, состоявшемся 6 (19) апреля 1918 г., было заслушано сообщение гласного С. А. Геращенко о необходимости подыскания подходящих помещений для немецких солдат «во избежание занятия ими квартир в домах обывателей»⁴.

Незанятыми оккупационными войсками оказались три волости в северной части уезда, где в двадцатых числах мая был образован Рыльский уездный совет народных комиссаров⁵.

Первое освобождение Рыльска состоялось достаточно скоро. В ходе маневренных боев «советские части», правильнее сказать — партизанские отряды и другие вооруженные группы, атакой с трех сторон 12 (25) апреля 1918 г. заняли Рыльск. Но их пребывание в городе было недолгим⁶. Вскоре они покинули город, который подвергся нападению вооруженных групп (имевших в том числе и артиллерию). Перепуганная этими событиями городская дума приняла решение избрать депутацию в составе трех человек для ознакомления немецкого военного коменданта с положением в уезде, где оперировали различного рода вооруженные отряды, начиная от революционных и заканчивая бандитскими. Кроме того, исполняющий обязанности городского головы С. Г. Степанов провел переговоры с германским комендантом по вопросам обеспечения населения города хлебом, весьма затрудненным из-за беспокойной обстановки в уезде⁷.

Немецко-украинское наступление к «этническим границам» тем временем было продолжено. Дальнейшее продвижение немцев создавало угрозу потери не только Льгова, но и Курска. Кстати, в центральной печати даже появилась ошибочная информация о взятии Курска немцами. В ночь с 25 на 26 апреля в Курском совете народных комиссаров до глубокой ночи шли дебаты о посылке делегации для переговоров с немцами о том, что «Курская губерния нейтральна и что она должна уйти в пределы Украины»⁸.

27 апреля 1918 г. Курский губернский совет народных комиссаров получил из Москвы телеграмму за подписью Чичерина: «Завтра, 28 апреля, в Курске начнутся мирные переговоры между русским и украинским правительствами. Приготовьте помещения для заседаний и жилья. Передайте командованию украино-германскими войсками о необходимости немедленного прекращения военных действий»⁹.

После выезда представителей российской мирной делегации на фронт 4 мая 1918 г. было заключено перемирие в секторе, который находился под руководством немецкого командования в районе Коренево: «<...> 1. Установлена нейтральная зона в ширину 10 км, которую не должны переходить обе стороны. С германской стороны зона идет по линии: Суджа — Коренево — ж. д. Коренево-Рыльск. На русской стороне — по линии: Мазеповка — Степановка — Нижняя Груня — пересечение ж. д. Коренево — Льгов, дороги Александровка — Скрылевка — Кремянное — Малая Локня, Черкасское Поречье — Курочка — Шиповка — Пушкарное и Русская Конопелька. 2. Вышеозначенные зоны не должны переходить никакие охраняющие или разведывательные патрули с обеих сторон. 3. Реквизиция продовольственных припасов на нейтральной зоне воспрещается каждой из сторон, а также частным лицам. 4. Обе стороны не отвечают за проход через означенные границы частных лиц. <...> 6. С момента подписания этого договора обе стороны гарантируют, что больше боевых действий предприниматься не будет»¹⁰.

В планах гетмана П. П. Скоропадского было стремление объединить в составе своего государства все этнографические украинские земли, включая Бел-

городчину и Рыльщину (именно эти названия территорий встречаются в официальных украинских документах. Согласно 6 статье Брестского мира правительство Советской России обязывалось вывести с территории Украины свои войска, признать Украинскую народную республику и начать переговоры с нею для подписания мирного договора и установления государственных границ. Еще в Бресте украинская делегация поставила вопрос о немедленном проведении таких переговоров. Но Г. Я. Сокольников, возглавлявший российскую делегацию, сославшись на отсутствие у нее соответствующих полномочий, отказался их начинать.

После предварительных контактов российско-украинские переговоры начались только 23 мая 1918 г. в Киеве. 12 июня 1918 г. был подписан договор об условиях перемирия. 14 июня 1918 г. стороны перешли к обсуждению вопроса о границах. К этому времени демаркационная линия между РСФСР и Украинской державой проходила через Сураж — Унечу — Стародуб — Новгород-Северский — Глухов — Рыльск — Колонтаевку — Суджу — Белехино — Купянск¹¹.

Но украинская сторона не считала эту линию своей границей. Опасаясь, что переговоры затянутся на неопределенный срок, украинская делегация пошла, со своей точки зрения, на компромисс, предложив провести линию границы в пределах Курской губернии следующим образом: на юг по линии Амонь — Сафроновка — река Свапа, далее по Свапе и Сейму до Глушково. По мнению же российской стороны «украинские» части Курской губернии должны были остаться в составе России¹².

Непосредственное обсуждение территориальных проблем выявило принципиальные разногласия в подходах сторон. Украинская сторона, ссылаясь на международные нормы, выдвинула как определяющий этнографический принцип, при котором стратегическая и экономическая целесообразность имела подчиненный характер. Советская делегация в основу территориального размежевания предлагала положить принцип самоопределения населения тех или иных территорий. В результате длительных и острых дискуссий обе стороны согласились при определении границ руководствоваться этнографическим принципом, учитывая весь комплекс политических, экономических и региональных интересов населения¹³.

Как только были получены сведения о желании присоединить часть Курской губернии к Украине губернский исполнительный комитет выступил 3 (16) июня 1918 г. с декларацией, имевшей целью: «1) Выразить самый решительный и категорический протест против присоединения какой бы то ни было части Курской губернии к Украинской державе, как грубо пренебрегающего определенно и ясно выраженной волей всего трудового населения губернии в том числе и оккупированных уездов, желающего остаться в составе РСФСР и сопротивляться насильственному присоединению к Украинской державе всеми средствами, вплоть до вооруженного восстания. <...> 3) Все резолюции, выне-

сенные в оккупированных частях Курской губернии после оккупации, считать не действительными, как принятые под угрозой военной силы и несоответствующих свободной и подлинной воле населения»¹⁴.

Вместе с тем Украинская держава уже приступила к освоению и обустройству новых владений. В приказе министра внутренних дел от 2 (15) июня 1918 г. указывалось, что отныне под власть черниговского губернского старосты попадают пограничные Путивльский и Рыльский уезды, а харьковского — Суджанский, Грайворонский, Белгородский, Корочанский и Новооскольский уезды Курской губернии¹⁵. 4 (17) июня 1918 г. Министерство иностранных дел также уведомило министерство финансов и продовольствия, что к Украинской державе присоединены ряд новых уездов, в том числе Грайворонский, Новооскольский, Путивльский, Суджанский и Рыльский Курской губернии со всеми фабриками и заводами¹⁶.

Окончательное юридическое закрепление курских территорий в составе Украинской державы было оформлено постановлением Совета министров от 14 августа 1918 г.¹⁷ Надо заметить, что Рыльская и Суджанская городские думы в мае–июне 1918 г. обращались в Киев с просьбой о включении всей территории уездов в состав Украины по экономическим соображениям¹⁸.

Охрану государственных границ в Российской империи осуществлял Отдельный корпус пограничной стражи. Его организационная структура была адаптирована к украинскому государству. 12 июня 1918 г. на совещании под председательством министра финансов А. К. Ржепецкого было принято постановление, согласно которому граница Украинского государства делилась на восемь районов, охраняемых пограничной бригадой. Каждая из шести сухопутных бригад (Подольская, Волынская, Северная, Курская, Хоперская, Донецкая) состояла из шести отделов, в которые входило по пять отрядов, в отряд — по три смешанных поста. В состав смешанного поста, кроме начальника караула, его помощника и кашевара, входили четыре пеших и четыре конных казака¹⁹.

Но первоочередным, задолго до определения границ, для УНР стал вопрос об организации таможен. Еще 26 марта 1918 г., согласно постановлению совета народных министров УНР за № 439, под попечительством министерства торговли и промышленности были образованы на главных пограничных пунктах «комиссариаты-агентуры», задачей которых был контроль над экспортируемыми и импортируемыми грузами и товарами. Впоследствии правительством Украинской державы были приняты дополнительные меры по созданию сети таможенных пунктов. Согласно «Перечню местностей на границе Украины с Великороссией, в районе которых предусмотрено в ближайшие дни открыть таможенные учреждения» на начало июля 1918 г. предполагалось открытие таможенных пунктов на украинско-российской границе в районе украинских поселений и городов Торчин, Хутор Михайловский, Ворожба, Конотоп, Валуйки²⁰.

Пропуск российских и украинских граждан через украинское пограничье определял циркуляр № 633 «О порядке пропуска через границу пассажиров» директора Департамента таможенных сборов от 27 мая 1918 г. Кроме того, пропуск за границу и возвращения на Украину всех лиц, кроме сотрудников таможен, мог быть допущен «только по выданным соответствующими властями документам, на которых будут помещены надписи немецких властей, которые выезд за границу разрешают», а пропуск иностранных граждан допускался лишь при наличии документов, выданных соответствующими зарубежными властями. Но начиная с середины сентября 1918 г. по распоряжению германских военных властей проезд с Украины в Россию через Коренево воспрещался. Пропускные пункты были открыты в Харькове и Белгороде²¹.

Основу охранительной политики гетмана составило российское имперское законодательство. Оно временно заполнило нормативно-правовые бреши, которые образовались в результате деятельности на Украине предшествующих властей. В Российской империи главной фигурой, олицетворяющей ее незыблемость на местах, был губернатор. У гетмана Скоропадского, который не имел времени для экспериментов, восстановление этого института не вызывало сомнений. Однако с учетом украинской государственно-казацкой традиции главы местной администрации теперь стали называться «старостами» и «атаманами».

С самого начала своих властных полномочий гетманское правительство приступило к назначению администрации и в так называемых спорных районах, государственная принадлежность которых еще не была определена окончательно международными соглашениями. Уже 9 мая 1918 г. гетманским приказом № 1 в собственно украинских и новообретенных землях были назначены губернские старосты: Киевщины — И. Чарторыжский, Херсонщины — С. Пищевич и Харьковщины — П. Залесский²². Губернским старостой Черниговщины стал Н. Высоцкий, а рыльским уездным старостой — Н. А. Коренев.

Полномочия губернских и уездных старост, городских атаманов были достаточно широки. Они имели право контроля местных органов самоуправления. Решения последних вступали в силу только после утверждения старостами. 30 августа вышел закон «Об изменениях и дополнениях некоторых постановлений о проведении выборов городских и земских гласных». По нему право отстранения от должностей всего состава или отдельных членов земских и городских управ получил министр внутренних дел, который до проведения выборов городских и земских гласных на основе новых законов о городском и земском самоуправлении утверждал кандидатуры их исполнительных органов²³.

В декабре 1918 г., за несколько дней до конца своего правления, гетман утвердил закон «Об изменениях, дополнениях и ликвидации действующих узаконений о волостных, уездных и губернских учреждениях по управлению сельскими местностями». Волости, которые были созданы после Февральской революции, ликвидировались. В будущем планировалось создать новую мелкую

земскую единицу, а до этого действовали волостные правления, избранные на волостных собраниях представителей от десяти дворов и сельских общин. Право выбора представителей на сельских сходах принадлежало жителям, которые имели «домашний очаг» и достигли 25 лет. Там же избиралось и сельское правление²⁴.

Судебная власть на местах в Украинской державе также была организована по российской схеме. Уже 25 мая был утвержден закон, согласно которому «в случае присоединения к Украинской державе по стратегическим или иным причинам новых территорий на них немедленно распространяется действие украинской государственной власти и всех законов и постановлений ее». Министр внутренних дел получил право временно назначать такие территории к действию ближайшего окружного суда и округа судебной палаты, а также назначать собственной властью мировых судей и председателей мировых судов на срок до 1 января 1922 г.

Согласно закону от 8 июля 1918 г. восстанавливалось действие бывших судебных палат. На территории Украинской державы все губернии были распределены по принадлежности к юрисдикции трех судебных палат: Киевской, Харьковской и Одесской.

Распространение украинской юрисдикции в зоне точно не установленной границы с Советской Россией не вызывало возражений у австро-немецких союзников. 20 июня была распространена деятельность украинских окружных судов: Сумского — на Путивльский уезд, частично на Рыльский и Обоянский, Харьковского — на Белгородский и Грайворонский уезды, Острогожского — на Новооскольский уезд²⁵.

Организация мирового судоустройства в украинском государстве также не претерпела практически никаких изменений. Территориальные границы юрисдикции съездов мировых судей в большинстве украинских губерний составляли уезды вместе с принадлежащими к ним городами. Среди самых маленьких уездных съездов мировых судей на Украине были Грайворонский и Суджанский — по три участка²⁶.

Таким образом, сущность гетманской организации власти на местах состояла в приспособлении соответствующих органов государственного механизма Российской империи к реалиям самостоятельного развития Украинской державы. Введенные новшества носили в основном косметический характер и не касались общих принципов, на которых была построена российская модель местного управления.

Рыльск стал и местом дислокации немецкого и украинского гарнизонов. Проблема их размещения и пребывания была взвалена на плечи местного самоуправления. В конце мая 1918 г. в распоряжении уездного воинского начальника находились следующие помещения: для канцелярии; для конвойной команды; для ратников государственного ополчения в количестве 300 чел., призванных на учебные сборы; помещения для складов имущества неприкосно-

венного запаса и вооружения частей государственного ополчения, набираемого в военное время (на пять сотен ополченцев); пороховой погреб на тридцать пять сотен пехих и одну конную сотню ополченцев; особое помещение для караула в 5 чел. караульных казаков; особое помещение для занятий учеников писарей.

В тоже время количество казаков штатного состава, постоянно размещенных в городе, было невелико: два унтер-офицера сверхсрочника; восемь человек писарей; десять человек конвойной команды²⁷.

Рыльский уездный воинский начальник полковник Георгиев в письме от 6 июня 1918 г. № 2073 информировал Рыльскую городскую думу: «В виду предстоящего набора новобранцев для формирования новой украинской армии, прошу выяснить совместно с посланным от вверенного мне управления капитаном Окушко: 1) сколько и где именно можно будет разместить прибывающих новобранцев; 2) какой требуется ремонт помещений и какой имеется на лицо инвентарь (нары, лампы, столы, скамейки и т. д.; 3) какое содействие может оказать городская управа в отношении довольствия и доставки продуктов для прибывающих новобранцев и 4) сколько именно людей и лошадей и где может город принять для постоянного расквартирования»²⁸.

Член городской управы И. Д. Крживицкий совместно с капитаном Окушко произвели осмотр помещений, необходимых для расквартирования частей формирующейся украинской армии. Ответ Рыльской городской думы гласил: «По осмотру оказалось: 1) в доме, называемом «16-я батарея», и его флигелях можно поместить 200 человек, и в конюшнях, находящихся при этом доме 75 шт. лошадей; в доме городской управы на третьем этаже 65 человек; в казармах при доме Каменева 180 человек; там же во всем помещении приспособлены нары. 2) Требуется побелить помещения 16-й батареи все и устроить нары или кровати, а в одном из флигелей, прилегающих к этому дому, нужно исправить пол, а инвентаря (ламп, столов и скамеек) почти не имеется. 3) Что касается продовольствия и продуктов, что будет возможно посредством продовольственной управы, будет оказано содействие. 9 июня 1918 года. Член управы Крживицкий»²⁹.

Сам рыльский уездный воинский начальник («повітової війскової начальник») занимал квартиру в доме Александра Ивановича Пошутилина по Преображенской улице, возле церкви Вознесения, состоящую из трех комнат, теплой передней комнаты и маленькой кухни, и оснащенную необходимой мебелью³⁰.

Кроме того, городским управлением были отведены помещения и для временного размещения «нештатных казаков», которых в течение мая–августа 1918 г. было расквартировано: а) учеников писарей за весь период 1550 чел., в том числе в мае — 446, июне — 455, июле — 408, августе — 241; б) нестроевых для разных назначений за весь период 1452 чел., из них в мае — 369, июне — 387, июле — 363, августе — 333; в) «пересувальних казаков» за весь период 20 478 чел., в том числе в мае — 5492, июне — 6253, июле — 5703, августе — 3030; г) рекрутов за весь период 3274 чел., из них в мае — 2192, июне — 132,

июле — 846, августе — 104; д) «записных казаков», призванных на службу, за весь период 41 чел., из них в мае — 25, июне — 16; е) ратников государственного ополчения, призванных на службу, за весь период 7202 чел., из них в мае — 1195, июне — 2748, июле — 2048, августе — 1211; ж) пленных за весь период 45 чел., из них в мае — 12, июне–августе — 33. Все вышеперечисленные военнослужащие и пленные были размещены в гражданских зданиях и казармах³¹.

Содержание войсковых подразделений Украинской державы должно было компенсироваться украинским государством. Но выделяемые средства запаздывали и не покрывали расходов. В соответствии с расчетом о количестве квартирных окладов, причитающихся к выдаче Рыльской городской управе от казны за отвод помещений для воинских штабов, управлений и заведений за первый квартал 1918 г., представленным в Черниговский губернский распорядительный комитет, полагалось 410 руб. 97 коп.³²

11 ноября 1918 г. Германия подписала акт о перемирии, что означало ее фактическую капитуляцию. Для Советской России открылась возможность аннулировать Брестский мир. 13 ноября 1918 г. ВЦИК РСФСР официально заявил, что считает договор недействующим. Началось освобождение районов, оккупированных немецко-украинскими войсками. В телеграмме из Курска в Орел в штаб 9-й дивизии говорилось: «22 ноября 1918 г. Сообщаю: седьмой Суджанский повстанческий 21 ноября, перейдя демаркационный участок, три подрайона занял Рыльск. Пушкарная, Коренево от гайдамаков очищены»³³.

П р и м е ч а н и я

¹ Борьба за установление и упрочение советской власти в Курской губернии: Сб. док. и материалов. Курск, 1957. С. 123–124.

² ГАКО. Ф. Р-1010. Оп. 1. Д. 1. Л. 35 об.

³ Там же. Л. 40–40 об.

⁴ Там же. Л. 53.

⁵ Известия Курского объединенного Совета рабочих и крестьянских депутатов. Курск, 1918. 30 мая.

⁶ Орловские известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. 1 мая.

⁷ ГАКО. Ф. Р-1010. Оп. 1. Д. 1. Л. 56–57.

⁸ Набат: Агитац. орган при Кур. совете народ. комиссаров и Воен. комитете по борьбе с контрреволюцией. 1918. 27 апр.

⁹ Известия Курского объединенного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. 28 апр.

¹⁰ Борьба за установление... С. 200–201.

¹¹ Гражданская война на Украине: Сб. док. Киев, 1967. Т. 1, кн. 1. С. 344.

¹² *Лупандін О. І.* Питання кордонів Української Держави 1918 р. в контексті українсько-російських мирних переговорів // Регіональна історія України: Зб. наук. ст. Вип. 3. Київ, 2009. С. 189.

- ¹³ Мирні переговори між Українською Державою та РСФРР 1918 р.: Протоколи і стенограми пленарних засідань: Зб. док. і матеріалів. Київ; Нью-Йорк; Філадельфія, 1999. С. 304–305.
- ¹⁴ Известия Курского объединенного Совета рабочих и крестьянских депутатов. Курск, 1918. 4 июня.
- ¹⁵ Тимощук О. В. Охоронний апарат Української держави (квітень–грудень 1918 р.). Харків, 2000. С. 209.
- ¹⁶ Приазовский край. 1918. 6 (19) июня.
- ¹⁷ Історія державної служби в Україні: у 5 т. Київ, 2009. Т. 1. С. 462–463.
- ¹⁸ ГАКО. Ф. Р-377. Оп. 1. Д. 40. Л. 286–286 об.; Там же. Ф. Р-1010. Оп. 1. Д. 1. Л. 98.
- ¹⁹ Гай-Нижник П. П. Фінансова політика уряду Української Держави гетьмана Павла Скоропадського (29 квітня – 14 грудня 1918 р.). Київ, 2004. С. 137–139.
- ²⁰ Гай-Нижник П. П. Податкова політика Центральної Ради, урядів УНР, Української Держави, УСРР (1917–1930 р.р.). Київ, 2006. С. 126.
- ²¹ Курская беднота. 1918. 18 сент.
- ²² Державний вістник [Київ]. 1918. 31 травня.
- ²³ Там само. 1918. 11 липня; 7 вересня.
- ²⁴ Мироненко О. Національне владування у губерніях, повітах, містах і волостях Української Держави // Історико-політичні уроки української державності. Донецьк, 1998. С. 222
- ²⁵ Державний вістник [Київ]. 1918. 14 липня; 15 серпня.
- ²⁶ Тимощук О. В. Охоронний апарат... С. 346.
- ²⁷ ГАКО. Ф. Р-1010. Оп. 1. Д. 46. Л. 39.
- ²⁸ Там же. Л. 6.
- ²⁹ Там же. Л. 7–7 об.
- ³⁰ Там же. Л. 15–15 об.
- ³¹ Там же. Л. 39–39 об.
- ³² Там же. Л. 47–48.
- ³³ Документы по истории Гражданской войны в СССР. Т. 1: Первый этап гражданской войны. М., 1941. С. 430.

Е. О. Алексапольская

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО РЫЛЬСКОГО РАЙОНА НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Исследуя состояние сельского хозяйства Курской области в годы Великой Отечественной войны, мы столкнулись с необходимостью анализа его развития в предвоенный период, в том числе на материалах отдельных районов. Рассмотрим состояние сельского хозяйства Рыльского района, одного из типичных районов Курской области.

По архивным данным на 1939 г. территория Рыльского района составляла 853,22 кв. км, в том числе: полевая пашня — 42,795 кв. км, огороды — 6,562 кв. км, леса — 12,392 кв. км, сенокосные угодья — 9,236 кв. км, пастбища

— 4,806 кв. км. Состав почв на территории района довольно разнообразный. Это пойменные луговые, пойменные болотные, серые лесные, темно-серые лесные почвы, черноземы оподзоленные¹. Серые лесные почвы сформировались под дубравами. Среди черноземных и серых лесных почв в виде пятен возникли пойменные луговые и болотные почвы, а также почвенные разности. Черноземы являются лучшими почвами области. «Царем» почв назвал их В. В. Докучаев². Именно черноземы при достаточном количестве влаги очень плодородны, используются под посевы зерновых, технических, овощных, кормовых культур, садов и виноградников.

На территории района протекает река Сейм, имеются озера и пруды. При правильной организации рыболовства возможный объем улова в рассматриваемое время мог составлять 1000–1500 центнеров³.

К концу 1930-х гг. коллективизацию на территории Рыльского района можно считать завершённой, ее процент составил 96,1 %. В 72 колхозах было объединено 7229 крестьянских хозяйств. Что касается единоличных хозяйств, то их количество было незначительно: всего 290 хозяйств на район⁴. О том, как распределялись земельные угодья в Рыльском районе, свидетельствуют данные таблицы 1⁵.

Табл. 1. Распределение земельных угодий в Рыльском районе

Сектор	Площадь угодий (га)
колхозы	61505
усадыбы колхозников	3396
совхозы	8370
единоличники, кроме того	89
рабочие и служащие	113
учреждения и организации	11849

Итак, в 1939 г. наибольшее количество земельных угодий находилось в пользовании колхозов и составляло 61 505 га, из которых 3396 га отводилось под усадыбы колхозникам. Наименьшее число земельных угодий, как уже говорилось выше, имели единоличные хозяйства. Среди наиболее распространенных культур в колхозах можно назвать рожь, овес, сахарную свеклу, пшеницу, гречиху, ячмень, горох, овощи и бахчевые, коноплю и картофель. Также некоторую часть посевных площадей отводили для выращивания кормовых корнеплодов, клевера, люцерны. Отметим, что колхозы имели 29 876 га посевных площадей, в том числе: озимых — 8986 га, яровых — 20 890 га, зерновые занимали 23 214 га. Это подтверждают данные таблицы 2⁶.

Табл. 2. Распределение посевных площадей в Рыльском районе (в гектарах)

Культура	Сектор			
	колхозы	совхозы	единоличные хозяйства	учреждения и организации
Всего посев	29876	2234	137	11
Озимые	8986	196	26	—
Яровые	20890	2038	111	11
Всего зерновых	23214	944	52	—
Рожь	5643	117	26	—
Озимая пшеница	3343	79	—	—
Яровая пшеница	2090	1	—	—
Ячмень	1006	40	—	—
Овес	5636	562	2	—
Гречиха	2777	10	8	—
Горох	552	9	—	—
Сахарная свекла	3850	15	—	—
Картофель	229	529	64	9
Овощи и бахчевые	726	150	10	2
Конопля	252	18	5	—
Кормовые корнеплоды	274	92	6	—
Клевер посева прошлых лет	651	195	—	—
Люцерна	20	2	—	—

Как видим, в районе выращивали разнообразные сельскохозяйственные культуры, что говорит о преобладании различных севооборотов, а именно, девятипольного и восьмипольного⁷. Колхозы возделывали почву, применяя следующий сельскохозяйственный инвентарь: конные сеялки, которых насчитывалось 197, молотилки (27), плуги (2248), жатки (255), сенокосилки (113), телеги (ходы) (2109)⁸.

Интересно отметить, что в Рыльске находились контрольно-семенные лаборатории и хаты-лаборатории, например, Рыльская контрольно-семенная лаборатория, Рыльский государственный сортоиспытательный участок и две хаты-лаборатории⁹.

Существенного развития достигло и животноводство. На 1 января 1939 г. в районе насчитывалось 14 конеферм с 435 лошадьми. Выращивали и разводили крупный рогатый скот, свиней, овец. Существовало два вида колхозных животноводческих ферм: племенные и неплеменные. О том, какой скот и в каком количестве выращивался на этих фермах, показано в таблице 3¹⁰.

Табл. 3. Колхозные животноводческие фермы в Рыльском районе на 1 января 1939 г.

Скот	Фермы							
	племенные				неплеменные			
	кр. рогатого скота	свиноводческие	овцеводческие	смешанные	кр. рогатого скота	свиноводческие	овцеводческие	смешанные
Крупный рогатый	82	—	—	—	2967	—	—	817
В т. ч. коровы	30	—	—	—	1047	—	—	254
Свиньи	—	62	—	—	—	903	—	454
В т. ч. свиноматки	—	24	—	—	—	204	—	95
Овцы	—	—	—	—	—	—	3631	1119

На неплеменных фермах поголовье скота было намного выше. Особенно нужно отметить смешанные фермы, где разводили крупный рогатый скот, свиней и овец. При этом овец разводили в большем количестве. Также существовали фермы, на которых разводились, пусть и в небольшом количестве, племенные свиньи и крупный рогатый скот. Значительную роль играло молочное животноводство. В колхозах было 35 молочнотоварных ферм.

В городе действовала инкубационная станция. Емкость инкубаторов на этой станции составляла 45000 яйцемест. Также работала 31 колхозная птицеферма.

В районе развивалось садоводство и пчеловодство. В колхозах площадь садов составляла 594,18 га, в личном пользовании колхозников находилось 106,05 га, совхозы имели 140 га, а единоличные хозяйства 12,76 га. В колхозах на конец 1939 г. насчитывалось 67 пасек, в них имелось 6418 пчелосемей¹¹.

Анализируя состояние сельского хозяйства нужно обратить внимание на развитие местных предприятий, которые занимались переработкой сельскохозяйственного сырья и выпускали различную продукцию для аграрных нужд (см. табл. 4¹²).

Табл. 4. Основная промышленность Рыльского района (включая промкооперацию)

№	Наименование предприятия, отрасль производства	Подчиненность	Год организации	Валовая продукция за 1938 г. в неизменных ценах (тыс. руб.)	Среднесписочное число рабочих за 1938 г.	
1	Сахарный завод им. Куйбышева	Сахоротрест	1898	4,803	520	
2	Рыльская каменоломня	Управление строй-материалов	1918	45,2	33	
3	Артель «Пищевик» (пивоварение)	Облпищепромсоюз	1929	1972,5	61	
4	Птицекомбинат (убой птицы)	Наркомпищепром	1935	731,4	64	
5	Росглавмясо (колбасное производство)	—	1937	331,0	6	
6	Росглавхлеб (хлебопечение)	—	1935	438,0	48	
7	Маслозавод (производство масла, сыра)	—	1920	228,8	52	
8	Мелькомбинат (производство муки и крупы)	Облмельуправление	1919	1006,5	26	
9	Артель «Красный октябрь» (пошив платьев)	Облтекромсоюз	1926	419,6	197	
10	«Скороход» (производство обуви)	Облремобувсоюз	1926	144,1	154	
11	Промышленный комбинат	Валяльное производство	Областное управление местной промышленности	1933	7,9	9
12		Швейное производство	—	1936	21,3	18
13		Сапожное производство	—	1924	6,5	12
14		Мелоизвестковое производство	—	1938	0,6	2
15		Кирпичный завод	—	1907	83,1	29
16	Горжилуправление (мелоизвестковое производство)	Наркомхоз	1936	1,8	3	
17	Кирпичный завод	Управление услуг ЦК ВКП (б)	1934	12,4	3	
18	Маслозавод	—	1932	126,87	13	
19	Колбасный завод	—	1931	79,84	2	
20	Хлебопечение	Сахарный завод им. Куйбышева	1933	683,6	18	

В 1939 г. большинство предприятий принадлежало к числу мелких. Самым крупным предприятием являлся сахарный завод им. Куйбышева, число рабочих на котором достигало 520 чел. Это завод был основан в 1898 г.

Ведущей отраслью была пищевая промышленность, занятая главным образом переработкой сельскохозяйственного сырья. На предприятиях пищепрома было занято 44 % всех рабочих района. Также развивалось производство строительных материалов: добыча камня, производство черепицы и кирпича.

Старейшим учебным заведением города являлся Рыльский сельскохозяйственный техникум, открытый в 1921 г. С 1921 по 1941 г. он подготовил около 1000 агрономов, которые были направлены на работу в совхозы и колхозы различных областей страны. Директор техникума И. Е. Лесов был награжден орденом Красного Знамени¹³.

Анализ архивных материалов показал, что Рыльский район накануне войны был одним из крупных сельскохозяйственных регионов Курской области. Сельское хозяйство района было реконструировано на социалистической основе. Подавляющее большинство крестьянских хозяйств состояло в колхозах, сельскохозяйственные работы в значительной мере были механизированы. Значительно увеличились посевы технических культур, в первую очередь сахарной свеклы, картофеля. Увеличение посевов технических культур при этом не мешало росту зернового хозяйства.

За годы советской власти Рыльск превратился в значительный культурный и административный центр. Были выполнены большие работы по развитию городского хозяйства и его благоустройству.

Примечания

¹ ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2089. Л. 1.

² Атлас Курской области. М., 2000. С. 18.

³ ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2089. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 5.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 5–6.

⁷ Там же. Л. 6.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 12.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 4–4 об.

¹³ Там же. Л. 24–24 об.

РОЛЬ И МЕСТО РАЙОННОЙ ПЕЧАТИ РЫЛЬСКА В ПРОПАГАНДЕ И АГИТАЦИИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В современных условиях история Великой Отечественной войны приобретает все большую актуальность в контексте формирования национального самосознания россиян, воспитания гражданских и патриотических чувств. Но чем дальше от нас уходят события той войны, тем больше предпринимается попыток пересмотра ее истории. Наглядным примером могут служить общественно-политические процессы, происходящие в странах бывшего Советского Союза. Ревизионистские настроения и трактовки, отрицающие вклад СССР в победу над Германией, героизирующие коллаборационистов, сражавшихся на стороне Гитлера, сильны как среди западных ученых, так и среди отечественных историков. В сложившейся ситуации очень важно ликвидировать «белые пятна» в истории Второй мировой войны не только путем исследования общенациональных вопросов героического прошлого, но и при помощи изучения различных аспектов региональной истории. Это позволит полнее восстановить реальную картину событий, выявить новые, не известные ранее детали тех или иных явлений. В этой связи особое значение имеет анализ роли и места районной печати, которые дают возможность конкретизировать общую специфику местной печатной пропаганды. Рассмотрим данный вопрос на примере Рыльска.

Еще накануне войны властные партийные структуры отводили особое место районной печати в деле идеологической пропаганды. В частности, коренной реорганизации подверглась работа печатных изданий Советского Союза на основе постановления ЦК ВКП (б) от 20 августа 1940 г. «О районных газетах». В данном документе отмечались оторванность газет от колхозов и предприятий, поверхностное освещение местной партийной жизни. Одним из главных недостатков признавалось то, что страницы газет почти целиком заполнялись материалами литературных сотрудников редакции, а письма внештатных авторов использовались мало. В постановлении шла речь об отмене авторского гонорара для сотрудников редакций. Перед районными газетами ставилась цель максимального привлечения к сотрудничеству рабочих и сельских корреспондентов.

В постановлении подчеркивалось, что главная задача районной печати состояла в идейно-политическом воспитании населения на основе повседневной пропаганды текущей политики и мероприятий партии и правительства,

пропаганды, опирающейся на конкретные, близкие и понятные факты из местной практики, из жизни своего района, колхоза, предприятия. На примерах работы передовиков, стахановцев промышленности и сельского хозяйства районные газеты должны были воспитывать трудящихся в духе добросовестного отношения к труду.

Отметим, что вышеназванное постановление ЦК ВКП (б) привело к тому, что движение рабочих, сельских и юных корреспондентов, к началу 1940-х гг. набравшее силу, вступило в некоторое противостояние с профессиональными журналистами. Зачастую интересные статьи и заметки работников редакций не попадали на страницы газет, так как в первую очередь публиковались статьи рабселькоров, под которые иногда отводилось до 98 % печатной площади¹. Несмотря на перечисленные минусы, привлечение в авторский актив работников различных отраслей промышленности и сельского хозяйства позволяло расширять тематику публикаций газет, освещать вопросы партийной и колхозной жизни, работу предприятий местной и государственной промышленности, сельского хозяйства, культуры². Среди сельских корреспондентов районных газет числились агрономы, учителя, председатели сельсоветов, колхозов, бригады, учащиеся и колхозники³. Численность рабселькоров газеты Рыльского района «Знамя колхоза» достигала 320 человек⁴. Существенным недостатком привлечения внештатного авторского актива было то, что многие рабочие и сельские корреспонденты не владели даже навыками грамотного письма. Такие корреспонденции и заметки требовали предварительной литературной доработки перед их публикацией в газете, чем занимались редакционные работники.

В начале Великой Отечественной войны подверглись перестройке ключевые аспекты функционирования советской периодической районной печати. Трудности переходного периода сказались, в частности, на кадровом составе рыльской районной газеты, поскольку ее сотрудники были мобилизованы в ряды Красной Армии. Ухудшилась материальная база: недостаточное снабжение типографии газетной бумагой повлекло за собой сокращение тиража в целях экономии. Все эти меры были связаны с суровыми условиями военного времени. Однако именно в этой ситуации районная печать как средство пропаганды играла приоритетную роль в поддержании боевого духа рылян. Начало Великой Отечественной войны, перевод всей жизни страны на военные рельсы коренным образом отразились на деятельности рыльской редакции и содержательной стороне публикаций местного издания.

Отложила свой отпечаток на деятельность газеты проводившаяся эвакуация. Большие трудности в работе были сопряжены с прифронтовым положением Курской области, что, в свою очередь, повлияло на специфику функционирования печати в начальный период войны.

Газета «Знамя колхоза» знакомила читателей с основными указами военного времени, программными документами, на ее страницах освещались вопросы перестройки народного хозяйства, организации МПВО. Неоднократно затрагивалась проблема помощи фронту: публиковались обращения и призывы, приводились примеры успешных начинаний в этой сфере различных групп населения.

В условиях войны значительно возросла роль цензуры. В районной печати Курской области уже в первые дни войны стала проводиться гораздо более жесткая цензура публикуемых материалов, чем в довоенное время. Главный акцент в задачах цензоров был смещен на неразглашение военной и государственной тайны в печати и в радиовещании, что особо подчеркивалось в циркулярах Главлита. Существовавший до начала Великой Отечественной войны перечень по охране военных и государственных тайн был дополнен положениями о недопущении разглашения в печати сведений, касающихся Вооруженных Сил. Кроме того, запрещалось допускать к печати информацию о случаях отрицательного отношения населения к мобилизации. Все сведения о противнике, которые могли вызвать панические настроения, также вычеркивались цензорами.

Циркуляром от 5 августа 1941 г. по Курскому обллиту в районных газетах запрещалось публиковать не только сведения о разрушениях военных и экономических объектов, произошедших от воздушного нападения и сверхдальней стрельбы противника, но и о том, какие именно предприятия подверглись разрушению. В материале, относящемся к предприятиям, цензорам запрещалось допускать к публикации их названия. Требовалось ограничиваться следующим названием: «Н-ский завод», «Н-ская фабрика»⁵. При освещении в печати работы отдельных стахановцев рекомендовалось показывать их как работников «Н-ского завода, фабрики»⁶.

Циркуляром Главлита от 3 июля 1941 г. запрещалось упоминать в открытой печати о работе гражданского воздушного флота в военное время, а также показывать дислокацию аэродромов, авиаотрядов, авиагрупп и территориальных управлений, ранее разрешенных к печати предыдущими циркулярами Главлита. Запрещалось также публиковать все сведения о работе аэродромов Осоавиахима в военное время и их дислокацию⁷.

После выхода в свет газета «Знамя колхоза», как и другие районные газеты Курской области, поступала в обллит на последующий контроль, где выявлялись нежелательные материалы, пропущенные в печать местными цензорами и анализировалась содержательная сторона публикаций. В дальнейшем эти материалы вместе с цензорскими обзорами районных газет Курской области поступали в Главлит в Москву. В Рыльске уполномоченным райлита, контролирующим работу газеты, ежеквартально составлялись обзоры о

содержательной стороне публикаций газеты, подобные обзоры формировались и по итогам года. Помимо цензорских обзоров, Курским областным управлением по делам литературы и издательств для Главлита составлялись справки об общем состоянии дел в газетах области. В этих справках рассматривалось не только содержание публикаций, но и внешний вид газеты, ее художественное оформление, выявлялись опечатки.

Несмотря на сложности военного времени, газета «Знамя колхоза» весьма оперативно перестроив свою работу с учетом реалий военного времени, продолжала выполнять функцию средства советской пропаганды в Рыльске.

Последовавшая в дальнейшем немецкая оккупация ряда районов Курской области привела к тому, что многие советские газеты перестали выходить в свет. Им на смену пришли немецкие пропагандистские издания, ставившие своей целью внушить населению мысль о неотвратимости победы фашистской Германии, о непримиримых противоречиях между СССР и союзниками, о скором разрыве антигитлеровской коалиции.

Суть немецкой пропаганды на оккупированных территориях определялась нацистско-фашистской идеологией, основным постулатом которой была идея расового превосходства немецкой нации. Главные цели немецкой агитации сводились к следующему:

1) подорвать у граждан СССР доверие к руководителям советского государства и ВКП (б);

2) представлять населению занятых территорий войну как освободительную миссию Германии, борющейся против большевизма⁸. Средства печатной пропаганды оккупантов внушали, что Гитлер-освободитель защитит советских граждан от варварства Сталина и его соратников в отношении своего народа;

3) утверждать, что войну спровоцировали большевики;

4) изображать войну как борьбу Германии против англо-американского «жидо-империализма» и большевизма с целью установления «нового порядка» в Европе;

5) указывать на то, что Германия борется с большевизмом, а не с народом.

Основную массу печатных пропагандистских изданий составляли газеты и листовки. Некоторое количество изданий на оккупированной советской территории выходило на немецком языке. Они выпускались не столько для жителей оккупированных районов (так как среди них лиц, свободно владеющих немецким языком, было сравнительно мало), сколько для германской администрации, которая через эти газеты получала необходимую информацию и соответствующие инструкции по ведению работы среди местного населения. Так, в Рыльске издавались журналы на немецком языке со списками погибших немцев (сохранились издания 1942 г.)⁹.

Заголовок оккупационной газеты «Рыльский новый путь»

В Рыльске оккупанты наладили выпуск газеты «Рыльский новый путь», номера которой имеются в ГАКО и в АУФСБ КО. Идеологическое наполнение этой районной газеты, издававшейся «новой» немецкой властью, немногим отличалось от оккупационных изданий областного масштаба. В частности, затянувшееся открытие второго фронта фашистская пропаганда умело использовала в своих целях. В качестве весьма характерного примера такой агитации может послужить статья, опубликованная под заголовком: «Почему не может возникнуть второй фронт? Черчилль и Рузвельт дурачат Сталина»¹⁰.

Официальные сообщения германского верховного командования, агитационные статьи для передовицы поступали в редакцию в виде уже подготовленных к печати бюллетеней от берлинского пресс-бюро OAD (Ostraum-Artikeldienst). Материалы бюллетеня широко использовались в рыльской газете и зачастую заполняли ее почти целиком. Редактором бюллетеня был Вильм Штейн, бывший пресс-атташе посольства Германии в Москве¹¹.

Материалы пресс-бюро на русском языке для газеты «Рыльский новый путь», как и для других газет, издававшихся фашистами на захваченных территориях, дублировались на немецком языке в целях контроля содержания текстов со стороны немецкого руководства, не владевшего русским языком. В бюллетенях содержались биографические материалы о руководителях рейха, описания их карьеры. Например, в честь 45-летия рейхсминистра Геббельса была разослана весьма большая по объему публикация о его карьерном пути в Германии¹².

Заголовки агитационных статей-заготовок были в духе красноречия немецкой пропаганды и соответствовали ключевым ее направлениям: «Почему я буду бороться с большевизмом?»¹³, «Почему Германия сражается и отчего она побеждает?»¹⁴, «Новый земельный порядок — дар крестьянству»¹⁵, «Германия, какой я ее увидел»¹⁶, «Блеф второго фронта»¹⁷, «Как живут в Германии рабочие из восточных областей»¹⁸, «Как родной и любимый Сталин заботится о красноармейцах»¹⁹, «Советский рай»²⁰. Берлинское пресс-бюро направляло материалы для оккупационной печати в период 1942–1943 гг.

OAD

Sonderausgabe

OSTRAUM-ARTIKELDIENTST

Herausgegeben vom

OSTWELT-VERLAG G. M. B. H., BERLIN SW68

Hauptschriftleitung: Wilm Stein, Berlin
Anschrift der Schriftleitung: Berlin W 8, Kanonierstr. 40

Все на Работу!

Весь мир с наступлением весны ожидает решающих событий. На многочисленных фронтах небывалой в истории человечества войны, охватившей все части света, гигантская борьба вступает в свою последнюю фазу.

Все же главной ареной мирового столкновения останется и этой весной восточный фронт.

В течение 20 лет большевики в величайшей тайне готовились к нападению на скованную Версальским договором континентальную Европу.

Все выжимаемые иудо-большевистской властью из народов СССР богатства шли на создание и вооружение многомиллионной, чудовищной по силе, армии, с помощью которой большевики рассчитывали устранить всякое противодействие их гнусным планам и установить коммунистический режим в Европе. Трудно себе представить весь ужас и хаос, ожидавшие цивилизованный мир в случае осуществления жидо-большевистских намерений.

Развязав себе молниеносной войной руки на западе, Германия в последнюю минуту предупредила готовившийся против нее на востоке удар и выбила из рук

большевиков занесенный над Европой нож.

Но враг еще силен. В предсмертной агонии он все еще способен к бешеным атакам.

Необходимо нанести последний смертоносный удар коммунистическому режиму и навсегда освободить мир от грозящей ему большевистской чумы. От этого зависит судьба не только воюющих и нейтральных стран, но и каждого из нас в отдельности.

Мы, объявившие большевизму беспощадную борьбу, мы все верим в конечное торжество добра над злом — в грядущую победу возрожденных, жизнеспособных народов, сражающихся за свободу и национальное единство.

Но сейчас, в эти решающие дни, мало только верить в победу. На каждом из нас лежит ответственность за исход введущейся борьбы, ответственность за свою собственную судьбу, за судьбу своей семьи, за судьбу своей родины.

Горе тем, кто может, но не хочет или не решается помочь правому делу. Их имена будут произноситься с презрением, их дети будут стыдиться и гнушаться своих отцов.

В настоящий момент не может быть лишних людей. В этой титанической борьбе нет лишнего взмаха топора или молота, оборота сверла или гайки; как нет лишнего штыка на фронте.

Все будет использовано для сокрушающего удара против жидокоммунистической клики, объединившейся с мировым капитализмом во имя порабощения независимых народов.

Кто не с нами, тот против нас.

Кто может нести на плече винтовку, того ждет величайшая честь — плечом к плечу с лучшим солдатом в мире, германским солдатом, сражаться против общего врага или же бороться в тылу против бандитов и саботажников, грабящих население и разрушающих дороги.

Все остальные должны стать на работу, вступить в ряды единого трудового фронта возрожденной Европы.

Вас ждет признание родины и всего культурного человечества. Этого требуют от Вас Ваша совесть и Ваши собственные интересы.

Все на работу!

Все для победы!

Бюллетень от берлинского пресс-бюро OAD
(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 178. Л. 2)

В деревнях Рыльского района в людных местах устанавливались специальные стенды черного цвета высотой 1,2 м, на которых вывешивались фашистские газеты, плакаты, листовки и приказы. Невыполнение старостами указанного поручения рассматривалось как саботаж²¹. Об изготовленных стендах-досках сообщалось в заметках на страницах оккупационных газет.

В противовес советским газетам, на страницах которых с началом Великой Отечественной войны цензурой было запрещено размещение всякого рода частных объявлений (они могли служить закодированным посланием врагу), в оккупационной газете Рыльского района широко практиковалась публикация объявлений от местного населения об утере паспортов, о пропаже лошадей²².

Исследуя печать Великой Отечественной войны, нельзя не учитывать значение «морального фактора» на войне. Его значение хорошо понимали полководцы и идеологи вермахта. Именно поэтому во время оккупации рыляне, как и все советское население, подверглись массивной фашистской пропаганде, отличавшейся разнообразием средств и методов. Проведенный анализ содержательной стороны оккупационной газеты «Рыльский новый путь» позволяет сделать вывод, что основу ее составляли статьи пропагандистского характера. Из номера в номер на первых полосах газеты помещались сообщения германского верховного командования с восточного фронта, в которых преобладали победоносные настроения. Это служило цели деморализации населения Рыльска.

В период временной оккупации немецкими войсками части территорий Советского Союза особое значение приобрела политико-массовая работа среди населения оккупированных районов, которая должна была противостоять широкой пропагандистской деятельности оккупантов, насаждавших «новый порядок». Важность и неотложность пропагандистской работы в тылу врага вызывались и тем, что имевшаяся до войны система информации людей в условиях войны была нарушена. Отсутствие достоверных сведений в обстановке временных успехов вражеских войск порождало у людей настроения растерянности.

Идеологическим противовесом немецкой пропаганде выступала советская. Ее цель заключалась в том, чтобы постоянно разоблачать лживость вражеской пропаганды, разъяснять смысл тех или иных задач партизанской борьбы, укреплять веру в победу Красной Армии, вовлекать в борьбу с захватчиками.

Особой формой пропагандистской работы было издание партизанами различных листовок, которые разоблачали немецкую пропаганду. Например, Рыльский окружком ВКП (б) издал 11 листовок общим тиражом 8000 экземпляров, среди которых было два обращения к молодежи оккупированных районов области и несколько — с призывами к населению вступать в партизанские отряды²³.

Партизанская и подпольная печать призывала саботировать все мероприятия оккупационных властей, всячески вредить их деятельности: «Не бойтесь, смело саботируйте все мероприятия германских властей и все, что полез-

но для германской армии!...»²⁴. В листовках партизаны обращались к местным старостам с призывом не допускать отправку молодежи в Германию²⁵.

Неоценимы заслуги рыльских подпольщиков в спасении людей от угона на каторгу в Германию и от уничтожения. Они уводили население в леса под защиту партизан. При помощи печати росло количество подпольных организаций среди населения. Так, осенью 1942 г. Рыльскому окружному и Крупецкому райкому партии стало известно, что в Крупецком районе фашисты спешно угоняют население в Германию и забирают скот. Немедленно была выпущена специальная листовка с призывом саботировать приказы и уходить в партизанские отряды. Ее читали жители Крупецкого, Глушковского, Рыльского и других районов. Многие вступали в партизанские ряды. С ноября 1942 по март 1943 г. численность второй Курской партизанской бригады, которой командовал О. Г. Казанков, увеличилась с 1670 до 4687 бойцов²⁶.

Как видим, массовая районная печатная пропаганда имела вполне реальные положительные результаты, выразившиеся в сокращении количественного состава оккупационных сил вследствие активной деятельности партизан.

После освобождения Рыльска и территории Рыльского района от оккупации, наряду с восстановлением материального фонда, встала задача развертывания агитационной работы в новых условиях. В соответствии с постановлением ЦК ВКП (б) и Советского правительства «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» от 23 августа 1943 г.²⁷ местная печать должна была не только организовать население региона на успешное восстановление разрушенного хозяйства, но и придать этому движению планомерный и всенародный характер.

Одним из важнейших направлений в деятельности партийных организаций освобожденных районов стало восстановление типографий и налаживание выпуска и распространения местных районных газет. Для восстановления материально-технической базы при Курском управлении издательств и полиграфии был создан отдел по снабжению издательств полиграфическим оборудованием и материалами, а также были приглашены специалисты-механики для организации наборных и печатных цехов районных газет. Из типографии газеты «Знамя колхоза» в Управление издательств и полиграфии регулярно высылались по одному экземпляру каждого номера выпускаемой газеты²⁸.

Восстановленная рыльская газета выходила в свет в формате $\frac{1}{4}$ стандартного печатного листа с периодичностью 4 раза в месяц, что было установлено Управлением издательств и полиграфии по рекомендации отдела пропаганды и агитации Курского обкома ВКП (б) в апреле 1943 г. Подписная цена устанавливалась 1 руб.²⁹ Позднее, в соответствии с постановлением ЦК ВКП (б) от 25 августа 1943 г., в Курской области с сентября 1943 г. было разрешено издание районных газет периодичностью 2 раза в неделю³⁰.

Идейно-политическая работа государственных и комсомольских организаций была направлена на то, чтобы мобилизовать население Рыльского района на оказание помощи партийным и советским органам в восстановлении производства, обеспечении фронта всем необходимым. Важнейшими направлениями этой работы являлись разоблачение последствий лживой фашистской пропаганды, правдивая информация о положении на фронтах, в тылу, о жизни советского народа, воспитание патриотизма.

Возрождение печати области было связано с большими трудностями. Не хватало полиграфического оборудования, продолжались перебои с газетной бумагой. Однако в этой тяжелой ситуации от печати требовалось оперативное изложение событий на фронтах войны, международной информации. С этой целью в Рыльском районе, как и в других районах Курской области, создавались газетные витрины, которые позволяли получать доступ к центральной и местной советской прессе большому кругу населения.

Подводя итоги, отметим, что советская районная печать как средство массовой агитации и пропаганды явилась одним из важных факторов победы Советского Союза в Великой Отечественной войне в силу того, что печатные средства во многом позволяли поддерживать боевой дух не только бойцов Красной Армии и партизан, но и тружеников тыла.

Примечания

¹ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2682. Л. 215.

² Там же. Л. 5.

³ Там же. Л. 14.

⁴ Там же. Д. 2681. Л. 6.

⁵ ГАКО. Ф. Р-3679. Оп. 1. Д. 70. Л. 42.

⁶ Там же. Д. 66. Л. 100.

⁷ Там же. Л. 88.

⁸ *Ковалев Б. Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944. М., 2004. С. 274.

⁹ ГАКО. Ф. Р-3484. Оп. 1. Д. 6. Л. 18–24.

¹⁰ Рыльский новый путь. 1942. 2 дек.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 178. Л. 1–3.

¹² Там же. Л. 4.

¹³ Там же. Л. 6.

¹⁴ Там же. Л. 16.

¹⁵ Там же. Л. 23.

¹⁶ Там же. Л. 128.

¹⁷ Там же. Л. 138.

¹⁸ Там же. Л. 145.

¹⁹ Там же. Л. 178.

²⁰ Там же. Л. 182.

²¹ ГАКО. Ф. Р-3579. Оп. 1. Д. 49. Л. 7.

- ²² Рыльский новый путь. 1943. 16 января.
²³ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3060. Л. 98.
²⁴ Там же. Ф. Р-185. Оп. 1. Д. 25. Л. 1.
²⁵ Там же. Ф. Р-3508. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
²⁶ Там же. Л. 5.
²⁷ Правда. 1943. 23 авг.
²⁸ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3060. Л. 71.
²⁹ Там же. Л. 62.
³⁰ Там же. Д. 3059. Л. 33.

Г. Д. Пилишвили

СОЗДАНИЕ И БОЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЫЛЬСКОГО ИСТРЕБИТЕЛЬНОГО БАТАЛЬОНА В 1941 г.

Важнейшее место в укреплении тыла действующей армии в годы Великой Отечественной войны занимало осуществление мероприятий по обеспечению его безопасности. Обстановка военного времени требовала удесятить бдительность, вести беспощадно борьбу с фашистскими лазутчиками и шпионами, провокаторами и распространителями ложных слухов. Фашисты забрасывали в тыл Красной Армии большое количество агентов, подготовленных заблаговременно на случай войны, а также листовки ложного характера. Помимо агентурных групп, забрасывались агенты-одиночки, действовавшие под видом беженцев или выходящих из окружения бойцов РККА, отставших от своих частей. Как позднее писал маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский: «Охрана тылов была такой же важной задачей, как удержание позиций в обороне и выполнение приказа в наступлении...»¹. Особую роль в борьбе с различными враждебными элементами, в поддержании строгого порядка на территории прифронтовых областей играли, наряду с войсками по охране тыла Красной Армии и органами внутренних дел, истребительные батальоны из местного населения, которые должны были во всем содействовать войскам охраны тыла, а также составлять их своеобразный резерв². Истребительные батальоны создавались главным образом из партийного и советского актива, из добровольцев, физически крепких и подготовленных в военном отношении, но не подлежавших призыву в действующую армию³.

Первоначально истребительные батальоны создавались в западных областях СССР, затем в других районах, близких к полосе военных действий. В числе регионов, где их формирование началось уже в первые дни войны, была, согласно принятым 24 июня 1941 г. СНК СССР двум постановлениям «Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов» и

«О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами, диверсантами противника в прифронтовой полосе» и Курская область⁴.

26 июня 1941 г. бюро Курского обкома ВКП (б) и облисполком приняли постановление, обязывавшее первых секретарей райкомов партии и начальников РО НКВД немедленно приступить к организации истребительных батальонов во всех районах области, проведя необходимые для того мероприятия в трехдневный срок.

Руководство истребительными батальонами в масштабах области было возложено на начальника УНКВД капитана госбезопасности А. И. Поташева (с 31 июля, после объединения структур НКВД–НКГБ, областное управление НКВД возглавил капитан госбезопасности П. М. Аксенов)⁵. 28 июня 1941 г. в соответствии с приказом НКВД СССР № 00821 от 26 июня при УНКВД Курской области была создана оперативная группа по организации борьбы с диверсантами и парашютными десантами противника во главе с майором А. Г. Климиным, капитаном госбезопасности А. В. Борзенковым и заместителем начальника Управления НКГБ капитаном госбезопасности В. Т. Аленцевым⁶.

Что касается количества истребительных батальонов, созданных в июле 1941 г. в Курской области, то следует отметить следующее. На тот момент в области имелось 68 истребительных батальонов: 66 в районах и 2 в областном центре. Численность бойцов на 25 июня составляла 10 650 чел. По сведениям, поступившим из 63 батальонов, в них значилось 4978 членов и кандидатов в члены ВКП (б) (51 % личного состава) и 1061 комсомолец (11 %)⁷.

В рыльском истребительном батальоне на 26 июня числилось 120 чел., командиром был назначен Яков Григорьевич Фетисов (старший оперуполномоченный, младший лейтенант милиции), заместителем — Александр Терентьевич Чайский⁸.

Комплектование истребительных батальонов в основном было завершено к 29 июня 1941 г.

К 26 августа 1941 г. в составе рыльского истребительного батальона числилось уже 180 чел., из них членов ВКП (б) — 87, членов ВЛКСМ — 7, беспартийных — 87. Насчитывалось стрелковых взводов — 4, пулеметных подразделений — 1, винтовок — 210, ручных пулеметов — 1, револьверов — 1, гранат — 100, гладкоствольного оружия — 31, винтовочных патронов — 44 400, патронов для револьвера — 934, автомашин — 1, верховых лошадей — 22⁹.

Уже в сентябре 1941 г. курские истребители впервые были использованы и для организации обороны ряда районов области от войск противника. Батальоны, согласно плану обороны области, действовали по нему только в случае отсутствия частей Красной Армии, а если части присутствовали, то начальники РО НКВД и командиры истребительных батальонов всю работу должны были проводить в полном согласовании с общевойсковым командованием¹⁰.

В ходе оборонительных боев у западной границы Курской области, которые вели войска Брянского и Юго-Западного фронтов, между флангами 13-й и 40-й армий образовался разрыв шириной до 90–100 км. На этом участке оказалась лишь одна небольшая воинская часть¹¹. 7 сентября немцы, отбросив части Красной Армии на восток, заняли Глухов. Войсковая часть майора Свешникова с 8 сентября заняла оборону на восточном берегу р. Обеста на фронте с. Локоть. Остальной состав отряда оборонял Путивль. Свешников с 600 бойцами и 12 орудиями занял оборону шириной в 12 км, не имея справа и слева прикрытия флангов, опасаясь окружения со стороны противника. Прибывший 8 сентября в с. Крупец заместитель начальника УНКВД Курской области В. Т. Аленцев решил подкрепить часть майора Свешникова ближайшими подразделениями истребительных батальонов, для чего были вызваны из Рыльска 60 чел., из Льгова — 60 чел., Коренево и Глушково — 58 чел.¹²

Кроме того, около 40 бойцов было привлечено из Крупецкого истребительного батальона. Одна половина прибывших людей сразу была направлена на оборону совместно с военными подразделениями, а вторая половина как резерв сосредоточена в с. Крупец. 10 сентября майор Свешников получил приказ об отходе за р. Сейм для занятия нового рубежа обороны на фронте Карыж, Теткино. Таким образом, Крупецкий, Хомутовский и Рыльский районы оказались открытыми. Чтобы быстро закрыть эту брешь, на участок обороны к западу от райцентра Крупец были направлены истребительные батальоны семи районов — Льговского, Крупецкого, Рыльского, Хомутовского, Конышевского, Дмитриевского и Фатежского.

В течение 10 суток бойцы истребительных батальонов, заняв позиции по окраинам с. Крупец, подверглись артиллерийскому и ружейно-пулеметному обстрелу противника, бомбежкам немецких самолетов. В эти дни они активно вели разведывательную деятельность. Своими действиями бойцы истребительных батальонов создавали видимость присутствия на этом участке наших войсковых частей, не позволяли немцам продвигаться в сторону Крупецкого и Хомутовского районов. Собранные разведывательные данные помогли штабу Брянского фронта и руководству Курской области разобраться в создавшейся на этом направлении обстановке. Пребывание в Крупецком районе отряда истребительных батальонов позволило также эвакуировать из Крупца такие ценности, как: 75 вагонов свекловичных семян, 13 тонн пеньки, 30 тысяч мешкотары и др. 22 сентября часть бойцов истребительных батальонов совместно с воинскими подразделениями приняла участие в очистке от немецких автоматчиков Шалыгинского леса, расположенного на стыке Сумской и Курской областей. В тот же день деятельность сводного отряда истребительных батальонов прекратилась. Батальоны вернулись в свои районы¹³.

После оккупации противником в конце 1941 г. более двух третей районов Курской области здесь осталось лишь 16 батальонов.

На временно оккупированной территории области с октября 1941 г. начинается партизанская война против немецко-фашистских захватчиков. В ее развертывании значительную роль сыграли бойцы истребительных батальонов. Некоторые районы в начале октября 1941 г. были внезапно оккупированы войсками противника. В результате Дмитриевский, Хомутовский, Рыльский, Кобышевский и некоторые другие истребительные батальоны оказались в тылу немцев. Значительная часть их личного состава осталась на оккупированной территории в партизанских отрядах или в подпольных группах и организациях¹⁴. В ряде случаев на базе истребительных батальонов заблаговременно, еще до прихода немецких войск, создавались партизанские отряды.

Механизм организации партизанских отрядов был четко определен в предписаниях, которые получали оперативные работники НКВД. Согласно этим указаниям, они должны были выехать в определенный район области и провести следующую организационную работу: «Из числа бойцов истребительных батальонов совместно с начальником РО НКВД и секретарем РК ВКП (б) путем индивидуальных бесед отобрать 50–60 надежных, преданных коммунистов и комсомольцев (обязательно с их согласия), из которых создать партизанский отряд для боевой деятельности в тылу противника»¹⁵. Всего в течение 1942 г. в области был создан 51 отряд общей численностью 2051 чел.¹⁶

Таким образом, рыльский истребительный батальон с момента своего создания принял участие в боевых операциях совместно с войсковыми частями Красной Армии и в конце 1941 г. его состав был передан в партизанский отряд.

П р и м е ч а н и я

¹ *Добров П. В.* Народное ополчение в годы Великой Отечественной войны: В 2-х т. Донецк, 1994. Т. 1. С. 21.

² *Шамаев В. Г.* Партийное руководство военно-патриотическим воспитанием населения Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны. Воронеж, 1988. С. 95.

³ Там же. С. 96.

⁴ *Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Док. и материалы.* М., 1975. С. 542–543.

⁵ *Суровая правда войны: 1941 г. на Кур. земле в док. архивов: Сб. док. Курск, 2002. Ч. 1.* С. 163–164.

⁶ *На страже порядка: Из истории органов внутр. дел Кур. края.* Курск, 2002. С. 113.

⁷ ГАОПИКО. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 2773. Л. 1.

⁸ ИЦ УВД КО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

⁹ Там же. Д. 3. Л. 353.

¹⁰ АУФСБ КО. Ф. 4. Д. 128. Л. 14.

¹¹ *Ищенко А. И.* Вечный бой...: К 80-летию Кур. милиции. Курск, 1998. С. 28.

¹² ИЦ УВД КО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 3. Л. 252.

¹³ *Гришков И. Г.* Курская область в годы Великой Отечественной войны. Курск, 1998. С. 21–22.

¹⁴ Гришков И. Г. Истребительные батальоны: помощь фронту // Политический диалог. № 10. Курск, 1991. С. 27.

¹⁵ Коровин В. В. Формирование партизанских отрядов и подпольной разведывательно-диверсионной сети в Курской области (1941 г.) // Курский край: Науч.-ист. журн. 2001. № 3. С. 21.

¹⁶ Коровин В. В. Основные этапы организации партизанского движения на территории Курской области (1941–1943) // Курский край. Науч.-ист. журн. 1999. № 6. С. 5.

В. В. Коровин

ИЗ ИСТОРИИ РЫЛЬСКОГО ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА

29 июня 2011 г. в нашей стране во второй раз отмечен День партизан и подпольщиков, имеющий статус Дня воинской славы России. Учреждение этой памятной даты связано с событиями 70-летней давности, когда были приняты основные программные документы по развертыванию борьбы в тылу войск противника — директива СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 29 июня 1941 г. и постановление ЦК ВКП (б) от 18 июля 1941 г., требовавшие: «В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов и дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т. д.; в захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия»¹.

В августе–сентябре 1941 г. на территории Курской области, как и в большинстве других прифронтовых регионов страны, начал осуществляться комплекс мероприятий по организации сопротивления немецко-фашистским оккупантам. В современных условиях государственные и ведомственные архивы, снимая гриф секретности с ряда документов военного времени, открывают для исследователей новые страницы летописи народной борьбы в тылу врага, что позволяет создать более объективное представление о происходивших событиях и явлениях.

Так, изучение рассекреченных документальных материалов в ГАОПИКО и АУФСБ КО требует дополнительного обращения к дискуссионной проблеме эффективности организационного оформления и результативности боевой деятельности курских партизан. Анализ исследованных архивных документов указывает на противоречивость истории и Рыльского партизанского отряда.

В 1941 г. работу по формированию партизанских отрядов и организации их деятельности в Курской области возглавил областной комитет ВКП (б). Непосредственное выполнение задач, связанных с организацией партизанского движения, было возложено на Управление НКВД по Курской области. Оперативные работники УНКВД выезжали в районы, где совместно с начальниками

РО НКВД и секретарями РК ВКП (б) из состава истребительных батальонов отбирали в партизанский отряд 50–60 коммунистов и комсомольцев для боевой деятельности в тылу противника². К концу сентября 1941 г. подобная работа была проведена более чем в 30 районах Курской области, находившихся под угрозой оккупации.

В Рыльском районе 16 сентября 1941 г. из личного состава истребительного батальона сотрудником 4-го отдела УНКВД лейтенантом госбезопасности К. О. Бедиком было отобрано 36 человек для будущего партизанского отряда. Командиром и комиссаром временно назначались Ф. Т. Иванов и П. И. Петров, находившиеся с остальными бойцами на казарменном положении. В случае оккупации территории района намечался план отхода партизан двумя маршрутами: по правому берегу реки Сейм — в Ивановские леса, а также через урочище Мхи, далее оврагами и лесопосадками, минуя села Сучкино, Степановку и Мазеповку — с выходом в Ивановские леса, где к отряду должны присоединиться представители советско-партийного актива³.

Как следует из рапорта начальника отделения 4-го отдела УНКВД старшего лейтенанта госбезопасности В. А. Бакланова, к 22 сентября 1941 г. в Рыльский партизанский отряд были записаны 98 чел. Из них 77 чел. дали клятву партизана, пять человек от этой процедуры отказались⁴. По возрасту почти 65 % личного состава оказалось старше 40 лет, и только 27 чел. (35 %) рождены в 1901–1910 гг. Самому старшему из значившихся в первом списке отряда, и. о. директора Рыльского лесхоза М. И. Фатееву в 1941 г. исполнялось 55 лет, а самому молодому — сельскому учителю Ф. М. Шевченко было 28 лет⁵.

Для назначения командного состава отряда начальником РО НКВД были подготовлены служебные характеристики кандидатов: «Дроздов Иван Алексеевич (командир отряда — В. К.). В 1939–1941 гг. работал в должности заведующего райдоротделом, а в последнее время — председателем исполкома райсовета. В районе достаточно авторитетен, хорошо ориентируется. Политически развит хорошо. Обладает организаторскими способностями. В поведении и быту выдержан»⁶.

Начальник штаба Дроздов Иван Васильевич, 1910 г. рождения, заведующий военным отделом Рыльского РК ВКП (б): «Имеет строевую военную подготовку комсостава запаса. Развитие политическое имеет достаточное. В бытовом отношении ведет себя нормально. В некоторых случаях склонен самоустраиваться от принятия ответственных решений. Необходимым авторитетом в районе пользуется. Населенные пункты и жителей района знает хорошо»⁷.

Комиссар отряда Майский Александр Терентьевич: «С 1939 г. — первый секретарь Рыльского РК ВКП (б). Политически развит достаточно. Авторитетом в необходимой мере пользуется. В личном быту резких отклонений, если не считать случаев выпивок, от нормального поведения не имеет. По своему

характеру в некоторых случаях проявляет неуравновешенность, резкость, граничащие с неуместной грубостью и тенденцией к превышению своих прав»⁸.

Одним из основных направлений работы по подготовке к развертыванию партизанского движения стала закладка баз вооружения и продовольствия. Согласно отчетным документам, продукты и боеприпасы для Рыльского партизанского отряда закладывались в лесу подсобного хозяйства совхоза «Марьино». Так, в урочище «Крапивка» (7 км от с. Ивановское) на двухметровую глубину были зарыты 300 кг хозяйственного мыла, 300 кг сыра, 200 кг топленого масла, 10 винтовок, 4000 патронов к ним. Всего для обеспечения рыльских партизан выделялись: 1 т сала, 1 т пшена, 1 т крупы, 700 кг меда, 3 т муки, 1 т соленого мяса, 1 т сухарей, 200 кг сахара, 520 пачек махорки и другое имущество⁹.

Необходимо отметить, что для выполнения специальных заданий в тылу противника еще в июле 1941 г. в Рыльском районе сотрудники УНКВД провели вербовку агентурной сети и резидентуры. 127 человек изъявили желание принять участие в этой работе. Но как показала проведенная в 1945 г. проверка, вся оставленная на оккупированной территории агентурно-разведывательная сеть бездействовала. А некоторые завербованные открыто сотрудничали с противником. Например, агент В. М. Самойлов работал городским головой в Рыльске, а затем в Хомутовке командовал карательным отрядом по борьбе с партизанами. Агент А. И. Шестернев работал старостой улицы, выдавал местных жителей оккупантам, покинул город вместе с отступавшими немецкими войсками. Хотя 17 июля 1941 г. он давал подписку: «...Во имя спасения социалистической Родины от фашистских разбойников обязуюсь остаться на территории, занятой противником, для борьбы против него диверсионными и террористическими действиями. Клянусь перед советским народом, перед Родиной, перед великим Сталиным, что буду защищать свою Родину от нашествия фашистских варваров... до последней капли своей крови»¹⁰.

30 сентября 1941 г., за день до вторжения немецко-фашистских войск на территорию Курской области, бюро обкома ВКП(б) приняло постановление, согласно которому немедленной мобилизации подлежали группы, численностью 20 человек каждая, из шести партизанских отрядов, в том числе Рыльского¹¹. Фактически мобилизация партизанских отрядов западных районов области в базовые леса происходила уже в условиях начавшейся вражеской оккупации.

3 октября 1941 г. 35 партизан во главе с начальником штаба И. В. Дроздовым были отобилизованы в Ивановский лес, сосредоточившись в урочище Городище. Остальные 40 бойцов во главе с комиссаром А. Т. Майским покинули Рыльск во второй половине дня 5 октября, когда немецко-фашистские войска начали наступление на город. Бывший начальник Рыльского лесопункта, партизан М. С. Ефимцев сообщал об оставлении райцентра следующее: «В 13 часов 5 октября меня вызвали в РО НКВД, где поставили задачу отправиться для разведки в Хомутовский район. В момент получения задания начал-

ся артобстрел Рыльска. Выйдя из здания на улицу, мы увидели на большаке Крупец — Рыльск два танка, которые обстреливали город»¹².

Из показаний бойца отряда А. А. Машина следует, что «партизаны уходили из города поодиночке в заранее условленное место, где собралось руководство отряда, за исключением И. А. Дроздова, который был арестован немцами. Собралось около 40 человек. Весь отряд с комиссаром Майским ушел в Ивановские леса, где находились до 15 октября»¹³. Отпустив часть партизан домой, комиссар с оставшимися бойцами на некоторое время расположился на базе Дома отдыха в Марьино, где в этот период дислоцировался штаб и части 2-й гвардейской стрелковой дивизии.

При отступлении красноармейцев в направлении Курска рыльские партизаны перебрались в Банищанский лес. Через несколько дней комиссар отряда А. Т. Майский отпустил последних бойцов, а сам отправился в распоряжение обкома ВКП (б). Отмечая трудности, с которыми пришлось столкнуться отряду на начальном этапе, опрошенные впоследствии бойцы называли недостаток продовольствия, простудные заболевания, охватившие почти весь личный состав, находившийся в лесу, а также невозможность сохранения конспирации перед местным населением, которое многих партизан знало лично¹⁴.

Таким образом, уже в последней декаде октября 1941 г. Рыльский партизанский отряд как боевая единица прекратил существование. Областными органами власти предпринимались попытки восстановить это формирование. Так, 22 ноября 1941 г. вновь назначенному командиру отряда, второму секретарю Рыльского РК ВКП (б) А. В. Ермолаеву и комиссару А. Т. Майскому был дан приказ отправиться в район к месту расположения отряда, собрать весь личный состав и немедленно приступить к выполнению боевых задач по уничтожению живой силы противника, совершению диверсий на коммуникациях и ведению разведки вражеского тыла. Ставилась и задача установления регулярной связи между отрядом и 4-м отделом УНКВД методом посылки не реже трех раз в месяц связных с донесением о проведенных боевых операциях и получения дальнейших указаний. Но приказ о реорганизации Рыльского партизанского отряда выполнен не был.

В мае 1942 г. для организации партизанских групп в Рыльском районе были подготовлены организаторы: 43-летний колхозник Н. М. Рекунков, 18-летний рабочий И. А. Иванов, разведчица В. С. Родионова, работавшая до войны народным судьей в Стрелецком районе¹⁵. Но информацию о направлении этой группы через линию фронта в архивных документах обнаружить не удалось. Кроме того, в июне 1942 г. во Львовский и Рыльский районы были направлены член подпольного обкома ВКП (б) Я. П. Лазарев и члены подпольного обкома ВЛКСМ. Однако Лазарев так и не смог переправиться на оккупированную территорию и возглавить партизанское движение в западных районах Курской области¹⁶.

Отдельных патриотов, проживавших в населенных пунктах на западе Курской области, в феврале 1942 г., благодаря активизации агитационно-разъяснительной работы, удалось объединить в партизанский отряд № 1 им. Ворошилова, созданный на территории Хомутовского района. В подчинение его командованию перешла группа партизан Крупецкого района, в отряд также вошли жители Рыльского и Коньшевского районов. Таким образом, появилось крупное партизанское формирование, численность которого только в течение февраля месяца увеличилась с 640 до 860 чел. После проведения серии успешных боевых операций местом его постоянной дислокации до конца 1942 г. стали Хинельские и Брянские леса.

Брянским штабом партизанского движения на зимний период 1942/43 гг. был разработан план мероприятий по развитию партизанского движения в южных и западных районах Курской области, который предусматривал организацию рейда специально сформированным отрядом по маршруту: Хинельские леса — Ивня — Трубецкое — Колодезь. Основными задачами рейдового отряда были: создание боеспособных отрядов и групп в Рыльском, Льговском, Ивнянском, Белгородском, Солнцевском районах; организация крушения поездов на железных дорогах Харьков — Белгород — Курск, Суджа — Льгов — Брянск; разгром мелких гарнизонов противника с целью захвата их материальной базы для нужд отрядов¹⁷.

Зимой 1942/43 гг. в результате проведения партизанами ряда успешных боевых операций и агитационно-разъяснительной работы в оккупированных населенных пунктах наблюдался приток местного населения в партизанские отряды. Это позволило создать новые формирования в тылу противника. 27 декабря 1942 г. был издан приказ № 24 по Второй Курской партизанской бригаде, на основании которого предписывалось «в целях расширения партизанского движения в Рыльском районе Курской области взвод 1-го батальона в числе 26 человек выделить в самостоятельный отряд Рыльского района, передав ему все вооружение и боеприпасы, имеющиеся в этом взводе. Дополнительно выделить 10 человек с винтовками (из 2-го батальона — 5 чел., из 3-го батальона — 3 чел., из 5-го батальона — 2 чел.). Назначить командиром партизанского отряда председателя Рыльского райисполкома Дроздова Ивана Алексеевича, замполитом — политрука Евсеенкова Степана Иосифовича. Присвоить звание партизанскому отряду им. Фрунзе»¹⁸.

1 января 1943 г. из жителей Рыльского района, входивших в отряд им. Боженко, создан отряд им. Кирова¹⁹. В немалой степени росту численности отрядов способствовало начало крупного наступления Красной Армии на советско-германском фронте, повлекшее освобождение областей Центрального Черноземья.

С 17 февраля по 8 марта 1943 г. партизанские отряды Второй Курской партизанской бригады совместно с частями Красной Армии вели бои против немецко-фашистских захватчиков за освобождение Льговского, Дмитриевского,

Коньшевского и Рыльского районов. В течение 20–23 февраля 1943 г. партизаны отряда им. Фрунзе разгромили немецкий гарнизон в с. Бупел, с боем заняли села Мухино, Студенок (Луговое) Хомутовского района и хутор Жилище Льговского района, имеющие важное тактическое значение для продвижения частей РККА вдоль западного берега реки Сейм и контроля над автодорогой Льгов — Рыльск — Крупец²⁰.

О взаимодействии 248-й отдельной Краснознаменной стрелковой бригады полковника И. А. Гусева с партизанами отряда им. Фрунзе содержатся сведения в краткой характеристике боевых действий соединения: «Ночью с 26 на 27.02.43 г., согласно шифрограммы штабм 60 [(штаба 60-й армии) бригада] передислоцировалась в р-н Студенок — Капыстичи и совместно с Курской партизанской бригадой в ночь с 28.02.43 на 1.03.43 г. овладела Нижн. Чупахино, Алтуховка, Конопляновка, Асмолово, Кольтичеево, Березники»²¹.

Партизанский отряд им. Фрунзе самостоятельно действовал в тылу противника в течение 2,5 месяцев. В сводной таблице результатов боевой деятельности отряда наиболее реальная цифра — 376 истребленных солдат и офицеров противника — карандашом исправлена на 976, что представляется маловероятным, если судить по дневнику боевых действий отряда²².

Примечания

¹ Цит. по: *Логунова Т. А., Мошков Ю. А.* Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945): Сб. док. и материалов. М., 1969. Вып. 1. С. 5–7.

² АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 191. Т. 1. Л. 38–40.

³ Там же. Д. 203. Т. 1. Л. 169 об.–170.

⁴ Там же. Т. 4. Л. 28.

⁵ Там же. Т. 1. Л. 6–10.

⁶ Там же. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 4.

⁸ Там же. Л. 5.

⁹ Там же. Л. 129 об.–130.

¹⁰ Там же. Т. 2. Л. 35–37, 40, 94.

¹¹ ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2622. Л. 74–75.

¹² АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 203. Т. 4. Л. 29.

¹³ Там же. Л. 47–47 об.

¹⁴ Там же. Д. 54. Л. 13, 17.

¹⁵ Там же. Д. 203. Т. 1. Л. 27.

¹⁶ ГАОПИКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 41. Л. 157–158 об.

¹⁷ ГАБО. Ф. П-1650. Оп. 1. Д. 134. Л. 28.

¹⁸ Там же. Д. 251. Л. 13.

¹⁹ ГАОПИКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22. Л. 14, 15, 17, 19, 21.

²⁰ Там же. Д. 134. Л. 16

²¹ ЦАМО РФ. Ф. 2051. Оп. 1. Д. 1. Л. 5 об.

²² ГАОПИКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 102. Л. 13–14; Д. 47. Л. 120–121; Д. 155.

К БИОГРАФИИ ПИМЕНА КАРПОВА

Среди политических деятелей Рыльского края есть личности, оставившие заметный след не только в революционной и политической деятельности. Один из них — Пимен Иванович Карпов. Социалист-революционер, писатель-самоучка, кандидат в депутаты Учредительного собрания от Рыльского уезда, известный советский писатель. В РГАСПИ, РГАЛИ, ГАКО, периодической печати первой четверти XX в. нам удалось обнаружить интересные материалы о жизни и творчестве знаменитого земляка.

Он родился 19 августа 1884 г. в с. Турка Рыльского уезда Курской губернии в семье многодетного безземельного крестьянина-старообрядца. О своей малой родине он писал позже: «Наш край — село скрытников-староверов. Табором кочевым разбросано оно по холмам в верховьях речки Клевени и речки Амони. Это рубеж Украины, ясеневая дикая заросль, перевал солнца: отсюда весной переваливается рыжий лежебок-солнце на Север... Зиму я проводил в землянке, а лето босой и раздетый — в соседнем гаю, на деревьях, среди птичек и белок». Многое пришлось испытать в жизни будущему писателю. В своей автобиографии он писал, что в лесу его украли бродячие цыгане. И стал маленький Пимен поводырем у слепого старца. «Иногда на моей голове цыгане устраивали ворожбу, обманывая дураков, а те били меня за это», — с горечью писал он в зрелые годы. Голодного, забитого чужими людьми, разыскала его мать в Черниговской губернии и вернула домой. И стал он батрачить у зажиточного мужика. Здесь его тоже били, били за то, что не успел во время пригнать бычков, за то, что пришли они с поля не совсем сытыми... Вспоминая о своем тяжелом детстве, Карпов отмечал: «Так началась безумная трата сил у чужих людей. Не было такой физической работы, которую бы я не делал. И тогда я пришел к выводу: мне необходимо овладеть грамотой, овладеть, во что бы то ни стало»...¹ Обучался он грамоте самостоятельно, иногда ему помогал сельский псаломщик А. И. Рыболов. По некоторым данным, Карпов окончил школу грамоты в Рыльском уезде в 1899 г.²

В годы первой русской революции Карпов примкнул к революционному движению. В то время среди крестьян Рыльского уезда были популярны идеи партии социалистов-революционеров. Заметим, что к 1904 г. во многих уездах

Курской губернии — Старооскольском, Суджанском, Щигровском, Льговском, а также Рыльском — уже оформились революционные кружки, в которые входила молодежь, преимущественно учащаяся. Она-то и занималась пропагандой революционных идей среди сельского населения.

В ГАКО нами обнаружено «Дело по обвинению жителей г. Рыльска в организации революционных крестьян». В нем, в частности, отмечалось следующее: «В начале декабря 1904 г. усиленно стали циркулировать слухи о существовании в г. Рыльске революционного кружка... Место сходки — квартира бухгалтера Рыльской городской управы — крестьянина Тита Федоровича Покровского». Далее в деле указывалось на то, что участники сходки — люди не случайные, а принадлежащие к «тайному сообществу лиц, предварительно сговорившихся между собой о времени и месте собраний». Изначально они собирались в книжном магазине мещанина Павла Яковлевича Яковлева, а оттуда уже «поодиночке или по несколько человек отправлялись в квартиру Покровского». Из материалов дела следует, что собрания также проходили в гостинице Каменева, на квартире сестер Агнии и Марии Кизиченко. Можно предположить, что в собраниях принимали участие одни и те же люди. Но вполне возможно, что это были разные кружки.

О царивших в них настроениях можно судить по письму гимназистки Марии Кармин сестрам Филе и Ревеке Закс. В нем, в частности, отмечалось: «Дело у нас в Рыльске есть. Я думаю, что если бы подыскать хорошего инициатора, то он нашел бы много людей, которые тоскуют по делу. С этого революционную работу можно было бы и начать. К сожалению, сами они этого пока сделать не смогли, так как у них нет теоретической подготовки». И далее автор письма заключает: «Да, обидно тебе должно быть, когда ты даже не оправдываешь умеренных ожиданий толстокожих обывателей Рыльска...»³. М. Кармин просила Закс выбраться в Курск и достать там литературу, рассказывающую о сути разногласий между эсерами и социал-демократами по аграрному вопросу. Она писала: «Засядь до поры до времени, разберись в этих вопросах, пока я приеду». Свой приезд в Курск она планировала на осень, тогда-то и собирались ее друзья «с божьей помощью взяться за дело»⁴.

В состав кружков входили лица различных профессий и социального положения: учителя, служащие, врачи, преимущественно молодежь. Так, в неонароднический кружок, действовавший в Рыльске, входили: нотариус И. М. Котов, учителя Анна и Мария Кизиченко, учащиеся Ф. Кармин, Р. Закс, Н. Слюнков и другие. Возглавлял организацию бухгалтер Т. Ф. Покровский. Постоянными посетителями собраний были Н. П. Горбачев, нотариус И. М. Котов, А. М. Горохонцев, В. А. Семенов, Н. А. Коровяковский, В. Н. Николаев.

Отметим, что в кружки молодежь первоначально объединялась с целью научного образования. Однако со временем их учеба все больше приобретала ярко выраженную политическую окраску. Для занятий подбиралась специальная нелегальная литература, разъяснявшая основные положения программы и тактики различных революционных течений. Так, в вышеупомянутом кружке в Рыльске молодежь первоначально перечитывала «все нелегальные газеты». Особое внимание обращали на издания партии социалистов-революционеров. Учеба дала свои плоды: многие слушатели этих кружков перешли к практической революционной деятельности, приняв полностью взгляды эсеров.

К ним-то и примкнул Пимен Карпов: с братом Евгением он разбрасывал листовки и прокламации неонародников «по проселочным дорогам».

Пропаганда революционных идей не прошла даром. По словам Карпова, «кое-где начались аграрные беспорядки». Вскоре он попал в поле зрения местной полиции. Опасаясь ареста, Пимен «подался в город». Вскоре ему пришлось покинуть пределы Курской губернии. А в конце 1905 г. молодой революционер оказался в Питере, где работал чернорабочим на резиновой фабрике «Треугольник».

Но все время хотелось вернуться домой. В 1906 г. Карпов возвратился в родное село. Вместе с односельчанами принял участие в организации сельскохозяйственных забастовок, за что и был заключен в рыльскую тюрьму. Однако вскоре при помощи товарищей бежал в Финляндию, затем снова перебрался в Петербург⁵.

Здесь и началась его литературная деятельность. Карпов стал писать статьи в столичные газеты («Наша жизнь», «Товарищ», «Русь», «Двадцатый век», «Око»). В статьях рассказывалось о революционном движении в Рыльском уезде. Пробовал писать стихи... Так постепенно Карпов приобщился к литературной и журналистской деятельности. Работал в газетах «Товарищ», «Столичная почта». В 1909 г. была издана его первая книга — сборник стихов-памфлетов «Говор зорь. Страницы о народе и интеллигенции» («Горящие зори»). Слова Карпова о том, что интеллигенция «ограбила народ духовно» и «вдобавок исподтишка подталкивала правительство на расправу с мужиками», взволновали многих современников⁶. Так, газета «Русское слово» назвала его «новым врагом интеллигенции», а газета «Южный край» в октябре 1913 г. писала, что «П. Карпов действительно очень смело поставил вопрос о взаимоотношении народа и интеллигенции и очень решительно ответил не в пользу последней»⁷.

Александр Блок заверил начинающего публициста, что «эта книжка не пройдет бесследно». Лестные отзывы о книге незадолго до своей кончины дал Лев Толстой. Ему собственноручно Пимен Иванович отправил книгу и попросил высказать свое мнение. Ответ Толстого был опубликован в нескольких газетах — «Биржевых новостях» (1 декабря 1909 г.) и «Русской мысли» (фев-

раль 1911 г.): «Получил Ваше письмо и книгу и прочел и то и другое с большим удовольствием», — писал великий русский писатель. «Книга Ваша понравилась мне своей смелостью мысли и ее выражениями. Для того чтобы высказывать горькие истины “образованным”, нужно в наше время гораздо больше смелости, чем для того, чтобы высказывать их правительству. Но особенно мне понравилось в вашей книге то великое значение и та великая будущность, которую вы видите в настоящем деревенском крестьянине. Помогай вам Бог продолжать ту жизнь, которую Вы ведете, отдавая большую долю сил на деревенский земледельческий труд и досуг на писание, к которому вы очень способны...»⁸. Эти слова Толстого вдохновили молодого писателя.

В 1910 г. вышла новая книга Карпова — «У плуга. Умны крестьяне русские». Однако буквально сразу же она была запрещена к продаже «как подрывающая устои существующего строя». В 1912 г. опубликована еще одна книга Карпова — сборник стихов под названием «Знойная Лилия».

И, наконец, скандально известный роман «Пламень» (имел подзаголовок «Из жизни и веры хлеборобов») был закончен Карповым в 1914 г. «Пламень» заметили не только критики, но и власть имущие. Прокуратура возбудила дело, по которому писателя обвинили в революционной пропаганде, богохульстве и порнографии. Святейший Синод добился конфискации книги. Лишь начало Первой мировой войны спасло Карпова от неминуемой тюрьмы. В 1914 г. он был призван на военную службу в 1-й запасной пехотный полк, где через некоторое время организовал с другими военнослужащими несколько революционных ячеек среди солдат. Эта деятельность завершилась восстанием полка в начале 1917 г.⁹

Но вернемся к роману «Пламень». Книга действительно вызвала самые противоречивые суждения среди современников. Его публикацию сравнивали с литературным землетрясением. Так, И. Ясинский на полном серьезе спрашивал, что же это за русские религиозные секты, члены которых употребляют в пищу человеческую кровь. В. Бонч-Бруевич обвинил автора в клевете на сектантов, а саму книгу охарактеризовал, как «чувственный бред сумасшедшего». Л. Войтовский назвал роман «кликушеством». Д. Философов писал о «сплошной клевете на русский народ и его религиозные искания». В. Львов-Рогачевский, отметив «местами изумительно богатый язык» и «изумительно смелые образы», тем не менее, писал, что роман представляет собой «возмутительное кощунство над жизнью народа». Некоторые считали, что более страшной книги не было в русской литературе. И самое удивительное, что «Пламень» — первая книга о русском крестьянине, написанная русским крестьянином¹⁰.

К «полударовитым» людям, отравленным литературным «модернизмом», отнес Карпова А. Иванов-Разумник. «Читал я роман «Пламень» П. И. Карпова и

думал: вот если бы перевести его на французский или немецкий язык! Какие бы горизонты открыл роман среднему европейцу, который до сих пор верит в русскую “развесистую клюкву” или в салат Оливье из сальных свечей! Европейец немедленно уверовал бы в ту Россию, которую рисует Карпов, этот «крестьянин-хлебороб», как он сам себя величает...». И далее Иванов-Разумник с иронией восклицает: «Русский читатель лишен возможности отнестись к роману Карпова с такой наивной доверчивостью: пусть мы скептики, но все же человеческую кровь не лакаем...». Однако, считая роман «жертвой вечерней» русской литературы, он отметил, что есть у Карпова что-то свое, «подлинно народное», есть у него «меткие слова, не подслушанные, а из глубины народной идущие, есть и переживания, в глубине народной живущие»¹¹.

Наиболее пронизательно оценил роман «Пламень» А. Блок. В отзыве на него он писал: «Рады мы или не рады, но нам придется из Пламени» кое-что запомнить о России. Пусть это приложится к “познанию России”: лишний раз испугаемся, вспоминая, что наш бунт, так же, как был, может опять быть “бессмысленным и беспощадным” (Пушкин), что были в России “кровь, топор и красный петух”, а теперь стала “книга”; а потом опять будет кровь, топор и красный петух. Но не все можно предугадать и предусмотреть. Кровь и огонь могут заговорить, когда их никто не ждет. Есть Россия, которая, вырвавшись из одной революции, жадно смотрит в глаза другой, может быть, еще более страшной»¹².

После Февральской революции Карпов возвратился в родной Рыльский уезд. И снова окунулся в революционную деятельность. Его избрали в волостной, а затем уездный исполнительный комитет Совета крестьянских депутатов, а также выдвинули кандидатом в депутаты Учредительного собрания от партии социалистов-революционеров по Рыльскому уезду. Однако депутатом Учредительного собрания Карпов не стал: не набрал нужного количества голосов.

Принимал он участие в работе Съезда советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, который проходил в феврале 1918 г. в Рыльске. Активно поддержал Закон о социализации земли, предлагал для проведения в жизнь его основных положений создать на местах земельные комитеты, «которые должны сейчас же приняться за надлежащую работу».

Интерес вызывает выступление Карпова по вопросу о школьном образовании. Он говорил о том, что в школах нет книг, учебников и пособий. «Требуется, чтобы Комитет народного просвещения позаботился об этом, а также об учительском персонале, который теперь голодает за неимением средств уплатить им жалованье». Пимен Иванович предлагал в первую очередь позаботиться о низшей школе¹³.

Карпов также являлся председателем чрезвычайного съезда Рыльского СНК, проходившего 10 апреля 1918 г. На нем решался вопрос об организации самообороны Рыльска и Рыльского уезда в случае нападения «каких бы то ни было неорганизованных банд». При его непосредственном участии была принята резолюция, в которой отмечалось: «Принимая во внимание, что Рыльск и его уезд изолированы от отрядов обороны и собственными силами защититься не смогут, поручить военному комиссариату имеющимися в его распоряжении силами организовать защиту города. На местах предоставить организацию охраны местным органам, действия которых должны быть согласованы с уездным СНК»¹⁴.

Параллельно Карпов продолжал заниматься литературной деятельностью. Выходят в свет сборники его стихов и рассказов: в 1920 г. книги рассказов «Трубный голос» и «Погоня за радостью», пьесы «Богобес» и «Три зари», а также поэтические сборники «Звездь» и «Русский ковчег». На этом, по мнению А. И. Михайлова, путь Карпова-поэта в основном завершается. И только в середине 1920-х гг. он напишет стихи, посвященные смерти троих своих друзей: А. Ширяева, А. Гагина и С. Есенина — «В застенке» (1925 г.) и «Три поэта» (1926 г.)¹⁵.

В 1925 г. было создано произведение, оценить которое однозначно нельзя. Это блистательный памфлет «Исповедь дурака», в котором автор выразил свое отношение к правящей партии следующими словами: «Рабы, своими мы руками с убийцами и дураками Россию вколотили в гроб». Карпов обращается к «дураку» (а таковым мог считать себя каждый, кто нейтральным безучастием или тем паче активной поддержкой способствовал триумфу Октябрьского переворота). У писателя нет иллюзий относительно «светлого будущего» страны под пятой «наркомубийцы Джугашвили...». Не менее поразительно и то, что памфлет в то время так и не был обнаружен.

Новая книга Карпова «Верхом на солнце» появилась в 1933 г., а спустя год ее автор даже стал членом Союза писателей. Однако многочисленным стихам и рассказам Карпова не суждено было увидеть свет. Писатель был занесен в черный список «художников» патриархально-кулацкой деревни». Еще в 1931 г. «Краткая литературная энциклопедия» отмечала, что его творчество представляет собой «прямой мост к реакционному отрицанию возможности переделки деревни». Так писатель разделил судьбу многих новокрестьянских поэтов. Однако он не был репрессирован в годы сталинского террора, что удивительно для человека с эсеровским прошлым.

Но не менее тяжелый период своей жизни ему пришлось прожить на свободе, в издательской блокаде почти четверть века. Жил в Москве, занимался литературным трудом только «в стол». Не рассчитывая на публикацию своих

произведений о современности, потеряв надежду на то, чтобы увидеть в печати свои стихотворения, он сосредоточился на воспоминаниях.

Мне удалось обнаружить письмо-заявление Карпова в Государственный комитет издательства художественной литературы, датированное 1954 г., в котором он писал: «В связи с пятидесятилетием моей литературной деятельности и в виду предстоящего моего семидесятилетия я обращаюсь в Гослитиздат с просьбой об издании сборника моих избранных стихотворений, опубликованных в период с 1919 по 1945 гг. Издание означенного сборника для меня является огромным моральным удовлетворением и материальной поддержкой, так как я живу впроголодь...» И далее он с горечью замечает: «В настоящее время мне 69 лет. В последние годы я работаю над романом «Красные маки» на тему об укреплении колхоза, но труд этот еще не подготовлен к печати...»¹⁶.

Возможно, «крик души» тяжело больного писателя все-таки услышали «власть имущие», и в 1956 г. в издательстве «Советский писатель» была опубликована его автобиографическая повесть «Из глубины. Повесть о самом себе и о других». Однако рассказы и повести писателя так и не увидели свет при его жизни. Он умер 23 мая 1963 г. в Москве. Похоронен Карпов в своем родном селе Турка. И снова долгие годы забвения. Только в 1991 г. появились первые исследования о литературной деятельности Карпова. В 1995 г., наконец-то, были организованы первые карповские чтения. С этого времени в Хомутовском районе они проводятся ежегодно...

Примечания

¹ РГАЛИ. Ф. 1368. Оп. 1. Д. 7. Л. 1 об.

² Карпов Пимен Иванович // Курская энциклопедия [Электронный ресурс] / сост. Ш. Р. Гойзман. URL: <http://www.mke.su> (24.12.2011).

³ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 242. Л. 36.

⁴ Там же. Л. 37.

⁵ РГАЛИ. Ф. 1368. Оп. 3. Д. 47. Л. 138–145.

⁶ Там же. Оп. 3. Д. 46. Л. 8.

⁷ Там же. Оп. 3. Д. 47. Л. 30.

⁸ Л. Н. Толстой о народе и интеллигенции // Биржевые ведомости. 1909. 17 дек.

⁹ Куняев С. Певец светлого града // Карпов П. Забытая книга. М., 1991. С. 14.

¹⁰ РГАЛИ. Д. 1368. Оп. 3. Д. 47. Л. 30.

¹¹ Там же. Л. 114.

¹² Там же. Л. 145.

¹³ ГАКО. Ф. Р-1893. Оп. 1. Д. 8-б. Л. 19, 59.

¹⁴ Там же. Л. 125.

¹⁵ Карпов Пимен Иванович // Хронос: Всемирная история в Интернете [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_k/karpov_pi.html (24.12.2011).

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 1368. Оп. 3. Д. 45. Л. 3.

ГОРОД РЫЛЬСК В СУДЬБЕ В. В. МАВРОДИНА

Владимир Васильевич Мавродин (1908–1987) входит в ряд крупнейших российских историков XX в. Это замечательный ученый, организатор научно-образовательной деятельности в стране и удивительный человек. Это ученый-энциклопедист, увлекавшийся и плодотворно разрабатывавший самые разные проблемы, изучавший многие эпохи отечественной истории. Эрудиция его была феноменальной: известно, что он мог выступить по радио или с лекцией перед какой угодно аудиторией без подготовки по любому вопросу отечественной истории...

Однако в основе его творчества лежит страсть к начальному периоду восточнославянской истории — Киевской Руси. Десять лет назад в книге, посвященной В. В. Мавродину, я писал: «Начальный период истории нашей страны стал неизбывной любовью историка. Интерес к нему был рожден, видимо, еще детскими впечатлениями от южнорусских степей, где все дышало историей»¹.

Теперь, ближе узнав этот замечательный край, я только уверился в своей мысли. Когда идешь по этой степи, так и кажется, что из-за холмов появятся те «куряне, сведомы кмети», взвоятся к небу стяги Игоревой рати, а откуда-то издали с того самого «заборолы» донесется плач Ярославны...

Детство выдающегося историка прошло в Рыльске, куда его мать переехала после ранней смерти отца. Здесь он начал процесс своей нескончаемой учебы. Как он сам писал в автобиографии, учился в детском саду, в детдоме, где работала мать, в школе II ступени. Уже тогда он полюбил природу и много времени проводил в окрестностях Рыльска. Это, конечно, мое предположение, так как Владимир Васильевич дневников не вел. Но зная его страсть к природе, любовь и к охоте, и к «третьей охоте», которые проявились потом, полагаю, что такое предположение вполне соответствует истине.

Вот тут-то и зародился интерес к древнерусской истории. Здесь южнорусские степи плавно переходят в украинские ковыли, здесь перекрещиваются влияния стран и народов. В. В. Мавродин по национальности — молдаванин, но прекрасно владел не только русским, но и украинским и польским языками. Помню, как он заговорил со мной — студентом первого курса, пришедшим к нему на семинар, по-украински, прочитав в зачетке мою фамилию. Я же, конфузясь, должен был сознаться в незнании этого певучего и колоритного языка.

Первые работы В. В. Мавродина по истории Древней Руси родились в горниле дискуссий 1930-х гг. в ГАИМКе. Он пытался разобраться с проблемой «разложения родового строя» на территории Древней Руси. Речь, по сути дела,

шла о важнейших процессах в области социально-экономических и политических отношений, о возникновении первой, как тогда говорили, антагонистической формации в отечественной истории. Писал он и о восстании смердов, но венцом его творчества в довоенный период стала работа, которая, на мой взгляд, еще не нашла должной высокой оценки в современной историографии Киевской Руси. Это были «Очерки истории Левобережной Украины»².

4 мая 1940 г. по этой книге он защитил докторскую диссертацию. После защиты он был назначен заведующим кафедрой истории СССР и деканом исторического факультета Ленинградского государственного университета.

Уверен, что появление этой книги замечательного ученого напрямую связано с его детскими годами в Рыльске, его становлением как личности. Новейшего читателя несколько удивит само название книги. Но надо представлять себе ситуацию в стране и исторической науке того времени. Сам историк писал в предисловии к этой книге: «Систематическое и тщательное изучение отдельных областей Украины мне кажется необходимым, и тогда, когда мы будем располагать рядом таких работ (Левобережье, Правобережье, Галиция и др.), возможно будет создать капитальную советскую “Историю Украины”»³.

Итак, вот одна из задач, которая решалась книгой — готовить будущую историю Украины. Думаю, что это была бы гораздо более симпатичная и интересная история Украины, чем та, которая потом воплотилась в многотомных изданиях «эпохи застоя». Владимир Васильевич предполагал осуществлять свой план. Для дальнейшей исследовательской работы он взял тему истории Левобережья уже в последующий «литовский период». Но ситуацию в науке грубо изменила война, и приоритетными стали другие темы...

Другая задача книги, которая диктовалась самим развитием советской исторической науки, это решение сложной проблемы «генезиса феодализма» в Киевской Руси. Конечно, сейчас к самой этой «проблеме» можно относиться скептически, но, как говорится, из песни слов не выбросишь. История науки теснейшим образом связана с историей страны в целом. Советская власть породила свою науку...

Но важно отметить, что в рамках этой квази-, но одновременно и псевдо- проблемы Владимир Васильевич занимал одну из самых трезвых и взвешенных позиций.

Однако был и еще один план этой многоплановой и полифоничной книги. Здесь Владимир Васильевич продолжал лучшие традиции школы В. Б. Антоновича в Университете св. Владимира (Киев). Представителями этой школы в конце XIX в. были созданы прекрасные работы, посвященные «областной» истории, т. е. различным землям, из которых состояла огромная Киевская Русь. Я думаю, что именно этот план и был, прежде всего, тесно связан с личными впечатлениями историка. Именно любовь к родному краю и его народу позволила В. В. Мавродину нарисовать картину, которая во многом противоречит официозному подходу к Киевской Руси, утверждавшемуся в то время. Имею в виду древнерусское вече, народное собрание, которое вслед за «дореволюционными» историками ученый сделал активным действующим лицом в политиче-

ской жизни того времени. Перед нами вполне в духе прежней историографической традиции предстают массы городского населения под названием «черниговцев», «стародубцев», «курян», «путивлян», «рылян» и т. д.

Историк находит очень яркие слова для описания этой вечевой деятельности людей Северной земли. Без поддержки со стороны «земли» князь ничего сделать не может, и в случае расхождения их интересов князь вынужден идти на уступки. При этом земля преследовала свои интересы, интересы города и области. Под таким же названием «курян», «рылян» и т. д. в летописях выступают вооруженные горожане, которые принимают участие в войнах. Это ли не доказательство того, что местные социальные организмы — волости — не выпадали из общего демократического строя, в полной мере присущего Киевской Руси!

Правда, историк такого вывода не сделал — ситуация в науке была еще не подходящей. Но этот вывод сделали и «обрастили» огромным фактическим материалом его ученики, которые смогли продвинуться в науке только благодаря постоянной и заботливой поддержке своего Учителя⁴. Забота об учениках — это, кстати говоря, одна из фундаментальных черт Мавродина — ученого и педагога!

Итак, возьму на себя смелость утверждать, что В. В. Мавродин стал доктором исторических наук, профессором во многом благодаря питательным сокам своей родной прекрасной земли, земли его детства. Это было лишь начало большого пути — пути изучения Киевской Руси. На этом пути будут радости и невзгоды, большие достижения и, к сожалению, несправедливая критика коллег⁵.

В. В. Мавродин напишет выдающиеся труды по истории Киевской Руси. Так, в 1945 г. выйдет его фундаментальная работа о Древнерусском государстве, посвященная воинам Красной Армии⁶. Будут и другие сочинения. Все они пронизаны патриотизмом, ибо историк очень любил свою Родину и всю жизнь служил ей на научной стезе. Обычно мы имеем в виду, если можно так выразиться, общероссийский патриотизм, Но нельзя забывать, на мой взгляд, и о том, что сейчас принято называть «малой Родиной», которая зачастую греет нам душу еще и сильнее, чем наша большая и часто неблагополучная Родина. Для ленинградского историка, уроженца молдавского Кишинева, такой малой Родиной, которая явно вдохновила его на плодотворные занятия древнерусской историей, был славный город Рыльск и его округа.

П р и м е ч а н и я

¹ Дворниченко А. Ю. Владимир Васильевич Мавродин: Страницы жизни и творчества. СПб., 2001. С. 42.

² Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV века). Л., 1940 (2-е изд.: СПб., 2002).

³ Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины... 2-е изд. С. 6.

⁴ Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки соц.-полит. истории. Л., 1980; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

⁵ См. об этом: Дворниченко А. Ю. Владимир Васильевич Мавродин...

⁶ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945.

СОВРЕМЕННЫЙ ПОДВИЖНИК БЛАГОЧЕСТИЯ: ЖИЗНЬ И ЧУДЕСА БАТЮШКИ ИПОЛИТА

Великими светильниками благочестия знаменита наша родимая святая курская земля, среди которых сегодня ярким светом сияет на церковном небосклоне звезда батюшки Ипполита. Это был воистину удивительный старец, сердце которого непрестанно горело любовью к Богу и людям. «Самый добрый батюшка на земле», — так с любовью называют своего духовного наставника его многочисленные почитатели со всех концов России. И действительно, этот невероятно ласковый батюшка врачевал даже самые огрубевшие, черствые сердца своей лучезарной улыбкой, добрым словом, мудрым советом, и люди уходили от него утешенные, возрожденные к жизни.

Знаменитый старец вырос в бедной и многодетной семье крестьян Халиных в с. Субботино (ныне Солнцевский район Курской области). В миру имя его было Сергей, и он был младшим ребенком в семье. Надо отметить, что Великая Отечественная война жестоко ударила по Халиным: три старших брата погибли на боях сражений. Сестры вышли замуж. Вот и остался с родителями только один Сергей, совсем юный мальчик, и на его плечи легла тяжелая ноша: работа в доме и огороде, ведь известно, что жить в селе — нелегкий крест. Но при всех трудностях мальчик все же закончил 10 классов, в ФЗО поучил профессию литейщика, еще и педучилище умудрился одолеть.

Интересно, что в юности батюшка Ипполит был довольно бойким и веселым, пел частушки и часто шутя, приговаривал: «Где мои семнадцать лет? Где мои три ухажерки: Клава, Валя, Шурочка?». Кстати, у него в родном Субботино была даже любимая по имени Клава, но Бог иначе распорядился его судьбой, призвав на служение себе и людям, а Клава замуж так и не вышла. Батюшка потом часто шутил: «Никто замуж за меня не пошел, пришлось идти в монастырь»¹.

Шутка есть шутка, но Сергей Халин, будущий старец Ипполит, с детства тянулся к Богу, молитвам и уединению. И это не случайно: в его роду были и священники, и монахи, дома под кроватью (время-то было безбожное) находился чемодан с духовной литературой. Он был послушником в знаменитой Глинской пустыни, являлся духовным чадом известного старца Андроника (Лукаша), а в 1966 г. из Псково-Печерской обители его посылают на Афон, где он подвизался 18 лет, нес там самые различные послушания. Потом он, направляя многих на путь Истины, говорил что в России лучше и молиться, и укрепляться в вере, а на Афоне скучно. Видимо, благодать родной, намоленной века-

ми русской земли была настолько сильной, что будущим монахам он советовал не искать ничего особенного, а молиться и подвизаться в России, где все пропитано православием и духом предков.

Духовник Оптиной пустыни и нашего Патриарха Кирилла схиигумен Илий, а также всероссийский старец, архимандрит Свято-Троице-Сергиевой Лавры Кирилл (Павлов), лично знавшие нашего дорогого отца Ипполита, очень тепло отзывались о нем, считая его смиренным, ласковым и невероятно добрым. И действительно, старец скорее походил на живую икону, чем на самого реального хорошего человека, обладал даром утешения и любви, и люди, совсем уже отчаявшиеся, озаренные его улыбкой, уходили от него духовно возрожденными и обновленными. Так, женщина-гинеколог из Калужской области, всю жизнь делавшая аборт, поехала в один монастырь, и на исповеди молодой священник вынес ей приговор: «Ты — убийца, тебе нет прощения, ты храм осквернила своим присутствием... Иди вон отсюда». Прервав исповедь, он начал повсюду кадить, как бы изгоняя скверну. Несчастливая до того впала в отчаяние, что хотела свести счеты с жизнью. Но добрые люди посоветовали ей поехать к батюшке Ипполиту. К тому же врач имела страшную обиду на этого иеромонаха. Только она подошла к старцу, он спросил ее: «Ну что, батюшка сильно обидел?». Она замерла. «Молодой?», — снова спросил он, и не дожидаясь ответа, сказал, — ну Вы простите его. Не печальтесь. Вы же не ведали, что творили...». Эта женщина после этих вроде бы незамысловатых слов воспряла духом, стала на путь покаяния, начала молиться Богу, а всем унывающим говорила: «Если тяжело, поезжайте к отцу Ипполиту»².

Как видно, старец обладал не только даром утешения, рассуждения, но и даром прозорливости. А сколько он творил чудес своими благодатными молитвами... В его пастырской практике известны многочисленные случаи исцеления от, казалось бы, совершенно неизлечимых болезней, таких, как СПИД (!), рак, он также возвращал на путь истинный самых законченных алкоголиков и наркоманов, лечил своей благодатной улыбкой и другие самые тяжелые недуги, разрешал сложные жизненные ситуации.

Старец Ипполит не любил, когда его, монаха, за что-нибудь хвалили. Духовные чада идут к нему на могилку, беседуют как с живым. Рассказывали такую историю: несколько дней мучилась от боли после неудачно сделанного в больнице укола одна из жительниц города Рыльска. Хирург посоветовал ей сделать операцию. Накануне она решила сходить в монастырь, к могилке батюшки Ипполита. А наутро обнаружила, что опухоль сама собой рассосалась. Отпала необходимость в операции.

А вот еще яркие свидетельства благодатной помощи старца: из Москвы в обитель приезжала мать с двумя сыновьями. Одного она забрала из психиатрической лечебницы. В монастырский храм этого парня еле ввели. Мать потом уехала, а парни жили здесь недели три. Больной уехал от отца Ипполита в здра-

вом уме. Еще был случай. Принесли в монастырь девушку на носилках. Жених очень о ней беспокоился, сказал, что за две недели до свадьбы у нее отнялись ноги. Надо бы уже к венцу собираться, а невеста захворала. Девушка попросила у отца Ипполита разрешения ночевать в храме. Ей позволили. А утром ее застали на ногах: она ходила по храму и зажигала лампадки возле икон. Потом не один раз эта пара приезжала в наш монастырь.

Одна паломница поведала такой случай: «Я очень долго не могла устроиться на работу. В храме меня благословил священник поехать к отцу Ипполиту за советом. И, действительно, вернувшись из монастыря, мое устройство на работу сразу решилось. Во время другого приезда мы работали на монастырском огороде. Моя спина так сильно в конце дня заныла, что, казалось, самостоятельно не доберусь до ночлега. Бреду я, вся скрюченная, по монастырской дорожке, а отец Ипполит говорит вдогонку: ничего мол, матушка, все пройдет. И правда, по моей спине пошло тепло, через несколько шагов я и забыла, что спина только что нестерпимо ныла. Несколько раз мы приезжали сюда потрудиться. Дома от такой нагрузки, наверное, слегли бы, а в монастыре с батюшкиным благословением много сил прибавляется. Он учил ненавязчиво, очень милостив был к людям. Всегда было желание долго с ним беседовать, не хотелось вставать со стульчика, но другие люди ждали»³.

Особый интерес представляют свидетельства Анны Савельевой, которая возила в Рыльский монастырь по благословию старца паломников из Москвы: «Я знаю некоторых, кто болен раком, и их батюшка вымолил. Да что рак... Мне лично известно о пяти случаях исцеления от СПИДа». Расскажем об одном подробнее, тем более что Анна сама была его свидетелем. У одной женщины сын был болен этой страшной болезнью. Его долго лечили, и вот кто-то из близких, знавших старца, предложили отвезти его в Рыльский Николаевский монастырь. Мать согласилась, но ехала без веры. Увидев парня, батюшка Ипполит осенил его крестным знаменем и промолвил только: «Нет у тебя никакого СПИДа». Мать его поначалу возмутилась: дескать, только зря приехали и стоило ли ради этого преодолевать 600 км. Но когда прошли медицинское обследование после возвращения, выяснилось, что никакой болезни нет. Это ли не чудо?! Но, как известно, у Бога нет ничего невозможного. И таких примеров можно привести великое множество. А как духовно преображались люди после общения с ним! К отцу Ипполиту ехали люди самого разного возраста, воспитания, образования, социального статуса. Навещали старца (и весьма нередко) даже члены организованных преступных группировок, и многие из них после встречи с ним бросали свои черные дела и становились на путь истинный.

Паломники замечали, что и среди братии, и среди трудников обители немало кавказцев: это были православные осетины. Многие представители этого древнего народа считали батюшку вторым апостолом Осетии, по его благословию там открывались монастыри, скиты. Возможно, старец духовными очами

предвидел страшную трагедию Беслана и стремился как мог укрепить в вере народ этой северокавказской республики. Некоторые осетины после событий 2004 г. посетили благодатного батюшку, и никто от него не ушел неутешенным⁴.

Отец Ипполит очень любил животных, но какую-то особенную привязанность питал к коровам. Где бы он не начинал служить, еще до Рыльска, везде начинал разводить коров. И они чувствовали его отношение к ним: как только увидят, начинают дружно мычать — приветствовать.

Батюшка любил простоту, искренность во всем: в молитве, в быту. Он очень чтит святителя Николая Чудотворца и учил во всех нуждах и скорбях молиться ему. Главной христианской добродетелью считал смирение, мир с людьми. И с почтенным посетителем, и с самым простым трудником, и с деревенской бабушкой он был одинаково добр и ласков. Когда обличал какой-нибудь грех, то казалось, что он уговаривает человека, а не вразумляет.

Будучи очень хлебосольным и гостеприимным по натуре, отец Ипполит всегда заботился о том, чтобы братия и паломники были сыты, ни в чем не нуждались, всегда интересовался, сколько законсервировано и засолено банок, бочек с овощами и фруктами. После еды он заходил в трапезную поблагодарить за труды, сам лично смотрел, пробовал, что подают на общий стол. При нем монастырь имел благочестивый обычай кормить всех обездоленных и голодных⁵.

Утешая и молясь за людей, беря на себя их скорби, грехи, старец очень уставал, много болел. К лечению он относился весьма спокойно: чуть поправится — и забывает принимать таблетки. Он воистину растратил всего себя на других: близко к сердцу принимал все страдания людские, а себя не берег...

Интересно, что еще летом 2002 г. отец Ипполит со многими начал прощаться. Видимо, Господь открыл своему избраннику время его отхода в Небесное Отечество. Никто не думал, а может быть, и не хотел верить, что это случится так быстро. Одну из работниц трапезной он благословил намочить на зиму яблоч больше обычного, заметив при этом, что зимой народу будет особенно много. Так оно и случилось. В начале декабря того же года всеми любимого батюшку неожиданно сразил инсульт. Он был недвижим и без сознания... Его многочисленные духовные чада по всей необъятной России стали молиться с надеждой о его выздоровлении. Но на все святая воля Господа. Видно, пришел срок старцу отойти в вечность, и произошло это 17 декабря 2002 г. Хорошили отца Ипполита в день памяти его любимого святого Николая Чудотворца — 19 декабря. Народу было великое множество, вот тогда-то и пригодились заготовленные больше обычной нормы яблоки: кормили ими всех приехавших проводить старца в последний путь. На 9-й день после кончины замироточил крест на его могиле, да так сильно, что миро собирали ладошками⁶.

Конечно, смерть любимого батюшки — невосполнимая утрата для православно-го сердца, но, как известно, у Бога нет мертвых, но все живы. Теперь старец предстоит пред Престолом Божиим и молится за всех, кто с верою мо-

лится о нем и просит его предстательства на небесах. Известны многочисленные случаи посмертной помощи отца Ипполита в самых различных, порою безвыходных, ситуациях. Лучезарная его улыбка, большое, наполненное любовью, сердце, его бесконечная доброта — все это и есть неугасимая память о нем. Будем верить, что со временем, когда это будет угодно Господу, он будет канонизирован и просияет в сонме святых Русской Православной Церкви.

Примечания

¹ Уколов Д. Служить Богу // По вере вашей...: Исцеляющие иконы и молитвы. 2009. № 22. С. 12–13

² Савочкин В. Н. Самый добрый батюшка на земле: Кн. об архимандрите Ипполите. М., 2007. С. 24–25

³ Русь державная: Правосл. нар. газ. 2003. № 4 [электронный ресурс]. URL: http://www.rusderjavnaya.info/2003/04/a_030146.htm (19.12.2011).

⁴ Савочкин В. Н. Самый добрый батюшка на земле. С. 93.

⁵ Там же. С. 79.

⁶ Там же. С. 109.

В статье приведена фотография о. Ипполита с сайта «Русь державная: Православная народная газета».

М. М. Фрянец

СЫН РОССИИ: РЫЛЬСКИЙ ИКОНОПИСЕЦ М. И. САФРОНОВ

Нет истории абстрактной, история всегда конкретна. Различны лишь уровни обобщения фактов и событий: от уровня мировой истории, истории общества до уровня отдельной личности. Не может быть также истории без человека, как и нет человека, живущего вне исторического процесса. Ибо именно человек является главным субъектом и объектом истории, ее творцом и творением одновременно. У каждой личности своя степень включенности в исторические процессы. Человек может оказаться как на их периферии, так и в самом центре, что называется в «гуще событий».

Из нитей-жизней конкретных людей и плетется полотно истории, складываются образы той или иной эпохи. Принципиально важно подчеркнуть — для того чтобы изучать историю не обязательно исследовать жизнь только «великих людей». Зачастую в жизни тех, кого мы знаем и видим каждый день, история отражается, может быть, не так ярко, однако не менее адекватно. Более того — она может поворачиваться теми гранями, которые не видны в блеске величия и славы избранных. Человека, о котором пойдет речь в этом историче-

ском эссе, не назовешь великим, выдающимся, но и заурядным его назвать было бы несправедливо. Его жизнь и судьба тесно связана с несколькими эпохами в жизни нашей страны. Не только потому, что он родился и жил в ней, как и большинство из нас, но и потому, что ее судьба впечатывалась в его судьбу, зачастую довольно жестко и безжалостно и потому отразилась в ней более рельефно.

Поэтому автор и счел возможным назвать своего героя сыном России. В данном случае это не совсем метафора. Для Михаила Ивановича Сафронова Россия (ее государственная структура, люди, культурные традиции) стала не только в переносном, но и в буквальном смысле матерью, которая кормила, одевала и воспитывала так, как могла. Иногда сурово, но никогда — бессердечно¹.

Вероятно, поэтому в личности Михаила Ивановича воплотились многие типичные черты русского человека. Его нельзя назвать идеальным. Он никогда не был пай-мальчиком, тихоней. Напротив, часто «заводился с пол-оборота» и бросался в бой. Был ли это спор о проблемах истории, искусства или защита конкретного человека. И тут уж заставить его отступить было невозможно, каким бы сильным не оказывался противник. Он мог быть упрямым, но никогда — жестоким, гордым, но не чванливым. Бывал обидчивым и в то же время доверчивым, как ребенок. Это был труженик так же, как его дед, отец, мать — простые русские крестьяне. Все, чего он достиг в жизни, он достиг своим трудом, своими руками. Все, кто знали его, отмечают его оптимизм, неумную энергию, а самое главное — доброту.

Малая родина М. И. Сафронова расположена в центре Среднерусской возвышенности. Более тысячи лет назад на этих землях создавалось Древнерусское государство. О том времени напоминают курганы да городища славян-северян, что разбросаны по холмам и крутым берегам рек. В этих неброских, но удивительно живописных местах, недалеко от древнего Рыльска, на берегу Сейма расположилось с. Березники.

Здесь в самое Рождество, 7 января 1937 г., в крестьянской семье родился сын, назвали его Михаилом. Как потом рассказывал Михаил Иванович, своего отца он почти не помнил. «Вижу его смутно, словно в утреннем тумане в саду, на пасеке. Он был в колхозе садоводом и пасечником». Мише не исполнилось еще и трех лет, как отца призвали на военную службу и отправили на фронт: началась советско-финская война, а затем Великая Отечественная.

Мама — Софья. По словам Михаила Ивановича, невысокого роста, быстрая, лицо круглое, глаза веселые, ласковые. Голос звонкий. Бывало идут колхозники с полей или сенокоса: «Софья, запевай!» Она идет впереди всех и поет. Да как поет!!! В летних сумерках над полями, над рекой далеко-далеко слышно. Дети: старший брат Николай, Миша, младшенькая Валя — услышат и бегут встречать. От мамы и они научились петь и полюбили русскую песню. Особенно хорошо пел старший — Коля.

Детские воспоминания, хоть и отрывочные, но самые яркие. Они остаются в памяти человека на всю жизнь. Высокое, голубое небо, белый горячий песок и чистая вода Сейма. Такого чистого и белого песка, кажется, нигде больше нет. В этих местах и сейчас песок действительно почти белый. Дедушка Федор или старший брат подводили к реке, окунали, держали на руках — учили плавать. Солнце, небо, мальки в воде у самого берега тычутся носами в босые ноги, родные лица и сильные руки; таким осталось в сознании Миши недолгое счастливое детство. Было ему четыре с половиной года. Шел 1941 год.

Запечатлелась в памяти навсегда и другая картина. Вечер, дедушка с матерью только что загнали скотину в сарай. Вдруг дверь открывается, и в хату входят трое красноармейцев. Один из них — отец. Очевидно, это было примерно 5–7 октября 1941 г. Их часть могли разбить в боях под Рыльском, и они по какой-то причине не успели переправиться на левый берег Сейма, а тут на пути родной дом, отец, жена, дети — как не зайти.

Мама быстро накрыла на стол. Отец и два его товарища поели и куда-то вместе со взрослыми ушли. Дедушка скоро вернулся, вел мать, сильно расстроенную, всю в слезах. Она плакала сильно, навзрыд. (С тех пор слезы часто будут присутствовать в жизни Миши. Наверное, поэтому, уже став взрослым, он не мог выносить ничьих слез. Если не мог успокоить — сразу уходил). Оказывается, солдат спрятали в «горловую» яму, где хранили зимой продукты.

А наутро, рано-рано, в село на мотоциклах нагрянули немцы. То ли кто-то из своих березняковцев постарался выслужиться перед новой властью, то ли сами немцы из соседнего с. Кольтичеево наблюдали, но они сразу направились к тем домам, где прятали красноармейцев. Несколько солдат зашли и на подворье Сафроновых. Отца с товарищами нашли быстро. Двоих расстреляли сразу, а Ивана, очевидно, он был младшим командиром, вывели под конвоем, заставив поднять руки. Одна рука у него была ранена, он шел, неся одной рукой другую над головой. Таким и остался в памяти сына. Его завели во двор, стали о чем-то спрашивать, но он молчал. Затем вывели на улицу, жена не отставала ни на шаг, плакала, о чем-то просила старшего из немцев. Отца отвели в сторону. Раздались выстрелы, он упал. Мать с криком бросилась на стрелявших. Снова прогремели выстрелы — убили и ее. Все это происходило на глазах маленького Миши. Он вместе с дедом прятался в саду, а затем в доме. Появились еще солдаты. Один из них с факелом подошел к дому и поджег его.

«Дедушка и я, — вспоминал потом Михаил Иванович, — стояли в доме на коленях и молились. Помню, дедушка поднял меня и на руках понес, плача. Как сейчас, помню его слезы. У дедов слезы льются сами, и мужики их не вытирают, а как бы глотают в себя. Только он успел меня вынести, как крыша дома обрушилась. Нас с дедушкой отвели в центр деревни, к церкви. Горело много домов».

Много лет спустя односельчане рассказали, что тела расстрелянных несколько дней трогать не разрешали. Наверное, в назидание другим. Затем их все-таки похоронили всех вместе. Позже Михаил Иванович привез сюда большую глыбу гранита и установил там, где упокоились его отец и мать.

Так в одночасье четырехлетний Миша стал сиротой и лишился родного дома. Что было дальше, он запомнил плохо: их долго гнали по шляху, привели на какую-то железнодорожную станцию, погрузили в товарные вагоны и повезли. Еще осталось в памяти, как дедушка все время прятал его (а был он росточком совсем мал) за пазухой в своем стариковском тулупчике.

Дедушка Федор был, как многие деревенские мужчины, мастеровитым в разных делах, но особенно хорошо он клал печки. Наверное, это и помогло ему и на чужбине и потом, когда после освобождения в 1943 г. он вместе с внуком несколько месяцев добирался на родную рыльскую землю. Хороший печник в те времена нужен был всем.

Вскоре после возвращения дедушка умер, и шестилетний Миша вместе с пятилетней Валею (ее во время оккупации приютили родственники) оказался в Рыльском детском доме. Здание, в котором он размещался, и сейчас стоит на Советской площади Рыльска. Миша с Валею стали одними из первых его обитателей, так же как и Б. И. Ворович, впоследствии немало сделавший для развития санатория «Марьино». (Затем его забрал вернувшийся с фронта отец). А вместе с ними еще десятки ребятишек.

Сиротская доля никогда не была легкой. Для русского народа традиционно и естественно помогать тем, кто попал в беду всем миром, сообща. Однако приютить, обогреть, одеть, накормить сотни тысяч детей, практически одновременно оставшихся без родителей и крова, да еще в условиях разрушенной экономики, было трудной задачей. Заботу о них взяло на себя государство.

Бесспорно, советское государство не было идеальным. В чем-то оно было гуманным, в чем-то жестоким. Однако нельзя не замечать и не признавать того, что, несмотря на все недостатки советского строя, СССР как социально-культурная система в течение длительного времени динамично развивался, а в 1940–1950-х гг. советское государство и общество не дали погибнуть миллионам мальчишек и девчонок, оставшихся сиротами после Великой Отечественной войны. Не выбросили их в основной массе на обочину жизни, в канаву, где царила преступность, алкоголизм, проституция и т. п.

Почему это удалось сделать даже в неимоверно тяжелых социально-экономических условиях послевоенных десятилетий? По мнению автора, это стало возможным благодаря тому, что, во-первых, в основе образа жизни в СССР лежала матрица, выкристаллизованная столетиями предшествующей истории. Отношения, формировавшиеся в советском обществе на базе этой матрицы, можно обозначить как отношения «большой семьи». Там, где у государства не хватало человечности, на помощь друг другу приходили люди.

Во-вторых, как это ни парадоксально, но идеология, официально провозглашаемая и культивируемая в СССР, по своей сути была очень близка ряду основных заповедей православия. То есть в ее основе под наносными политическими и идеологическими терминами лежали гуманистические ценности, опять-таки исторически сформированные, а зачастую и выстраданные нашим народом.

Жили в детдоме не сытно, но дружно, а самое главное — по законам справедливости. С тех пор, наверное, у Михаила Ивановича осталось обостренное чувство справедливости.

В зависимости от возраста и сил детдомовцы работали по хозяйству. Заготавливали веники, выращивали на огороде овощи. Мише досталось пасти быка и возить на водовозке воду. Учиться ходили в школу № 7. В это время у Миши проявилась способность к рисованию. Это заметил и стал ее развивать его первый учитель рисования С. С. Малышев — офицер-фронтовик, стройный, подтянутый, с легкими и быстрыми движениями. Очевидно, и рука у него оказалась «легкая», раз помогла выбрать маленькому деревенскому мальчишке его жизненный путь. Михаил Иванович не забывал своего первого учителя. До последних дней навещал его, а 9 мая обязательно.

День Победы — особенный праздник для нашего народа. У каждого нового поколения свое восприятие и отношение к этому дню. С каждым годом становится все меньше людей, для которых это была завоеванная ими Победа. Уходят и те, кто видел этот день своими глазами и помнит его. Михаил Иванович — один из них.

«Было раннее утро, — вспоминал он. Везде цвела сирень. В маленьком дворике детского дома ее запах был особенно силен. И щебетанье птиц, многократно отраженное и усиленное кирпичными стенами, окружавшими двор со всех сторон, казалось особенно громким. Мы, детдомовцы, как обычно по утрам, сидели кто на крыше, кто на дровах, грелись на солнце и ожидали завтрака. Вдруг во двор вбегает девочка с ведром воды и кричит: “Победа! Победа!” и крутится, крутится, обливая всех водой из ведра. Мы не поверили сначала, а она сказала, что об это говорили женщины у колодца и потом обнимались, целовались и плакали. Какой тут поднялся шум и гам. Все орали: “Ура! Победа!” Каждому, кто появлялся, по несколько раз сообщали об этом, крича и перебивая друг друга».

После завтрака всем выдали новые белые рубашки, мальчишкам черные брюки, а девочкам юбки и всем пионерские галстуки. Звеньевые, председатели советов пионерских отрядов и председатель совета пионерской дружины спешно пришивали на рукава знаки различия.

А потом с развернутым Красным знаменем, с горном и барабаном через город весь детский дом отправился на Красную площадь (тогда она находилась перед городским парком). Именно им, самым обездоленным войной, предстояло первыми пройти на импровизированном параде Победы в маленьком районном Рыльске. А затем прошли солдаты из воинской части, расквартированной в городе. Музыка, цветы, слезы, теплое солнце, птицы — все смешалось в одну

разноцветную, радостную картину. В городском саду весь день играл военный оркестр, и люди пели песни, смеялись, обнимали и целовали друг друга и плакали.

Вечером был праздничный салют, стреляли из всего, что могло стрелять. Грохот и треск выстрелов слились с музыкой и криками «Ура!». Потом детдомовцев повели в воинскую часть, она размещалась в зданиях, где сейчас размещается РАТКГА. Это было единственное место в городе, где показывали кино. Какой фильм демонстрировали, Миша не запомнил потому, что важнее было то, что их всех посадили к себе на колени солдаты. Как будто на один вечер в жизнь каждого детдомовца вернулись отцы и взяли их на руки.

На другое утро снова были солнце, музыка. И у ребятишек-детдомовцев в душе уже играла своя музыка — надежда... Вскоре эти надежды и мечты начали сбываться: у кого-то радостные крики — их забирали домой, а у кого-то и горькие слезы. Такой вот праздник «со слезами на глазах».

В 1951 г. из Облоно пришло распоряжение: из числа воспитанников отобрать способных к творчеству ребят для направления в Ленинград в специализированную музыкально-художественную школу-интернат.

Сегодня, когда и действующие-то школы в селах закрывают для экономии бюджетных средств, кажется удивительным, что 60 лет назад в стране, только начавшей понемногу оправляться после страшной войны и разрушений, по провинциальным российским городам собирали способных детей для обучения в одной из столиц и тратили на это государственные средства.

Ленинград оглушил и ошеломил деревенского мальчишку, который в то время и разговаривал-то так, как было принято говорить в курской глубинке и только-только начал познавать азы рисования. Его знаний и навыков для обучения в школе искусств оказалось недостаточно. Миша вместе с другими в сентябре 1952 г. был определен в ремесленное училище № 10 Ленинграда на полное государственное обеспечение, где через два год и получил специальность столяра 5-го разряда. Здесь он встретился с А. В. Коваленко, ставшим его другом и сыгравшим большую роль в его судьбе.

После окончания училища в 1954 г. их вместе отправили в г. Силламяэ (Эстонская ССР) в столярный цех завода по переработке сланцевых руд с целью получения урана. Страна боролась за достижение паритета в ядерном вооружении. Так ребята попали на закрытый объект Нарва-10. Работали здесь в основном заключенные. Виктор и Михаил вскоре стали свидетелями их выступления. От пуль пришлось прятаться под верстаками. Казалось, жизнь снова обернулась к Мише своей жестокой стороной.

Ребята решили во что бы то ни стало вырваться оттуда. Отпросившись на выходные в Ленинград, они явились там в военкомат и попросили, чтобы их отправили на военную службу во флот. Военком удивился и обрадовался такому желанию. Однако когда взглянул на их паспорта, отказал наотрез: «У меня приказ — из Силламяэ никого не призывать. Отправляйтесь, ребята, назад».

Потом все же пожалел друзей и на свой страх и риск дал разрешение на призыв и тем спас: сохранил здоровье, а возможно и жизнь.

Друзья стали моряками. Виктор — на Северном флоте, а Михаил — на Балтийском. Его служба началась в 1956 г. в Кронштадте в учебном подразделении. Здесь он получил военную специальность комендора. Однако оказался не возле артиллерийского орудия, а снова у верстака. Как профессионального столяра, да еще умеющего рисовать, его отправили в модельный цех, где он занялся изготовлением точных копий различных кораблей. Эти модели в качестве подарков попадали затем к большому начальству. Так бы и прослужил он в этом «теплом» месте до конца службы, если бы не случай, а вернее его непреклонный характер.

Был у Михаила небольшой перочинный ножичек с красивой рукояткой. Видно, приглянулся он старшине, и он решил отобрать его у молодого матроса. Не понимал старшина, что для детдомовца с пятилетнего возраста, не имевшего ничего своего, а все лишь казенное, этот ножичек был не только памятью о товарищах, но и единственной личной вещью. Михаил не подчинился старослужащему, ведь по его представлениям это было несправедливо. Конфликт кончился дракой. Ножичек остался у хозяина, однако за драку со старшим по званию, да еще своим командиром, ему грозил трибунал. К счастью, за Михаила вступились товарищи — матросы, которые знали его добрый и отзывчивый характер. Командир подразделения отправил упрямого матроса не под суд, а на корабль, уходивший в морской поход. Так Сафронов оказался на морском охотнике. Это был гвардейский корабль, и служба на нем была нелегкой. Особенно во время заграничных походов. Зато побывал сухопутный паренек из Березников в Атлантике, в Британии и в самой «горячей точке» того времени — на Кубе. И всякую свободную минуту рисовал. Рисовал на том, что было под рукой, и то, что видел вокруг — в основном своих товарищей в их реальной, обыденной жизни, без прикрас.

Когда корабль возвращался на базу, старший матрос Сафронов занимался в изостудии Таллинского матросского клуба, где отметили его самобытные способности. А его первая картина «Партизаны» демонстрировалась на выставке художников-любителей, посвященной 42-й годовщине Советской Армии и Военно-морского флота².

Еще с того времени, как он учился в Ленинградской художественной школе, его не оставляло желание учиться по-настоящему «на художника». Откуда у него такая мечта? Наверное, сказала сама природа родных мест. Тихие заводи Сейма. Широкие панорамы, открывающиеся с горы Ивана Рыльского. Желтые поля, перемежающиеся островками леса. Заливные луга, где трава по пояс вперемешку с дикими луговыми ирисами, гладиолусами, кашкой, медуницей, красноголовым татарником-чертополохом. Все это с детства окружало деревенского мальчишку, отражалось в его душе и словно само просилось на холст.

«Учится, учиться», — эта мысль не давала покоя. Случайно, а может и нет, в руки попался справочник для поступающих в ССУЗы с адресом Палехского художественного училища им. А. М. Горького. Он отправляет туда свои рисунки. Видно, удивили приемную комиссию необычные зарисовки «солевой» морской жизни. Из училища пришел вызов. Но как назло, приказа об увольнении нет, а корабль готовится в большой поход на полгода. Значит, конец мечтам? Командир корабля на свой страх и риск увольняет старшего матроса Сафронова и вручает ему корабельный гюйс — на память и на удачу. Этот гюйс Михаил Иванович хранил всю жизнь. С ним в матросской форме он и приехал в Палех. Экзамены уже начались, но ему в порядке исключения дали разрешение в них участвовать. «Прямо с корабля» он попал в класс рисунка.

Так Сафронов становится учащимся одного из старейших и прославленных художественных учебных заведений России. Он был самым «старым» студентом в училище. Вначале над ним потихоньку посмеивались. Он удивлял и морской формой, и привычкой купаться в ледяной воде, и густой смоляной бородой. На танцплощадке местные парни попробовали проверить характер. У Михаила — перворазрядника по боксу он оказался крепким, как впрочем, и кулаки. Вскоре его зауважали, но не только за характер, но и за успехи в будущем ремесле³.

У Сафронова был «крепкий рисунок», как говорят профессионалы. Это заметил один из выдающихся современных художников Павел Корин и сказал: «Тебе надо учиться дальше». Сразу после окончания училища в 1965 г. Сафронов поступает в Московское высшее художественно-техническое училище — знаменитую «Строгановку». После окончания МВХТУ в 1971 г. его оставляют работать на кафедре монументально-декоративной живописи. Он успешно экспериментирует с новыми материалами, получает два авторских свидетельства на применения полимерных смол в декоративной живописи, в том числе на «технику жесткого ковра».

С 1974 г. он работает в проектно-институте Союзспортпроект в должности архитектора по интерьеру. В числе созданных им работ с применением авторской технологии — приемная и зал коллегии Комитета по физкультуре и спорту СССР, зал Ученого совета ЦГОЛИФК, интерьеры олимпийских гостиниц и олимпийских баз сборной страны в Новогорске и «Озере Круглом», художественное оформление спорткомплексов в Москве и других городах. Кроме того, были творческие поездки в Германию, Италию, Израиль.

Однако несмотря на успехи в монументально-декоративной живописи душой Михаил Иванович тянется к другому искусству. Еще обучаясь в Палехе, он заинтересовался древнерусской иконописью. Изучал творчество старых палехских мастеров. Начал познавать тонкости работы с темперой. Сохранилась старая доска, на одной стороне когда-то был написан подокладный образ Спасителя, а на другой стороне карандашный рисунок «Троицы»; возможно, это первая попытка иконописи, предпринятая Сафроновым.

Создание икон в то время было под негласным запретом. Тем не менее несколько художников-палешан занимались «реставрацией» икон, был среди них и Сафронов. Первой по настоящему большой иконописной работой для него стало восстановление иконостаса церкви апостола Филиппа в Новгороде, затем в церкви Петра и Павла в Казани, над которыми Михаил Иванович работал вместе с другими художниками-палешанами.

Затем были другие храмы в Москве, Орле, Туле. Множество отреставрированных, а иногда и практически заново написанных икон. Большое мозаичное панно для храма в Мончегорске, построенного на деньги местных жителей. Творчеством Сафронова заинтересовались за границей, несколько икон «уехали» в Швецию. Людей привлекало то, что он старался писать в соответствии с традициями древнерусских мастеров, максимально сохраняя технику их письма. Не случайно одной из первых его работ стал список с «Троицы» Андрея Рублева. Художник, получив разрешение на копирование иконы, по многу часов проводил в Третьяковке, стараясь уловить цветовую гамму знаменитого шедевра. Результатом стала большая икона, повторяющая творение Рублева. Сегодня она находится в возрождающемся Успенском храме Рыльска. Когда сквозь открытые двери храма видишь эту икону, кажется, что свет ее заливает не только внутреннее помещение, но, как солнце, выплескивается наружу, освещая и улицу, и тех, кто идет мимо.

Образы рублевской «Троицы» и «Владимирской Богоматери» стали любимыми для Михаила Ивановича. Он писал их часто и с особым, светлым настроением. «Икона — встреча с Богом, а это великая радость. Значит, и икона должна быть радостной», — сказал как-то Михаил Иванович. Вероятно, этим он выразил свое творческое кредо.

Он всегда оставался художником, то есть творцом. Многие иконы, написаны им на канонические сюжеты, но как-то по-особому, так, как *он их видел*. Правильно это или нет, пусть решают специалисты, однако отличительной чертой работ Сафронова было следование творческим традициям древнерусской иконописи в сочетании с творческим подходом. Вероятно, поэтому и иконы в своем большинстве у него получались радостные, светозарные.

Он писал не только традиционные образы, но и создавал совершенно новые иконы. Показательны в этом плане работы, выполненные им для Донского монастыря в период 2003–2005 гг. К тому времени здесь уже было несколько икон, выполненных им. Если войти в монастырский храм через западную дверь, сразу с правой стороны, словно голубым заревом полыхнет вам в глаза «Спорительница хлебов», здесь же находится «Прибавление ума». Кроме них, Сафронову были заказаны и новые образы: патриарха Тихона и Дмитрия Донского.

Михаил Иванович решил создать совершенно новую икону «Дмитрия Донского с житием». Для этого вместе со своей второй женой, Лидией Михайловной Сафроновой, он изучал литературу о жизни и деятельности святого бла-

говерного князя, вместе искали сюжеты для клейм. В результате икона была создана и заняла свое место среди других образов, хранящихся в монастыре.

Михаил Иванович никогда не забывал о своей малой родине. Когда выдавалось свободное время, приезжал в Рыльск и родные Березники.

В 1990-х гг. начинается восстановление рыльских храмов. Художник считал своим долгом принять в этом посильное участие. Он начинает писать иконы для рыльских церквей. Первыми в начале 1990-х гг. были «Троица», «Благовещение», «Успение Пресвятой Богородицы» для Покровского храма. В течение нескольких лет художник вместе с сыном Егором расписывает один из красивейших храмов Рыльска — Вознесенский. Ими выполнены росписи купола, стен, часть орнамента, а также написаны 72 иконы иконостаса, в том числе образ «Иоанна Рыльского Чудотворца»⁴.

Будучи уже состоявшимся художником, он решает оставить квартиру в Москве и переселиться на свою родину. В 1996 г. он начинает строить свой дом в Рыльске. Для него это было больше, чем просто строительство жилья. Это было возвращение к своим корням, истокам. «Я долго чувствовал себя человеком, у которого нет своего дома. И я очень хорошо знаю, как важно, чтобы у человека был свой дом»⁵. Этот дом становится его мастерской, в которой он пишет иконы для восстанавливаемых рыльских храмов. Продолжает работать. Реставрирует иконы, пишет новые для храмов Москвы, Донского монастыря и небольших сельских церквей. Не забывает он и родные Березники. Для восстановленного сельского храма пишет икону «Бориса и Глеба». Теперь каждый год, 6 августа, с ней в селе совершается крестный ход. В течение многих лет Сафронову не давала покоя мысль о том, что нет у Рыльска «своей рыльской» иконы. Он вынашивал ее образ, как мать вынашивает в своем чреве ребенка. В результате родилась новая икона: на фоне Свято-Никольского монастыря иконописец поместил образы Святого Николая и Иоанна Рыльского. Он успел написать четыре или пять таких икон. Они понравились и быстро разошлись «по людям». К сожалению, ни одна из них в храмы города не попала.

Он все время в работе. Создание иконы — длительный и трудоемкий не только творческий, но и технологический процесс, особенно, если она создается по традиционной технологии и пишется яичной темперой. Именно так работал Сафронов.

При первой встрече я обратил внимание на его руки, это были руки рабочего человека: жилистые, темные от постоянной работы с деревом, всевозможными растворами и пигментами. Такие же руки и на фотографиях у его отца — простого русского крестьянина.

Михаил Иванович был настоящим генератором новых идей. Они переполняли его. Он постоянно экспериментировал с новыми материалами. Вынашивал идеи создания в Рыльске туристического центра и музея дипломных работ в Палехе. Создает эскизы росписей и картоны для нескольких московских

храмов. Пишет свои совершенно новые иконы, откликаясь на события новейшей истории России. Большой радостью для художника стало открытие выставки его работ в Рыльском краеведческом музее в 2001 г.⁶ Часть из них и сегодня хранится в нем.

Однако болезни внесли свои коррективы в творческие планы художника. Последние годы своей жизни Михаил Иванович тяжело болел. Физические страдания он переносил стойко, как и подобает русскому мужику. Все эти годы рядом с ним находилась его жена Лидия Михайловна. Она становится и медсестрой, и сиделкой, и соавтором творческих идей. Вдобавок после одной из операций у художника начинает падать зрение. Временами он с трудом различает лишь очертания предметов, но и здесь не отступает и не сдаётся, продолжает работать. Он пишет «Оптинских старцев» и «Ангела Хранителя» для Успенского храма Рыльска, а также икону «Живоносный источник». Эту, последнюю из написанных им икон, он дарит Покровскому храму. При внимательном рассмотрении можно заметить некоторые погрешности в живописи: нечеткие и нетвердые линии, нарушение пропорций и пр. Однако не нам дано оценивать эти работы. Иконописец писал их уже полуослепшим, руководствуясь в большей степени не тем, что видели глаза, а своим внутренним сердечным взором. Наверное, поэтому «Живоносный источник» так полюбили прихожане. На собранные ими средства был сделан киот для этой иконы. С ранней весны до поздней осени, пока есть живые цветы, они всегда стоят у этого образа. Особенно эту икону любят дети, наверное, им дано видеть то, чего взрослые уже не видят.

Последней иконой, над которой начал работать Сафронов, стал образ «Богородицы Всецарицы». Он писал его с радостью. Казалось, даже болезнь на какое-то время отступила перед его упорством. В таком настроении он уехал на плановое обследование в Москву, оставив недописанный образ, как ему казалось, на несколько дней. Однако завершить работу он не успел. После неожиданной операции в Москве 19 ноября 2007 г. Михаил Иванович скончался. Там же в Москве он и похоронен.

Жизнь М. И. Сафронова не была легкой, как никогда не была легкой судьба его Отечества. Вместе с ним он переживал невзгоды и беды, с ним и его народом радовался победам. Как сын любил его и как мог отдавал свой сыновний долг. Верил в то, что Россия выстоит во всех испытаниях, которые выпадают на ее долю. Памятником этой веры и его жизни стали иконы в разных концах России — от Мончегорска до Рыльска, от столичных храмов до деревенских церквей.

Иконописцем стал и его сын Егор, который работает сейчас в знаменитом на весь мир Софрино. А еще подрастают пять внуков, значит, продолжаться роду Сафроновых и жить ему дальше вместе с Россией.

Примечания

¹ Основой для написания работы стали документы из личного архива М. И. Сафронова, интервью Л. М. Сафроновой, Е. М. Сафронова, личные наблюдения автора.

² На вахте: Орган политуправления Прибалт. ВО. 1960. 17 февр.

³ Ленинец: Орган Иванов. обкома ВЛКСМ. 1961. 4 апр.

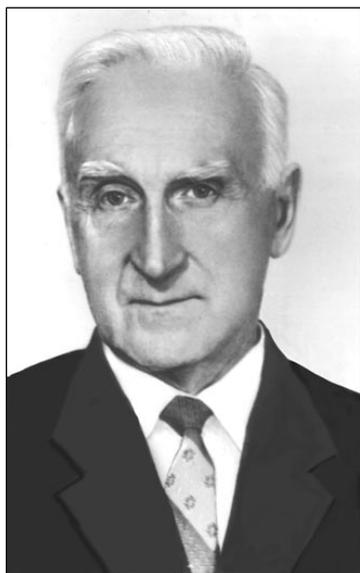
⁴ См.: Районные будни: Обществ. газ. Рыльск. р-на Кур. обл. 1996. 12 нояб.; Рыльск: Газ. Рыльск. гор. думы и администрации города. 2007. 7 дек.

⁵ Белунова А. Ф. Иконописец // Русский дом. 2006. № 6. С. 30.

⁶ См. Районные будни. 2001. 18 мая.

И. А. Федосенко

ЗНАМЕНИТЫЕ ВЫПУСКНИКИ И ПРЕПОДАВАТЕЛИ РЫЛЬСКОЙ ШКОЛЫ № 1 им. Г. И. ШЕЛИХОВА

Академик *Георгий Вячеславович Курдюмов* (на фото) принес неоценимую пользу в деле укрепления обороноспособности нашей страны и развития космической техники. Его научные открытия были высоко оценены в США, Японии, ГДР, Польше, Франции, Великобритании.

Родился Георгий Вячеславович в Рыльске в семье священника 14 февраля 1902 г. Семья Курдюмовых жила на улице Глуховской (ныне Урицкого) в доме № 107 (сохранился до нашего времени).

В 1912 г., окончив начальное училище, Курдюмов поступил в Шелеховскую мужскую гимназию. Окончить ее не удалось: вмешалась революция. Но уже в 1919 г. он начал сам преподавать в Красноармейской школе.

В 1920 г. Курдюмова и двух его гимназических друзей мобилизовали в ряды Красной Армии. Об этом времени ученый вспоминал так: «У нас было направление к этапному коменданту г. Курска для отправки на польский фронт. Этапный комендант, поглядев на нас, решил, что отбор был проведен несерьезно и отправил нас назад в Рыльск. Нам тогда было по 16–18 лет».

Мечтая о дальнейшей учебе, Георгий Вячеславович подал заявление в Петроградский политехнический институт, в который и поступил на физико-математический факультет. Заведовал им Абрам Федорович Иоффе. Но учеба не была «сладкой», то было тяжелое для всей страны время: «На день выдавали пятьдесят граммов хлеба. В институтской столовой можно было получить травяной суп и кусок ржавой селедки. Даже у самого профессора Иоффе в ванной комнате жили козлята» (из воспоминаний Курдюмова). «В двадцать втором го-

ду начался НЭП, разрешили частную торговлю. Мы с И. И. Орловым, с которым я снимал комнату у почтальонши Марии Федоровны, купили мешок гречневой крупы, мешок риса и мешок пшена. Так что зиму мы прожили припеваючи. Варить кашу было моей обязанностью».

С 1924 г. студентам была предоставлена возможность пройти специализацию и приступить к экспериментальным работам под руководством А. Ф. Иоффе, Н. Н. Семенова, Я. И. Френкеля, Я. Г. Дорфмана.

В 1925 г. у Георгия случилась любовь. Его пассия — Татьяна Ивановна Стрелецкая, родом из украинского городка Ахтырка, была младше его на два года. На следующий новый год они поженились, оставаясь вместе до конца своих дней.

В Рыльске в те годы жизнь была очень тяжелой. Постоянные болезни, голод заставили семью Курдюмовых переехать в Петроград. Так постепенно на обеспечении у Георгия Вячеславовича оказались почти все родственники. Последним из Рыльска уезжал отец. Скрепя сердце, он продал дом. А как же, ведь столько сил было отдано на благоустройство в этом всеми любимом, маленьком уголке планеты — Рыльске. «Всегда передо мной был пример отца. Отец, после того как освобождался от службы в церкви, выходил в сад. Обычно он работал без рубашки, подставляя спину солнцу. Надо было кормить большую семью — шесть человек детей. Поэтому, кроме службы священником, он был учителем в Рыльской торговой школе. Обычно в учебное время он прямо из церкви шел в школу, где был до двух часов. Обедали мы обычно в два-три часа, когда дети приходили из школы и гимназии. После обеда отец отдыхал один час, а потом опять брался за разную работу. В приходе и среди других священников он пользовался большим уважением. В 1929 году перестал служить, снял рясу», — рассказывал Курдюмов.

В годы репрессий, во времена когда миллионы людей гибли в сталинских лагерях, Георгий Вячеславович продолжал заниматься научной деятельностью, совершенно не касаясь политики. В течение некоторого времени он работал в Германии, стажировался в разных лабораториях. Он помнил наставления своих учителей и одну историю, рассказанную Я. И. Френкелем. Однажды Френкель не явился на магистерский экзамен, проходивший 26 октября 1917 г. Оправдываясь, он сказал: «Но ведь произошла революция!» На что профессор невозмутимо ответил: «Молодой человек! Запомните — для ученых не существует никаких революций».

В годы Великой Отечественной войны ученые в буквальном смысле ковали победу. Они работали над созданием высокопрочных сплавов. В 1944 г. Днепропетровский физико-технический институт был переведен в Москву. Возглавлял его с 1944 по 1978 г. академик Курдюмов.

До конца своих дней Георгий Вячеславович помнил свой любимый отчий край, этот маленький город со старинным названием Рыльск. Он часто собирался со своими друзьями и земляками, ежеминутно (иногда раздражая других, не знавших Рыльска) восхищаясь видами города, чистой водой Сейма, удивительным запахом лугов. В эти моменты жизнь казалась ему в сто крат прекрасней.

Умер академик Курдюмов 6 июля 1996 г. на 95-м году жизни.

Одним из замечательных земляков является *Алексей Владимирович Домбровский* (на фото). Родился он в Рыльске в семье педагогов 19 января 1882 г. Его отец был директором Рыльской мужской прогимназии.

Закончив Рыльскую прогимназию, Домбровский поступил в Петербургский морской кадетский корпус, по окончании которого в 1901 г. стал служить мичманом на Балтийском флоте. В 1903 г. его перевели на Тихоокеанский флот на крейсер «Россия». В 1905 г. во время Русско-японской войны в морском бою младший штурман Домбровский был тяжело

ранен. За храбрость и отвагу его наградили орденом и присвоили звание лейтенанта.

В декабре 1908 г., находясь в Средиземном море на крейсере «Богатырь» в составе отряда кораблей Балтийского флота, Домбровский участвовал со своими сослуживцами в спасении жителей города Мессины после разрушительного землетрясения в на острове Сицилия. Позже итальянское правительство наградило российских моряков медалями. Серебряная медаль была вручена и Домбровскому. В 1914 г. Алексей Владимирович написал очерк «Русские моряки в Мессине», за который был удостоен литературной премии.

В Первую мировую войну капитан второго ранга Домбровский был флагманским минером Балтики и командовал эсминцами «Капитан Изильметьев» и «Москвитянин». Под его руководством была проведена сложная операция по минированию прибрежных вод Германии, за что он был награжден орденом св. Георгия и именован оружием.

После Октябрьской революции 1917 г. командир линкора «Полтава» капитан первого ранга Домбровский вместе с экипажем перешел на сторону советской власти. В марте 1918 г. Домбровский принял участие в героическом ледовом походе кораблей Балтийского флота в Кронштадт.

Домбровский был прекрасным знатоком военно-морского дела и внес большой вклад в развитие российского флота. Он занимал высокие должности: был начальником штаба Балтийского флота, командовал Азовско-Черноморским флотом, с 1921 по 1925 г. являлся начальником Главного морского штаба РККФ. С 1925 г. Алексей Владимирович преподавал в Военно-морской академии. В 1930 г. вышел в запас и был назначен начальником кафедры Военно-морской академии и факультета Ленинградского электротехнического института им. В. И. Ленина. Профессор Домбровский написал много статей и очерков о военно-морском флоте, издал книгу «Российский императорский флот».

Однако этот заслуженный и преданный России человек в годы сталинских репрессий, а именно в 1938 г., был осужден и сослан на 5 лет в Якутию, за колючую проволоку архипелага ГУЛАГ.

Умер Домбровский 22 апреля 1952 г. Похоронен на Богословском кладбище в Санкт-Петербурге. После смерти Сталина военный трибунал Ленинградского военного округа, изучив дело Домбровского, признал его невиновным, и он был реабилитирован.

К числу знаменитых рылян относится и ученый-историк **Владимир Васильевич Мавродин**. Он родился в Рыльске в 1908 г. (по другим данным — в Кишиневе; см. об этом статью А. Ю. Дворниченко в настоящем сборнике — *прим. ред.-сост.*) Учился в школе № 1 (бывшей мужской гимназии им. Г. И. Шелихова), которая тогда называлась Единой трудовой школой второй ступени. В 1925 г. после окончания школы недолго работал в Рыльском лесничестве, а затем поступил в Ленинградский университет на исторический факультет, который окончил в 1930 г.

Благодаря таланту и трудолюбию наш земляк стал крупным ученым-историком. Доктор исторических наук, профессор Ленинградского государственного университета имеет более 300 работ, переведенных на многие иностранные языки. Его книги «Древняя Русь», «Происхождение русского народа», «Рождение новой России», «Очерки истории левобережной Украины с древнейших времен» касаются истории и Рыльского уезда.

Владимир Васильевич Мавродин не забывал свою малую родину. В 1975 г. в одной из подаренных школе книг сделал следующую надпись: «Мои дорогим коллегам, учащимся Рыльской школы им. Г. И. Шелихова от автора, окончившего дорогую всем нам альма-матер полвека тому назад, — в 1925 году».

Заслуженный деятель науки РСФСР В. В. Мавродин был награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, «Знак Почета» и медалями. Наш именитый земляк умер в Ленинграде в 1987 г.

Другой наш земляк, генерал-лейтенант **Николай Михайлович Проценко** родился в многодетной семье в Рыльске на Воскресенской улице (ныне III-го Интернационала) в доме № 24 в 1907 г. Учился в рыльской школе № 1 (в то время Единая трудовая школа 2-й ступени). В 1928 г. связал свою судьбу с Вооруженными Силами. До войны окончил военно-пехотное училище, заочную Военно-политическую академию. В 1939 г. был назначен начальником политотдела тяжело-бомбардировочной авиационной бригады. В первом авиаполку этой бригады командиром тяжелого бомбардировщика был капитан Николай Гастелло.

В июне 1942 г. Проценко назначили начальником политотдела 5-й воздушной армии, которая наносила сокрушительные удары по немецко-фашистским захватчикам на Южном фронте. После битвы за Керчь, Новороссийск, Кавказ вместе с войсками 5-й воздушной армии участвовал в битве на Курской дуге. Именно в этой армии воевали прославленные летчики трижды

Герои Советского Союза А. И. Покрышкин, И. Н. Кожедуб, а также Г. Т. Береговой.

Николай Михайлович участвовал в освобождении Румынии, Венгрии, Чехословакии, Австрии. В 1945 г. ему было присвоено звание генерал-майора авиации. После Великой Отечественной войны окончил Высшую военную академию Генерального штаба им. К. Е. Ворошилова.

В 1958 г. члену военного совета воздушной армии Проценко было присвоено звание генерал-лейтенанта авиации. До 1960 г. он служил в Группе советских войск в Германии и затем был уволен в запас по болезни.

Проценко награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды и Отечественной войны, орденом Богдана Хмельницкого, румынскими орденами «Звезда Тудора Владимиреску», «Знамя Тудора Владимиреску» и 18-ю медалями.

Николай Михайлович жил в Москве на Щербаковской улице, где сейчас живет его семья. При всяком удобном случае он навещал Рыльск, где похоронены его родители.

С Рыльском тесно связана судьба замечательного человека, педагога, ученого, публициста *Мартина Матвеевича Хостника*, который почти 50 лет прожил на рыльской земле.

Он родился в 1853 г. в словенской деревне Шмартно, недалеко от Любляны, в семье крестьянина. На своей родине он с отличием окончил гимназию, но в связи с тяжелым материальным положением сразу продолжить учебу не смог и вступил в пехотный полк. Однако военная служба не пришлась ему по душе, и он ее оставил. Учебу продолжил в Любляне, а затем окончил Венский университет. В то время Словения входила в состав Австро-Венгрии, которая проводила политику онемечивания словенцев, на что словенский народ отвечал неповиновением. Хостник, как и вся словенская прогрессивная общественность, возлагал большие надежды в освобождении Словении от австро-венгров на своих соплеменников — русский народ, Россию.

В 1879 г. в 26-летнем возрасте Хостник эмигрировал в Россию. В 1880 г. он экстерном сдал экзамен в Харьковском университете и получил русский диплом. После этого его направили в мужскую прогимназию в г. Борисоглебск Воронежской губернии. Здесь он подружился с Владимиром Родионовичем Домбровским, которого вскоре назначили инспектором в Рыльскую мужскую прогимназию. Вместе с ним в 1882 г. приехал в Рыльск и Хостник, которого назначили учителем немецкого и французского языков.

С этого времени его жизнь была связана с нашим городом. Здесь он женился на дочери священника Александре Владимировне. Семье было выделено две комнаты в здании прогимназии. Кроме педагогической деятельности, он занимался публицистикой. Печатал статьи в словенских газетах и журналах, при-

зывая словенский народ к национально-освободительной борьбе. Благодаря своему трудолюбию Мартин Матвеевич (как его стали звать в России) улучшил материальное положение и в 1887 г. купил усадьбу на улице Репинской, а весной 1888 г. начал строить себе дом.

Летом 1899 г. у Хостника случилось большое горе: умерла его жена. Вся забота по уходу за детьми легла на его плечи. Детей в семье было пятеро: три дочери и два сына. Однако несмотря на такое сложное положение, он, кроме преподавания в гимназии, занимался и научной деятельностью.

В 1901 г. Хостник впервые в истории издал словенско-русский и русско-словенский словари, а также «Граматику словенского языка». Эти труды были высоко оценены Российской академией наук. Хостнику была присуждена премия в размере 400 руб. сер.

В сентябре 1891 г. мужская прогимназия отмечала свое десятилетие. Был издан «Исторический очерк Рыльской прогимназии за период десятилетия ее существования», в котором были перечислены с краткой характеристикой все ее преподаватели. Читаем: «Надворный советник Мартин Матвеевич Хостник, обучался в Венском университете, на службе в прогимназии 9 лет, преподает французский и немецкий языки, гимнастику, награжден: св. Станислава 3 степени».

Все эти годы Хостник занимался переводами и писал филологические статьи. Российская академия наук предлагала ученому-слависту преподавательскую работу в высших учебных заведениях, но он не хотел покидать полюбившийся ему старинный Рыльск, уютный дом и прекрасный, выращенный своими руками сад, в котором росли яблони и груши, красная и черная малина, крыжовник и смородина. Он проводил ботанические опыты по овощеводству и цветоводству. В саду росли десятки сортов роз. За выведенные экспонаты Хостник награждался грамотами.

Нельзя не отметить, что, кроме всех перечисленных трудов и занятий, он находил время заниматься и общественной деятельностью. Участвовал вместе с преподавателями Е. А. Глебовой и Н. П. Малышевым в выпуске газеты «Рыльский листок», в которой помещал свои статьи и заметки на разные темы. Хостник много раз избирался гласным в Рыльскую городскую думу. В 1903 г. решением этого органа Рыльская мужская прогимназия была преобразована в полную мужскую гимназию, которой было присвоено имя именитого гражданина города Рыльска, «Колумба Российского» Г. И. Шелихова. Хостник вместе с гласными думы и жителями Рыльска принимал участие в сборе средств для изготовления и установки памятника Шелихову. В 1905 г. и в последующие годы Хостник вел борьбу с черносотенцами, которые устраивали погромы евреев.

В 1911 г. гимназия торжественно отмечала свой тридцатилетний юбилей, а также тридцатилетие педагогической деятельности Мартина Матвеевича. Его труды были отмечены губернскими и уездными властями, а также десятками благодарственных писем от учащихся, бывших выпускников и их родителей.

После октябрьского большевистского переворота Хостник продолжал преподавательскую работу в гимназии, переименованную в Единую трудовую школу 2-й ступени. Присвоенное гимназии имя Г. И. Шелихова было снято (вновь школа № 1 обрела имя мореплавателя только в 1947 г.). В трудовой школе Хостник вел те же предметы, что и в гимназии, а также выполнял обязанности библиотекаря.

В 1923 г. Мартин Матвеевич ушел на пенсию. Совнарком назначил ему персональную пенсию. В то время она присуждалась лишь «выдающимся, высшей квалификации лицам, оказавшим Республике незаменимые услуги».

Выйдя на пенсию, Хостник занялся садоводством, однако не отошел при этом и от общественной деятельности. В его доме проходили музыкальные и литературные вечера, в личной библиотеке, насчитывающей около 20 тысяч томов, люди брали книги для чтения. Несмотря на тяжелые годы, он не падал духом и старался жить полноценной жизнью.

Умер Мартин Матвеевич 26 марта 1929 г. в возрасте 75 лет. Его похороны превратились в грандиозное шествие. На Соборной площади был проведен траурный митинг. Его любили не только учителя и ученики, но и все рыляне. Он был прекрасным педагогом, высокообразованным, культурным и всеми уважаемым человеком.

После смерти Хостника его сын Владимир Мартинович по завещанию отца подарил дом и библиотеку «Рыльскому народному образованию». Дом Хостника стал «Домом учителя» и был излюбленным местом встреч учителей, проведения конференций, учительских вечеров отдыха. В доме занимались художественной самодеятельностью, здесь работала библиотека с читальным залом. Дом учителя действовал вплоть до 1989 г., до начала смутных времен. Затем в здании была сделана перепланировка и здесь разместились мировые судьи. Прекрасный сад был уничтожен и застроен еще раньше.

Сейчас на бывшем доме Хостника прикреплена мраморная мемориальная доска с надписью: «Этот дом подарил работникам просвещения рыльский учитель, известный славянский прогрессивный деятель Мартин Матвеевич Хостник (1853–1929)».

Хочется рассказать также еще об одном выпускнике школы № 1 — **Борисе Ильиче Воровиче**, заслуженном строителе Российской Федерации, лауреате национальной премии им. Петра Великого «За служение Отечеству».

Родился Борис Ильич в Рыльске 21 июня 1931 г. После окончания школы поступил в Рыльский строительный техникум, который окончил в 1952 г. Затем был принят в Воронежский инженерно-строительный институт, по окончании которого получил направление в Тамбов, где работал прорабом.

В 1959 г. он с семьей приехал в Рыльск и устроился на работу в санаторий «Марьино» на должность начальника ремонтно-строительного участка. Впоследствии он стал директором санатория, руководителем огромного многоотраслевого хозяйства. Ворович находит время заниматься коллекционированием, сбором исторических материалов, ведет переписку и встречается с по-

томками князей Барятинских. В 2003 г. в Москве вышла в свет книга Воровича «Марьино: годы, события, люди: Записки директора».

Ворович пользуется большим авторитетом не только в родном Рыльске, но и во всей Курской области, его знают и в администрации Президента РФ.

В школе № 1 также учились: *Анатолий Владимирович Некрасов* — доктор технических наук; Герой России *Виктор Павлович Клыков*; доктора медицины *Н. А. Терлецкий* и *С. Я. Арбузов*; подполковник ФСБ *А. Карманов*, погибший в Чечне во время операции по уничтожению А. Масхадова.

Е. К. Хомякова

РЫЛЬСК И РЫЛЯНЕ В ЛИТЕРАТУРЕ, ИСТОРИИ И ИСКУССТВЕ

Гордиться славой своих предков не только можно, но и должно.
А. С. Пушкин.

Рыльск — один из 33 нынешних малых российских городов (Великий Устюг, Можайск, Углич, Мценск, Трубчевск и др.), сохранившихся еще с домонгольских времен. Впервые он упоминается в Ипатьевской летописи, повествующей о походе князя Юрия Долгорукого на Чернигов в 1152 г. «...Гюрги же иде на Новгород на Северский и оттуда же иде к Рыльску...».

Однако как поселение племени северян Рыльск существовал уже в IX в. Об этом свидетельствуют различные находки, обнаруженные в наше время в самом городе при раскопках на горе Ивана Рыльского. Проводились они экспедицией под руководством московского археолога М. В. Фролова. С некоторыми экспонатами, поднятыми из глубин, можно познакомиться в Рыльском краеведческом музее. Полный отчет о работе экспедиции сдан в Институт археологии РАН.

В конце XII — начале XIII в. образуется самостоятельное княжество Рыльское. Первым его князем стал Святослав Ольгович. Именно он возглавил рыльскую дружину в походе Игоря Святославича на половцев, воспетом в одном из величайших памятников культуры — «Слове о полку Игореве».

А. С. Пушкин в трагедии «Борис Годунов» пишет: *Чем свет, мы в путь: К обеду будем в Рыльске.* При чтении этих строк невольно напрашивается вопрос: а бывал ли сам поэт в древнем городе на Сейме и что он знал о нем? Надо сказать, что Пушкин не раз отправлялся в поездки по стране. Порой это случилось по принуждению, а иногда и по личному желанию. Но, как явствует из биографий, подготовленных многими авторами, в том числе таким известным пушкиноведом, как Ю. М. Лотман, Александру Сергеевичу не пришлось побывать в нашем крае. Однако о существовании провинциального Рыльска, его

месте в истории он знал. Сведения о городе он почерпнул, надо полагать, из многотомной «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Поэт был знаком с ее автором с лицейской поры, позже дружил, частенько навещал семью писателя-историка.

В названном труде подробно изложена хроника царствования Бориса Годунова. Ознакомление с ней, а также посещение мест, имевших близкое отношение к событиям той поры, дало возможность молодому поэту создать трагедию «Борис Годунов». В данном произведении, начатом и законченном во время ссылки в Михайловское, на первой странице можно прочесть следующее: «Драгоценной для россиян памяти Николая Михайловича Карамзина сей труд гением его вдохновленным, с благоговением и с благодарностью посвящает Александр Пушкин».

Давайте и мы заглянем в «Историю государства Российского». Там неоднократно идет речь о Рыльске. Вот несколько примеров, связанных с продвижением Лжедмитрия к Москве. Перейдя границу России в 1604 г., Самозванец в декабре одержал победу над войсками царя Бориса в битве под Новгород-Северским. Но спустя буквально месяц сам потерпел сокрушительное поражение от правительственных отрядов в сражении под Добрыничами. Карамзин пишет: «Но Самозванец был жив: победители, безвременно веселясь и торжествуя, упустили его: он на раненом коне ускакал в Севск, и в ту же ночь бежал далее в Рыльск...».

Историю некоторых событий в «биографии» Рыльска разных периодов изложили в своих трудах такие известные российские ученые, как С. М. Соловьев — автор 29-томной «Истории России с древнейших времен», а также Н. М. Погодин и В. О. Ключевский.

Из наших современников о Рыльске писали М. П. Цапенко, С. К. Репина, В. А. Просецкий и многие другие историки, писатели, краеведы. Как указывает в «Хрестоматии для провинциального юношества по истории города Рыльска», изданной в 1994 г. в Курске, ее автор московский исследователь О. Н. Щёголев, в настоящее время насчитывается около трехсот рукописных и печатных источников, в которых идет речь о нашем городе. Среди них следует назвать Радзивилловскую, Никоновскую и Воскресенскую летописи, а также Московский летописный свод.

Строки, посвященные Рыльску, есть в ряде художественных произведений. Это романы «Державы для...» москвича Ю. И. Иванова, «Григорий Шелихов» новосибирца Л. А. Ситникова, «Сполохи над Сеймом» рылянина В. С. Алехина. Они привлекают внимание читателей, зовут туристов и любителей старины побывать в этом удивительном городе, познакомиться с его историей, послушать звон колоколов рыльских церквей. О родном городе, о рылянах писали и пишут современные авторы: И. Мироненко, Н. Жукова, С. Чулкова, Н. Чалых, Б. Черников, М. Пироженко, М. Саницкий, В. Саранских, В. Хороших.

Не обошли вниманием старинный Рыльск и кинематографисты. Творческий коллектив студии «Мосфильм» снимал у нас художественный фильм «Крепкий орешек» (1967 г.), главные роли в котором исполняли актеры Надежда Румянцева и Виталий Соломин. Позже приезжали представители «Ленфильма». Они работали над съемками отдельных сцен для фильма «Сломанная подкова» (1973 г.), поставленного по мотивам произведений Жюль Верна. В фильме были заняты Марина Неелова, Сергей Юрский и другие артисты из Москвы и Ленинграда.

Зримо виден Рыльск в делах и поступках замечательных земляков-рылян. В их числе основатель русских поселений на Аляске Г. И. Шелихов, который первым поднял вопрос о закреплении за Российским государством земель, на которых многие неоднократно бывали и до него. Шелихов не только выдвинул идею организации на Аляске русского поселения, но и сам основал его. Громадная территория Русской Америки по плану Шелихова должна была осваиваться в различных направлениях, приносить пользу Отечеству. И действительно, более 100 лет Россия располагалась на трех материках: в Европе, Азии и Северной Америке.

В 1791 г. в Петербурге известным книгоиздателем и книготорговцем В. С. Сопиковым была выпущена небольшая книга, которая в стиле XVIII столетия имела длинное замысловатое название: «Российского купца Григорья Шелехова странствование в 1783 году из Охотска по Восточному океану к американским берегам, с обстоятельным уведомлением об открытии новообретенных им островов Кыктака и Афагнака и с приобщением описания образа жизни, нравов, обрядов, жилищ и одежд тамошних народов, покорившихся под Российскую державу; также климат, годовые перемены, звери, домашние животные, рыбы, птицы, земные произрастения и многие другие любопытные предметы, там находящиеся, что все верно и точно описано им самим. С чертежом и со изображением самого мореходца и найденных им диких людей». Книга открывается рисунком, на котором изображен Шелихов, а внизу приведена строфа М. В. Ломоносова:

*Колумбы Российские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на Восток,
И наша достигнет в Америку держава.
И что во все концы достигнет россов слава.*

При жизни мореплавателя книга была переиздана трижды. Ее перевели на немецкий и английский языки. В течение всего XIX в. она являлась путеводителем для русских мореходов, отправляющихся к северо-западному побережью Америки. Экземпляры книги имелись на кораблях первого русского кругосветного плавания И. Крузенштерна и Ю. Лисянского (1803–1806 гг.).

Известностью Шелихова в Рыльске гордились, назвав Григория Ивановича «именитым рыльским гражданином».

*Ивана Рыльского гора
С вершины провожала многих,
Подобно матери, с утра
Взгляд устремляла на дороги:
Один душою поостыл.
Другой сорвался с яра риска...
Григорий Шелихов приплыл
Почетным Гражданином Рыльска!*

Много написал о Шелихове В. А. Хороших. У студентов, школьников, преподавателей Рыльска пользуется популярностью его книга «Наследие русского купца Шелехова» (Курск, 2002).

Широко известен в ученом мире академик, Герой Социалистического Труда Г. В. Курдюмов. Получил признание в России и за рубежом талантливый художник Л. Л. Каменев. Известен писатель В. А. Ковалевский. Рыльская земля — родина девяти Героев Советского Союза и одного (единственного пока в Курской области) Героя России, а также четырех полных кавалеров солдатского ордена Славы. Видный флотоводец А. В. Домбровский после окончания Гражданской войны был начальником штаба РККФ.

Жизненную и литературную судьбу легендарного Н. Островского повторил Василий Семенович Алехин — фронтовик, поэт, прозаик, живший на рыльской земле. При прорыве немецких укреплений на Белорусской гряде он был тяжело ранен, почти лишился зрения. Несмотря на тяжелую болезнь работал и учился. С отличием защитил диплом юриста, был комсомольским работником, журналистом. Алехин вел активные поиски материалов о курянах — героях партизанской и подпольной войны с фашизмом. В его сборниках немало проникновенных стихов о любви, красоте человеческих отношений, о Рыльске и его людях. Многие стихи, поэмы, повести созданы на военную тему. Это и «Память», «9 Мая», «Не ходил мальчик на войну», «Остаюсь солдатом», «Сплохи над Сеймом». Роман «Висожары» посвящен светлой памяти Марфы Александровны Малчановой, простой русской женщины, на каких, как мы знаем, держится и род, и народ. В 2005 г. книга удостоена литературной премии им. Е. И. Носова.

Стихотворение Алехина «Бессменный часовой» посвящено русскому солдату Петру Гнездилову, вызвавшему огонь на себя и прикрывшему десант советских войск при захвате плацдарма на левом берегу Сейма в феврале 1943 г.:

*Под Конопляновкой в бою
У сеймских берегов
Он роту прикрывал свою
От натиска врагов.
Сады в Асмолове шумят,
Где памятник стоит,
В могиле братской тот солдат,
С товарищами спит.
Но всем смертям наперекор
О нем молва идет,
Что в каждом деле до сих пор
Живет Гнездилов Петр.*

Такие книги так и хочется сопроводить горячим призывом: «Прочти — и передай другому! А сам поделись светлой радостью с третьим... седьмым... двадцатым...»

Обо всем этом нужно знать и помнить нынешнему поколению.

*От седой старины до сегодняшней были
У тебя сыновей именитых не счесть.
Их отвага и доблесть навек породнили
Для великой России во славу и честь...
У черты засечной страж державы вечный,
Знатный от Аляски и до стен Кремля,
Славы ты достоин, труженик и воин —
Город Рыльск на Сейме, Русская Земля.*

К. В. Куракса

ИЗ ИСТОРИИ МУЗЫКАЛЬНОЙ ЖИЗНИ РЫЛЬСКА И КУРСКОГО КРАЯ

Песни хороводно-плясового жанра Курской области сосредоточили в себе лучшие качества и творческие возможности народа, живущего здесь, отразили культурные ценности его истории. Несомненно, художественные достоинства образцов курской музыкальной культуры, особая любовь к ним подтверждены многовековым их бытованием в этой местности, а сохранение песен плясового жанра до наших дней говорит о необходимости их практического существования.

Многие курские селения до сих пор являются бережными хранителями своей музыкальной традиции, включая уникальную хореографию. Одним из таких сел и является Плёхово (Суджанский район).

Плѣхово — край народных талантов. Все деревенские, от мала до велика, знают своих артистов, которые бывали с выступлениями на самых разных сценах, но больше всего они любят и ценят родную «сценическую площадку» — село Плѣхово, где каждая улица, лужайка в округе помнят залиvistую мелодию гармонии, теребящие душу звуки рожка, неповторимые звуки кугикл.

С огромным удовольствием я хочу показать частичку народной традиции небольшого села в глубине Курской области, являющуюся лишь малой блестящей в огромном, многообразном и ярком калейдоскопе песенного фольклора России.

Хочу рассказать о моем общении, о попытках не только записать музыкально-тематический материал, но понять и, что самое главное, почувствовать, проникнуть в душевный настрой как песен, так и их исполнителей. Я стараюсь узнать и записать как можно больше материалов по музыкальной этнографии. К сожалению, наш край мало изучен. Пожалуй, только А. В. Руднева серьезно занималась исследованием юга Курской области. Почти 4 года я ездила в экспедиции в с. Плѣхово к замечательным исполнителям народной песни: Анне Петровне Моторыкиной, Татьяне Тимофеевне Басовой, Екатерине Илларионовне Ламоновой, Марии Антоновне Моторыкиной. И когда встал передо мной вопрос, какую тему выбрать для диплома, сомнений не возникло.

Песни, приводимые в работе, — это лишь небольшая частица того огромного богатства, которое еще бытует в народе, но, к сожалению, с каждым днем уходит от нас и не восполнится уже никогда. Поэтому сохранить их — наша прямая обязанность и цель.

Мною в с. Плѣхово в общей сложности записано около 40 нотных примеров. Среди них 22 песни, нотированные в той ладотональности, в которой были исполнены народными исполнителями. В них сохранены особенности говора и диалекта, что придает им особую звучность и неповторимость. Особый интерес этой работе придает возможность познакомиться с подлинными распевками песен одного региона, более глубоко проникнуть в стиль публикуемых примеров, познать их богатство и самобытность в кажущейся простоте. Работа дает возможность познакомиться с композиционными элементами музыкально-поэтического текста, которые особенно ярко выражены в обрядовом фольклоре: свадебных, календарных и приуроченных к календарным датам песнях.

Общее впечатление от плѣховских песен нелегко выразить словами. Здесь глубокая печаль, скорбные интонации плачей в жалобах женских постовых и масленичных песен; и элегичная простота и непосредственность в лирических; жизнелюбие и оптимизм, праздничность и полная отдача сил в «карагодных» плясках под музыку; мудрость и теплота — в свадебных. Особый жизненный настрой выражен в радостных «алилешных» — таночных и величальных свадебных песнях.

В музыкальной жизни Курской области особое место занимают имена знаменитых рылян. Одно из них — Дора Борисовна Белявская, заслуженный деятель искусств, профессор пения.

Родилась Дора Борисовна в Рыльске в 1898 г. Училась в Киевской консерватории как пианистка. Занятия прервались Гражданской войной, после которой судьба привела девушку в Москву. По совету В. Барсовой, покоренной ее «голосом и музыкальностью», Белявская поступает в ГИТИС к звезде вокальной педагогики М. Владимировой, которая находит пение Д. Белявской идеальным.

После дипломного спектакля, в котором выпускница исполнила роль Недды, ее стали наперебой приглашать в концертные турне и в оперные театры.

Еще студенткой второго курса, она начала преподавать как ассистент Владимировой. Ее педагогическая деятельность в ГИТИСе продолжалась до конца жизни — в течение 65 лет.

Педагогический талант Белявской становится широко известен, чему способствуют триумфы ее учеников. Ее наперебой приглашают на работу. Было время она трудилась одновременно в семи места: ГИТИС, консерватория, Большой театр, Глазуновское училище, студия МХАТа, Щепкинское училище, Всесоюзное гастрольное концертное объединение.

Двадцать лет длились ее контакты с Большим театром. Дора Борисовна воспитала талантливых учеников: Тамару Синявскую, Татьяну Шмыгу, Бориса Ивановского, Ирину Соколову и многих других.

В консерватории Белявская преподавала 33 года. Отношение ее к своему делу всегда носило характер страстной увлеченности, переходящей в одержимость. Даже в свои 87 лет Дора Борисовна шесть раз в неделю ездила на такси то в ГИТИС, то в театр оперетты. Иначе жизнь казалась ей бессмысленной.

Одной из примечательных особенностей истории дворцово-паркового ансамбля «Марьино» была театральная и музыкальная жизнь. Начало ее восходит ко второму десятилетию XIX в.

Княгиня Мария Федоровна Барятинская любила музыку, и ее супруг, князь Иван Иванович Барятинский, пишет из-за рубежа, чтобы из ивановской школы выбрали восемь мальчиков «для обучения музыке, дабы по возвращении нашем в деревню иметь маленький оркестр и певчих для церкви». Мальчики, обучаемые музыке, должны были уметь не только играть на клавикордах, но и хорошо настраивать музыкальные инструменты.

Иван Иванович Барятинский, с детства полюбив музыку, пробовал сам сочинять музыкальные произведения. В его музыкальном архиве сохранились: опись инструментальных партий; оркестровой музыки (партитуры; оркестровые партии); инструментальные ансамбли; пение с оркестром, фортепиано, гитарой, хором; хорового и гитарного пения и театральной музыки (всего 556 сочинений).

В репертуар марьинского оркестра входили музыкальные произведения Чимарозы, Керубини, Мегюля, Гаво, Сальери, Россини, Даницетти и самого князя. Крепостные музыканты хорошо исполняли не только произведения западных композиторов, но и старинные народные песни. Они были лучшими исполнителями и знатоками своих русских мелодий.

В настоящее время Рыльск и его район славится своими музыкантами, есть и местные композиторы. Творческое содружество поэтов и музыкантов дает свои плоды — рождаются новые произведения, которые рыльские самодеятельные артисты дарят землякам. В городе действует детская школа искусств, в которой ежегодно обучаются более 350 чел. на отделениях фортепиано, народных инструментов, фольклорно-народного и струнно-смычкового.

При городском доме культуры работает народный духовой оркестр, оркестр народных инструментов, детский духовой оркестр. В районе действуют несколько самобытных фольклорных коллективов: Поповский народный фольклорный коллектив, детский образцовый фольклорный коллектив «Родничок». Есть народный хор городского Дома культуры, народный хор русской песни санатория «Марьино».

В заключение следует сказать о тринадцатилетней благотворительной деятельности вокального коллектива «Семь Я Хороших», в который вхожу и я. В 2000 г. наше творчество было отмечено дипломом всероссийского конкурса «Творческая семья России». Мы выступали более 100 раз в различных регионах страны и стремимся пропагандировать самобытную музыкальную культуру Курского края.

И. П. Цуканов

МОЛОДЕЖНОЕ ПОИСКОВОЕ ДВИЖЕНИЕ В РЫЛЬСКОМ РАЙОНЕ

К концу 1940-х гг. широкое распространение в Курской области получили походы и экскурсионные поездки школьников по местам сражений на Курской дуге и районам боевых действий партизан: Дмитриев, Льгов, Поньри, Михайловка. Краеведение все более становилось характерной особенностью работы школ Курской области по воспитанию учащихся.

Развертыванию работы красных следопытов способствовало стремление учащихся лучше узнать свой город, родное село. Изучая разнообразные материалы по истории родного края, встречаясь со старожилами, посещая краеведческие музеи, ребята порой неожиданно узнавали о замечательных людях, проникались стремлением иметь как можно больше сведений о них, их славных делах. В результате начинались увлекательные поиски и находки, завязывались

новые знакомства, постепенно собирались ценные материалы, и все это успешно помогало воспитывать учащихся в духе любви к Родине, к своему народу.

Осенью 1948 г. директором Бегощанской семилетней школы Крупецкого (ныне Рыльского) района, учителем истории Григорием Романовичем Лемешевым был организован штаб краеведов и создан школьный краеведческий уголок. Были организованы историческая, литературная, биологическая и географическая секции. Кружковцы изучали историю своего края, совершали экскурсии по историческим местам, готовили доклады по краеведческим темам. В создании краеведческого уголка приняли активное участие колхозники-старожилы села, которые принесли в школу редкие книги, картины, фотографии, старинную одежду, орудия труда и т. д. За два года учащиеся собрали более тысячи экспонатов по истории села и в 1951 г. открыли в школе музей. В нем были витрины «Первые организаторы новой жизни», «Бегощане в Великой Отечественной войне», «Передовики нашего колхоза». В музее можно было ознакомиться с фольклором, народным бытом, с самодеятельным творчеством учащихся и колхозников.

Впоследствии экспонаты этого уголка послужили основой для организации районного школьного краеведческого музея (открыт 18 декабря 1955 г.), который держался исключительно на инициативе школьников и учителей, без особых государственных затрат, без штата, бюджета и т. д.

В Крупецком районе к 1958 г. было создано общество краеведов, в котором состояло около 60 человек¹.

В канун 20-летия Великой Победы советского народа над фашизмом патриотическое движение красных следопытов становится более организованным, целенаправленным, массовым и глубоким по содержанию.

ЦК ВЛКСМ, обобщив опыт ряда комсомольских организаций по патриотическому воспитанию молодежи, 25 мая 1965 г. принял постановление «О Всесоюзном туристском походе молодежи по местам боевой славы советского народа», утвердил Положение о походе и его Центральный штаб во главе маршалом Советского Союза В. И. Чуйковым².

Поход и первый Всесоюзный слет в сентябре 1965 г. в Бресте дали сильный толчок развитию поискового и краеведческого движения на 25 лет вперед. Всесоюзный поход стал постоянно действующим массовым патриотическим движением юношей и девушек, пионеров и школьников.

Рыльский районный штаб похода был утвержден постановлением райкома ВЛКСМ в апреле 1966 г. Председателем его стал участник Великой Отечественной войны, учитель средней школы № 1 Рыльска Леонид Порфирьевич Проценко³. В 1966 г. в Рыльском районе в походах участвовали около 6000 комсомольцев. Районный штаб разработал восемь маршрутов. Главный из них пролегал по следам Первой конной армии.

Члены клуба «Искатель» рыльской средней школы № 1 проехали на велосипедах по боевому пути Первой Конной армии по маршруту Рыльск — Курск — Старый Оскол — Новый Оскол — Валуйки — Сватово — Горловка — Артемовск — Ростов-на-Дону — Абросимовка — Волгоград — Воронеж — Курск — Рыльск длиной 3431 км. Поход длился тридцать восемь дней. За это время было сделано 700 фотоснимков, собрано 25 карт боевых действий, около 100 портретов, множество самых разнообразных документов из истории Первой конной. Рыляне встречались с ее ветеранами, с отрядами юных следопытов других школ.

Собранные в походе документы, рассказывающие о красных конниках, с трудом уместились на шестнадцати стендах школьного музея. Здесь рассказывалось о зарождении армии, о ее победах под Царицыном, Касторной, Воронежем. А на специальных витринах были помещены макеты бронепоезда и конармейской тачанки. Модель бронепоезда сделали своими руками школьники, а тачанку подарил клубу «Искатель» бывший пулеметчик 31 кавалерийского полка Г. Г. Шульженко.

Во время походов рыльские комсомольцы посадили 14 000 деревьев, оформили более 40 музеев и уголков боевой славы. За активное участие в военно-патриотическом воспитании молодежи Л. П. Проценко был награжден Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ⁴.

В конце 1980-х гг. работа поисковиков в СССР вышла на новый уровень. Появилась тенденция к более углубленному изучению «белых пятен» отечественной военной истории. Тогда начали закладываться основы будущего поискового движения на местах боев.

Сегодня невозможно сказать, кто и когда первым понял, что в обнаруженных у погибшего воина документах хранится его солдатская судьба, неизвестная родным и близким. Но, наверняка, первыми, кто старался обнаружить документы и медальоны у погибших в годы Великой Отечественной войны, были местные жители, собиравшие и захоранивавшие трупы воинов, павших на полях сражений.

Начало поиску и перезахоронению останков солдат Великой Отечественной войны на территории Курской области положил созданный в марте 1988 г. при Курчатовском горкоме ВЛКСМ из школьников поисковый отряд «Поверка»⁵.

В 1990 г. был создан поисковый отряд при Рыльском доме пионеров. Его возглавил ветеран войны в Афганистане, руководитель кружка Борис Васильевич Прусс⁶. Первым «боевым» крещением Прусса стало участие в составе сводного отряда поисковиков Курской области во Всесоюзной Вахте памяти в Вяземском районе Смоленской области (28 апреля — 9 мая 1990 г.). В этой поисковой экспедиции молодыми ребятами из разных мест Советского Союза были найдены и захоронены на Поле памяти останки 1138 воинов⁷.

С 1 по 30 июля 1991 г. Рыльский поисковый отряд участвовал во Всесоюзной Вахте памяти в Щигровском и Черемисиновском районах, во время которой были обнаружены останки 230 советских солдат. По медали «За отвагу» установили имя Ханая Умаровича Кубанова и нашли его родственников⁸. За 1991 г. Рыльский отряд провел пять экспедиций в населенные пункты: Копыстичи, Дурово, Семеново, Романово, Рыльск. 7 декабря 1991 г. в Рыльске состоялось захоронение найденных останков четырех солдат⁹.

Рыляне участвовали во Всероссийских и областных поисковых экспедициях 1992–1994 гг., проведенных в Курской области. В сентябре 1994 г. отряд прекратил свое существование.

В 1994 г. клубом «Альбатрос» Станции юных техников г. Курчатова (руководитель А. А. Соломонов) в Рыльском районе были обнаружены два безымянных захоронения, в которых найдены останки 12 погибших советских воинов. Силами экспедиции они были перезахоронены в селе Копыстичи. По медальону установили личность погибшего уроженца Новосибирской области Ивана Васильевича Потеряева, 1922 г. рождения. Поиск родственников солдата велся долгих 13 лет. Только в 2007 г. они приехали на могилу близкого человека¹⁰.

В июле 2007 г. во время проведения Межрегиональной Вахты памяти поисковые отряды «Обелиск» Курского государственного университета (руководитель И. Л. Иванов), «Надежда» Медвенского района (руководитель Н. В. Бабанина), «Родник» Льговского района (руководитель Л. А. Сиволина) провели поисковые работы в д. Ладыгино Рыльского района. Были найдены останки 19 солдат, которых захоронили 13 июля 2007 г. в селе Калиновка Хомутовского района¹¹.

Мы считаем, что поисковая работа — это не только безальтернативное, как показала жизнь, решение проблемы увековечения памяти павших. Поиск — это еще и серьезная молодежная политика, актуальная на современном этапе в условиях духовной деградации и цинизма нынешнего общества. Поэтому необходимо создание государством условий для увековечения памяти погибших защитников Отечества путем усиления внимания героико-патриотическому воспитанию молодежи, оптимизации поисковой, краеведческой и архивной работы, приведения их в соответствие с современными требованиями. И хотелось бы надеяться, что в Рыльске и Рыльском районе поисково-краеведческая работа никогда не угаснет.

Примечания

¹ ГАКО. Ф. Р-4006. Оп. 2. Д. 182. Л. 60–61; Д. 192. Л. 127; ГАОПИКО. Ф. П-131. Оп. 1. Д. 492. Л. 17.

² РГАСПИ. Ф. 1М. Оп. 67. Д. 97. Л. 12–13, Д. 98. Л. 134–141.

³ ГАОПИКО. Ф. П-131. Оп. 4. Д. 20. Л. 4.

⁴ Там же. Оп. 3. Д. 32. Л. 21; Д. 37. Л. 10–11.

⁵ Там же. Ф. П-146. Оп. 15. Д. 10. Л. 18.

⁶ Там же. Ф. П-5560. Оп. 1. Д. 7. Л. 4.

⁷ Там же. Д. 2. Л. 8.

⁸ Там же. Д. 19. Л. 2; Л. 30, 33, 86.

⁹ Там же. Д. 14. Л. 10.

¹⁰ Книга Памяти. Т. 11. Курск, 1997. С. 134.

¹¹ Текущий архив Центра «Поиск» – 2007.

Е. С. Кравцова

СПЕЦИФИКА НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ РЫЛЬСКОГО РАЙОНА)

Нравственное воспитание молодого поколения является одним из основных в работе преподавателя. На него не влияет ни реформирование стандартов, ни изменения в политической и экономической жизни страны. Непростой период своего развития в настоящее время переживает Российское государство. Одной из главных проблем сегодня является воспитание полноценной личности. Ныне материальные ценности доминируют над духовными, поэтому у молодых людей искажены представления о доброте, милосердии, великодушии, справедливости, гражданственности и патриотизме. Высокий уровень преступности вызван общим ростом агрессивности и жестокости в обществе. Широкий размах приобрела ориентация молодежи на атрибуты массовой, в основном западной культуры за счет снижения истинных духовных, культурных, национальных ценностей, характерных для российского менталитета. Продолжается разрушение института семьи: формируются внесупружеские, антиродительские и антисемейные установки. У молодого поколения в настоящее время утрачен главный фактор развития личности — воспитание духа.

Актуальность проблемы духовно-нравственного воспитания связана с тем, что в современном мире человек живет и развивается в окружении множества разнообразных источников сильного воздействия на него как позитивного, так и негативного характера (это касается в первую очередь средств массовой коммуникации), которые ежедневно обрушиваются на неокрепший интеллект и чувства молодого человека, на его формирующуюся сферу нравственности. Духовность, нравственность — базовые характеристики личности, проявляющиеся в деятельности и поведении.

Какова же сущность основных понятий и факторов развития духовно-нравственного воспитания? В педагогических источниках под «духовностью» понимается состояние человеческого самосознания, которое находит свое выражение в мыслях, словах и действиях. Она определяет степень овладения

людьми различными видами духовной культуры: философией, искусством, религией, комплексом изучаемых в вузе предметов и т. д.

Россия — многонациональная страна. В ней исторически сосуществует множество культур, часто выросших в рамках своих религиозных традиций. Поэтому новое поколение россиян, не обладая знаниями о религиях и их роли в российской истории, просто не сможет обустроить свою страну. Без элементарных знаний о религиозной стороне жизни невозможно правильно разобраться в событиях прошлого и настоящего. Религии всегда были и продолжают оставаться стержнем в жизни различных цивилизаций, определяя их своеобразное лицо. Кроме того, без знаний о религиях трудно разобраться в мировых политических процессах, в причинах современных конфликтов и войн. Как ни парадоксально войны конца XX в. очень часто имеют религиозную подоплеку или оперируют религиозными лозунгами. Игнорирование религиозного фактора оборачивается подчас тяжелыми последствиями и трагедиями.

Если судить о понятии «нравственность» по «Словарю русского языка» С. И. Ожегова, то она представляет собой внутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек: этические нормы, правила поведения, определяемые этими качествами. Как видим, в этом определении понятия «духовность» и «нравственность» во многом перекликаются. Кроме того, в научных источниках понятия «нравственность» и «мораль» часто раскрываются как тождественные, но нравственность отражает общечеловеческие ценности, а мораль зависит от конкретных условий жизни различных слоев общества.

Духовно-нравственное воспитание должно базироваться на изучении социокультурного опыта предшествующих поколений, представленного в культурно-исторической традиции. Система традиционных ценностей складывалась на протяжении многих столетий. Она вбирала в себя опыт поколений под влиянием истории, природы, географических особенностей территории, на которых жили народы России.

Одним из важных условий духовно-нравственного образования является использование этнокультурных традиций народов того региона, где оно осуществляется. Воспитание гражданина и патриота, знающего и любящего свою Родину, неосуществимо без глубокого познания духовного богатства своего народа и приобщения к его этнокультуре. Одна из проблем современного образования состоит в том, что в процессе воспитания не соблюдается историческая преемственность поколений. Молодежь лишена возможности брать пример с людей, живших в прошлом, не знает, как люди решали свои проблемы, что стало с теми, кто пошел против высших ценностей, и с теми, кто смог изменить свою жизнь, подавая нам яркий пример.

Изучение исторического и культурного наследия народов России в последние годы приводит историческую науку к решению многих принципиально новых проблем. Глубоко изучаются древние культуры, проводятся историко-

этнографические исследования, анализируются процессы культурного развития России в дореволюционный и советский периоды. И все же следует отметить, что не решены еще многие вопросы истории культуры. Чрезвычайно медленно и узко изучается традиционно-бытовая культура многих народов России, в том числе и русского народа. «Белых пятен» в археологии и этнографии достаточно много. Комплексность археолого-этнографических исследований декларируется в последние два десятилетия в отечественной науке очень часто, но на самом деле почти никакой интеграции этих двух наук не происходит, а это в настоящее время значительно тормозит решение многих вопросов культурно- и этногенеза в России. Многие научные направления в истории культуры феодальной, капиталистической и советской России либо не развиваются совсем, либо осуществляются узко локальным образом. Здесь вклад ученых и краеведов мог бы быть гораздо большим. Слабо развивается и музееведение в России.

Усиленного внимания требует рассмотрение вопросов современного состояния и развития культуры, тем более что они нередко связаны с проблемами межнациональных отношений и национальной политики в России и других государствах СНГ, достаточно резко заявивших о себе в последнее время. При изучении современной культуры ряда народов и национальных групп важно поднимать и практические вопросы создания профессионального культурного слоя в широком смысле этого понятия, включающего также и образование. Собственно, это одна из важнейших задач обновления российского общества. Современная этноязыковая ситуация требует внимания к фактической ущемленности ряда языков, к исследованию проблемы преподавания национальных языков и обучения на этих языках в школах, средних специальных учебных заведениях и вузах. Совершенно недостаточно изучаются этнополитические воззрения народов в прошлом и настоящем, национальные потребности в целом, их связь с социальными проблемами, духовным развитием общества.

Несколько слов надо сказать и о возможностях изучения в современных условиях исчезающих или исчезнувших явлений традиционно-бытовой культуры. Сегодня сведения о них еще можно собрать и ликвидировать тем самым «белые пятна» в этнографии целых народов, национальных групп и регионов.

В этой связи необходимо обращаться к своим корням. В городе Рыльске имеется прекрасная база для решения различных воспитательных подходов в контексте истории города, региона, России, а именно: в Рыльске находится древняя святыня не только Курщины, но всей России — Свято-Николаевский монастырь. Дата основания монастыря неизвестна, предположительно он возник в XVI в. Так как монастырь стоял вне стен крепости, в XVII в. он несколько раз был разорен поляками и татарами. В XVIII в. в Рыльске появились деньги от торговли, и ансамбль монастыря был полностью перестроен. После революции 1917 г. монастырь был упразднен, но в 1991 г. возвращен церкви. Ансамбль монастыря включает три церкви, все они XVIII в.: одноэтажные Троицкую и

Воздвиженскую (1733—1738) и двухэтажную Николаевскую (1753; построена на деньги купца Ивана Шелихова, отца Григория Шелихова), колокольню (1740, верхние ярусы надстроены в 1780-х гг.), а также келейный корпус, настоятельские покои и ограду с тремя башнями конца XVIII в. Кроме этого, в городе сохранилось большое количество зданий, имеющих историческую ценность: торгово-гостиничный комплекс (середина XIX в.); здание аптеки (конец XIX — начало XX в.); городская усадьба (главный дом с флигелем) (первая половина XIX в.), флигель и ограда усадьбы Шелихова (XVIII в.), усадьба Золотарева (главный дом и флигель) (вторая четверть XIX в.), дом Филимонова (конец XIX в.), ансамбль Покровской церкви (1822 г.) и т. д. Обращение к этим историческим памятникам культуры, знание их, уважительное отношение к ним очень важно для сегодняшнего молодого поколения, для его нравственного, эстетического и патриотического воспитания. Ведь с этого начинается любовь к своей «малой родине», а через нее и ко всей большой России.

В. А. Хороших, А. В. Хороших

ЗАРОЖДЕНИЕ АВИАЦИИ В РЫЛЬСКЕ И ЕЕ ПЕРЕХОД НА ГРАЖДАНСКИЕ ЦЕЛИ

Войсковая часть № 51 173 — Рыльская автошкола дислоцировалась в Рыльске почти 10 лет. В 1955 г. по решению руководства Воронежского военного округа автошкола была расформирована. Многие офицеры получили новые назначения, кто-то на время остался без работы, и только несколько человек вместе с полковником Шалаевым остались в нашем городе. Среди них ветераны колледжа Н. А. Мурцев, работавший в то время заведующим столовой, оружейник А. Ф. Богачев, механик В. П. Дьяков и другие. Для охраны армейского имущества в Рыльск прибыл взвод Курской дивизии. Но неопределенность длилась недолго: в сентябре 1955 г. из подмосковного городка Астафьево в наш город перевели воинскую часть № 55 700 — 139-ю Военную авиационную школу механиков радиотехнических станций ВВС.

Вот как вспоминает об этих событиях их участник, ныне ветеран колледжа Анатолий Никонович Тышковский, в 1956 г. призванный в ряды Советской Армии и прибывший для прохождения срочной службы в часть, передислоцировавшуюся в Рыльск:

«На новое место прибыли около 30 человек постоянного состава и двадцать новобранцев. Всё радиооборудование разместили по существующим классам. В те дни главным было — строительство учебного аэродрома. В землянках разместили склады для инструмента, часть лабораторий, подготовили стоянки для самолетов и посадочную полосу в районе деревни Секерино. Пер-

выми удачно приземлились три поршневых дальних бомбардировщика Ту-4 и своим ходом, через молодые сосновые посадки, прибыли на место (сегодня там находится котельная лабораторного корпуса ЭСТОП).

Однако не обходилось и без курьезов. Так, в апреле следующего года, когда поля только-только освободились из-под снега и были пропитаны сильно влагой, мы в ожидании прилета четвертого Ту-4 подготовили 2 километра полосы от села Октябрьское к полигону для его посадки, обустроили боковые полосы деревьями, выставили посадочные знаки и, получив подтверждение о взлете самолета, стали ждать сообщения о встрече экипажа.

Неожиданно, раньше планового времени, послышался гул самолета, летящего в районе города в сторону сахарного завода. Затем, сделав резкий разворот, Ту-4, раскидывая во все стороны мокрую землю и разогнав собравшихся на весенних полях грачей, сел... поперек полосы, в нескольких метрах от озера. В этот же день его отбуксировали к собратьям».

По свидетельству многих ветеранов, бывших работников ШМАС, как учебный аэродром, так и учебные классы за 4 года были оборудованы самой современной на тот период радиотехникой, и прибывшие самолеты обязательно дооборудовались. В часть ежегодно по призыву прибывало до тысячи новобранцев, которым приходилось нелегко. В течение 9 месяцев ребята и в дневное, и в ночное время обучались готовить радиолокационное оборудование самолетов к полетам.

Осенью 1958 г. приняли один современный турбовинтовой самолет Ту-16, а весной следующего года в Рыльске приземлилась такая же вторая крылатая машина.

Курсанты Рыльской ШМАС жили своей нелегкой, но интересной жизнью. Они были одними из лучших в Курской области и в спорте, и в самодеятельности. Уже в первый год ребята заняли второе место на областных соревнованиях по волейболу, а в следующем году взяли первенство по футболу. Впрочем, по-другому не могло и быть. Достигать таких успехов помогала отличная физическая подготовка.

Распорядок дня складывался следующим образом: в 6.30 — подъем, затем в течение пятидесяти минут зарядка, включавшая бег по мостам Боровское — аэродром, купание в реке Сейм и возвращение в казармы. Развод нарядов для несения охраны аэродрома проходил в гарнизоне. Построившись поротно или повзводно, по команде, строевым шагом шли на аэродром для обслуживания техники или на занятия.

Питание доставляли в ранцевых термосах специальные разносчики. А вечерами весь гарнизон с песнями маршировал по городу, вызывая восторг рылян. В культурную программу входил обязательный показ кинофильмов. Летом солдаты собирались для просмотра кино на месте нынешней вертолетной площадки, а зимой — в клубе. Остальные мероприятия в клубе проводились только для постоянного состава.

В 1959 — начале 1960-х гг. под руководством капитана Ключкова строился аэродром. Одновременно под руководством начальника школы, инженера-полковника Бориса Алексеевича Кругляка активно велось строительство жилого городка в переулке Курчатова. Под жилье переоборудовались и другие здания, в том числе и медсанчасть в доме 14 по улице Карла Маркса. В этом здании поселилось руководство части.

Школа авиационных специалистов все увереннее вливалась в общественную и социальную жизнь города. Но на этом взлете существование военного подразделения должно было прерваться, чтобы продолжиться уже в качестве учебного заведения гражданской авиации.

Вот воспоминания бывшего начальника отдела кадров В. И. Ключева, которые сохранил архив авиаколледжа:

«Последний выпуск курсантов ШМАС состоялся в апреле 1959 года. И уже в июне–июле на основании приказа МО СССР о сокращении ВС началось ее расформирование, которое длилось до конца августа 60-го года. Офицерский состав в возрасте до 35 лет согласно разрядке штаба ВВС МВО был направлен по назначению в другие войсковые части. Офицеры старше 35 лет согласно списку представлены командующему ВВ МВО для сокращения. Сержантский и старшинский состав сверхсрочной службы согласно поданным рапортам увольнялся в установленном порядке на месте. И только рабочие, служащие МОП, изъявившие желание перейти на работу во вновь создаваемую на месте бывшей школы организацию, писали заявления».

Вот так в Рыльске перестала существовать ШМАС. И так началась большая работа по созданию авиационного училища — учебного заведения, которое бы начало готовить для устремленной вперед страны Советов знающих авиационное дело специалистов. Еще с 1956 г. начала эксплуатироваться система светосигнального оборудования «Свеча-1» с прожекторными и линзовыми огнями, а еще через два года — система Д-1 с прожекторными огнями высокой интенсивности и линзовыми огнями, что обеспечивало посадку самолетов в условиях плохой видимости. Устанавливались наземные передатчики мощностью 15 и 20 киловатт, что давало возможность осуществлять буквопечатающую связь с использованием аппаратов СТ-35. Росло количество радиостанций с дистанционным управлением. Спустя два года, 60 % радиостанций аэропортов работали без постоянного дежурного персонала. Получала дальнейшее развитие проводная телеграфная связь.

С 1959 г. отечественная промышленность начала выпуск усовершенствованного радиосветотехнического оборудования, предназначенного для управления полетами в районе аэропорта и посадки самолетов всех типов в сложных метеорологических условиях и в ночное время. Со следующего года в эксплуатацию стали поступать радиомаяки ближней навигации, с помощью которых экипажи самолетов могли точно определять свое местонахождение. Именно та-

кие радиомаяки были установлены во Внуковском, Свердловском, Иркутском, Хабаровском, Бориспольском и других аэропортах. Чем сложнее становилась авиационная техника, тем грамотнее требовались кадры для ее обслуживания. Требовалась коренная их перестройка.

Рыльское авиационное училище спецслужб ГВФ было организовано приказом начальника ГУ ГВФ Е. Логинова № 479 от 29 августа 1960 г. на базе фондов, передаваемых из МО СССР.

В период со 2 по 16 сентября была произведена передача 139 Военной авиационной школы механиков радиотехнических станций ВВС в ГУ ГВФ при Совете Министров СССР, т. е. гражданские авиаторы приняли базу от авиаторов военных.

От ГУ ГВФ в комиссии участвовали: старший инженер УУЗ ГУ ГВФ Б. К. Гусев, начальник Рыльского авиаучилища спецслужб ГВФ И. Н. Щелчков, заместитель начальника училища по учебной части Д. М. Штанько, инспектор Политуправления ГВФ П. С. Попивод, инспектор Управления кадров ГУ ГВФ М. Д. Антипов, инженер УНС ГУ ГВФ Е. Р. Николаев, старший инспектор-бухгалтер Центральной бухгалтерии ГУ ГВФ П. И. Шаров.

Приведем выдержки из акта, утвержденного 6 октября 1960 г.: «здания и сооружения школы расположены в г. Рыльске Курской области в семи отдельных городках, один из которых (учебный) аэродром расположен в 4-х км на восток от города. Передаваемый фонд по назначению распределяется: 1) Учебно-лабораторный — 2400 м², 2) Жилой — 1800 м², 3) Казарменный — 3500 м², 4) Клуб — 346,4 м² на 250 посадочных мест, 5) Столовая — 831 м², 6) Склады и навесы — 2800 м², 7) Фонд в домах Горсовета — 161 м² (13 квартир).

В целом передаваемый учебно-лабораторный, служебный и жилой фонд находится в удовлетворительном состоянии и пригоден для организации училища ГВФ. В школе имеется незавершенное строительство 3-х четырехквартирных каменных жилых домов, общей сметной стоимостью 121 тыс. рублей. Балансовая стоимость всего передаваемого фонда составляет 7,6 млн. рублей. Училищу ГВФ передано необходимое учебно-лабораторное оборудование, в том числе два самолета ТУ-16 и четыре самолета ТУ-4. Автотранспорт и паркогаражное оборудование передано училищу ГВФ исходя из его потребности и фактического их наличия в школе. Всего передано: легковых машин — 1, грузовых машин — 7, пассажирских автобусов — 2, санитарных автобусов — 2, специальных автомашин — 6, в том числе 2 амфибии, трактор — 1, прицепы к автомашинам — 2.

Автотранспорт и паркогаражное оборудование передано согласно приемо-сдаточным актам и актам технического состояния автомобилей.

Квартирно-эксплуатационное оборудование, казарменное, медико-санитарное, вещевое, хозяйственное, культпросветимущество, горюче-смазочные материалы, имущество службы ГСМ и твердое топливо, а также другое имущество передано согласно соответствующих актов и ведомостей».

Согласно настоящему акту и соответствующих приложений 139-ю военную авиационную школу механиков радиотехнических станций ВВС (войсковая часть 55700), казарменный, служебный, жилой фонд, квартирнo-эксплуатационное, казарменное оборудование, учебно-лабораторное оборудование, оборудование специальных коммунальных установок передавалось безвозмездно, в том числе учебное оборудование на сумму 80,6 тыс. руб., медицинское имущество — 19,6 тыс. руб., спортивное имущество — 33,2 тыс. руб., имущество связи — 16,2 тыс. руб.; автотранспортные средства, горюче-смазочные материалы, твердое топливо, имущество службы снабжения ГСМ, продовольственной, культурно-просветительное имущество, вещевое, спортивное, медико-санитарное имущество и другое хозяйственное имущество и инвентарь передавалось за плату. Порядок расчета устанавливался довольствующимися органами МО СССР совместно с ГУ ГВФ.

Военнослужащие, увольняемые в запас, а также рабочие и служащие школы правильно поняли Закон Верховного Совета СССР «О новом значительном сокращении Вооруженных сил СССР» и с желанием приступили к работе в училище ГВФ. По сравнению с другими учебными заведениями Рыльское училище получило не только хорошую стартовую базу, но и лучшие руководящие и инженерные кадры из других учебных заведений.

Л и т е р а т у р а

Хороших В. А. Наследие российского купца Шелехова: Сб. очерков, ист. исслед. и науч.-практ. экспериментов. Курск, 2002.

Хороших В. А. Школа ГВФ. Рыльск, 2010.

В. А. Хороших, П. В. Скребнев, И. А. Шелковнёва

ВЛИЯНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ Г. И. ШЕЛИХОВА НА ВОСПИТАНИЕ КУРСАНТОВ РЫЛЬСКОЙ ШКОЛЫ ГРАЖДАНСКОГО ВОЗДУШНОГО ФЛОТА

За последние 20 лет педагогический коллектив Рыльского авиаколледжа активно накапливает и использует в воспитании курсантов историко-культурное наследие Г. И. Шелихова.

С участием краеведов, педагогов и учащейся молодежи создаются памятники и музеи. В Рыльске завершается формирование музейно-мемориального комплекса Шелихова, включающего скульптуры, четыре светских и три храмовых архитектурных памятника, музей авиаколледжа и

его филиалы, скверы «Памяти защитников Отечества» и «Городов-побратимов». В городе-побратиме Шелехов Иркутской области в 1995–2000 гг. созданы памятник и музей Г. И. Шелихова.

Историко-культурное наследие Г. И. Шелихова и работа по его освоению освещены в многочисленных публикациях краеведов, а также исследованы В. А. Хороших в монографии «Наследие российского купца Шелехова» и диссертации «Купеческий род Шелеховых в российской истории».

8–12 августа 2007 г. в Иркутске участникам III Международной научной конференции «Русская Америка» была представлена наша программа по созданию Федерального музейно-мемориального комплекса «Русская Америка» по аналогии с имеющимся национальным парком «Русская Америка» в США.

С этим проектом коллектив и учащиеся Рыльского авиаколледжа выступили во Всероссийском конкурсе социальных проектов ВПП «Единая Россия» под названием «Наш город» по направлению «Изучение истории города, развитие у детей и молодежи чувства патриотизма и гордости за место, где они живут, за нашу страну».

Коллектив авиаколледжа является также разработчиком и одним из основных исполнителей региональных мероприятий, посвященных 260-летию со дня рождения Г. И. Шелехова, итогом которых стали прошедшие в Курске дни культуры Рыльского уезда, состоявшего в XVIII в. из четырех современных районов Курской области.

23 октября 2010 г. в Рыльске прошли Шелеховские чтения, приуроченные к 215-летию кончины Г. И. Шелихова. В чтениях приняли участие более 50 чел., включая курсантов — активистов духовно-культурного центра авиаколледжа. С докладами выступили ректор ГАУГН, профессор М. В. Бибииков («Начало Русской Америки» и «Рыльск в средневековых текстах»), доктор исторических наук А. Ю. Петров («Г. И. и Н. А. Шелиховы и освоение Русской Америки»), кандидат исторических наук В. А. Хороших («Значение Рыльска в Русской Америке»), председатель Научного совета РАН «Роль религии в истории», доктор исторических наук А. В. Назаренко («Курское Посеймье в Древней Руси») и другие.

29 августа 2010 г. исполнилось 50 лет со дня создания Рыльского авиационного училища спецслужб ГВФ. Его коллективом были подготовлены и выпущены три вида профориентационной литературы: рекламный проспект, подарочный альбом, книга «Школа ГВФ». В каждой из них получили освещение примеры использования шелиховского историко-культурного наследия в воспитательной работе.

РОЛЬ УСПЕНСКОГО КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА В ДУХОВНОМ ВОСПИТАНИИ ПЕРСОНАЛА РЫЛЬСКОГО АВИАКОЛЛЕДЖА

Духовно-культурный центр Рыльского авиаколледжа активно участвует в духовном воспитании авиаработников и курсантов. Конкретными делами подтверждается их уважительное отношение к православной святыне — Успенскому кафедральному собору, расположенному по соседству с колледжем. Семь авиаработников входит в состав приходского совета: В. А. Хороших, Н. Н. Ващенко, О. А. Федина, Л. И. Асеева, В. И. Лаптева, Л. И. Бакуменко и А. П. Башкатова.

Церковный староста Владимир Алексеевич Хороших, по словам настоятеля храма отца Александра, в полной мере оправдал оказанное ему доверие, добросовестно исполняя возложенные на него обязанности. Ни одна просьба приходского совета, отца Александра не остается без внимания. Колледж постоянно оказывает собору помощь — материальную и хозяйственную. Ведь прежде чем приступить к восстановлению храма, нужно было расчистить его территорию. На ней было очень много старого кирпича. Только строительного мусора (не считая бытового) заботами В. А. Хороших вывозилось по 40–60 машин за лето. Он всегда откликнулся и откликается на любые просьбы помочь. В распоряжение отца Александра постоянно предоставляется техника. А сколько пожертвовано цемента, завезено песка! В уборке территории собора неоднократно помогали курсанты колледжа. Трудятся они с большим желанием, для них устраиваются экскурсии на колокольню. Автор этой статьи, педагог дополнительного образования, в соответствии с программой духовно-нравственного воспитания уже 5 лет ведет в колледже основы православной культуры. Курсантам рассказывается о правилах поведения в храме, что такое причастие и исповедь... В конце учебного года на их анонимные вопросы, касающиеся веры, отвечает отец Александр. Настоятель собора с удовлетворением отмечает, что занятия пошли на пользу курсантам: у них появилась потребность в молитве, многие сами приходят в храм, чтобы поставить свечу и спросить благословения у батюшки.

И по сей день члены приходского совета из числа сотрудников колледжа несут большие труды именно по возрождению храма. Это престольные праздники, где необходимо встретить множество гостей, разместить их, проследить, чтобы их накормили в трапезной. Вся организация ложится на плечи приходского совета и сотрудников храма. Буквально все принимают участие в возрождении собора, уже почти 6 лет совместно несут труды по его восстановлению. Многие сделали и продолжают делать В. А. Хороших и отец Александр, сотрудники собора и колледжа. Они вместе отметили юбилей авиаколледжа, священнослужителей постоянно приглашают на научно-практические конференции, проводимые в колледже. Членам приходского совета довелось решать

множество вопросов по организации проведения юбилейных торжеств, посвященных 200-летию собора.

Создан также Попечительский совет, возглавил его архиепископ Курский и Рыльский Герман. Членом Попечительского совета является В. А. Хороших, который взял на себя подготовку юбилейных буклетов, их оформление и печать. В Попечительском совете Владимир Алексеевич занимает ответственную должность научного секретаря. Он ведет большую работу по реконструкции истории собора, собирает накопленные за два века документальные материалы, уточняет даты, составляет хронологию событий. Планируется выпустить книгу об Успенском соборе, которую подготовил В. А. Хороших.

Было проведено немало благотворительных концертов по сбору денежных средств на возрождение храма. Только 3 июля 2011 г. во время благотворительного концерта на территории собора было собрано более 23 тыс. руб. Выездные концерты состоялись по всему городу и району. Во время межрегиональной научной конференции «Рыльск и рыляне в отечественной и зарубежной истории и культуре» ее участники пожертвовали около 5 тыс. руб. Не остались в стороне от благого дела и курсанты колледжа — они собрали 5400 руб.

В работе по возрождению Храма сделано много, но предстоит сделать еще больше. Высокий уровень духовности работников и курсантов колледжа позволяет надеяться на успешное завершение этого благого дела.

М. А. Чепурных

НАШИ ПРОТИВ ТЕРРОРИЗМА

Терроризм — угроза всему человечеству, под какой бы маской он ни скрывался — под видом защитников веры (неважно какой) или борцов за свободу. Терракты это и взрывы домов со спящими людьми, и взрывы в метро и других местах, где собирается много людей, и захват заложников. Последний вид терактов, на мой взгляд, является самым бессмысленным и жестоким. Заложников захватывают в школах, больницах, театрах, автобусах и самолетах. Угон самолета, впрочем, как любой захват заложников, всегда привлекает внимание общества и комментируется огромным количеством репортеров. Это как раз то, что и нужно бандитам. Цель любого теракта — вселить страх в людей, и часто этому способствует работа некоторых журналистов. Известно множество случаев угонов самолетов с пассажирами, достаточно вспомнить хотя бы 11 сентября 2001 г., когда террористы протаранили на угнанных самолетах два небоскреба в Нью-Йорк и здание Пентагона в Вашингтоне. Терракты организуются и исполняются по разным мотивам совершенно разными людьми, но их объединяет одно — они направлены против населения, которое не может оказать сопротивление. Но когда на месте женщин и детей оказываются те, кто может дать отпор, планы преступников начинают рушиться...

Я учусь в Рыльском авиационном техническом колледже гражданской авиации, и здесь, как и в других учебных заведениях, принято рассказывать учащимся о знаменитых учениках и преподавателях. Две такие истории мне бы и хотелось рассказать...

Начать хочу с истории выпускника 1972 г. **Владимира Бадоевича Гасояна** (на фото), старшего лейтенанта запаса, штурмана экипажа самолета Ту-134А управления гражданской авиации Тбилисского авиационного предприятия. 18 ноября 1983 г. в качестве члена экипажа авиалайнера он выполнял рейс по маршруту Тбилиси — Батуми — Киев — Ленинград. На борту находилось 57 пассажиров и 7 членов экипажа. В Тбилисский аэропорт к рейсу № 6833 (Тбилиси — Ленинград) прибыл свадебный кортеж. В сумках у новобрачных находились пистолеты, боевые гранаты, холодное оружие. О том, чтобы избежать досмотра, они позаботились заранее. Накануне на свадебный ужин пригласили «случайную» знакомую, работавшую сменной дежурной международного сектора аэропорта. Ничего худого не подозревая, она пропустила приятелей на посадку без спецконтроля и досмотра, за что впоследствии села рядом с ними на скамью подсудимых. Другие члены банды присоединились к новобрачным, пройдя через общий зал с остальными пассажирами.

В 15 часов 43 минуты самолет поднялся в воздух. Из-за сильного бокового ветра в Батуми, где лайнер должны были заправить для продолжения полета, самолет был направлен на запасной аэродром. Командир экипажа принял решение вернуться в Тбилиси. Бандиты, полагая, что самолет садится в Батуми, откуда рукой подать до Турции, приступили к реализации своего плана. В 16 часов 13 минут двое бандитов направились в сторону пилотской кабины. Для остальных злоумышленников это было сигналом к тому, чтобы «разобраться» с теми, кто по внешним признакам походил на представителей службы безопасности аэропорта. В считанные секунды был убит один человек и тяжело ранены еще двое, которые, как впоследствии выяснилось, никакого отношения к спецслужбам не имели и были простыми пассажирами. Но в кабине пилотов бандиты получили достойный отпор. Завен Шабартян — заместитель начальника летно-штурманского отдела Грузинского управления гражданской авиации, который находился на борту самолета как проверяющий, открыл дверь в кабину бортпроводнице В. Крутиковой и получил пять пуль в голову от бандитов. Террористы ворвались в кабину и наставили оружие на членов экипажа, затем потребовали изменить курс и приказали экипажу лететь в Турцию. Штурман Гасоян сидел внизу, при закрытых шторках, все слышал, но стрелять

не мог: перед ним был бортинженер. Бортинженер попытался объяснить, что горючего не хватит, и тут же был убит. Когда он упал, сектор обстрела открылся... Вспоминает В. Гасоян: «Вижу: надо действовать. Спасти положение могу я один. Достал пистолет, взвел курок и выстрелил в преступника, который держал под прицелом командира. Террорист упал. Другой головой по сторонам вертит, кричит: «Кто стрелял? Откуда?», но пистолет у виска Габараева держит. Я тогда и в него два раза выстрелил. Как потом оказалось, ранил. Он закричал и выскочил из кабины. За это время командир успел выхватить свой пистолет. В перестрелке бандиты получили ранения и отступили. Бортпроводница помогла пилотам закрыть дверь, а сама осталась в салоне с бандитами... Террористы попытались сбить замок на двери выстрелами, но им это не удалось. (Немного отступая от темы рассказа, хочу отметить, что атака на США 11 сентября 2001 г. вполне могла быть сорвана, если бы в американских самолетах кабина пилотов была отделена от салона дверью, как это принято в нашей стране.) Затем экипаж передал на землю сообщение о нападении, сигнал бедствия и посадил самолет в Тбилиси. Начались переговоры, к которым были привлечены и родственники угонщиков. Но они так ни к чему и не привели. Бандиты требовали заправить самолет и дать им улететь в Турцию, иначе они обещали взорвать самолет. Затем для группы «А» началось ожидание приказа начать штурм. Они заняли позиции на самолете и под ним. Бандиты знали о том, что спецназ рядом, и угрожали взрывом. И вот, наконец, приказ штурмовать самолет был дан. Благодаря упорным тренировкам спецназовцев террористы были молниеносно обезоружены.

На суде преступников спросили: «Вы — дети высокопоставленных родителей. Что стоило вам приобрести турпутевки в Турцию, куда вы и так беспрепятственно летали, чтобы спустить родительские деньги в казино? Купили бы путевки и на этот раз, чтобы спокойно, без шума попросить в заграничных райских куцах политическое убежище!» Ответ был обескураживающим: «Если бы мы таким путем сбежали за границу, нас бы приняли за простых эмигрантов. Чего стоят наши фамилии, влияние и деньги наших родителей там, за границей? Вот когда отец и сын Бразинкасы улетели с шумом, со стрельбой, стюардессу Надю Курченко убили, так их там в почетные академики приняли, невольниками совести нарекли, из Турции в США переправили. Чем мы хуже?»

Суд приговорил их к расстрелу.

После описанных событий Гасоян был удостоен звания Героя Советского Союза. Казалось бы, что история на этом должна закончиться, но нет. После развала Союза в независимой Грузии его и весь экипаж обвинили в том, что они противодействовали стремлению молодежи к свободе. А бандиты, устроившие кровавую бойню в самолете, стали вдруг героями, борцами за свободу...

Следующая история, о которой я хочу рассказать, произошла в декабре 1988 г. Ее участником был бывший преподаватель нашего колледжа *Евгений Григорьевич Шереметьев* (на фото). После окончания Киевского института гражданской авиации он работал в Рыльском авиаучилище в 1971–1972 гг. Затем перешел на работу в КГБ СССР.

Банда уголовников захватила в заложники в г. Орджоникидзе (ныне Владикавказ) целый класс — 32 четвероклассника вместе с учительницей. 1 декабря 1988 г. у учеников школы № 42 была запланирована экскурсия в типографию. Выйдя на улицу, ребята увидели автобус ЛАЗ-687, который прислал, как им заявил «один дядя», родительский комитет. Не подозревая ничего плохого, учительница Наталья Ефимова и 32 ученика расселись по местам. И тут тот же «дядя», но другим тоном заявил, что они все являются заложниками. Так школьники оказались в руках у четырех бандитов, вооруженных двуствольным обрезом охотничьего ружья, кинжалом и ножом. Автобус тронулся и вскоре остановился на одной из центральных площадей города, у здания Северо-Осетинского обкома КПСС. Бандиты требовали освободить из тюрем двоих подельников (один находился в местной тюрьме, другой в Ташкенте), а также выдать крупную сумму денег, самолет (достаточно вместительный, чтобы в него вошел автобус с заложниками) и возможность улететь в страну, с которой у СССР нет дипломатических отношений. Но местный аэропорт не мог принять тяжелый самолет, и автобус, сопровождаемый милицией и машинами скорой помощи, отправился в Минеральные Воды.

Переговоры продолжались, но без особого успеха. Бандиты требовали оружие и бронежилеты (в мировой практике не бывало случая, когда бы террористов снабжали оружием).

К автобусу по очереди ходили начальник 4-го отдела Управления КГБ по Ставропольскому краю подполковник Евгений Шереметьев и бывший сотрудник Группы «А» Валерий Бочков. Они пытались установить психологический контакт с бандитами, узнать более точно их количество. И в какой-то момент Шереметьеву удалось войти в автобус, под предлогом того, что он хочет убедиться в том, что все заложники живы. Изначально бандиты требовали семь автоматов, но после переговоров они получили один автомат с двумя магазинами и четыре пистолета с двумя магазинами. В обмен на оружие они согласились отпустить двадцать школьников. Террористы вместе с заложниками зашли в самолет. В последний момент они отказались отпускать заложников, стали требовать передачи им денег как можно быстрее. Главарь террористов также требовал, чтобы на борт поднялась его жена. После долгих уговоров она согласилась. Вместе с ней пошел и Шереметьев. Он предложил себя в качестве заложника вместо школьников, учительницы и жены главаря. И бандиты согласились на это. Когда им принесли деньги, Шереметьев был отпущен, хоть и не сразу.

Самолет взлетел. Бойцы группы «А» и другие участники событий были в недоумении, они думали, что бандитов из страны не выпустят. Но Израиль, куда направился самолет, уже пообещал, что угонщиков вернут в СССР. И поэтому было принято решение не подвергать людей риску. По прилету бандиты были арестованы, а позже переданы на родину, где были осуждены. Главарь преступников Якшиянц получил 15 лет, другие члены банды также были осуждены на длительные сроки. Многие подумают: «За такое и расстрела мало будет...». Но перед выдачей израильская сторона потребовала гарантий того, что к террористам не будет применена высшая мера наказания, так как в Израиле смертная казнь под запретом.

Эта история легла в основу нескольких книг, множества статей и трех фильмов (одного художественного и двух документальных). Но как же сложилась судьба одного из тех, кто не допустил гибели заложников? А вот как...

Через пять лет Шереметьева, как и многих других опытных работников, уволили из органов. На их место пришли ничего не понимающие в службе чекистов партийные деятели, привыкшие работать лишь по указанию вышестоящего начальства. По словам Шереметьева, чекисты были той единственной силой, которая могла не допустить развала СССР. Поэтому КГБ был лишен опытных офицеров и без них мало что мог сделать. В 1993 г. Шереметьева уволили из КГБ. В это непростое для страны время его опыт мог бы быть очень полезен, но он не был привлечен ни к одной операции, даже в качестве консультанта...

Интересно, на мой взгляд, то, как меняется отношение к тем или иным событиям по прошествии времени. И как следствие, отношение к участникам событий. Да, Грузия сейчас независимое государство, и оно имеет право на своих героев, борцов за независимость страны. Но увольнение из органов такого опытного сотрудника, как Шереметьев, можно считать преступлением. Да и захочет ли современная молодежь служить стране, в которой так обращаются с героями? Будет ли она доверять политикам, которые ставят свои интересы выше интересов всей страны? Думаю — нет. Да и нужны ли нам такие средства массовой информации, которые сочиняют сенсации на пустом месте вместо того, чтобы доводить до общества максимально достоверную информацию? И ведь это началось не вчера. Кажется, что вся история нашей страны состоит из аналогичных рассказов о забытых подвигах и о бандитах, приравненных ныне к героям...

Л и т е р а т у р а

Болтунов М. Е. «Альфа» — сверхсекретный отряд КГБ. М., 1992.

Операция «Гром» / Подгот. В. Лезвина // Ставропольская правда. 2003. 23 мая.

Турченко С. Кровавый рейс № 6833 // Труд. 2000. 2 авг.

При подготовке статьи использованы материалы музея РАТКГА и фотографии, принадлежащие В. В. Гатальскому.

РЫЛЬСКИЕ КНЯЗЬЯ, НАМЕСТНИКИ И ВОЕВОДЫ XII–XVII вв.

В предлагаемой вниманию читателей публикации представлены краткие биографические справки о 6 рыльских князьях XII–XVI вв., 13 рыльских наместниках 1552–1587 гг. и 44 рыльских воеводах 1553–1700 г.

Возникновение княжеского стола в Рыльске относится, по-видимому, к 1160-м гг. О первом рыльском князе — Святославе Ольговиче — говорится в летописях под 1185 г. Имена других рыльских князей вплоть до монгольского нашествия нам не известны, и лишь в 1240-е гг. в летописях содержатся упоминания о двух князьях из Рыльска, убитых татарами. В конце XIII в. в Рыльске был свой князь Олег, именовавшийся «Рыльским и Воргольским». В ходе трагических событий конца 1280 — начала 1290-х гг., связанных с выступлением рыльского и липовичского князей против ордынского баскака Ахмата и последовавшей затем усобицы между русскими князьями, оба они погибли. Как после этого сложилась судьба рыльского княжеского стола, мы не знаем. В 1360-е гг. территория Курского Посемья вошла в состав Великого княжества Литовского. В конце 1390-х гг. в летописях упоминается рыльский князь Федор Патрикеевич, павший в битве с татарами на Ворскле. Этот факт свидетельствует о том, что свои князья были в Рыльске и в период пребывания города под литовским владычеством, но кто они были и когда княжили, нам опять же не известно. В 1500 г. под власть великого князя московского Ивана III вместе со своими владениями перешел новгород-северский и рыльский князь Василий Иванович Шемячич. В 1523 г. он был арестован, а его княжество ликвидировано.

После ликвидации княжества Шемячича Рыльском управляли по большей части наместники, присылавшиеся сюда царем на кормление (на содержание местному населению). Наместникам принадлежали высшие административные и судебные функции в Рыльске и его уезде. В отдельные годы XVI в. в Рыльск назначались также и воеводы. Иногда они правили параллельно с наместниками. Так было, например, в 1553 г., когда в Рыльске был и наместник (И. А. Стригин-Оболенский), и воевода (А. И. Катырев-Ростовский). В других случаях в руках одного человека сосредотачивалась и наместничья, и воеводская власть, а сам он именовался «наместником и воеводой» (например, Д. В. Гундоров в 1572 г. и Л. И. Аксаков в 1587–1589 гг. являлись одновременно наместниками и воеводами). Наконец, бывало и так, что вся власть в городе и уезде передавалась воеводе. В Рыльске таким образом обстояло дело, например, в 1559–1560 и 1569 гг. При этом следует иметь в виду, что в XVI в. воеводы были, прежде всего, военачальниками, а не администраторами, а система воеводского управления, в том виде, какой она приняла в XVII в., только начала складываться. В пограничных городах, каким был Рыльск, функции наместников и воевод во многом совпадали. Административные начала в их деятельности тесно переплетались с военными и наоборот.

В отдельные годы XVI — начала XVII в. власть в Рыльске принадлежала также головам. Поскольку их назначение, в отличие от наместников и воевод, не имело системного характера и носило, скорее, характер временной и вынужденной меры, в настоящем приложении они не показаны. Статус трех рыльских воевод (Ф. И. Бобрищев-Пушкин, А. Ф. Загряжский (Загряжской), А. Д. Бунаков) требует уточнения (возможно, они были только головами, а не воеводами).

В настоящей публикации воспроизведены (с незначительными изменениями) тексты биографических справок о рыльских князьях, наместниках и воеводах, приведенные в изданном нами в Курске в 2004 г. кратком биографическом справочнике «Князья, наместники и воеводы Курского края XI–XVIII вв.». Указанная работа, вышедшая тиражом в 150 экземпляров, давно является библиографической редкостью. Для определенной части читательской аудитории она по-прежнему остается востребованной и в печатном виде, несмотря на то, что полный текст справочника еще с 2004 г. доступен в Интернете на сайте «Курскъ дореволюционный» (см.: <http://www.old.kurskcity.ru/book/razdorsky/ra001.html>).

Биографические справки скомпилированы из различных опубликованных источников, научно-исторических работ и справочной литературы биографического и генеалогического характера (см. список источников и литературы). Для экономии печатной площади библиографические ссылки под каждой биографической справкой, имеющиеся в справочнике 2004 г., в данной публикации опущены.

Состав рыльских наместников и воевод XVI–XVII вв. установлен пока еще далеко не полностью. Расширить и уточнить его могут как дальнейшие архивные разыскания (прежде всего изучение различных документов, хранящихся в РГАДА), так и анализ уже опубликованных источников. Например, при работе с текстом рыльской таможенной книги 1671/72 г., нам встретились два ранее не учтенных рыльских воеводы начала 1670-х гг.: С. Д. Карпов и И. А. Кучин. Помимо них, по различным опубликованным материалам удалось выявить имена еще шести лиц, находившихся в разные годы на воеводстве в Рыльске. Это Г. Б. Долгоруков, М. Г. Хитрово, И. В. Бутурлин и А. А. Тургенев. Таким образом, по сравнению со справочником 2004 г., список рыльских воевод пополнился на шесть человек.

КНЯЗЬЯ

Святослав Ольгович, в крещении Борис (1166 – ?), *рыльский князь (в 1185 г.)*, после смерти Всеволода Святославича в 1196 г., возможно, княжил в Курске. Сын новгород-северского князя Олега Святославича и неизвестной по имени дочери переяславского князя Андрея Владимировича, внук новгород-северского (впоследствии черниговского) князя Святослава Ольговича. Представитель 10 колена Рюриковичей, из княжеского рода Ольговичей. Первый известный по летописям рыльский князь. Участвовал в походе своего дяди Игоря Святославича на половцев в 1185 г., после поражения русского войска попал в плен. Дальнейшая его судьба неясна. Существует предположение, что он умер в 1186 г. в плену и на Русь не вернулся. Имел жену Анастасию и детей Олега Курского (?), Дмитрия (?) и Мстислава. Согласно гипотезе, выдвинутой писателем А. М. Домниним, Святослав был автором «Слова о полку Игореве».

Мстислав Святославич (? – 1241), *рыльский князь (в 1241 г.)*. Сын рыльского князя Святослава Ольговича и его жены Анастасии (?), внук новгород-северского князя Олега Святославича. Представитель 11 колена Рюриковичей, из княжеского рода Ольговичей. Дети: Андрей и еще один сын, неизвестный по имени. Убит татарами.

Андрей Мстиславич (? – 1245 гг.), *рыльский князь в 1241–1245 (?) гг.* Происхождение точно не известно. Вероятно, сын рыльского князя Мстислава Святославича, внук рыльского князя Святослава Ольговича. Представитель 11 колена Рюриковичей, из княжеского рода Ольговичей. По другой версии — сын черниговского князя Мстислава Глебовича, внук черниговского князя Глеба-Пахомия Святославича. Имел жену по имени Елена. Убит в Орде.

Олег (вторая половина XIII в.), *князь рыльский и воргольский (в конце 1280 — начале 1290-х гг.)*. Происхождение неизвестно. Возможно, является внуком рыльского князя Святослава Ольговича, представитель 12 (?) колена Рюриковичей, из княжеского рода Ольговичей. В конце 1280 — начале 1290-х гг. XIII в. (весной 1289 — осенью 1290 г.?) вместе со своим «сродником» липовичским князем Святославом выступил против баскака Ахмата, получившего от хана Золотой Орды Телебуги на откуп дань с Курского княжества. Князья разгромили слободы, основанные баскаком в их землях. Однако затем между Олегом и Святославом возник конфликт, в результате которого последний был убит. В свою очередь, Олег, а также его сыновья Давыд и Семен были убиты братом Святослава Александром.

Федор Патрикеевич (? – 12.08.1399), *рыльский князь (в конце XIV в.)*. Убит в битве на Ворскле между литовско-русскими войсками великого князя Литовского Витовта и ордынскими войсками хана Темир-Кутлука и беклярибека (главного военачальника) Едигея. Происхождение неизвестно.

Василий Иванович Шемячич (? – 10.08.1529), *князь новгород-северский и рыльский*. Сын новгород-северского князя Ивана Дмитриевича Шемякина и некой «чародеицы греческия», внук галицкого (в 1446–1447 гг. — вел. московского) князя Дмитрия Юрьевича Шемяки. Представитель 19 колена Рюриковичей. Весной 1500 г. вместе со всеми своими вотчинами перешел из-под власти польского короля в подданство вел. князя московского Ивана III и занял положение служилого князя. В историографии существуют разные мнения о том, когда Шемячич завладел Рыльском. По одной версии, он унаследовал Рыльск от своего отца, получившего его в кормление от польского короля Казимира в 1454 г. По другой версии, Рыльск, являвшийся «господарским городом» и напрямую подчинявшийся центральным властям Великого княжества Литовского, был захвачен Шемячичем в 1500 г. в момент его перехода в московское подданство. В первой половине XV в. Василий Иванович был одним из наиболее влиятельных политических деятелей на Юге России. Он участвовал в крупных антилитовских военных акциях Василия III (осенью 1507/08 г. ходил в поход на Литву, весной 1513 г. сжег посады Киева). Личную храбрость Шемячича отмечали немецкий дипломат С. Герберштейн и князь А. Курбский. 12.05.1523 по обвинению в измене князь был арестован, а его княжество ликвидировано. Умер в заточении. Жена (неизвестная по имени) и две дочери Шемячича (Марфа и Ефросинья) были пострижены в монахини и отправлены в Суздальский Покровский монастырь, где и скончались.

НАМЕСТНИКИ

Стригин-Оболенский (Пуговка) Иван Александрович (? – не ранее 1553), князь, *рыльский наместник в 1552–1553 гг.* Рюрикович (20-е колено).

Дашков Семен Дмитриевич (1514/18 – не ранее 1558 или 1565), князь, *рыльский наместник в 1557–1558 гг.* (по РКн 1475–1598, 1475–1605, 1550–1636 гг.) *и в 1565 г.* (по РКн 1550–1636 гг.). Рюрикович (20-е колено). Начал службу с 1551 г., был в Арском походе. В 1558 г. третий воевода в Свияжске, в 1562 г. — второй воевода в Великих Луках.

Прозоровский Михаил Федорович (? – не ранее 1664), князь, *рыльский наместник в 1558–1559 гг.* (по РКн 1475–1598, 1475–1605 гг.), *в 1558 г.* (по РКн 1550–1636 гг.), *в 1656 и 1659 гг.* (по РБС). Рюрикович (20-е колено). В 1554 г. находился в числе поезжан на свадьбе казанского царя Симеона Бекбулатовича с М. А. Кутузовой. В 1557 г. второй осадный воевода в Казани. В 1562 г. стоял в Великих Луках и был воеводой Большого полка в литовском походе. В 1563–1564 гг. состоял в товарищах у воевод в Юрьеве. Был женат на родной сестре князя А. М. Курбского. После его бегства в Литву казнен по приказу Ивана Грозного.

Трубецкой Василий Андреевич (? – 1561), князь, *рыльский наместник в 1559 г.* (по РКн 1550–1636 гг.). Гедиминович (8-е колено). Боярин. Был также наместником в Брянске.

Елецкий Василий Иванович (? – 1567), князь, *рыльский наместник в 1560–1562 гг.* Имеются сведения, что в 1562 г. являлся рыльским воеводой, а в 1567 г. — наместником. Рюрикович (21-е колено). В 1550 г. зачислен в состав московского дворянства. В 1565–1566 г. воевода в Пронске. Убит в Рыльске поляками.

Образцов Федор Иванович (? – не ранее 1567), *рыльский наместник в 1563–1564 гг.* В 1565 г. назначен воеводой в Рославль. В 1567 г. послан со служилыми московскими царевичами Ибаком и Камбулой под Великие Луки головой над свияжскими татарами. В РБС учтен с отчеством Романович. Там же отмечено, что он числился в списке боярских детей кн. Владимира Андреевича Старицкого и в 1550 г. был в чине его свадьбы.

Мосальский (Клубков-Мосальский, Масальский) Федор Осипович (Семенович?) (? – не ранее 1566), князь, *рыльский наместник (воевода?) в 1565–1566 гг.* (титул не указан). В РКн 1475–1598, 1475–1605 и 1550–1636 гг. записан с отчеством Осипович, в РКн 1559–1605 гг. (под 1565 г.) — Семенович. Рюрикович (20-е колено). Федор Осипович в 1566 г. принимал активное участие в земском соборе, собранном по вопросу о продолжении войны с Польшей и отказе польским послам в перемирии. В 1578–1579 гг. был головой в смоленском и лифляндском походах. В 1580–1581 гг. один из воевод в Новгороде Великом и Юрьеве-Ливонском, в 1583 г. воевода в Галиче, а затем в сторожевом полку в Казанском походе. В 1584 г. воевода в Калуге и передовом полку, в 1585 г. — в Белой и передовом полку, в 1586 г. — в Шацке. В 1588 г. второй воевода передового полка в астраханском походе, в 1593 г. сходный воевода в сторожевом полку, в 1598 г. воевода в Воронеже.

Карпов Михаил Андреевич (? – не ранее 1568), *рыльский наместник в 1568 г.*

Нагово (Нагой) Семен Федорович (? – не ранее 1606), *рыльский наместник в 1565 г.* (по РБС) *и в 1570 г.* (по РКн 1475–1598, 1475–1605, 1550–1636, 1559–1605 гг. и РБС) В 1547 г. упоминается в чине свадьбы царя Ивана Грозного и Анастасии Романовны Юрьевой-Захарьиной. В 1570 г., будучи в Рыльске, посылал царю донесение о движении татар на южнорусские земли. В 1572 г. второй осадный воевода в Москве на Земском дворе. В 1573 г. участвовал в походе в Лифляндию. В 1581 г. упоминается в чине свадьбы царя Ивана Грозного и своей племянницы М. Ф. Нагой. В 1584 г. первый воевода в Васильгороде. Затем отправлен из Москвы в Углич вместе с царевичем Дмитрием Ивановичем. После гибели царевича в 1591 г. попал в опалу и был сослан в одну из своих вотчин, в которой жил вплоть до воцарения Лжедмитрия I в 1605 г. Был пожалован самозванцем в бояре.

Засекин Борис Петрович (? – 1589), князь, *рыльский наместник в 1573 г.* Рюрикович (22-е колено). В 1565–1567 гг. наместник в Рязске, в 1569 г. воевода на Плове и Солове, в 1570 г. полковой воевода в Рязске. В 1572 г. принимал участие в походе Ивана Грозного на Новгород как представитель от Холопьяго суда. В 1577 г. полковой воевода «на Рязани», в 1580 г. — в Серпухове, затем один из воевод Большого полка на берегу Оки. В 1581 г. стоял в Калуге воеводой передового полка, в 1582 г. полковым воеводой и в 1583 г. наместником и воеводой в Рязске. С 1585 г. окольник. Проводил перепись важских земель.

Колтовской Артемий Иванович Большой (? – не ранее 1591), *рыльский наместник в 1582–1583 и 1590–1591 гг.* (под 1590–1591 гг. упоминается в РКн 1475–1598, 1475–1605, 1550–1636 гг. без отчества). В 1578–1579 гг. воевода в Новосиле, в 1581 г. осадный воевода в Стародубе, в 1585 г. воевода в Рязске.

Аксаков (Оксаков) Юрий Иванович (? – не ранее 1585), *рыльский наместник в 1584–1585* (по РКн 1475–1598 гг.; по др. данным: *в 1584–1586, в 1583–1586 гг.*). В 1564 и 1580 гг. воевода в Великих Луках. Голова в походе 1576 г.

Бибииков Иван Филатьевич (Феофилатьевич) (? – не ранее 1592), *рыльский наместник в 1586–1587 гг.* В конце 1590 г. послан в Крым для переговоров с ханом, где встретил недружественный прием и был ограблен. После неудачного похода хана на русские земли в 1591 г. был вновь им принят и получил назад свое имущество. Позднее состоял воеводой на Веневской засеке. В РКн 1475–1598 гг. под 1586 г. записан с отчеством Федорович, однако Иван Бибииков с таким отчеством в родословной росписи Бибииковых в указанное время не значится.

ВОЕВОДЫ

Катырев-Ростовский Андрей Иванович (? – 1567), князь, *рыльский воевода в 1553 г.* Рюрикович (21-е колено). Боярин (с 1557 г.). Убит по приказанию Ивана Грозного.

Тургенев Петр Дмитриевич (? – 1605), *рыльский воевода в 1559–1660 гг.* В 1550 г. козельский сын боярский, пожалован поместьем в Московском уезде. В 1551 г. послан к ногайским мурзам и князьям уговаривать их не идти на помощь казанскому хану, «претерпел в Орде от князя Юсуфа великое поругание и был ограблен». В том же году посылался в Астрахань для охраны принявшего русское подданство астраханского хана Дорбыша (Дорбыша). В 1554–1555 гг. стоял с полком в Астрахани. В 1563 г. второй воевода в Дедилове. В 1656 г. воевода в Астрахани. Выступил против Лжедмитрия I и был казнен по его приказу.

Карпов Юрий Иванович (? – не ранее 1569), *рыльский воевода в 1569 г.* В РКн 1475–1598, 1550–1636, 1559–1605 гг. отмечено, что на воеводстве в Рыльске находился совместно с Алферием Федцовым (Фетцовым), статус которого не указан.

Гундоров Давыд Васильевич (? – не ранее 1572), князь, *рыльский наместник и воевода в 1572 г.* Рюрикович (19-е колено). В 1554 г. на свадьбе казанского царя Симеона Бекбулатовича находился в числе поезжан. Участвовал в Ливонской войне. Воевода в походе 1563 г.; воевода в разных полках в 1564 г.; в походе с казанскими людьми в 1565 г.; воевода в сторожевом полку в 1566 г.; на службе с кадомскими людьми в 1567 г.; воевода в полку левой руки в 1568 г.

Аксаков (Оксаков) Леонтий Иванович (? – около 1600), *рыльский наместник и воевода в 1587–1589 гг.* В 1580–1581 гг. воевода в Вороначе (Псковская земля), в 1584–1585 гг. — в Брянске, в 1590–1591 гг. — в Яме. В 1581–1582 гг. участвовал в героической полугодовой обороне Пскова от польско-литовских войск под предводительством Стефана Батория. С 1593 г. второй воевода во Пскове, в 1594–1597 гг. первый воевода в Нижнем Новгороде. В походе 1598 г. голова в государевом полку. Значится в числе подписавших грамоту об избрании царем Бориса Годунова.

Бобрищев-Пушкин Федор Иванович (? – не ранее 1602), *рыльский воевода (голова?) в 1597–1598 гг.* Как рыльский воевода упоминается только в РКн 1475–1605 гг. под 1597 г. В этой же книге и в РКн 1598–1638 гг. под 1598 г. числится рыльским головой. В 1602 г. воевода в Белой.

Замыцкий (Замытской) Андрей Васильевич (? – 1603, по др. данным 1605), *рыльский воевода в 1599 г.* В 1577 г. воевода в Орле, в 1581 г. — один из голов во Пскове (во время осады города Стефаном Баторием), в 1585 г. — наместник в Белой и в Почепе. В 1591 г. на воеводстве в Копорье, в 1593 г. — в Рязке, в 1597 г. — в Дорогобуже, в 1598 г. — в Черни, в 1599–1602 гг. (по др. данным в 1600–1601) — в Курске, в 1602 г. — в Орле, в 1603–1605 гг. — в Тюмени. Весной 1602 г. состоял объезжим головой в Московском Кремле.

Загряжский (Загрязской) Алексей Федорович (? – не ранее 1617), *рыльский воевода (голова?) в 1602 и 1604 (1602–1604?) гг.* В 1602 г. находился в Рыльске на воеводстве совместно с А. Бунаковым. В РКн 1598–1638 гг. значится под 1601–1604 гг. рыльским головой, а не воеводой (как и А. Бунаков). Имеются данные, что в 1603 г. состоял на службе в Архангельске. В 1604 г., будучи рыльским воеводой (головой?), был захвачен в плен восставшими горожанами, перешедшими на сторону Лжедмитрия I. В 1605 г. посылался московским правительством в Рыльск одним из трех письменных голов. В 1606–1607 (по др. данным в 1605–1608) гг. письменный голова (по др. данным воевода) в Верхотурье. В 1609 г. объезжий голова в Москве в Деревянном городе от Арбатских до Никитских ворот. В 1609–1610 гг. воевода на Двине, в 1615–1616 гг. — в Лухе. В 1617 г. объезжий голова в Москве в Китай-городе.

Бунаков (Буканов) Андрей Дмитриевич (?) (? – не ранее 1602 или 1605), *рыльский воевода (голова?) в 1602 г.* Находился в Рыльске на воеводстве совместно с А. Ф. Загряжским. В РКн 1598–1638 гг. значится рыльским головой, а не воеводой (как и А. Ф. Загряжский). Встречающийся в источниках и в справочниках вариант фамилии Буканов, по всей видимости, — результат описки. Речь идет, вероятно, об Андрее Дмитриевиче Бунакове, представителе дворянского рода, ведущего свое происхождение от карачевских князей (Рюрикович, 22-е колено). В 1604 г. он был послан из Москвы от имени патриарха в Польшу для обличения Лжедмитрия и в 1605 г. получил награду за свою «верную службу» от Бориса Годунова.

Долгоруков (Роца) Григорий Борисович (? – 22.09.1613), князь, *рыльский воевода в 1605 г. (?)* Рюрикович (22-е колено). Окольничий. В 1590–1592 гг. находился на воеводстве в Воронеже. В 1604 г. курский воевода. При занятии Курска Лжедмитрием I был выдан ему восставшими жителями города, но перешел на сторону самозванца и был послан им на службу в Рыльск. В начале 1605 г. совместно с стрелецким головой Я. Змеевым успешно отбил попытку войск Бориса Годунова овладеть этим городом. Затем последовал за Лжедмитрием I в Москву и стал его советником. После свержения самозванца перешел на сторону царя Василия Шуйского. В 1608 г. был назначен первым осадным воеводой Троице-Сергиева монастыря, подготовил его к осаде и затем вместе со вторым воеводой А. И. Голохвастовым возглавлял почти 16-месячную оборону обители (с 23.09.1608 по 12.01.1610) от польско-литовских войск Сапеги и Лисовского, проявив при этом личное мужество и героизм. За это в 1610 г. был лично награжден царем Василием Шуйским шубой, шитой золотом, и золотым кубком. В 1611 г. отправлен воеводой на Двину. В 1613 г., находясь в Вологде, был убит мятежными казаками, захватившими город.

Коркодинов Семен Григорьевич (? – не ранее 1605), князь, *рыльский воевода в 1605 г.* Рюрикович (22-е колено). Послан в Рыльск на воеводство Лжедмитрием I.

Елецкой (Елецкий) Федор Андреевич (? – 1638), князь, *рыльский воевода в 1614 г.* Находился в Рыльске на воеводстве совместно с П. С. Воейковым. Рюрикович (22-е колено). Стольник (с 1627 г.?). В 1610 г. с шеститысячным отрядом был направлен против поляков, чтобы укрепиться в Цареве-Займище, однако был разбит против-

ником. В 1612 г. воевода в Ярославле (по др. данным во Пскове), в 1615 г. — в Свияжске, затем в Уфе, в 1617 г. — в Новгороде. В 1618 г. назначен в поход из Владимира в Нижний Новгород, где должен был соединиться с войсками кн. Б. М. Лыкова для оказания отпора полякам. Однако из-за местных споров не оказал помощи Лыкову и был посажен в тюрьму. В 1626–1627 гг. на воеводстве в Ельце, в 1628 г. — в Великих Луках, в 1632–1634 (по др. данным в 1631–1635) гг. — во Пскове. В 1636 г. пожалован шубой и кубком.

Воейков Прокофий Семенович (? – не ранее 1627), *рыльский воевода в 1614 г.* Находился в Рыльске на воеводстве совместно Ф. А. Елецким. В 1617–1619 гг. воевода в Новосиле, в 1622–1624 гг. — в Воронеже, в 1627 г. — в Севске.

Львов Алексей Михайлович (? – 1653 или 1654, по др. данным 1656), князь, *рыльский воевода в 1615 г.* Находился в Рыльске на воеводстве совместно с Г. А. Алябьевым. Рюрикович (24-е колено). В 1607 г. послан царем Василием Шуйским под Арзамас, контролировавший «вором» (Лжедмитрием), и сумел взять город. В 1610 г. воевода в Нижнем Новгороде. В апреле 1612 г. находился в войске Д. М. Пожарского. В 1613 г. подписался под грамотой об избрании царем Михаила Федоровича седьмым из стольников. Участвовал в церемонии его венчания на царство. В 1614 г. получил приказ идти в Литовскую землю на Кричевские места войной во главе дворян и детей боярских понизовых городов, казанских князей, мурз и татар, чувашей и черемис. В 1616 г. послан в Нижний Новгород собирать ратных людей и идти против казанских татар и луговой черемисы. В 1618–1620 гг. находился в товарищах у воеводы А. А. Хованского в Астрахани. Будучи там, перевел ногаев, кочевавших при царе Федоре Ивановиче на крымской стороне, на ногайскую сторону, брал в заложники ногайских мурз с братьями и детьми, перевел из-под Хивы и Бухары Аблу-мурзу и 15 тыс. его улусных людей. В 1621 г. вместе с дьяком Ж. Шиповым отправлен в Данию сватать за царя Михаила Федоровича одну из шлезвиг-голландских принцесс, племянниц датского короля Христиана IV (миссия закончилась безрезультатно). В том же году был в Поместном приказе в товарищах у боярина И. Б. Черкасского. В 1627 г. пожалован в окольничие. С этого времени до 1647 г. сидел в приказе Большого дворца, был его начальником. В 1632–1633 гг. в ходе Смоленской войны по царскому указу собирал подводы с дворов, а также конных людей с архиереев и монастырей. В 1634 г. с титулом «наместника суздальского» вместе с боярином Ф.И. Шереметевым возглавлял русскую делегацию на переговорах с Речью Посполитой, закончившихся подписанием Поляновского мира, завершившего Смоленскую войну. 05.07.1634 пожалован в бояре, получил также в награду шубу на соболях, серебряный золоченый кубок, денежную придачу в 80 руб. к прежнему окладу и вотчину с 800 душами. В начале 1635 г. с титулом «ярославского князя» отправился во главе русской делегации в Варшаву для закрепления Поляновского мира королевской присягой. Перед возвращением в Россию русское посольство добилося от польских властей разрешения перевезти в Москву тело царя Василия Шуйского (умершего в плену в Варшаве в 1612 г.), его брата и жены брата. В 1638 г. назначен быть в Туле «для прихода крымского царя и крымских и ногайских людей». В 1644 г. отправлен полномочным послом в Польшу для решения вопросов о царском титуле и размеже-

вании Путивльских земель. Тайным наказом Львову поручалось также собрать информацию об объявившемся в Польше самозванце, выдававшем себя за сына царя Василия Шуйского (Лубе). За успешное выполнение возложенной на него миссии пожалован «дворечеством с путем», шубой, кубком, денежной прибавкой к окладу («в путь» Львову были даны слободы в Ярославском уезде; выборные люди слобод должны были собирать в его пользу таможенные пошлины; суд в слободах ведал львовский тиун и доводчик; Львову предоставлялось пользование прибылью с одного из ярославских кабаков; в его пользу отчислялась часть пошлин, взимавшаяся в Москве в приказе Большого двorca). После смерти царя Михаила Федоровича сохранил близость и к его сыну: сопровождал нового государя в его богомольных и загородных поездках, обедал у него в торжественные дни. С 1645 г. дворецкий при Алексее Михайловиче и ближний боярин. В 1648 г. во время восстания в Москве («Соляного бунта») дом Львова был разграблен. Скончался бездетным.

Алябьев (Олябьев) Григорий Андреевич (? – не ранее 1628), *рыльский воевода в 1615 г.* Находился в Рыльске на воеводстве совместно с А. М. Львовым. В 1619–1620 гг. воевода в Волхове, в 1622–1623 гг. — в Путивле, в 1625 г. — в Вязьме, в 1627–1628 (по др. данным 1627/28–1630) гг. — в Пельше. В 1630 г. второй воевода Большого полка. В 1634 г. находился в Брянске при межевании и разводе границ с Речью Посполитой.

Волконский Никита Андреевич (? – 1620 или 1621), князь, *рыльский воевода в 1616–1617 гг.* Рюрикович. В 1598 г. третий воевода в Астрахани. В 1614 г. направлен в Тихвин для усмирения поднявших мятеж казаков. В 1619 (по др. данным в 1618) г. на воеводстве в Угличе, в 1620 (1620–1621?) гг. — в Пелыме, где умер.

Шаховской (Шеховской) Иван Федорович Большой (? – не ранее 1647), князь, *рыльский воевода в 1618–1619 гг.* В 1619 г. находился в Рыльске на воеводстве совместно с П. И. Сафоновым. Рюрикович (23-е колено). В 1606 г. числился в торопецких десятиях. В 1616–1617 гг. воевода в Царевосанчурске, в 1620–1622 (по др. данным 1623) гг. — в Томске. В 1626 г. послан в Крапивну, затем в Чернь. В 1627 г. дворянин московский. В 1627–1629 гг. младший воевода Большого полка в Туле. В 1631 г. товарищ боярина И. П. Шереметева во Владимирском судном приказе. В 1632 г. послан в Брянск, Карачев, Севск, Рыльск и Путивль собирать запросные и пятинные деньги для жалованья ратным людям. В 1633 г., «по крымским вестям», был воеводой в Москве у Петровских ворот. В 1634 г. полковой воевода в Ржеве. В 1635–1636 гг. воевода в Костроме, в 1638 г. — в Саратове. В 1640 г. воевода Большого полка в Туле. В 1642–1643 гг. состоял во Владимирском судном приказе товарищем при И. П. Шереметеве. В 1644 г. на воеводстве в Нижнем Новгороде, затем в 1644 (по др. данным 1645) – 1647 гг. — в Цивильске.

Сафонов (Софонов) Петр Игнатьевич (? – не ранее 1636), *рыльский воевода в 1619 г.* Находился в Рыльске на воеводстве совместно с И. Ф. Шаховским Большим. В 1620 г. воевода в Сапожке, в 1626 г. — в Новосиле, в 1636 г. — в Карачеве.

Дашков Яков Авксентьевич (Оксентьевич) (? – не ранее 1642), *рыльский осадный воевода в 1619–1620 (по др. данным 1621) гг.* Будучи в 1608–1610 гг. одним из воевод в Троице-Сергиевом монастыре участвовал в 16-месячной героической обороне обители (с 23.09.1608 по 12.01.1610) от польско-литовских войск Сапеги и Лисовского. В 1613 (по др. данным в 1614–1616) гг. на воеводстве в Белгороде, в 1614–1615 гг. — в Осташкове, в 1616 г. — в Дорогобуже. В 1618 г. полковой воевода в Уфе, затем в Вязьме. В 1623 г. ездил посланником в Крым для поздравления Магмед-Гирея с вступлением на ханский престол. В 1629 г. послан в Астрахань для сыскного дела. В 1631–1632 гг. снова был белгородским воеводой. В 1636 г. на воеводстве в Ливнах. В 1638 г. послан от Пушкарского приказа укреплять Тулу. В 1642 г. принял монашество (?).

Еропкин Иван Федорович (? – 1666), *рыльский воевода в 1622 г.* Рюрикович (24-е колено). Потомственный думный дворянин. В 1619–1620 гг. воевода в Кадоме, в 1626–1627 гг. — в Осколе, в 1628–1630 гг. — в Белгороде, в 1632 г. — в Севске, в 1633 г. — в Стародубе (Северском), в 1635–1639 гг. — в Верхотурье, в 1641 г. — в Веневе, в 1642–1643 и 1653 гг. — в Вязьме, в 1655–1656 гг. — в Смоленске, в 1659–1660 гг. — в Калуге. В 1650 г. принимал участие в подавлении восстания во Пскове.

Гагарин-Турок Михаил Семенович (? – 1646/47), князь, *рыльский воевода в 1624–1626 гг.* Рюрикович (22-е колено). В 1613 г. числился в составе жильцов. В 1616 г. — стряпчий. В 1618 г. — рында в белом платье на отпуску кизильбашских послов. В 1627–1629 (по др. данным 1628) гг. на воеводстве в Сургуте, в 1633–1634 гг. — в Коломне, в 1639–1640 гг. — в Шацке, в 1643–1646 гг. — в Тобольске (в товарищах у воеводы Г. С. Куракина). В 1636 г. во время отъезда царя из Москвы в с. Покровское «дневал и ночевал» на государевом дворе. В боярских книгах 1626–1640 гг. значится в дворянах московских.

Волконский Семен Федорович (? – 1644), князь, *рыльский воевода в 1626–1628 гг.* Рюрикович. Стольник (с 1618 г.). В 1630–1631 (по др. данным 1634) гг. воевода в Терках, в 1642–1644 гг. — в Орле.

Львов Дмитрий Петрович (? – 1660), князь, *рыльский воевода в 1628–1630 гг.* Рюрикович (25-е колено). В 1618 г., будучи стряпчим, прислан к царю Михаилу Федоровичу с донесением (сеунчем) о заключении Деулинского перемирия с Речью Посполитой, за что был пожалован сороком соболей, камкой (дорогой шелковой тканью) и 70-ю руб. В 1630–1633 гг. воевода в Устюге. В 1635 г. был головой у стольников при встрече за Тверскими воротами Москвы литовских послов. В том же году состоял воеводой в Большом полку в Переяславле-Рязанском. В 1638 г. на воеводстве в Яблонове. В 1639 г. участвовал в перенесении гроба царевича Ивана Михайловича из царских хором в Архангельский собор Кремля. В 1641 г. назначен полковым воеводой в Мценск «для прихода крымских и ногайских людей». В 1645 г. осадный воевода в Лихвине. В том же году в день венчания на царство Алексея Михайловича (28 сентября) пожалован в окольников. В 1646 г. в товарищах у Н. И. Одоевского в Большом полку в Белгороде. В 1648 г. на службе в Валуйках. В 1647, 1650 и 1651 гг. участвовал в приеме царем послов, в 1649–1652 гг. сопровождал государя в богомольных и заго-

родных поездках. В 1653 г. приводил к шерти (присяге на подданство) сибирского и касимовского царевичей. В 1654 г. участвовал в польском походе в составе передового полка (получил за него в награду шубу, крытую золотым атласом, кубок, денежную придачу в 150 руб.). В 1655 г. на именины царевича Алексея Алексеевича (12 февраля) пожалован в бояре. В 1656 г. получил титул наместника муромского. В том же году участвовал вместе с царем в походе на Ригу. В 1658–1660 гг. воевода в Астрахани. Известен как поборник развития отечественного виноделия.

Щербатов (Щербатый) Осип Иванович (? – не ранее 1666), князь, *рыльский воевода в 1630–1631 гг. (по др. данным в 1630–1632 гг.)*. Рюрикович (23-е колено). В 1626 г. пожалован из патриарших стольников в государевы. После Рыльска находился на воеводстве в Можайске. В 1636 г. воевода в Кольском остроге. Участвовал в Земском соборе 1642 г. по поводу Азова. В 1643 г. пожалован в московские дворяне и назначен воеводой в Мценск, где пробыл до 1647 г. По др. данным еще в 1646 г. назначен воеводой в Томск на место умершего брата Дмитрия. Был томским воеводой до 1649 г., затем служил в полевой рати. В 1655 г. на воеводстве в Смоленске. В 1656 г. участвовал в походе в государевом полку. В 1657 г. воевода в Полоцке. В 1660 г. пожалован в окольные и во главе «многих ратных людей» послан в Малороссию на помощь гетману Ю. Хмельницкому. В одной из стычек с поляками попал в плен, откуда был выкуплен в августе 1661 г. за 20 тыс. польских злотых, внесенных греческим купцом Кирьяком (после освобождения денег ему не вернул). В 1663–1666 гг. воевода на Двине.

Ромодановский Василий Григорьевич Меньшой (? – 03.10.1671), князь, *рыльский воевода в 1632–1634 гг.* Рюрикович (20-е колено). Брат П. Г. и Г. Г. Ромодановских. До своего назначения в Рыльск, будучи стольником, принимал участие в придворных церемониях: в приемах послов, стоял в рындах. Во время Смоленской войны посылал из Рыльска воинских людей, взявших у г. Ромны два острожка, сжегших посады и уничтоживших много врагов (10.01.1633 отправил об этом донесение царю). В 1635 г. послан на Терек первым воеводой, где находился до 1637/38 г. В 1640 г. назначен первым воеводой в Венев. В 1641 (по др. данным 1642) – 1644 гг. на воеводстве в Воронеж. После кончины царя Михаила Федоровича был определен в число лиц, на которых было возложено приведение к присяге на верность новому царю Алексею Михайловичу воевод и прочих чинов по разным городам и полкам. В 1645 г. назначен во Владимирский судный приказ к боярину И. В. Морозову. В 1646 г. пожалован в окольные. В 1648 г. был вторым дружкой государевым на свадьбе Алексея Михайловича. В том же году послан воеводой на Двину, где оставался до 1650 г. В 1650–1652 гг. сопровождал царя в богомольных и загородных поездках. В 1652 (по др. данным в 1652–1653) гг. воевода во Пскове. В 1654 г. назначен в Пушкарский, а затем в Челобитный приказ. В 1654 г. после отправления царя в поход под Смоленск оставлен третьим окольным «на Москве». В 1655 г. пожалован в бояре и в том же году послан первым воеводой в Астрахань (по др. данным получил туда назначение двумя годами раньше). Находясь там, привел в русское подданство калмыцких тайш. За «калмыцкую службу» получил в награду шубу, кубок, 100 руб. придачи к окладу и 6000 ефимков. В 1661 г. назначен в Пушкарский приказ. В 1662 г. дважды оставался «на Москве» во время поездок царя на богомолье. В 1665–1668 гг. находился на воеводстве в великом Новгороде.

Алферьев (Олферьев, Олферов) Иван Васильевич (? – ?.12.1654), *рыльский воевода в 1636–1639 гг.* В августе 1639 г. отозван из Рыльска в Москву (по др. данным находился там еще 15 ноября). В 1644 (по др. данным 1645) – 1646 гг. на воеводстве в Вологде, в 1647 г. — в Цареве-Алексееве (Новом Осколе). В 1648 г. назначен судьей во Владимирский судный приказ. В 1650 г. (по др. данным в 1651–1652 гг.) воевода в Козлове, в 1651–1652 гг. — в Яблонове, откуда был послан во Псков умиротворять взбунтовавшихся горожан и производить суд над мятежниками. В октябре 1653 г. пожалован в окольные и получил титул муромского наместника, после чего вместе с боярином В. В. Бутурлиным послан принимать в русское подданство Б. Хмельницкого и приводить к присяге Малороссию. За успешное выполнение возложенной миссии был щедро награжден царем. Весной 1654 г. сопровождал государя в походе под Смоленск. По возвращении Алексея Михайловича в Москву был оставлен под Дубровкой. В сентябре того же года переведен в Могилев, жители которого просили защиты от претеснений стоявших в городе малороссийских казаков. Приехав в Могилев, приступил к наведению в нем порядка и усмирению казаков, но, не успев завершить начатого дела, скончался.

Лыков Алексей Федорович (? – 1656), князь, *рыльский воевода в 1639–1641 гг.* Рюрикович (22-е колено). Стольник. В 1644–1647 гг. на воеводстве во Пскове.

Колычов Михаил Дмитриевич (? – не ранее 1643), *рыльский воевода в 1642–1643 гг.*

Пушкин Степан Гаврилович (? – 1656), *рыльский воевода в 1644 г.* В 1625 и 1628 гг. участвовал в приемах царем кизильбашских послов, в 1631 г. — шведского посла, в 1637 г. — литовского гонца. Будучи рыльским воеводой, посылал воинских людей в Рыльский и Путивльский уезды против крымских татар. В 1646 г. воевода в Одоеве. Когда крымские татары совершили набег на курские и рыльские места и Комарицкую волость, получил приказ идти из Одоева с полком в Калугу, а затем направиться в Курск в сход с воеводой С. В. Прозоровским. В том же 1646 г. составлял переписные книги Суздаля и Суздальского уезда. В 1647 г. на воеводстве в Устюге. В 1648 г. пожалован из стольников в окольные. В 1649 г. с титулом наместника Алатырского вместе с братом Григорием отправлен в Варшаву с дипломатической миссией. За посольскую службу получил в 1650 г. в награду шубу, крытую золотным атласом, кубок, 70 руб. придачи к окладу. В 1652 г. посажен в тюрьму за неправомерное местничество с кн. Ю. А. и Д. А. Долгорукими. В 1653 г. воевода в Путивле, назначался в сход к боярину В. Б. Шереметеву в Яблонов для отражения набега крымских татар. В 1654–1655 гг. на воеводстве в Смоленске, принимал участие в походе против поляков. В 1656 г., когда царь Алексей Михайлович выступил в новый поход, оставлен «на Москве» отвечать за порядок в столице.

Лодыгин (Ладыгин) Михаил Федорович (? – не ранее 1645), *рыльский воевода в 1645 г.* В 1639 г. был на воеводстве в Суздале.

Хилков Василий Иванович (1614 – 01.04.1677), князь, *рыльский воевода в 1646–1647 гг.* Рюрикович (22-е колено). Родился и умер в Москве. Службу начал при дворе, в 1643 г. ездил «со столом от государя» к турецкому послу В 1645 г. встречал датских и польских послов. В 1647–1648 гг. на службе в Туле. В 1648 г. на свадьбе царя Алексея Михайловича с М. И. Милославской был вторым чашником. В 1652–1656 гг. был первым воеводой в Тобольске и много сделал для подчинения остяков, калмыков и других инородцев. В 1659 г. послан во Владимир встречать грузинского царя Теймураза Давидовича в качестве первого при нем пристава. В том же году направлен в Севск полковым воеводой, затем осматривал одоевские засеки. По возвращении в Москву до конца жизни исправлял придворные должности. По словам Л. Вейнберга, автора статьи о Хилкове в РБС, тот «как человек и как государственный деятель... отличался бескорыстием, сострадательностью и правдивостью. В бытность тобольским воеводою... оказывал покровительство ссыльным и вообще нуждавшимся в защите. У него в доме находил приют и известный протопоп Аввакум».

Сонцев-Засекин (Солнцов) Андрей Михайлович (? – 1670), князь, *рыльский воевода в 1647–1649 гг. (по др. данным в 1648–1649 гг.)*. Рюрикович (23-е колено). В 1627 г. пожалован в стольники к патриарху Филарету, в 1634 г. — в царские стольники. Участвовал в Смоленской войне под началом кн. Д. М. Черкасского. В 1645 г. послан в Переяславль-Залесский, Ростов, Ярославль, Кострому, на Двину и в поморские города приводить их население к присяге царю Алексею Михайловичу. В 1646 и 1647 гг. воевода в полках Одоевского и Трубецкого на Украине. В 1650 г. послан в Переяславль-Рязанский «для хранения от прихода крымцев» и пробыл там до 1653 г. Как голова сотни дворян участвовал в походе против Польши в 1654 г., а также в польских походах 1655 и 1656 гг. В 1657–1659 гг. второй воевода в Великом Новгороде, в 1661–1662 гг. на воеводстве в Нижнем Новгороде. В 1665 г. назначен судьей в Московский судный приказ, эту должность исполнял до конца жизни.

Измайлов Александр Тимофеевич (? – не ранее 1669), *рыльский воевода в 1649–1650 гг.* Стольник. В 1668–1669 гг. на воеводстве в Вязьме.

Нелединский Василий Иванович (? – не ранее 1658), *рыльский воевода в 1651 г.* (по другим данным первый полковой и осадный голова). В 1628 г. будучи жильцом состоял на службе в Валуйках. С 1633 г. дворянин московский. В 1643–1647 гг. воевода в Кетском остроге (по др. данным в это время на воеводстве там находился Василий Васильевич Нелединский). В 1650 г. сотенный голова в полку кн. Хованского, в 1654 г. — в полку боярина Шереметева. В 1655–1657 гг. — на воеводстве в Саратове. В 1656–1657 гг. за успешные военные действия награжден похвальными грамотами.

Доможиров Владимир Иванович (? – не ранее 1653), *рыльский воевода в 1653 г.*

Волконский Иван (Михайлович?), князь, *рыльский воевода в 1659 г.* Упоминается без указания отчества. Скорее всего рыльским воеводой в указанное время мог быть один из двух Иванов Волконских: И. М. Волконский (Жмурка) Меньшой, бывший в 1650–1652 гг. курским воеводой, или его полный тезка И. М. Волконский-Хромой (в 1647–1648 гг. воевода в Осколе, в 1651 г. — в Усмани).

Хитрово Михаил Григорьевич (? – не ранее 1696), стольник, *рыльский воевода в 1659–1662 (?) г.* В 1649 г. стряпчий. Участвовал в походах 1654–1656 гг. в ходе русско-польской войны, в бою под Карачевым был ранен. Будучи на воеводстве в Рыльске руководил в январе 1662 г. обороной города во время двухнедельной осады со стороны крымских татар, отбил несколько приступов и заставил противника отступить. В 1677 г. назначен воеводой в Каргополь.

Совин Михаил (? – не ранее 1665), *рыльский воевода в 1664–1665 гг.*

Карпов Семен Дмитриевич (? – не ранее 1672), *рыльский воевода в 1672 г.* (упоминается в феврале)

Кучин Иван Афанасьевич (? – не ранее 1672), *рыльский воевода в 1672 г.* (упоминается в сентябре).

Бутурлин Иван Васильевич (Кривой) (? – не ранее 1689), *рыльский воевода в 1677 г.* В 1654–1655 гг. воевода в Нижнем Новгороде. В 1660–1663 гг. состоял при царском дворе. В 1671 г. находясь на воеводстве в Тамбове боролся против восстания С. Разина. Являясь первым воеводой (полковым?) в Рыльске провел лето 1677 г. в военных мероприятиях по защите южных границ от нападений крымских татар. Осенью того же года вернулся в Москву, был пожалован в окольников, а на следующий год — в бояре. В 1678 г. участвовал в походе для освобождения Чигирина от турок. В 1678–1679 гг. выполнил ряд дипломатических поручений в Варшаве и Вене. В 1682 г. находился на воеводстве в Новгород. В 1686 г. стал ближним боярином и наместником суздальским. Вместе с В. В. Голицыным вел переговоры с польскими послами о заключении «Вечного мира». В 1688–1689 гг. — киевский воевода.

Зыбин Кирилл Андреевич (? – не ранее 1692), *рыльский воевода в 1677–1678 гг.* Составлял рыльские переписные книги. В 1658 г. стряпчий, в 1692 г. — дворянин московский.

Тургенев Акинфий Андреевич (? – не ранее 1698), *рыльский воевода в 1698 г.*

Тевяшов (Тевяшев) Иван Иванович (? – не ранее 1704), *рыльский воевода в 1700 г.* Стольник (с 1693 г.). В 1694 (по др. данным в 1696–1697) гг. на воеводстве в Старом Осколе. В 1704 г. полковник Острогожского полка.

Источники и литература

- Барсуков А. П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902.
- Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998.
- Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. СПб., 1854–1857. Ч. 1–4.
- Донской Д.* Справочник по генеалогии Рюриковичей. Rennes, 1991.
- Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV–первой трети XVI в. М., 1988.
- Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892.
- Кром М. М.* Меж Русью и Литвой: Западно-рус. земли в системе рус.-лит. отношений конца XV — первой трети XVI в. М., 1995.
- Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга, 2-е изд. СПб., 1895. Т. 1–2.
- Насонов А. Н.* Монголы и Русь. М.; Л., 1940.
- Полное собрание русских летописей. Т. 1, 2, 4, 7, 10, 15, 18.
- Раздорский А. И.* Князья, наместники и воеводы Курского края XI–XVIII вв.: Крат. био-гр. справ. Курск, 2004.
- Разрядная книга, 1475–1598 гг. М., 1966.
- Разрядная книга, 1475–1605 гг. М., 1977–2003. Т. 1–4.
- Разрядная книга, 1550–1636 гг. М., 1975–1976. [Т.] 1–2.
- Разрядная книга, 1559–1605 гг. М., 1974.
- Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII вв. М., 1977.
- Руммель В. В., Голубцов В. В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886–1887. Т. 1–2.
- Русский биографический словарь. СПб.-Пг.-М., 1896–1918.
- Славянская энциклопедия. Киевская Русь — Московия: в 2 т. / Авт.-сост. В. В. Богуславский. М., 2001.
- Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 гг. СПб., 1891. Т. 2.
- Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 1–5.
- Wolff J.* Kniazowie litewsko-ruscu od konca czternastego wieku. Warszawa, 1895.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Алексапольская Екатерина Олеговна**, аспирантка Курского государственного университета (Курск) — aleksapolskaya_katerina@mail.ru
- Арцыбашева Татьяна Николаевна**, профессор кафедры культурологии Курского государственного университета, доктор культурологии (Курск)
- Бобин Игорь Николаевич**, краевед (Рыльск)
- Бормотова Александра Руменовна**, старший лаборант кафедры истории России Курского государственного университета, заведующая методическим кабинетом, кандидат исторических наук (Курск) — bormotova_a@mail.ru
- Борщик Наталья Дмитриевна**, профессор кафедры государственного и муниципального управления Курского государственного университета, доктор исторических наук (Курск) — arktur4@rambler.ru
- Булгакова Нина Николаевна**, преподаватель истории Рыльской средней общеобразовательной школы № 4 (Рыльск)
- Губанов Роман Викторович**, реставратор (Курск)
- Данильченко Александра Геннадьевна**, студентка исторического факультета Курского государственного университета (Курск)
- Дворниченко Андрей Юрьевич**, заместитель проректора С.-Петербургского государственного университета по научной работе — директор Музейного комплекса университета, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до XX века, доктор исторических наук (С.-Петербург) — museumspbu@yandex.ru
- Дьяконов Максим Владимирович**, аспирант кафедры истории России Курского государственного университета (Курск) — max.dyakonoff@yandex.ru
- Енуков Владимир Васильевич**, директор НИИ археологии юго-востока Руси, доктор исторических наук (Курск) — vuenukov@gmail.com
- Енукова Ольга Николаевна**, ведущий научный сотрудник НИИ археологии юго-востока Руси, кандидат исторических наук (Курск)
- Жирнова Ольга Сергеевна**, аспирантка кафедры истории России Курского государственного университета (Курск) — olgakatargina@rambler.ru
- Зайцева Татьяна Сергеевна**, студентка исторического факультета Курского государственного университета (Курск) — newadr2@mail.ru
- Зорин Александр Васильевич**, главный хранитель фондов Курского государственного областного музея археологии, кандидат исторических наук (Курск) — tlingit@mail.ru
- Калашников Глеб Вадимович**, ответственный секретарь Геральдического совета при Президенте Российской Федерации, кандидат исторических наук (С.-Петербург) — 2743514@gmail.com
- Кашкин Александр Владимирович**, заведующий отделом археологических сводов и карт Института археологии РАН, кандидат исторических наук (Москва) — AKashkin@yandex.ru
- Коровин Владимир Викторович**, профессор кафедры конституционного права Юго-Западного государственного университета, доктор исторических наук (Курск) — Vlavikor@yandex.ru
- Кравцова Елена Сергеевна**, доцент кафедры философии Курского государственного медицинского университета, доктор исторических наук (Курск) — elenakravcova@yandex.ru

- Куракса Каролина Владимировна**, преподаватель музыки (Рыльск)
- Курцев Александр Николаевич**, профессор кафедры истории России Курского государственного университета, кандидат исторических наук (Курск)
- Пилишвили Георгий Джунглович**, доцент Курского государственного университета, кандидат исторических наук (Курск) — pilishvili.georg@yandex.ru
- Пинаева Ирина Владимировна**, ведущий методист отдела использования и публикации документов Государственного архива Курской области, соискатель кафедры истории России Курского государственного университета (Курск) — pinaewa@bk.ru
- Плаксин Игорь Михайлович**, заместитель директора по научной работе Курского областного краеведческого музея, кандидат исторических наук (Курск) — plaksin61@mail.ru
- Приймак Виктор Владимирович**, и. о. директора Историко-культурного заповедника «Бельск» (Сумы, Украина) — priymak.viktor@mail.ru
- Раздорский Алексей Игоревич**, заведующий группой исторической библиографии Российской национальной библиотеки, кандидат исторических наук (С.-Петербург) — razdor@nlr.ru
- Ракитин Антон Сергеевич**, сотрудник Российского государственного архива древних актов, аспирант Юго-Западного государственного университета (Мытищи) — ant-rakitin@yandex.ru
- Раков Виктор Владимирович**, доцент кафедры истории России Курского государственного университета, кандидат исторических наук (Курск) — vtrakov@inbox.ru
- Раков Никита Викторович**, аспирант кафедры истории Отечества Курского государственного университета (Курск)
- Резникова Татьяна Анатольевна**, выпускница Курского государственного университета (Курск) — tatyanaresnykova@rambler.ru
- Рянский Леонид Михайлович**, доцент кафедры истории России Курского государственного университета, кандидат исторических наук (Курск)
- Рянский Роман Леонидович**, докторант кафедры истории Отечества Курского государственного университета, кандидат исторических наук (Курск)
- Салтык Галина Александровна**, профессор кафедры истории Отечества Курского государственного университета, доктор исторических наук (Курск) — saltyk46@mail.ru
- Самойлова Елена Николаевна**, аспирантка Курского государственного университета (Курск)
- Скребнев Павел Владимирович**, заместитель директора Рыльского авиационного технического колледжа гражданской авиации — Филиала Московского государственного технического университета гражданской авиации (Рыльск)
- Стародубцев Геннадий Юрьевич**, директор Курского государственного областного музея археологии, кандидат исторических наук (Курск) — arch1962@mail.ru
- Стародубцева Светлана Геннадьевна**, аспирантка кафедры истории России Курского государственного университета (Курск)
- Сюрина Раиса Ивановна**, преподаватель Рыльского авиационного технического колледжа гражданской авиации — Филиала Московского государственного технического университета гражданской авиации (Рыльск)
- Терещенко Анатолий Андреевич**, профессор кафедры истории России Курского государственного университета, доктор исторических наук (Курск) — terecshenkoaa@mail.ru

- Федосенко Ирина Анатольевна**, преподаватель Рыльской средней общеобразовательной школы № 1 им. Г. И. Шелехова (Рыльск)
- Фрянцев Михаил Михайлович**, доцент кафедры истории Отечества Курского государственного университета, кандидат исторических наук (Курск) — frvm@mail.ru
- Харин Александр Алексеевич**, протоиерей, настоятель Успенского прихода (Рыльск)
- Харина Оксана Андреевна**, преподаватель Рыльского авиационного технического колледжа гражданской авиации — Филиала Московского государственного технического университета гражданской авиации (Рыльск)
- Холодова Елена Васильевна**, архитектор, кандидат архитектуры (Курск) — evholod@kursknet.ru
- Хомякова Елена Кузьминична**, преподаватель Рыльского авиационного технического колледжа гражданской авиации — Филиала Московского государственного технического университета гражданской авиации (Рыльск)
- Хороших Анна Владимировна**, специалист администрации Курской области (Курск)
- Хороших Владимир Алексеевич**, преподаватель Рыльского авиационного технического колледжа гражданской авиации — Филиала Московского государственного технического университета гражданской авиации, кандидат исторических наук (Рыльск) — ratkga@mail.ru
- Цуканов Игорь Павлович**, руководитель Центра патриотического воспитания молодежи Курского государственного университета, кандидат исторических наук (Курск) — poisk.kursk@mail.ru
- Чепурных Максим Александрович**, курсант Рыльского авиационного технического колледжа гражданской авиации — Филиала Московского государственного технического университета гражданской авиации (Рыльск)
- Чернышёва Нина Сергеевна**, научный сотрудник Российской национальной библиотеки, студентка факультета социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (С.-Петербург) — nina93-93@mail.ru
- Чистяков Антон Юрьевич**, доцент С.-Петербургского государственного университета экономики и финансов, кандидат исторических наук (С.-Петербург) — chystyakov@mail.ru
- Чубаров Алексей Игоревич**, студент исторического факультета Курского государственного университета (Курск) — chubar1991@mail.ru
- Шелковнёва Ирина Алексеевна**, преподаватель Рыльского авиационного технического колледжа гражданской авиации — Филиала Московского государственного технического университета гражданской авиации (Рыльск)
- Шилов Денис Николаевич**, старший научный сотрудник Российской национальной библиотеки, кандидат исторических наук (С.-Петербург) — shildn@mail.ru
- Шуклина Лилия Алексеевна**, ассистент кафедры философии Курского государственного медицинского университета, кандидат исторических наук (Курск) — ladylilia@mail.ru
- Щавелёв Сергей Павлович**, заведующий кафедрой философии Курского государственного медицинского университета, доктор философских наук, доктор исторических наук (Курск) — sergej-shhavelev@yandex.ru
- Щёголев Олег Николаевич**, историк, краевед (Москва) — schchon@yandex.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ	— Архив внешней политики Российской империи
АЕ	— Археографический ежегодник
АМГ	— Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею наук
асс.	— ассигнация
АУФСБ КО	— Архив Управления ФСБ РФ по Курской области
ВВС	— Военно-воздушные силы
ВИ	— Вопросы истории
ВИД	— Вспомогательные исторические дисциплины
ВКП (б)	— Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ	— Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
ВМФ	— Военно-морской флот
ВО	— военный округ
ВПП	— Всероссийская политическая партия
ВС	— Вооруженные Силы
ВСЮР	— Вооруженные силы Юга России
ВУА	— Военно-ученый архив
ВЦИК	— Всероссийский центральный исполнительный комитет
ГАБО	— Государственный архив Брянской области
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
ГАКО	— Государственный архив Курской области
ГАОПИКО	— Государственный архив общественно-политической истории Курской области
ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации
ГАУГН	— Государственный академический университет гуманитарных наук
ГВФ	— Гражданский воздушный флот
ГИТИС	— Государственный институт театрального искусства
ГСМ	— горюче-смазочные материалы
ГУ	— Главное управление
д.	— деревня
дес.	— десятина
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ИАК	— Императорская Археологическая комиссия
ИРГО	— Императорское Русское географическое общество
ИЦ УВД КО	— Информационный центр Управления внутренних дел Курской области
КГБ	— Комитет государственной безопасности
КГВ	— Курские губернские ведомости
КЕВ	— Курские епархиальные ведомости
КПСС	— Коммунистическая партия Советского Союза
МВО	— Московский военный округ
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МО	— Министерство обороны
МПВО	— местная противовоздушная оборона
МХАТ	— Московский художественный академический театр
НКВД	— Народный комиссариат внутренних дел
НКГБ	— Народный комиссариат государственной безопасности
ОА	— Отечественные архивы

ОР	— Отдел рукописей
ОПИ ГИМ	— Отдел письменных источников Государственного Исторического музея
ПСЗ	— Полное собрание законов Российской империи
РАК	— Российско-Американская компания
РАТКГА	— Рыльский авиационный технический колледж гражданской авиации
РБС	— Русский биографический словарь
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ	— Российский государственный архив литературы и искусства
РГАСПИ	— Российский государственный архив социально-политической истории
РГБ	— Российская государственная библиотека
РГВИА	— Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	— Российский государственный исторический архив
РГНФ	— Российский гуманитарный научный фонд
РГО	— Русское географическое общество
РИ	— Российская история
РИС	— Русский исторический сборник
РК	— районный комитет
РКн	— Разрядная книга
РККА	— Рабоче-крестьянская Красная Армия
РККФ	— Рабоче-крестьянский Красный флот
РКП (б)	— Российская коммунистическая партия (большевиков)
РНБ	— Российская национальная библиотека
РО	— районное отделение
РПЦ	— Русская православная церковь
РСДРП	— Российская социал-демократическая рабочая партия
с.	— село
СА	— Советская археология
сер.	— серебро
СЗРИ	— Свод законов Российской империи
СНК	— Совет народных комиссаров
ССУЗ	— среднее специальное учебное заведение
УНКВД	— Управление Народного комиссариата внутренних дел
УНР	— Украинская народная республика
УУЗ	— Управление учебных заведений
ЦАМО РФ	— Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации
ЦГАКА	— Центральный государственный архив Красной Армии
ЦГАОР	— Центральный государственный архив Октябрьской революции
ЦГИАЛ	— Центральный государственный исторический архив в Ленинграде
ЦГОЛИФК	— Центральный государственный институт физической культуры
ЦК	— Центтральный комитет
ЦПА ИМЛ	— Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при Центральном комитете Коммунистической партии Советского Союза
ЦПШ	— церковно-приходская школа
ШМАС	— Школа младших авиаспециалистов
ЭСТОП	— Электро-свето-техническое обеспечение полетов

Научно-краеведческое издание

Рыльск и рыляне в отечественной и зарубежной истории и культуре

Сборник материалов межрегиональной научной конференции

(г. Рыльск, 3 июня 2011 г.)

Редактор-составитель

Алексей Игоревич Раздорский

Корректор: *Г. И. Демидова*

Компьютерная верстка: *А. И. Раздорский*

Подписано к печати 16.01.2012. Формат 60×84 1/16.

Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.

21 п. л. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии

Рыльского авиационного технического колледжа гражданской авиации – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный технический университет гражданской авиации» (МГТУ ГА)

Курская обл., г. Рыльск, ул. Дзержинского, д. 18